ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE

JAN 11 1960

WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

1959

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

БАГИНЯН К. А. **Борьба Советского Союза против агрессии.** М. Соцэкгиз. 1959. 288 стр. 5 000 экз. 7 р. 85 к.

Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.). Партизанское движение в Приангарье. Сборник документов. Иркутск. Кн. изд-во. 1959. 276 стр. 3 000 экз. 6 р. 20 к.

250 лет вместе с великим русским народом. Абакан. Хакнигиздат. 1959. 240 стр. 2 000 экз. 6 р. 70 к.

250 лет Полтавской битвы (1709—1959). Сборник статей. Киев. Изд-во АН УССР. 1959. 168 стр. 2 000 экз. 8 р. 90 к. На украинском языке.

История гражданской войны в СССР (1917—1922). Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. Март 1919 — февраль 1920 г. М. Госполитиздат. 1959. 443 стр. 40 000 экз. 25 руб.

История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. Ашхабад. Изд-во АН Туркм. ССР. 1959. 545 стр. 7 000 экз. 14 р. 20 к. На туркменском языке.

Коллективизация сельского хозяйства на Кубани (1918—1927). Сборник документов и материалов. Т. 1. Краснодар. кн. изд-во. 1959. 203 стр. 3 000 экз. 4 р. 75 к.

КПСС о работе Советов. Сборник документов. М. Госполитиздат. 1959. 687 стр. 35 000 экз. 11 р. 20 к.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. **Статьи и речи по вопросам международной политики.** М. Соцэкгиз. 1959. 451 стр. 15 000 экз. 6 р. 90 к.

ЛУЧИНСКИЙ М. Ф. **Деньги на Руси IX—XII вв. Против одного ошибочного представления.** Изд-во Казанского университета. 1958. 232 стр. 4 000 экз. 10 р. 40 к.

МЕСХИА Ш. А. **Города и городской строй феодальной Грузии.** XVII—XVIII вв. Тбилиси. Изд-во Тбилисского университета. 1959. 440 стр. 7 000 экз. 20 руб.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов. Уфа. Башкнигоиздат. 1959. 990 стр. 5 000 экз. 15 р. 65 к.

Образование и деятельность комсомола Украины в годы гражданской войны. Документы и материалы. Киев. Госполитиздат УССР. 1959. 657 стр. 20 000 экз. 11 р. 40 к.

ШЕРМАН И. Л. **Русские исторические источники X—XVIII вв.** Харьков. Изд-во Харьковского университета. 1959. 253 стр. 10 000 экз. 10 р. 30 к.

ШЕСТАКОВ М. Г. **Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии народничества** (2-е издание, доработанное и расширенное). М. Соцэкгиз. 1959. 218 стр. 15 000 экз. 6 р. 10 к.

ШИЯН К. К. **Борьба рабочего класса Украины за восстановление промышленности (1921—1925 гг.).** Киев. Госполитиздат УССР. 1959. 303 стр. 7 000 экз. 5 р. 15 к. На украинском языке.

Всеобщая история

БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. **Доктрина Монро.** Происхождение и характер. М. Изд-во ИМО. 1959. 336 стр. 3 250 экз. 14 р. 90 к.

Две византийские хроники X века. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 262 стр. 3 000 экз. 12 руб.

10 лет Германской Демократической Республики (сборник статей). М. Изд-во ИМО. 1959. 254 стр. 8 р. 65 к.

ЕРОФЕЕВ Н. А. **Очерки по истории Англии 1815—1917 гг.** М. Изд-во ИМО. 1959. 263 стр. 5 250 экз. 10 р. 20 к.

Индия и Пакистан. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 90 стр. 1 400 экз. 4 р. 60 к.

МЕЛЬНИКОВ Ю. М. **США и гитлеровская Германия** (1933—1939). М. Госполитиздат. 1959. 352 стр. 10 000 экз. 7 р. 50 к.

НАДЖАРЯН У. Х. **Турецко-иранская война начала XVII века и переселение армян.** Ереван. Изд-во Ереванского университета. 1959. 83 стр. 3 000 экз. 75 коп. На армянском языке.

Новейшая история стран Запада. Учебное пособие. М. Учпедгиз. 1959. 776 стр. 34 500 экз. 13 р. 05 к.

XI съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 18—21 июня 1958 г. Перевод с чешского. М. Госполитиздат. 1959. 268 стр. 5 р. 30 к. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий.)

XVII съезд Коммунистической партии Уругвая. Монтевидео, 15—17 августа 1958 г. Перевод с испанского. М. Госполитиздат. 1959. 231 стр. 5 руб. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий.)

Скандинавский сборник. Т. 4. Таллин. Эстгосиздат. 1959. 288 стр. 1 500 экз. 13 р. 75 к.

Славянский архив. Сборник статей и материалов. М. Изд-во АН СССР. 1959. 356 стр. 1 700 экз. 14 р. 10 к.

Средние века. Сборник. Вып. 14. М. Изд-во АН СССР. 1959. 194 стр. 1 700 экз. 11 р. 10 к.

ТАРЛЕ Е. В. **Сочинения. В 12 т. Т. 8.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 562 стр. 30 000 экз. 20 руб. В том вошла первая часть исследования о Крымской войне.

ТОЛЬЯТТИ П. **Итальянская коммунистическая партия.** Перевод с итальянского. М. Госполитиздат. 1959. 115 стр. 25 000 экз. 1 р. 50 к.

ХВОСТОВ В. М. и НЕКРИЧ А. М. **Как возникла вторая мировая война.** М. Госполитиздат. 1959. 84 стр. 100 000 экз. 1 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 12 ДЕКАБРЬ 1959 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг, А. В. Митрофанова — Об изучении истории советского рабочего класса 3

Академик И. И. Минц — Революционная борьба пролетариата России в 1914—1916 годах 23

Л. Г. Бескровный — Полтавская победа 41

Академик А. И. Тюменев (Ленинград) — Восток и Микены . . . 58

В. С. Кисляков — Борьба Коммунистической партии Германии за создание единого антифашистского фронта в первые годы фашистской диктатуры 75

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Р. Лаврецкий — Обзор «Испано-американского исторического журнала» за 1956—1958 годы 94

СООБЩЕНИЯ

А. Ф. Васильев — Борьба партийных организаций Урала за укрепление энергетической базы в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) 108

Н. М. Шепукова — Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII — первая половина XIX в.) 123

И. П. Дементьев — Н. Г. Чернышевский и конституция Джона Брауна 137

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

А. С. Протопопов — В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами) 145

Г. А. Новицкий — «Вопросы истории религии и атеизма». Сборник статей 152

Всеобщая история

И. П. Шаскольский (Ленинград) — «Скандинавский сборник» . . . 159

Заметки о книгах

Я. М. Захер (Ленинград), **С. А. Лотте** (Ленинград) — Джордж Рюде. Толпа во французской революции; **Н. А. Ерофеев** — Е. Б. Черняк. Демократическое движение в Англии 1816—1820; **А. А. Фурсенко** (Ленинград) — Г. В. Ефимов. Внешняя политика Китая 1894—1899 гг.; **М. А. Сидоров** — «Русско-индийские отношения в XVII веке»; **В. П. Кочетов** — Г. П. Куропятник. Захват Гавайских островов США 167

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

И. М. Некрасова — Научная сессия в Нальчике 179

М. А. Салмина (Ленинград), **Н. С. Сарафанова** (Ленинград) — IV всесоюзное совещание по древнерусской литературе . . . 181

О работе исторических факультетов государственных университетов . 185

П. И. Бычков — Некоторые итоги и перспективы работы Соцэкгиза . 193

Хроникальные заметки 195

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Академик П. Константинеску-Яшь, председатель Отделения исторических наук Академии РНР — Деятельность румынских историков в 1958 году 196

Н. Н. Новиков — О некоторых вопросах идеологической работы в странах народной демократии 208

Илья Николаевич Бороздин 215

Алфавитный указатель статей и рецензий, опубликованных в журнале в 1959 году 216

СТАТЬИ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг, А. В. Митрофанова

Последние годы ознаменовались успешным развитием общественных наук в нашей стране. На основе решений XX съезда КПСС ликвидированы последствия культа личности, который сковывал научную мысль и уводил ее в тупик догматизма. Ликвидация последствий культа личности благотворно сказалась на творческой разработке важнейших проблем истории советского общества. Значительно расширилась исследовательская работа по послеоктябрьскому периоду истории нашей страны, больше стало публиковаться монографических трудов и документальных материалов. Знаменательным событием в идейной жизни страны явился выход в свет нового учебника «История Коммунистической партии Советского Союза».

Усилилось внимание и к изучению послеоктябрьской истории рабочего класса СССР. Изданы новые сборники документов, увеличилось число диссертаций, возобновилось изучение истории фабрик и заводов. Однако до сих пор важнейшая задача создания научной истории советского рабочего класса ждет своего разрешения. Более того, ни объем работ, ведущихся в этой области в научно-исследовательских учреждениях и на кафедрах высших учебных заведений, ни планы, намечаемые ими на ближайшие годы, еще далеко не соответствуют требованиям жизни. Создавшееся положение волнует не только историков, но и широкую партийную общественность, о чем свидетельствует опубликование в журнале «Коммунист» (1959, № 8) редакционной статьи «За глубокое изучение истории советского рабочего класса».

И это естественно.

История советского рабочего класса насчитывает немногим более четырех десятилетий. Но когда за управление государством берутся новые классы, отмечал В. И. Ленин, приобретая еще неведомый человечеству опыт, «каждый месяц такой работы и такого опыта стоит десять, если не двадцать лет нашей истории»[1].

Эту мысль подтверждает деятельность рабочего класса нашей страны, насыщенная небывалым по глубине и размаху революционным творчеством. Во главе с ленинской партией рабочий класс СССР первым в мире воздвиг светлое здание социализма и сейчас строит коммунистическое общество. В этом его всемирно-историческая заслуга.

Создание истории советского рабочего класса — большая, сложная и вместе с тем почетная задача. Непременным предварительным условием ее успешного разрешения является определение предмета, основного круга вопросов и коренных проблем, подлежащих исследованию, а также определения основных этапов истории развития и деятельности советского рабочего класса. Настоящая статья претендует лишь на постановку вопроса и обобщенную характеристику изучения основных проблем данной темы[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 474.

[2] При характеристике отдельных проблем авторы ссылаются на литературу лишь в виде примеров. Ни задачи данной статьи, ни ее объем не позволяют дать сколько-нибудь подробный анализ литературы по затрагиваемым вопросам.

★

История каждого класса имеет свою специфику. Ее нужно выявить, ибо без этого невозможно вести творческое научное исследование истории рабочего или всякого другого класса. Однако научно бесплодным и политически несостоятельным был бы метафизический отрыв истории рабочего класса от истории его партии, истории советского общества, социалистического народного хозяйства, профсоюзов. Ставя вопрос об изучении истории рабочего класса, нельзя упускать из виду тесную взаимосвязь истории партии, рабочего класса и советского общества в целом. Изучение истории рабочего класса обогащает и историю партии и историю Советского государства.

Рабочий класс — это не только главная производительная сила советского общества, но и господствующий, ведущий класс, переделывающий, перевоспитывающий крестьянство и интеллигенцию, революционно преобразующий экономику и общественный строй страны.

История советского рабочего класса тесно связана с историей его союзника — трудящегося крестьянства. Рабочий класс, давший из своей среды крупнейших государственных деятелей, ученых, полководцев, дипломатов, деятелей литературы и искусства, кадры хозяйственников и инженеров, оказал решающее влияние на формирование советской интеллигенции. Рабочий класс вписал яркие страницы в историю разрешения национального вопроса в СССР, установления братского союза и укрепления дружбы народов нашей страны. Опираясь на старые промышленные центры, партия обеспечила ликвидацию былой экономической отсталости окраин, где одновременно с созданием индустрии формировались национальные кадры рабочих. Промышленные центры, крупные предприятия стали аккумуляторами революционной энергии, переключаемой партией на решение важнейших политических и экономических задач Советского государства на различных этапах его развития — укрепление государственного аппарата, строительство вооруженных сил, укрепление колхозов, освоение и создание новых промышленных и сельскохозяйственных районов.

Важнейшее значение для истории советского рабочего класса имеет история КПСС. Ни история профсоюзов, ни тем более история промышленности не могут раскрыть сущности истории пришедшего к власти пролетариата в той мере, как история партии. Точно так же, как историко-партийные работы запечатлевают величие подвигов рабочего класса, самые яркие события его революционной борьбы, история рабочего класса призвана показать руководящую роль Коммунистической партии, кровную связь между классом и партией, охарактеризовать рабочий класс как источник силы партии, а партию как мозг класса.

История рабочего класса СССР — неотъемлемая часть истории советского общества.

Чтобы определить круг вопросов, которые необходимо исследовать при написании истории советского рабочего класса, надо обратиться к ленинским положениям об экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата, о коренном изменении социальной сущности пролетариата и превращении его в господствующий класс, об организаторской роли рабочих после завоевания ими политической власти, об их роли как главной производительной силы общества, носителя самого передового способа производства. Исходя из ленинских положений, историки призваны показать конкретно-исторический процесс превращения российского пролетариата — ударной бригады мирового пролетариата — в совершенно новый класс, не знающий эксплуатации, в класс-гегемон, ставший во главе всех трудящихся, обеспечивший победу социализма, ведущий советское общество по пути строительства коммунизма и оказывающий огромное воздействие на все мировое революционное движение.

При изучении истории рабочего класса и отдельных ее этапов на первый план, как нам представляется, выдвигаются три группы вопросов:

1. Рабочий класс как ведущая сила советского общества. Его революционно-преобразующая деятельность, роль в управлении государством, в обороне страны, в создании и укреплении социалистических форм хозяйства, в коммунистическом перевоспитании всех членов общества. Рабочий класс СССР как передовой отряд всемирного пролетариата и его роль в международном рабочем движении.

2. Трудовая деятельность рабочего класса. Его роль в материальном производстве, в создании новой дисциплины и форм труда, развитии социалистического соревнования. Растущая производственная активность рабочего класса, его участие в управлении производством.

3. Количественный и качественный состав рабочего класса. Источники его формирования, пополнения; изменения в культурно-техническом уровне и материальных условиях его жизни.

Большое значение имеет вопрос об основных этапах истории советского рабочего класса. При решении этого вопроса, естественно, следует исходить из периодизации истории советского общества и истории Коммунистической партии. Экономическое, политическое и культурное развитие советского общества определяет и основные этапы развития рабочего класса Советского Союза.

Многие работы по истории рабочего класса, особенно диссертации, охватывают хронологически отдельные пятилетки. Изучение изменений, происходивших в советском рабочем классе в каждую из пятилеток, необходимо. Однако принять пятилетки как принцип периодизации было бы неоправданно, так как многие важнейшие процессы развития рабочего класса не всегда укладываются в календарные рамки пятилетних планов. Здесь, по нашему мнению, этапы могут быть более укрупненными.

Всемирно-историческая роль рабочего класса СССР в строительстве социализма и коммунизма, основные вехи его героической истории первых лет Советской власти отражены в произведениях В. И. Ленина, служащих компасом для всей советской исторической науки. В решениях партии, ее съездов, конференций, пленумов Центрального Комитета, в трудах В. И. Ленина и его учеников советские историки находят важнейшие указания, позволяющие правильно осветить основные проблемы истории рабочего класса СССР на каждом этапе его развития.

Советские исследователи проделали известную работу по накоплению и обобщению материалов, относящихся к послеоктябрьской истории рабочего класса. Его великие деяния запечатлены в таких обобщающих трудах, как «История Коммунистической партии Советского Союза», «История СССР. Эпоха социализма», в обобщающих работах по истории союзных республик (Украинской, Белорусской и др.), в ряде философских и экономических исследований [3]. На эту тему написано много диссертаций. Однако, как уже отмечалось в печати, даже в капитальных трудах недостаточно освещаются важнейшие стороны деятельности рабочего класса на различных этапах социалистического строительства [4]. Еще не созданы обобщающие монографии по истории рабочего класса в послеоктябрьский период.

---

[3] Для истории советского рабочего класса большой интерес представляют работы академика С. Г. Струмилина («Проблемы экономики труда». М. 1957, и др.), в которых дается анализ трудовых ресурсов, производительности труда, бюджета времени, статистики труда и т. д. Данные о развитии рабочего класса содержатся в книгах: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М. 1956; «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.». М. 1957; «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР». М. 1954, и др.

[4] О недостатках в этой области учебника «История СССР. Эпоха социализма» (М. 1957) см. журналы «Коммунист», 1958, № 12, и «Вопросы истории КПСС», 1959, № 1.

Довольно большая литература накопилась по отдельным проблемам, но степень их изученности различна. Если, скажем, по вопросам роста трудовой активности рабочего класса имеется несколько книг, значительное количество брошюр, статей и большое число неопубликованных диссертаций, то, например, проблемы количественного и качественного состава рабочего класса за последние два десятилетия разрабатывались и освещались весьма слабо. Не нашла достаточного изучения в нашей исторической литературе и государственная деятельность рабочего класса, а также его борьба за укрепление единства международного пролетарского движения. До сих пор имеется еще немало существенных пробелов в изучении коренных проблем истории советского рабочего класса, без восполнения которых не может быть создан обобщающий труд, достойный класса, первым в мировой истории открывшего эру социализма и коммунизма.

★

После установления диктатуры пролетариата, говорил В. И. Ленин, классы изменяются, меняются и их взаимоотношения. С победой Советской власти изменились отношения между пролетариатом и буржуазией, между рабочим классом и крестьянством. Изменилось место каждого из классов и в обществе, и в государстве, и в производстве. Рабочий класс укрепляет свою государственность, советский общественный строй, а буржуазия ведет антигосударственную подрывную деятельность, идет на сговор с иностранными империалистами, чтобы расчленить Россию на зоны влияния западных держав. Пролетариат защищает национальные интересы и спасает страну от подчинения иностранному капиталу, освобождает ее от дани, выплачивавшейся банкирам Лондона, Нью-Йорка, Парижа.

После победы революции экономическая борьба рабочего класса наполняется новым содержанием, приобретает новые формы. Теперь не буржуазия, а рабочий класс, выражающий интересы народа, распоряжается средствами производства в промышленности и на транспорте. Пролетариат, свергнувший буржуазию и завоевавший политическую власть, становится хозяином обобществленных средств производства. Организация социалистического производства в промышленности — вот задача, вставшая перед рабочими на другой день после взятия власти. Рабочий класс пресекает дезорганизаторскую деятельность своих противников. Буржуазия идет на экономический саботаж. Рабочие устанавливают свой контроль, возобновляют производство на закрытых капиталистами предприятиях.

Исключительное теоретическое, политическое и практическое значение имеет опыт советского рабочего класса в организации социалистического производства. Передовые русские рабочие под руководством Коммунистической партии наладили управление производством на началах демократического централизма и единоначалия. При этом им пришлось преодолеть давление мелкобуржуазной стихии и таких пережитков капитализма в сознании некоторой части людей, как рвачество и расхлябанность. Рабочий класс СССР создал неизвестные ранее человечеству формы социалистического хозяйства. Он достиг этого благодаря смелому новаторству своей марксистско-ленинской партии, ее умению обобщать опыт миллионов, строящих новую жизнь.

В первые же недели существования Советской власти на плечи рабочего класса легла также тяжесть организации продовольственного дела в стране. Под лозунгом «Борьба за хлеб — борьба за социализм!» революционные рабочие молодой Советской республики, создав продотряды, в союзе с беднотой выступили против кулачества.

Свергнутые эксплуататорские классы ожесточенно сопротивлялись, пытаясь восстановить свое господство, вернуть себе власть. Объединившись с иностранными интервентами, они развязали гражданскую войну. Рабочий класс был цементирующей силой Красной Армии. В таких важнейших промышленных центрах, как Москва, Петроград, Иваново-Вознесенск, Тула, Нижний Новгород, Донбасс, Урал и др., рекрутировались ее лучшие кадры.

Для первого этапа истории советского рабочего класса, охватывающего 1917—1920 гг., важнейшее значение имеет изучение таких проблем: роль рабочего класса в сломе старой государственной машины и в создании государственного, военного и экономического аппарата Советской власти; рабочий класс — организатор социалистического производства (рабочий контроль, национализация промышленности); роль рабочего класса в гражданской войне и борьбе с иностранной интервенцией; героизм рабочих на фронте и в тылу; создание и укрепление военно-политического союза рабочего класса и крестьянства; изменения в составе рабочего класса в 1918—1920 гг., вызванные условиями гражданской войны и хозяйственной разрухи.

В исследовании проблем этого периода лучше всего обстоит дело с разработкой темы о рабочем контроле и национализации промышленности, которая трактуется главным образом в историко-экономическом аспекте. По этому вопросу имеются и капитальные научные труды [5] и такие полезные для исследователя сборники документов, как «Национализация промышленности в СССР» (М. 1954), «Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917—1918 гг.» (Л. 1947), «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде 1917—1920 гг.» (Л. 1958), «Национализация промышленности на Урале» (Свердловск. 1958), «Национализация промышленности на Украине» (Киев. 1957), «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане 1917—1920 гг.» (Ташкент. 1955).

Этой же теме посвящен III том «Материалов по истории СССР» — «Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии» (М. 1956). Вопрос о рабочем контроле и национализации промышленности изучался также диссертантами на материалах Москвы, Петрограда, Урала, Донецко-Криворожского бассейна, Иваново-Вознесенской губернии, Саратовской губернии и Туркестана.

За последние два года опубликован ряд интересных статей и книг о роли партийных организаций и Советов промышленных центров в Октябрьской революции, в первых социалистических преобразованиях, о роли рабочих в организации промышленности [6].

Значительно слабее освещена история профессиональных союзов данного периода. Первые труды в этой области принадлежали акад. А. М. Панкратовой, занимавшейся разработкой истории рабочего класса нашей страны. Из последних трудов, посвященных истории профсоюзов 1917—1920 гг., следует отметить книгу В. Полетаева «Профсоюзы Петрограда в борьбе за упрочение Советской власти (март 1917 — март 1918 гг.)» (М. 1958), а также интересно задуманный, но, к сожалению,

---

[5] А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР. Ч. 1. 1917—1920 гг. Л. 1958; И. А. Гладков. Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М. 1956.

[6] В. З. Дробижев. К истории органов рабочего управления на промышленных предприятиях в 1917—1918 гг. Журнал «История СССР», 1957, № 3; С. Кукушкин. Московский Совет в 1917 г. М. 1957; Н. Гончаренко. Советы Донбасса в 1917 г. Сталино. 1957; А. Пахомов. Борьба трудящихся Криворожья за власть Советов. Днепропетровск. 1958; И. Ш. Черномаз. Борьба рабочего класса Украины за контроль над производством. Харьков. 1958; Л. Б. Генкин. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.). Ярославль. 1958, и др.

плохо отредактированный сборник статей «Профсоюзы в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции» (М. 1957).

В целом в нашей литературе недостаточно освещен вопрос о принципиально новых задачах, вставших перед профсоюзами в условиях диктатуры пролетариата. Между тем показ участия профсоюзов и фабзавкомов под руководством партийных организаций и Советов в решении организационно-хозяйственных и политических задач имеет важное значение, так как позволяет лучше понять процесс превращения пролетариата в правящий класс.

Нельзя забывать, что в первые месяцы Советской власти, когда новый государственный аппарат еще не сложился и разделение функций между государственными учреждениями и общественными организациями находилось еще в зачаточной стадии, Совет народных комиссаров нередко опирался непосредственно на массовые организации (например, при национализации банков и промышленных предприятий). Но дело не только в этом. Участие массовых рабочих организаций в государственном строительстве, в управлении страной позволяет лучше понять не только классовый характер Советского государства и его подлинный демократизм, но также ведущую роль рабочего класса и его партии в государственном и общественном строе СССР.

Исследование конкретного исторического материала о первом этапе истории советского рабочего класса способствует разоблачению современных ревизионистов, противопоставляющих самодеятельность низовых рабочих организаций руководству партии рабочего класса и его государству.

Огромное историческое значение имело возникновение социалистических форм труда, зарождение социалистического соревнования, коммунистических субботников. Им посвящена значительная литература. Работа В. И. Ленина «Великий почин» определила направление исследований в этой области. Весьма ценны документальные сборники, изданные не только в столице, но и в некоторых областных центрах [7]. Опубликован также ряд брошюр и статей [8]. В 1955—1957 гг. в трудах университетов, педагогических институтов и других высших учебных заведений Ленинграда, Днепропетровска, Казани, Красноярска, Челябинска, Ашхабада напечатаны исследования о коммунистических субботниках в Петрограде, на Урале, Украине, в Красноярском крае, Татарии и в Туркмении.

Из большой группы тем, касающихся революционно-преобразующей государственной деятельности рабочего класса в рассматриваемый период, мало исследованы такие, как роль промышленных рабочих в создании центрального и местного государственного аппарата; участие профсоюзов в создании Красной Армии; рабочий класс на продовольственном фронте (продотряды, продармия), создание централизованно-продовольственного аппарата и осуществление продовольственной диктатуры; роль промышленных рабочих в социалистической переделке сельского хозяйства в 1918—1920 гг. (строительство артелей, коммун, совхозов и т. п.).

Наименее освещены в литературе вопросы, связанные с изменениями в составе рабочего класса, происшедшими в первые годы Советской власти. До сих пор нет сопоставимых и научно проверенных данных об изменениях в численности промышленных рабочих в 1917—1920 годах. В различных журнальных статьях приводятся лишь разрозненные сведе-

---

[7] См. «Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919—1920 гг.». М. 1950; «Коммунистические субботники в Петрограде в 1919—1921 гг.». Л. 1949; «Коммунистические субботники на Севере». Архангельск. 1950.

[8] Ю. А. Поляков. Политический и трудовой подъем трудящихся Москвы в период решающих боев за разгром Деникина. «Исторические записки». Т. 42, 1953; Д. А. Коваленко. Работа петроградских рабочих на оборону (осень 1918 — осень 1919 г.). «Исторические записки». Т. 51. 1955; И. И. Смирнов. У истоков великого почина. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 3, и др.

ния о числе рабочих в Москве, Петрограде и других основных промышленных центрах. Нет сводных данных о том, какая часть рабочего класса была переключена в 1918—1920 гг. на продовольственную работу.

★

Для исследователей истории рабочего класса в восстановительный период (1921—1925 гг.) первостепенное значение имеет тема собирания рабочих кадров, роста политической активности и сознательности рабочего класса, повышения его роли во всех сферах хозяйственного, государственного и культурного строительства.

В условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны промышленность и транспорт действовали с большими перебоями. Значительная часть кадровых рабочих ушла в Красную Армию и в продовольственные отряды. В связи с остановкой предприятий и тяжелым продовольственным положением многие рабочие покидали промышленные города. Если в России в 1913 г. насчитывалось 3 536 тыс. пролетариев (из них в крупной промышленности было занято 2 592 тыс.), то к концу гражданской войны в промышленности, подведомственной ВСНХ, оставалось всего 1 273 тыс. рабочих[9]. «...Даже тогда, когда пролетариату,— говорил В. И. Ленин в 1921 г.,— приходится переживать период деклассированности, переживать эти минусы, он, несмотря на эти минусы, свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может»[10].

После окончания гражданской войны рабочий класс по зову Коммунистической партии сосредоточил свою энергию на проведении хозяйственной работы. Из года в год нарастал процесс собирания сил рабочего класса. В крупной промышленности в 1921 г. было 1 185 тыс. рабочих, а в начале 1926 г.—2 643 тысячи[11]. Происходила неуклонная консолидация рабочего класса. На предприятия возвращались квалифицированные кадры, в ряды рабочих вливалось новое пополнение из деревни.

Однако процесс восстановления рабочего класса мало изучен. На эту тему опубликовано лишь несколько статей[12].

Рост трудовой активности рабочих масс в восстановительный период нашел свое выражение в возникновении производственных совещаний. До последних лет в исторической литературе эти совещания рассматривались преимущественно как предпосылка и одна из форм массового социалистического соревнования. Решения, принятые пленумами ЦК КПСС в июле 1956 г., в декабре 1957 г. и в мае 1958 г. о перестройке управления промышленностью, о повышении роли профсоюзов, о превращении производственных совещаний в постоянно действующие, показывают, что историкам следует вести изучение деятельности производственных совещаний в более широком аспекте, как формы привлечения рабочих к активному участию в управлении производством. Этой теме посвящен в последнее время ряд статей[13].

---

[9] «Труд в СССР». Статистический справочник. М. 1936, стр. 93; «Промышленность за 10 лет». М. 1927, стр. 35.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 390.

[11] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.». М. 1927, стр. 334—343.

[12] См. А. А. Матюгин. Источники пополнения состава промышленных рабочих СССР в восстановительный период (1921—1925 гг.). «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 12. 1957; О. И. Шкаратан. О составе фабрично-заводских рабочих г. Петрограда в годы революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 150. Вып. 1. 1957.

[13] Э. Б. Генкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925). «История СССР», 1958, № 3; Л. С. Рогачевская. Работа производственных совещаний в первые годы индустриализации (1926—1927). «Исторические записки». Т. 57. 1956, и др.

Среди исследований, в которых трудовой героизм советских рабочих в восстановительный период освещен на новом конкретно-историческом материале, следует отметить недавно изданные книги Е. А. Токаржевского и П. А. Уварова [14].

Э. Б. Генкина опубликовала статью об интернациональных связях рабочего класса СССР в 1921—1925 годах [15]. Несомненно, что по этому вопросу следовало бы издать сборники документов и статей. Широкий круг читателей заинтересован в книгах, раскрывающих тему пролетарского интернационализма на конкретно-историческом материале.

История советского рабочего класса восстановительного периода исследована в целом хуже, чем периода 1917—1920 годов. Особенно слабо освещена государственная деятельность рабочего класса в 1921—1925 и в примыкающие к ним годы.

Мало разработана такая тема, как роль партийных и профсоюзных организаций пролетарских центров в осуществлении шефства города над деревней. Она остается слабо освещенной и в такой обобщающей работе, как «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» (М. 1955). Из немногочисленных диссертаций на эту тему можно назвать исследование Р. Банновой «Коммунистическая партия Советского Союза — организатор шефства города над деревней в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.)».

Вопрос об участии промышленных рабочих в укреплении Советского государства в 1921—1925 гг. освещен в книге «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Этой теме посвящена и статья С. Н. Иконникова [16].

★

Переломным этапом в послеоктябрьской истории рабочего класса СССР явились довоенные пятилетки и предшествовавшие им первые годы реконструкции. В 1926—1937 и 1938—1941 гг., охватывающих периоды реконструкции народного хозяйства, развернутого наступления по всему фронту и победы социализма в СССР, произошли коренные количественные и качественные изменения в рабочем классе. Важнейшими проблемами для изучения этих периодов, на наш взгляд, являются: изменения в численности, составе, культурно-техническом уровне и материальном благосостоянии рабочего класса; создание кадров рабочих в новых отраслях промышленности; рост национальных рабочих кадров в союзных республиках; роль рабочего класса в индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции; возникновение массового социалистического соревнования и его форм — ударничества и движения новаторов производства.

Число рабочих в промышленности за годы довоенных пятилеток увеличилось с 3 124 тыс. (1928 г.) до 8 290 тыс. (1940 г.) [17]. Особенно возросло количество рабочих в машиностроении и металлообработке (их удельный вес в общей численности рабочих, занятых в крупной промыш-

---

[14] Е. А. Токаржевский. Очерки истории Советского Азербайджана в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925). Баку. 1956; П. А. Уваров. Развитие социалистической промышленности Иркутской губернии в восстановительный период. 1921—1926. Иркутск. 1958.

[15] Э. Б. Генкина. Интернациональные связи рабочего класса СССР в годы восстановительного периода (1921—1925). Сборник статей «Из истории рабочего класса и революционного движения». М. 1958.

[16] С. Н. Иконников. Вовлечение трудящихся масс в управление государством. «Вопросы истории», 1957, № 8.

[17] «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». Статистический сборник. М. 1957, стр. 50.

ленности, поднялся с 17,7% в 1928 г. до 28,7% в 1940 г.) и на строительстве (в 1929 г. было 793 тыс., в 1933 г.—1 989 тыс.) [18].

Коренные изменения произошли в составе сельскохозяйственных рабочих. Еще в начале первой пятилетки насчитывалось более 2,5 млн. батраков, а к концу ее, в 1932 г., батраков в СССР уже не было. Это результат ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. В то же время общая численность сельскохозяйственных рабочих составляла 2,3 млн. человек. Но это уже были рабочие социалистических предприятий — совхозов и МТС [19].

Выдающимся достижением довоенных пятилеток было создание национальных рабочих кадров в союзных республиках Востока — Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане. Это результат социалистической индустриализации страны и осуществления ленинской национальной политики.

Изменения произошли и в источниках формирования рабочего класса. Если в предшествующий период он пополнялся большей частью за счет городского населения и крестьян-единоличников, стихийно прибывавших из деревни, то теперь в промышленное производство наряду с городским населением организованно вовлекались миллионы колхозников. Рабочий класс значительно «омолодился». Удельный вес молодежи в возрасте до 23 лет в крупной промышленности к 1933 г. достиг 37,3%, а в отдельных отраслях он был еще выше (в черной металлургии — 41%, авиа- и автотракторной промышленности — 52,5% и т. д.) [20]. Молодое поколение, будучи более грамотным, быстрее овладевало новой техникой.

Динамику развития рабочего класса СССР в годы первой пятилетки можно проследить по издававшимся в 30-х годах статистическим сборникам [21]. Однако для обобщения данных об изменениях в составе рабочего класса в годы первой пятилетки сделано не много. В 1930 г. вышла книга А. Рашина о составе промышленных рабочих к началу пятилетки [22]. Она написана по предварительным итогам проведенной в 1929 г. переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков. Материалы этой работы ценны: они содержат социальную характеристику фабрично-заводских рабочих, показывают их возрастной состав, производственную квалификацию, грамотность, партийный стаж, размещение по районам и др. Автор, однако, затрагивает лишь три отрасли производства и не дает характеристики рабочего класса в целом. В 1954 г. была опубликована статья П. М. Богачева на указанную тему [23]. Вот, пожалуй, и все, что сделано в этой области.

Что касается второй и третьей пятилеток (до начала войны), то по этому периоду почти нет ни статистических, ни аналитических публикаций о составе рабочего класса. Статистические ежегодники ЦСУ, а также сборники ВЦСПС о труде в СССР перестали издаваться.

За годы пятилеток достигнуты огромные успехи в подъеме жизненного уровня рабочего класса. Полностью и навсегда была ликвидирована безработица. Значительно возросла номинальная и реальная заработная плата. Однако вопросы материального благосостояния рабочего класса освещены в литературе неудовлетворительно. В начале первой пятилетки был издан ряд статистических материалов о бюджетах рабочих за

[18] «Промышленность СССР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 24; «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 219; «Вопросы труда в СССР». Сборник статей. М. 1958, стр. 24.

[19] Ю. В. Арутюнян. К вопросу о формировании рабочих кадров социалистического сельского хозяйства. «Из истории рабочего класса и революционного движения», стр. 536.

[20] «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М. 1934, стр. 14—17.

[21] Ежегодник «Социалистическое строительство СССР» за 1934 и 1935 годы. М. 1935—1936.

[22] А. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М. 1930.

[23] П. М. Богачев. Изменения в рабочем классе СССР за годы первой пятилетки. «Ученые записки» Академии общественных наук. Вып. 18. 1954.

1926—1930 годы [24]. Но об изменениях в бюджетах в последующие годы имеются лишь отрывочные данные. Отдельные сведения, содержащиеся в некоторых статистических справочниках предвоенных лет, а также несколько брошюр не могут отразить картины роста благосостояния рабочих и служащих за годы довоенных пятилеток.

Первая пятилетка ознаменовалась величайшим трудовым подъемом рабочего класса СССР, развертыванием массового социалистического соревнования. Статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», опубликованная посмертно, в январе 1929 г., обращение XVI Всесоюзной партконференции (апрель 1929 г.) об организации соревнования за выполнение первого пятилетнего плана помогли привести в движение миллионные массы. По призыву коллектива ленинградского завода «Красный выборжец» началась трудовая перекличка сотен и тысяч предприятий. Шахтеры, металлисты, текстильщики, железнодорожники выступили в поход за перевыполнение норм выработки, за снижение себестоимости продукции и улучшение ее качества. Вся страна следила за замечательными рекордами строителей Днепрогэса, «Магнитки», Кузнецка, Сталинградского тракторного и Горьковского автомобильного заводов. Творчество масс породило различные формы социалистического соревнования. Из ударных бригад молодежи выросло ударное движение. Встречные планы, техпромфинпланы, общественные буксиры, школы изотовцев, движение отличников производства — во всех этих формах соревнования проявились энергия, инициатива и патриотизм советских рабочих.

Успехи социалистического строительства подготовили почву для возникновения стахановского движения — массового движения рабочих-новаторов за освоение новой техники. Оно распространилось по стране с невиданной быстротой. Пример рабочего класса увлек колхозное крестьянство: началось движение «пятисотниц» на свекловичных плантациях, возникли звенья высоких урожаев и т. д. Движение новаторов возглавила партия. Поддержка и помощь со стороны ЦК КПСС, усилия местных партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций обеспечили стахановскому движению гигантский размах.

История массового социалистического соревнования в годы предвоенных пятилеток привлекла внимание многих исследователей. Этой теме посвящено несколько работ, характеризующих экономическое значение соревнования, руководство партии массовым движением новаторов [25]. Написан ряд диссертаций по истории соревнования в отдельные периоды [26]. Опубликовано значительное число журнальных статей и очерков.

Огромную ценность как первоисточник имеет обширная литература о стахановцах. По данным Всесоюзной книжной палаты, в 1935—1940 гг. в СССР изданы 4 643 книги и брошюры, большинство которых написано самими рабочими. Многие новаторы выступили с автобиографическими и мемуарными произведениями.

У некоторых наших историков (да и в издательствах) сложилось убеждение о высокой степени изученности истории социалистического соревнования. Это убеждение обманчиво. Опубликовано крайне мало науч-

---

[24] Например, «Бюджеты рабочих и служащих». М. 1929; «Бюджеты московских рабочих в 1927/28 г.». М. 1929; «Бюджеты рабочих и служащих сахарной промышленности». М. 1928; «Бюджеты городского населения Сибири за 1928/29 и 1929/30 гг.». Новосибирск. 1931, и др.

[25] И. Кузьминов. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М. 1940; Г. Н. Евстафьев. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М. 1952; Р. Дадыкин. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М. 1954; С. Гершберг. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941 гг.). М. 1956.

[26] Например, кандидатские диссертации И. Степановой, К. Темирбаева, Г. Александровой, И. Зубкова (по московским материалам), В. Селицкого, Н. Летуновской, В. Бондаревского (по ленинградским материалам), Т. Кидановой (по материалам Донбасса) и др.

ных трудов, обобщающих накопленный материал, исследующих конкретно-исторический процесс развития социалистического соревнования, движение новаторов в масштабе всей нашей страны, а также в важнейших отраслях народного хозяйства. До сих пор нет цельного труда по истории социалистического соревнования в СССР, хотя такая работа имела бы большое значение и для дальнейшего развития соревнования в нашей стране и для братских стран, где живо интересуются опытом советских рабочих.

Отставание с научной разработкой истории зарождения и развития социалистического соревнования сказывается, в частности, в том, что до сих пор недостаточно уточнены некоторые важные даты его возникновения. Например, споры ведутся вокруг истории появления ударных бригад. Так, в нашей исторической литературе возникновение первых ударных бригад относится к 1926—1927 гг. (ударная восьмерка НОТ на «Красном треугольнике» в Ленинграде в 1926 г., ударные бригады на «Пролетарке» в Твери, на Златоустовском и Лысьвенском заводах на Урале в 1927 г.) [27]. В то же время некоторые авторы считают, что первая ударная бригада появилась в СССР лишь в 1928 г. (на ленинградской фабрике «Равенство») [28]. Эта точка зрения нашла отражение и в учебнике по истории КПСС, где говорится: «Летом 1928 года в Ленинграде была создана первая ударная молодежная бригада» (стр. 408).

Организованная в 1928 г. на фабрике «Равенство» ударная молодежная бригада сыграла большую роль в истории соревнования. Но при всех ее заслугах нет оснований сбрасывать со счетов ударные бригады, появившиеся в стране в 1926—1927 годах. Более того, лишь неразработанностью истории социалистического соревнования можно объяснить то, что многие факты из истории движения ударников производства, имевшие место и в более ранний период, забыты. Создание научной истории социалистического соревнования в СССР — одна из наиболее актуальных задач, давно ждущих своего решения.

В годы довоенных пятилеток еще более возросло влияние рабочего класса на все стороны жизни общества.

Большой интерес представляют возникшие в канун первой пятилетки новые формы борьбы рабочего класса за совершенствование государственного аппарата. В 1928 г. по инициативе рабочих началось соревнование за лучшее проведение выборов в Советы, возглавленное партией. По почину москвичей, ленинградцев и харьковчан заводы и фабрики брали шефство над наркоматами, направляя в их аппарат лучших тружеников. Выдвижение рабочих на государственную работу способствовало очищению госаппарата от чуждых элементов и усилению борьбы с бюрократизмом.

Почин в освещении этих выдающихся начинаний рабочего класса был сделан сборниками документов о политическом и трудовом подъеме рабочего класса СССР в 1926—1929 гг. [29], а также книгой Л. С. Рогачевской «Из истории рабочего класса СССР в первые годы социалистической индустриализации» (М. 1959).

Велики заслуги рабочего класса в осуществлении социалистических преобразований в деревне. Снабжение деревни современной техникой, непосредственное участие рабочих в коллективизации («двадцатипятиты-

---

[27] Р. Дадыкин. Указ. соч., стр. 70—71; Г. Н. Евстафьев. Указ. соч., стр. 102; «Опыт работы комсомола». Бюллетень Информотдела ЦК ВЛКСМ. М. 1928, стр. 40; «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». М. 1956, стр. 151, 303, 558 и др.; «Правда», 29 апреля 1959 г., и др.

[28] И. В. Спиридонов. Ленинграду 250 лет. М. 1957; «К сорокалетию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (1918—1958)». М. 1958; «Исторический архив», 1958, № 6.

[29] «Первые шаги индустриализации СССР (1926—1927 гг.)». Сборник документов. М. 1959; «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». Сборник документов. М. 1956.

сячники»), культурное шефство послужили делу укрепления союза рабочих и крестьян и утверждения социалистических форм хозяйства на селе. На помощь крестьянству в строительстве колхозов пришли лучшие кадровые рабочие. Свыше 70% «двадцатипятитысячников» были коммунистами[30].

Все эти темы, связанные с историей советского рабочего класса периода довоенных пятилеток, достойны глубокого освещения.

Важнейшей вехой в жизни народов СССР, в истории рабочего класса явилась Великая Отечественная война. Советский рабочий класс с честью выдержал это труднейшее испытание.

В первые же дни войны десятки и сотни тысяч рабочих ушли в армию, народное ополчение, рабочие батальоны, партизанские отряды. В ряды ополченцев вступило 106 тыс. москвичей, 160 тыс. ленинградцев, 65 тыс. сталинградцев[31]. Основную массу бойцов народного ополчения в городах составляли рабочие, инженеры и техники промышленных предприятий. Так, в одном только Кировском районе Москвы из 10,5 тыс. ополченцев 9 тыс. были рабочие. В ополчении города Горького насчитывалось 7 тыс. сормовичей, свыше 10 тыс. автозаводцев[32]. В Иванове был сформирован рабочий полк имени Дмитрия Фурманова. На Урале рабочие создавали добровольческие танковые части. Рабочие Новосибирска, Томска, Кемерова, Сталинска и других городов Сибири вошли в состав добровольческих сибирских стрелковых дивизий. Рабочие прифронтовых районов строили оборонительные рубежи, шли в истребительные батальоны, дружины и группы противовоздушной обороны.

В нашей исторической литературе лишь в общих чертах освещена роль рабочего класса в защите Родины, в укреплении Советского государства в годы войны. Опубликованы статьи и брошюры о героизме рабочих на фронте[33]. Эта проблема освещается в книгах и брошюрах, посвященных обороне городов[34]. В целом же тема «Рабочий класс на фронтах Отечественной войны» еще не разработана. У нас нет монографий, показывающих добровольческое движение (уход рабочих в Действующую армию, в партизанские отряды и народное ополчение), а также подготовку боевых резервов для армии на предприятиях (Всевобуч, МПВО, Красный Крест и т. д.). Было бы важно издать серию документальных сборников о трудовом героизме рабочего класса, о его связях с фронтом, об активной деятельности рабочих в местных Советах, о патриотической

---

[30] Д. М. Езерская, Н. А. Иваницкий. Двадцатипятитысячники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. «Материалы по истории СССР». Т. I. М. 1955; И. И. Алексеенко. Рабочие-двадцатипятитысячники — проводники политики Коммунистической партии в колхозном строительстве. Сборник трудов Красноярского педагогического института. М. 1957; Зинула Амангалиев. Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании аула и деревни Казахстана в первые годы массовой коллективизации. «Ученые записки» Уральского педагогического института. Т. 4. Вып. I. 1957, и др.

[31] «История СССР. Эпоха социализма», стр. 557; М. А. Водолагин. Сталинград в Великой Отечественной войне. Сталинград. 1949, стр. 37, 50, 55.

[32] А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой. М. 1958, стр. 72; З. П. Красильникова. Горьковская партийная организация в борьбе за укрепление тыла в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Диссертация. М. 1954, стр. 94—95.

[33] М. Л. Ингор. Сибиряки — герои Сталинграда. М. 1954; «Герои-грозненцы». Сборник очерков. Грозный. 1947; «Ярославцы на фронтах Отечественной войны». Ярославль. 1948; С. Самсонов. В боях за Родину (о боевом пути Уральского добровольческого танкового корпуса). Сборник статей «Челябинская область за 40 лет». Челябинск. 1957, и др.

[34] М. А. Водолагин. Указ. соч.; И. А. Козлов. В городе русской славы. М. 1950; А. Д. Борисов. Одесса — город-герой. М. 1954; А. В. Карасев Ленинградцы в годы блокады (1941—1943 гг.). М. 1959, и др.

инициативе в сборе средств в фонд обороны, о шефской работе профсоюзов, об укреплении интернациональных связей рабочего класса СССР с рабочим классом зарубежных стран и особенно стран антифашистской коалиции.

Внимание исследователей должна привлечь такая важная тема, как укрепление союза рабочего класса и крестьянства в условиях войны, о роли рабочего класса в укреплении дружбы народов Советского Союза в годы тяжелых испытаний.

Сыны рабочего класса показали беспримерное мужество и отвагу, защищая с оружием в руках свою Родину. Не меньший героизм они проявили на заводах, шахтах, рудниках, нефтяных промыслах, стройках, на транспорте. Рабочие и работницы эвакуировали на Восток и, не жалея сил, восстановили на новых местах сотни предприятий. Преодолевая трудности, рабочий класс осваивал и неуклонно увеличивал производство оружия, боеприпасов, боевой техники и снаряжения для Советской Армии. Еще сильнее, чем в мирное время, разгорелось социалистическое соревнование. Возникли его новые формы: движение двухсотников, тысячников, многостаночников, комсомольско-молодежных «фронтовых бригад». На Урале зародилось спеховское движение (обучение новых кадров по инициативе рабочего П. К. Спехова), движение шалаевцев — овладение несколькими строительными профессиями по инициативе Василия Шалаева. Труд миллионов рабочих, воплощенный в тысячах танков, самолетов, орудий, в миллионах тонн угля, металла, нефти, в новых промышленных предприятиях, создавал прочную материальную основу для победы над фашистской Германией.

Героическая трудовая деятельность рабочего класса в период Великой Отечественной войны нашла свое отражение в исследованиях по истории КПСС, советского общества, частично в работах по экономике. Вопросы развития промышленности, деятельность рабочего класса кратко освещаются в литературе по истории Великой Отечественной войны [35]. Общая характеристика работы промышленности и транспорта, состояния кадров рабочего класса в годы войны дана также в ряде книг и брошюр по военной экономике. Среди этих работ большое значение имеет книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М. 1948), содержащая ценный материал о деятельности рабочего класса.

Наиболее ярко проявился трудовой героизм рабочего класса во Всесоюзном социалистическом соревновании, развернувшемся с мая 1942 г. и охватившем к концу войны 80—90% рабочих. Вопросы соревнования получили освещение в ряде книг, брошюр, статей [36]. Их авторы показывают новые формы соревнования в промышленности, приводят данные о росте числа соревнующихся, об опыте отдельных передовиков производства и т. д.

В годы войны Профиздат выпустил серию брошюр о новаторах про-

---

[35] И. В. Анисимов, Г. В. Кузьмин. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. М. 1952; С. Голиков. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М. 1952; «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М. 1955; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. М. 1959, и др.

[36] Н. М. Шверник. Год Всесоюзного социалистического соревнования. М. 1943; П. Г. Москатов. Плечом к плечу. М. 1956; Н. Матюшкин. Всесоюзное социалистическое соревнование и оборона страны. М. 1943; Е. И. Солдатенко. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М. 1954; А. В. Митрофанова. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Всесоюзного социалистического соревнования рабочего класса СССР в 1942 г. «Исторические записки». № 51. 1955; Г. Г. Морехина. Из истории перестройки промышленности Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). «Вопросы истории», 1958, № 12; Г. А. Куманев. Советские железнодорожники в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). «История СССР», 1959, № 1, и др.

изводства под названием «Бойцы трудового фронта». Они содержат очерки о передовиках-строителях, о шахтерах Подмосковья, патриотах Дальнего Востока, тысячниках Урала и др. Особую ценность имеют книги и брошюры, написанные самими рабочими-новаторами [37].

В ряде брошюр и статей освещается ход соревнования на крупнейших предприятиях страны, работа партийных организаций по руководству Всесоюзным социалистическим соревнованием. Эта литература содержит ценный фактический материал. Вместе с тем она не лишена серьезных недостатков. Соревнование иногда освещается в отрыве от процессов, происходивших в экономике страны в целом (перестройка народного хозяйства на военный лад и др.). Авторы умалчивают о недостатках, допускавшихся в организации соревнования (формализм в подведении его итогов и присуждении премий и др.).

В последние годы появились книги о трудовых подвигах рабочего класса отдельных городов, областей и республик в период войны. В Баку вышла работа В. А. Беляевой [38] о самоотверженном труде нефтяников, внесших большой вклад в дело победы. Автор освещает также трудовой героизм рабочих легкой, пищевой, местной промышленности, моряков Каспия и железнодорожников Азербайджана. Значительный интерес вызывает книга Г. И. Дедова о Кизеловском угольном бассейне [39]. На основе документальных материалов Пермского партийного архива и архива комбината «Кизелуголь» автор показывает перестройку работы бассейна на военный лад, борьбу шахтеров за выполнение заданий партии и правительства, помощь уральских шахтеров в возрождении Сталинграда, Ростова, Донбасса. О героическом труде рабочих Урала, Алтая, Сибири, Поволжья местными издательствами опубликован ряд брошюр и статей. Ценные материалы о рабочем классе содержатся в документальных сборниках и публикациях, изданных в Ленинграде, Сталинграде, Баку, Одессе, Казани, Воронеже, Нальчике и некоторых других местах.

Самоотверженный труд рабочего класса освещается в книгах и статьях по истории КПСС, а также в неопубликованных диссертациях о деятельности партийных организаций важнейших экономических районов и промышленных центров (Москвы, Ленинграда, Горького, Сталинграда, Куйбышева, Челябинска, Перми и др.), районных и заводских партийных организаций (Уралмашзавода, «Красного Сормова», Кировского завода и т. д.).

Таким образом, о трудовой доблести рабочего класса в годы войны накоплено довольно много материалов. Однако обобщающих трудов пока нет. Чтобы создать эти труды, необходима дальнейшая глубокая и всесторонняя разработка таких важнейших тем, как перестройка промышленности и транспорта, эвакуация и размещение предприятий на новых местах, восстановление промышленности и транспорта после изгнания оккупантов (особенно возрождение крупнейших промышленных центров: Подмосковного и Донецкого угольного бассейнов, Днепрогэса, южной металлургии и т. д.). При изучении деятельности отдельных отрядов рабочего класса необходимо уделить особое внимание строителям, сыгравшим огромную роль в годы войны.

Разработку всех этих вопросов следует связать с освещением деятельности инженерно-технических работников и ученых. Хотя это особая тема (и она относится также к довоенному и послевоенному периодам), но она должна получить освещение и в истории рабочего класса. В годы войны окрепло творческое содружество между людьми науки и произ-

[37] Дмитрий Босый. Мой метод работы. Свердловск. 1942; П. К. Спехов. Как мы обучаем новых рабочих. Свердловск. 1943; Дм. Коротков. На большом клапане. Тула. 1945, и др.

[38] В. А. Беляева. Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Баку. 1957.

[39] Г. И. Дедов. Кизеловский угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Пермь. 1959.

водства, что способствовало дальнейшему техническому прогрессу в промышленности, совершенствованию и повышению качества боевого оружия.

Историкам предстоит изучить изменения, происшедшие в рядах рабочего класса в условиях войны. Мобилизация в ряды Советской Армии, создание народного ополчения, временная оккупация врагом значительной территории нашей страны привели к численному сокращению рабочего класса. Даже к концу войны рабочих и служащих было почти на 4 млн. меньше, чем в довоенный период (31,2 млн. в 1940 г. и 27,3 млн. в 1945 г.) [40]. Изменился и состав рабочих. В промышленность, строительство, на транспорт пришло много молодежи, женщин. Только системой государственных трудовых резервов в 1941—1945 гг. было подготовлено 2 475 тыс. молодых рабочих [41]. Кадры рабочего класса за военное время пополнились и за счет трудовых мобилизаций. Так, трудовая мобилизация в 1943 г. дала промышленности и строительству 1 320 тыс. человек. Число рабочих и служащих в возрасте до 18 лет выросло с 6% в 1939 г. до 15% в 1942 году [42].

Пока еще сделано очень немного для изучения изменений, происшедших в рабочем классе в годы войны. Историки и экономисты призваны показать, как шло пополнение рабочего класса новыми кадрами, раскрыть роль трудовых резервов, воспитание и обучение молодых рабочих, роль женщин и молодежи в промышленности, строительстве и на транспорте, изменения в рядах рабочего класса по экономическим районам и национальным республикам [43].

К сожалению, среди опубликованных исследований есть статьи не только слабые в научном отношении, но и неправильно освещающие ряд важнейших вопросов. Так, в 1958 г. появилась статья Н. А. Щекотова о подборе, подготовке и политическом воспитании кадров на Урале в период Великой Отечественной войны [44]. Автор собрал большой и в значительной своей части интересный архивный материал, но не сумел правильно проанализировать его. В результате Н. А. Щекотов пришел к явно ошибочным выводам. Так, он бездоказательно утверждает, что причиной трудностей в работе угольной промышленности Урала в начале войны послужили ошибки местных партийных организаций. Более того, автор пишет, что партийные организации угольных районов Урала в начале 1942 г. временно утратили свою боеспособность. Это — грубое искажение исторической истины. При всех трудностях в работе угольной промышленности в 1941—1942 гг. уральские партийные организации всегда оставались боеспособными и упорно боролись за обеспечение страны топливом.

Победоносно завершив Великую Отечественную войну, Советский Союз возобновил мирное строительство. Перед нашим народом встали большие и трудные задачи. Война нанесла огромный ущерб народному хозяйству СССР. Немецко-фашистские захватчики полностью или частич-

---

[40] «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1956, стр. 189.

[41] «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 262.

[42] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 110—113.

[43] Вопросам подготовки рабочих кадров в этот период посвящены брошюры и статьи: М. Сонин. Подготовка и использование рабочей силы. Куйбышев. 1942; А. Логинов. Молодые отряды рабочего класса. Госполитиздат. 1944; А. Абдурганиев. Роль партийных организаций Узбекистана в подготовке кадров рабочих в период Великой Отечественной войны. «Научные записки» Ташкентского финансово-экономического института. Вып. 9. 1957; В. Б. Тельпуховский. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1958, № 11, и др.

[44] Н. А. Щекотов. Подбор, подготовка и политическое воспитание рабочих кадров в период Великой Отечественной войны (на примере партийных организаций Урала). «Ученые записки» Бийского педагогического института. Вып. II. 1958.

но разрушили и сожгли около 32 тыс. промышленных предприятий, на которых было занято около 4 млн. рабочих [45]. Война задержала экономический рост нашей страны примерно на десятилетие.

Период мирного социалистического строительства после Великой Отечественной войны, охватывающий более 14 лет (1945—1959 гг.), явился новым героическим этапом в жизни советского народа. Особенно крупные успехи достигнуты в последние шесть лет, когда партия на основе постановлений ряда пленумов ЦК, программных решений XX и XXI съездов КПСС повела рабочий класс и всех трудящихся по пути ускоренного создания материально-технической базы коммунизма и решения основной экономической задачи СССР — догнать и перегнать главные капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Наступил невиданный расцвет всех политических, экономических и культурных сил советского общества. Промышленность достигла высоких темпов развития на базе технического прогресса, применения новейших открытий советской науки. Огромные достижения имеют все отрасли народного хозяйства. Наши ученые, инженеры, рабочие создали первый искусственный спутник Земли и первую космическую ракету, открыв тем самым эру завоевания космоса. В результате их усилий произведено фотографирование невидимой с Земли стороны Луны, что является поистине эпохальным научным открытием.

Наиболее трудными в жизни рабочего класса, как и всего народа, были первые послевоенные годы. На земле, опаленной огнем войны, руками рабочего класса были подняты из руин заводы, фабрики, шахты, электростанции, города и поселки.

Литература о героическом труде рабочего класса в первые послевоенные годы пока еще незначительна. Это в основном популярные брошюры или научные статьи, освещающие восстановление отдельных отраслей промышленности и предприятий, опыт партийного руководства социалистическим соревнованием в период четвертой и пятой пятилеток [46].

В послевоенные годы гигантски выросли ряды советского рабочего класса. Довоенная численность рабочих и служащих была почти достигнута к концу 1946 г. (31,3 млн. чел.). К концу 1955 г. общее количество рабочих и служащих составляло 48,4 млн., а в 1958 г. среднегодовая численность рабочих и служащих достигла 54,6 млн. человек [47].

Дальнейшая индустриализация национальных республик в послевоенные годы вызвала новый рост кадров рабочих из коренных национальностей. Темпы этого роста были выше, чем в целом по народному хозяйству страны. Так, если в 1955 г. по сравнению с 1940 г. количество рабочих и служащих в СССР выросло на 55%, то в Казахстане их число увеличилось в 2,4 раза, в Литовской ССР — в 2,6 раза, в Латвийской ССР — в 2,1, в Эстонской ССР — в 2 раза, в Молдавской ССР — в 3,9 раза, в Киргизской ССР — почти в 2 раза [48].

Наряду с количественными произошли новые глубокие качественные изменения. Ускорился подъем культурно-технического уровня рабочих. Значительная часть их имеет теперь среднее или неполное среднее образование. Технический прогресс привел к серьезным переменам в квалификации рабочих. Отмерли и отмирают многие профессии тяже-

---

[45] «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков». М. 1946, стр. 435—438.

[46] В. Горин. Борьба партийных организаций за высокую производительность труда в промышленности в годы четвертой пятилетки. М. 1954; Е. Ф. Васильев. Борьба партийной организации Украины за восстановление и развитие тяжелой промышленности республики (1946—1953 гг.). «Научные записки» Харьковского института сельского хозяйства. Вып. 7. 1957; И. Куземин. Парторганизация Днепростроя в авангарде борьбы за возрождение Днепровской ГЭС. Киев. 1951, и др.

[47] «Народное хозяйство СССР», стр. 189; «Народное хозяйство СССР в 1958 г.». Статистический ежегодник. М. 1959, стр. 101, 131.

[48] «Народное хозяйство СССР», стр. 192.

лого физического труда, наряду с этим возникают новые высококвалифицированные профессии. Научно-технические открытия, внедрение комплексной механизации и автоматизации производства, повышение энерговооруженности труда, применение химических методов технологии ускоряют процесс роста культурно-технического уровня рабочих. К сожалению, все эти изменения в рабочем классе весьма слабо освещаются как в исторической, так и в экономической литературе [49].

Решения XXI съезда КПСС ознаменовали начало нового этапа в развитии советского общества — вступление Советского Союза в период развернутого строительства коммунизма. Вместе с тем начался и новый знаменательный этап в истории советского рабочего класса. Вдохновленный решениями XXI съезда, рабочий класс во главе с ленинской партией выступает как знаменосец семилетки, как решающая сила в борьбе за повышение темпов создания материально-технической базы коммунизма, за приближение сроков решения основной экономической задачи СССР, за дальнейший подъем благосостояния и культуры советского народа.

Еще выше поднялась политическая активность рабочего класса. Этому способствуют осуществленные партией важнейшие мероприятия по укреплению принципов демократического централизма, по перестройке управления промышленностью и строительством, по оживлению работы Советов и профсоюзов. Возросло участие рабочих в органах государственного управления и государственной власти. Рабочие стали шире привлекаться к решению хозяйственных вопросов. Возросла роль профсоюзов в экономической и общественно-политической жизни страны. Рабочие активно участвуют в хозяйственном строительстве через технико-экономические советы совнархозов, постоянно действующие производственные совещания, технические комиссии. Рост политической активности рабочего класса отражается и в борьбе народа за крутой подъем сельского хозяйства после войны, в укреплении колхозов. Огромная роль принадлежит рабочему классу в освоении целинных и залежных земель Сибири и Казахстана.

В послевоенные годы еще шире развернулось социалистическое соревнование. Почин донецких шахтеров Николая Мамая и Александра Кольчика по сверхплановой добыче угля и его удешевлению положил начало массовому движению за повышение производительности труда, за улучшение качества продукции и снижение ее себестоимости. Для современного этапа соревнования характерна инициатива не только отдельных выдающихся новаторов, но и целых рабочих коллективов. Таковы почин уральцев по развертыванию рабочего изобретательства, инициатива ленинградских заводов по установлению творческого содружества с научными и учебными институтами.

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунистического общества отмечено новым гигантским взлетом творчества масс, подъемом всенародного социалистического соревнования. Возникшее в период подготовки к XXI съезду по инициативе молодежи железнодорожного депо Москва-Сортировочная движение бригад и ударников коммунистического труда становится все более массовым. К ноябрю 1959 г. в соревновании за звание коммунистических участвовало около 190 тыс. коллективов [50]. Движение бригад и ударников комму-

[49] Изучение количественных и качественных изменений в рабочем классе тормозилось из-за недостатка источников по статистике труда. При рассмотрении состояния статистических материалов по истории советского рабочего класса в январе 1959 г. в Институте истории АН СССР правильно отмечалось, что за 1938—1957 гг. опубликовано мало статистических данных. Начатое ЦСУ с 1956 г. издание статистических сборников, публикация в 1957—1958 гг. статистических материалов по союзным и автономным республикам, а главное, данные переписи 1959 г., несомненно, дадут исследователям ценные материалы о состоянии рабочего класса.

[50] Газета «Труд», 29 октября 1959 года.

нистического труда знаменует высший этап социалистического соревнования и отражает новую ступень в росте сознательности масс.

Глубокое понимание своего долга, новые черты рабочего класса эпохи построения коммунизма ярко проявились в почине вышневолоцкой прядильщицы Валентины Гагановой и ее многочисленных последователей. Тысячи и тысячи лучших людей рабочего класса по примеру В. Гагановой переходят на отстающие участки производства и выводят их в ряды передовых, способствуя тем самым скорейшему выполнению семилетки.

От коммунистических субботников до бригад коммунистического труда — какая благодарная, увлекательная тема для советских историков!

Великие свершения периода развернутого строительства коммунистического общества — одна из ярчайших страниц в истории советского рабочего класса. В процессе строительства коммунистического общества в рабочем классе происходят существенные количественные и качественные изменения. Борьба за создание материально-технической базы коммунизма, за решение основной экономической задачи СССР, за непрерывное совершенствование социалистического производства на базе новой и новейшей техники, несомненно, вызывает не только численный рост рабочего класса, но и глубокие изменения в распределении рабочих по отраслям труда, экономическим районам, существенные изменения в квалификации рабочих, в их культурно-техническом уровне.

Социальные последствия технического прогресса в период перехода к коммунизму огромны. Они все более изменяют характер труда, способствуют ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом, сокращению рабочего времени, небывалому росту благосостояния рабочего класса.

Роль рабочего класса СССР в борьбе за ускорение перехода от социализма к коммунизму — центральная тема для историков, исследующих многогранную творческую деятельность советского рабочего класса на современном этапе.

В современных условиях невиданно развились связи рабочего класса СССР с рабочим классом государств народной демократии, с трудящимися массами капиталистических стран Европы и Азии. К разработке важной проблемы укрепления интернациональных связей, на наш взгляд, могли бы быть привлечены ученые всех стран социалистического лагеря.

★

Для того, чтобы еще шире развернуть изучение истории советского рабочего класса, следует, очевидно, решить не только некоторые научно-методические вопросы, но и правильно организовать работу. При этом нужно использовать и опыт прошлого.

Еще в конце 20-х и первой половине 30-х годов было положено начало изучению истории рабочего класса нашей страны. На 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов (26 декабря 1928 г. — 4 января 1929 г.) был заслушан доклад А. М. Панкратовой «Проблемы изучения истории рабочего класса в России»[51]. Конференция признала неотложной задачей марксистской исторической науки организацию систематического и планомерного изучения истории рабочего класса. С этой целью в январе 1929 г. при Обществе историков-марксистов была образована Комиссия по изучению истории пролетариата СССР, сгруппировавшая вокруг себя около 100 ученых. Комиссия совместно с Центрархивом и Архивом ВЦСПС приступила к выявлению материалов по истории рабочего класса.

[51] «История пролетариата СССР». Сборник 1. М. 1930, стр. 1—38.

В октябре 1929 г. при Институте истории, созданном в Коммунистической академии, была организована секция по изучению истории пролетариата. В секции работало 5 комиссий: библиографическая, анкетно-биографическая, архивная, редакционно-издательская и по монографическому изучению истории промышленных предприятий. Секция и ее комиссии стремились объединить усилия всех организаций, изучающих данную проблему: Истпрофа ВЦСПС, Института охраны труда, местных научных учреждений (подсекция по истории пролетариата при Ленинградском институте марксизма, истпрофы Московского, Ленинградского и других советов профессиональных союзов) [52].

В 1930 г. начал издаваться печатный орган секции истории пролетариата Коммунистической академии — «История пролетариата СССР». В вышедших 22 сборниках освещались результаты исследований, обзоры литературы и источников, публиковались документы и материалы.

В ежемесячном журнале Общества историков-марксистов «Борьба классов» был введен специальный раздел: «Массы творят и пишут историю».

В разработке истории рабочего класса принимало участие большое число советских ученых: А. В. Шестаков, В. И. Невский, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, М. К. Рожкова, Б. Б. Граве, В. В. Максаков, О. Н. Чаадаева, К. Ф. Сидоров, П. О. Горин, П. И. Анатольев, Д. В. Антошкин, Ю. К. Милонов, Г. С. Томсинский, А. Г. Рашин и др.

В 1931 г. по инициативе А. М. Горького развернулась большая работа по созданию истории фабрик и заводов. 10 октября 1931 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление об издании истории фабрик и заводов, утвердил Главную редакцию во главе с А. М. Горьким. За шесть лет (1931—1937) было издано более 20 книг по истории крупных предприятий страны, выявлен и собран богатейший материал.

Однако сделанное в основном относилось к дооктябрьскому периоду. Чтобы исправить этот недостаток, секция истории пролетариата Коммунистической академии сделала попытку привлечь внимание исследователей к изучению истории рабочего класса послеоктябрьского периода. Была подготовлена специальная программа [53], включавшая подготовку монографических исследований, посвященных эпохе диктатуры пролетариата.

К сожалению, осуществить намеченные планы не удалось. В связи с реорганизацией Коммунистической академии в 1935 г. была ликвидирована секция истории пролетариата и прекратилось издание сборников «История пролетариата СССР». В 1937 г. закончилась деятельность Главной редакции истории фабрик и заводов. В новых научных учреждениях Академии наук СССР — институтах истории — проблема изучения истории рабочего класса специально не выделялась.

Однако интерес ученых к этой важнейшей теме не ослаблен. Достаточно сказать, что в 1940—1959 гг. по истории советского рабочего класса написано свыше 660 диссертаций (включая историко-партийные). Но подавляющее большинство их не увидело света. Ряд диссертаций страдал фактологичностью, нередко в работах преобладал иллюстративный метод, уровень обобщений был невысок. В научно-исследовательских институтах и на кафедрах вузов проблемы истории рабочего класса разрабатывались без всякого плана, нередко темы диссертаций и монографий избирались случайно, крайне измельчались и дублировались. Даже в Институте истории Академии наук СССР до 1958 г. не были объединены сотрудники, работающие над данной проблемой.

После XX съезда КПСС наметился поворот в разработке послеоктябрьской истории советского рабочего класса. В 1957 г. по инициа-

---

[52] Там же, стр. 292—296.

[53] «История пролетариата СССР». Сборник 6. М. 1931, стр. 194—200.

тиве ленинградцев возобновилось изучение истории фабрик и заводов. В отделе советского общества Института истории АН СССР организована творческая группа по изучению истории рабочего класса с постоянным составом сотрудников. Совместно с Ленинградским университетом и Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР группа подготовила конференцию по проблемам истории советского рабочего класса.

В 1958—1959 гг. возобновилось составление библиографии по истории советского рабочего класса в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, Исторической, Фундаментальной библиотеках АН СССР, Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Наметившийся поворот к изучению истории советского рабочего класса нашел отражение в перспективных семилетних планах институтов Академии наук СССР, академий союзных республик, научно-исследовательских планах университетов и вузов. Так, Институт истории намечает подготовить в 1959—1965 гг. серию из 10 монографических очерков по истории советского рабочего класса. В семилетний план Академии наук Украинской ССР включен ряд монографий. Академия наук Белорусской ССР планирует тему «Рабочий класс Белоруссии в период борьбы за восстановление и дальнейшее развитие промышленности республики после Великой Отечественной войны (1945—1956 гг.)».

План Института истории Казахской академии наук предполагает издание «Истории формирования и развития рабочего класса в Казахстане в 1917—1940 гг.». В Институте истории Азербайджанской академии наук намечена разработка группы вопросов: рабочий класс в годы гражданской войны и первых пятилеток; роль социалистического соревнования в развитии народного хозяйства в годы предвоенных пятилеток. В Институте истории и археологии Академии наук Узбекистана исследуется проблема «Формирование и развитие рабочего класса в Узбекистане». Академия наук Туркменской ССР готовит монографию по истории рабочего класса республики; в институтах истории академий наук Литовской, Латвийской и Эстонской ССР началось изучение истории фабрик и заводов, истории городов и трудовой деятельности рабочего класса в послевоенный период. Историки Молдавской ССР решили написать историю рабочего класса своей республики.

Намечаются сдвиги в изучении истории профсоюзов: архив ВЦСПС готовит к изданию четыре тома документов, из них три относятся к советскому периоду.

У нас есть необходимые кадры и возможности для того, чтобы повести в широких масштабах изучение истории рабочего класса. Но работников надо организовать, а возможности использовать. Сейчас более чем когда-либо назрела потребность в координации научной работы. Нам представляется целесообразным создание (как это уже сделано в отношении других проблем) Научного совета Отделения исторических наук Академии наук по проблеме «История рабочего класса СССР».

Объединить научные силы, нацелить их на планомерное изучение коренных проблем истории советского рабочего класса — вот что требуется сейчас. Умелая организация этого дела позволила бы советским историкам подготовить к 50-летию Советского государства обобщающий труд «История рабочего класса СССР. 1917—1967 годы».

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА РОССИИ в 1914 — 1916 годах *

Академик И. И. Минц

Проследим теперь движение стачечной волны в военные годы по месяцам, что позволит показать связь забастовок с событиями в стране и роль пролетариата в общеполитической борьбе. Состав пролетариата во время войны изменялся. Мобилизация на фронт рабочих и расширение работы промышленности на войну потребовали нового пополнения. Чтобы укрыться от мобилизации, на производство пришла известная часть сельской буржуазии, кулацкие сынки и т. п. Но главную массу новых рабочих составляла крестьянская беднота; она принесла с собой деревенские предрассудки, на преодоление которых нужно было время. Школа классовой борьбы, влияние старых кадров пролетариата, большая работа партии помогли новым рабочим втянуться в общую пролетарскую борьбу.

Царизму и господствующим классам не удалось обмануть пролетариат, увлечь его на путь «классового мира». Лишь немногочисленные слои рабочих, в том числе недавно пришедшие на производство, примкнули к шовинистическим демонстрациям начала войны или приняли участие в погромных выступлениях в тылу против проживавших в России немцев. Даже официальная статистика, заинтересованная в приукрашивании действительности, смогла выявить в августе лишь одно, с натяжкой два выступления рабочих так называемого патриотического, а на деле шовинистического характера. А за все время войны ведомости фабричной инспекции насчитали 15 шовинистических выступлений рабочих из общего количества 1 410, то есть немногим более 1% [64].

Мобилизация и военное положение, массовые аресты передовых рабочих и в первую очередь большевиков, закрытие большевистских газет — все эти удары по рабочему классу подорвали на время силу стачечного движения. В августе 1914 г. количество забастовок на предприятиях, поднадзорных фабрично-заводской инспекции, сократилось по сравнению с июлем почти в 40 раз, а число бастовавших — более чем в 13 раз [65].

Период с сентября 1914 по январь 1915 г. включительно отличался самым низким за всю войну уровнем забастовочного движения [66]. За эти пять месяцев на предприятиях, поднадзорных фабричной и горной инспекции, произошло 65 забастовок, в которых участвовало 19 тыс. человек. Экономические забастовки все время значительно преобладали над политическими. Территориальное распространение экономических забастовок было очень небольшим. Они охватывали в разное время от 5 до 10 губерний и один горный округ [67]. Слабость общего напора объясняет неудачу большинства экономических стачек того времени.

---

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1959, № 11.

[64] «Рабочее движение в годы войны», стр. 4, 19—20.

[65] Там же, стр. 19.

[66] См. таблицу на следующей странице.

[67] Подсчитано на основе данных «Рабочее движение в годы войны». См. ниже.

Но и в самый тяжелый для забастовочного движения период рабочий класс России нашел в себе силы организовать политические выступления. По призыву большевистской партии в ноябре 1914 г. рабочие пяти предприятий Петрограда и Харькова бастовали в знак протеста против ареста большевистской фракции Государственной думы [68]. Наиболее крупной была забастовка на заводе Парвиайнен в Петрограде. Царские власти арестовали и выслали 10 участников забастовки, а 23 человека призвали в армию [69]. Так в качестве меры борьбы против забастовочного движения стала применяться отправка на фронт.

Суровые репрессии не запугали рабочих. Годовщина Кровавого воскресенья в 1915 г. была отмечена, по сводкам министерства торговли и промышленности, четырьмя забастовками в столице и двумя в Риге. Сведения департамента полиции значительно дополняют картину, свидетельствуя, что в одном Петрограде в память 9 Января бастовали свыше 2,5 тыс. рабочих 14 предприятий [70]. В феврале—марте 1915 г. наметилась тенденция к подъему стачечного движения. В феврале рабочие нескольких предприятий бастовали в знак протеста против осуждения царским судом большевиков — депутатов Государственной думы. В апреле подъем движения стал фактом и продолжался (с перерывом в июле и августе) до ноября включительно [71]. За эти семь месяцев в борьбу было вовлечено, по официальным сведениям, более 467 тыс. рабочих 835 предприятий. В 1915 г. по стачечной активности явственно выделялись два периода: первый — в апреле — июне, когда имели место 440 забастовок

Таблица к сноске 66.

Год	Месяц	Всего забастовок	Всего бастовавших	В том числе политических забастовок	Бастовавших по политическим мотивам
1914	Август . . .	26	27 148	3	3 450
	Сентябрь . . .	10	4 661	—	—
	Октябрь . . .	9	1 153	—	—
	Ноябрь	16	2 646	5*	895
	Декабрь . . .	9	1 604	—	—
1915	Январь . . .	21	8 906	6**	2 039

* Не учитывает забастовку на заводе Парвиайнен (1 050 человек). См. ниже.

** Сильно преуменьшено. Только в столице было 14 забастовок.

Составлено по материалам «Рабочее движение в годы войны», где даются официальные данные фабричной и горной инспекций.

[68] Там же, стр. 27—28.

[69] «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны», стр. 41, 43—44.

[70] «Рабочее движение в годы войны», стр. 207—209.

[71]

Месяц (1915 г.)	Всего забастовок	Всего бастовавших	В том числе политических забастовок	Бастовавших по политическим мотивам
Февраль	32	24 929	8	4 632
Март	35	22 404	6	4 959
Апрель	111	38 590	1	220
Май	165	63 008	13*	1 323
Июнь	164	80 054	2	3 124
Июль	92	28 104	—	—
Август	76	54 625	50	43 929
Сентябрь	184	113 866	115	87 621**
Октябрь	80	78 027	8	2 057
Ноябрь	55	39 628	6	6 106
Декабрь	48	17 102	1	959

* Сильно преуменьшено. По сведениям департамента полиции, было еще 17 забастовок. См. ниже.

** Сильно преуменьшено. См. ниже.

Составлено по материалам сборника «Рабочее движение в годы войны». Включает данные фабричной и горной инспекций.

со 181 652 участниками, и второй — в августе — октябре, отмеченный 340 стачками с 246 518 участниками.

Переход пролетариата к активной стачечной борьбе был вызван рядом причин. Война затягивалась. Начались первые поражения царизма на фронте. Скрыть неудачи не удавалось: в тылу появились тысячи беженцев; госпитали были переполнены ранеными. Стали сказываться последствия неподготовленности царской России к войне. Ухудшилось продовольственное положение в стране. Бедствия и тяготы войны возросли. Появились первые смутные требования мира как выражение растущего стихийного недовольства масс войной. Окрепли ряды партии большевиков, учитывавшей изменения в настроении народных масс и систематически, упорно направлявшей бессознательный протест против войны в русло сознательной борьбы против господствующих классов.

Повышение уровня стачечной борьбы с весны 1915 г. оказалось неожиданным для царских властей. Они усилили полицейские преследования, но волна забастовок продолжала нарастать изо дня в день. Напуганное взрывом забастовок, царское правительство не остановилось и перед кровавыми расправами. 5 июня в Костроме были расстреляны бастовавшие рабочие, которые требовали освобождения арестованных товарищей. 12 убитых, 45 раненых и много арестованных [72] — таков был результат очередного преступления царских палачей.

Но репрессии уже не помогали царским властям. На базе массовых экономических стачек в 1915 г. росло число политических выступлений рабочего класса. Первый большой подъем их связан с празднованием международного дня пролетарской солидарности. Фабричная и горная инспекции упоминают о 14 первомайских забастовках. Но в архивах департамента полиции содержатся данные еще о 17 подобных стачках. Они происходили в Петрограде, Риге, Самаре, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Нахичевани-на-Дону и в Московской, Харьковской, Самарской, Саратовской, Тверской, Полтавской, Иркутской губерниях. Забастовки имели, как видим, довольно широкое территориальное распространение. Правда, за исключением Петрограда, где, по данным большевистской печати, бастовало 35 тыс. человек, первомайские стачки еще не были массовыми [73].

Анализ стачечной борьбы, вспыхнувшей весной и летом 1915 г., не только раскрывает фон, на котором разворачивались известные политические события этого периода (имеется в виду создание «прогрессивного блока» в Государственной думе), но и явственно показывает, кто был главной пружиной общего хода событий. Буржуазные деятели затеяли шумную возню вокруг организации «прогрессивного блока», который они назвали поворотным пунктом всей общественной жизни России. Меньшевистская фракция оказала полную поддержку «прогрессивному блоку» и вслед за буржуазией считала его создание центральным пунктом всей политической жизни.

На деле создание «прогрессивного блока» было не поворотным пунктом в жизни страны и даже в деятельности Государственной думы и не самостоятельным актом буржуазии. Внезапно развернувшиеся массовые стачки пошатнули царизм, и буржуазные деятели кинулись спасать власть. Родзянко, который, как и Милюков, пытался выдать создание блока за смелый шаг буржуазии в ее борьбе с царизмом, позднее признался, что «прогрессивный блок в Государственной думе явился последствием необходимости самообороны и борьбы с нарождающимся революционным движением в стране» [74]. Более резко и образно выразил

[72] «Рабочее движение в годы войны», стр. 213.

[73] Там же, стр. 51, 61, 62, 209—211; «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 61.

[74] «Февральская революция», стр. 5; см. также «Архив русской революции». Т. VI. Берлин. 1922, стр. 15.

свое отношение к событиям соратник Родзянко по созданию «прогрессивного блока» националист В. В. Шульгин, писавший о целях создания блока: «...недовольство масс, которое легко могло бы перейти в революцию, подменить недовольством Думы...» [75].

Подъем стачечного движения — вот действительный поворотный пункт общественного развития. Пролетариат являлся главной движущей силой общего хода событий. Особенно ясно это сказалось во втором периоде стачечного подъема 1915 г.: в августе — октябре, по официальным данным, имели место 173 политические стачки (более 50% всех стачек) со 133 тыс. участников. Наивысшего взлета движение достигло в сентябре 1915 г., когда состоялось 115 политических стачек (почти 63% всех стачек этого месяца), в которых участвовало, по официальным, как покажем дальше, явно заниженным данным, до 90 тыс. человек.

Августовские классовые бои начали текстильщики Иваново-Вознесенска, объявившие общую забастовку протеста против войны. Забастовка, которой руководили большевики, сопровождалась многолюдными демонстрациями под лозунгами «Долой правительство!», «Всеобщая амнистия» и др. В ночь на 10 августа по городу были расклеены прокламации «Иваново-Вознесенского временного областного Комитета РСДРП» с призывом к рабочим и солдатам сплотиться в нелегальную организацию, чтобы при первом удобном случае превратить империалистическую войну в гражданскую. Полиция арестовала более 20 рабочих, заподозренных в руководстве стачкой [76]. Царские власти прибегли к кровавой расправе с ивановववознесенцами. Число жертв расстрела составило 100 убитых и 40 раненых [77].

События в Иваново-Вознесенске вызвали бурный протест рабочих. Только в Петрограде, по данным фабричной инспекции, бастовало свыше 18 тыс. рабочих на 16 предприятиях [78], а по сведениям охранки и петроградского общества фабрикантов и заводчиков,— 22 897 рабочих на 24 заводах [79]. Забастовки шли три дня — с 17 по 19 августа. На многих заводах состоялись митинги протеста. Рабочие верфи Путиловского завода отказались приступить к работе, потребовали освободить из ссылки 5 большевистских депутатов Государственной думы [80].

Сентябрьские бои начались забастовками протеста против арестов рабочих Путиловского и Петроградского металлического заводов, произведенных полицией в ночь на 30 августа 1915 г.: были арестованы 30 большевиков рабочих и служащих больничной кассы Путиловского завода. В тот же день состоялось заседание Нарвского районного комитета партии, постановившего организовать забастовку протеста против массовых арестов. Уже на следующий день по призыву Нарвского комитета рабочие лафетно-сборочной мастерской Путиловского завода прекратили работу. 1 сентября на дворе Путиловского завода состоялась сходка, на которой присутствовало до 2 тыс. рабочих дневной смены. Перед ними выступил А. А. Андреев, работавший в больничной кассе завода, с призывом от имени Петербургского Комитета к забастовке протеста. Было решено объявить с этого дня трехдневную стачку. Такие же резолюции были приняты рабочими ряда мастерских. 2 сентября забастовали рабочие пушечной, шрапнельной, паровозо-механической,

[75] «Февральская революция», стр. 74; В. В. Шульгин. Дни. Белград. 1925, стр. 114.

[76] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 124, д. 11, ч. 2, 1915 г., лл. 139—141.

[77] «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 61; в официальном донесении указаны только 28 убитых и 56 раненых (ЦГИАМ, ф. 102, оп. 124, д. 11, ч. 2, 1915 г., л. 141).

[78] «Рабочее движение в годы войны», стр. 90.

[79] И. Лейберов. Рабочее движение в Петрограде в годы первой империалистической войны (1914 — январь 1917 г.) (кандидатская диссертация. Л. 1954), стр. 204.

[80] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 124, д. 61, ч. 2, 1915 г., лл. 112—113.

литейной, лафетно-снарядной и других мастерских Путиловского завода. Более 6 тыс. рабочих, бросив работу, на дворе завода устроили сходку и приняли резолюцию, в которой протестовали против арестов, требовали вернуть из ссылки пятерку депутатов-большевиков, убрать с завода казаков. Утвердив резолюцию, толпа с криками «ура» и пением революционного гимна покинула завод. На улице бастовавшие рабочие вновь пропели «Марсельезу». Путиловские большевики собрались в помещении больничной кассы и решили послать делегатов на заводы Выборгской стороны с тем, чтобы призвать рабочих поддержать стачку. Делегаты посетили заводы «Г. А. Лесснер» и Металлический. В тот же день, 2 сентября, в знак солидарности с путиловцами прекратили работу рабочие Северо-механического завода. Рабочие заводов «Г. А. Лесснер» (до 4 тыс.) и Петроградского металлического завода (7 тыс.) по окончании работы устроили во дворе предприятий митинги. На митинге Металлического завода участвовали делегаты путиловцев. Рабочие обоих заводов постановили: выразить протест против арестов и с 3 сентября начать трехдневную забастовку. В этот же день по призыву Петербургского Комитета забастовало, помимо прекративших работу накануне, еще 34 предприятия с числом рабочих 35 760. У завода «Г. А. Лесснер» произошла стычка с полицейскими, которые стреляли в рабочих, ранив одного из них.

3 сентября Петербургский Комитет созвал собрание представителей заводских партийных ячеек, на котором присутствовало 55 человек. Приняли решение продолжать стачку два дня и на третий день приступить к работе, если власти не предпримут какой-либо провокации. 4 сентября стачка продолжалась. Прекратили работу еще 32 предприятия. По данным полиции, число бастовавших достигло 70 тысяч. Массовые митинги прошли на предприятиях столицы в связи с мерами по «мобилизации промышленности», означавшими увеличение тягот военной каторги для рабочих. Всего, по сведениям большевиков, только в Петрограде в забастовке приняло участие 150 тыс. рабочих.

Сентябрьские стачки в Петрограде не были изолированными: в эти же дни бурные события развернулись в Москве. Одновременность этих событий говорит об общем руководстве. Московские большевики были осведомлены о предполагавшейся стачке в столице и заранее подготовились к политической кампании. Комитеты в районах выпустили по нескольку листовок с призывом к стачке. На заводах большевики провели собрания, организовали митинги. Ораторы разъясняли, что стачки направлены не в защиту Государственной думы, а против всей политики господствующих классов. Стачки начались 3 сентября: прекратили работу примерно 2 500 рабочих 7 предприятий. На следующий день забастовали уже 28 087 рабочих 44 предприятий. Состоялись крупные демонстрации рабочих Даниловской мануфактуры, типографии Сытина и др. События развивались быстро: 5 сентября число бастующих достигло 44 264, охватив 117 предприятий. К этому следует прибавить бастующих рабочих городской электростанции и трамвая.

Всего, по данным фабрично-заводской инспекции, в сентябре в Москве было 93 стачки (76 политических и 17 экономических), в которых приняли участие 38 475 рабочих. Но по донесениям в охранное отделение полицейских надзирателей и приставов, за 6 дней бастовало 62 834 рабочих 164 предприятий. По сведениям московских большевиков, в стачках протеста участвовало до 90 тыс. человек. В числе бастовавших, как свидетельствуют полицейские чины, было 23 930 текстильщиков (8 крупных предприятий), 19 564 металлиста (61 предприятие), 8 978 рабочих полиграфической промышленности (47 предприятий). Среди забастовщиков преобладали текстильщики: 6 тыс. на Прохоровской мануфактуре, столько же на Даниловской, более 2 500 у Цинделя.

Это говорило о распространении движения на более широкие слои пролетариата.

Политическая стачка московских рабочих создала боевое настроение среди трудящихся всего города. Это незамедлительно сказалось в ближайшее время. 14 сентября на Страстной площади (ныне площадь Пушкина) полицейский задержал солдата за безбилетный проезд в трамвае. На месте происшествия быстро собралась толпа и потребовала освободить задержанного. Произошла стычка с полицией. Она приняла большие размеры и продолжалась до 2 часов ночи. На Тверском бульваре рабочие и студенты соорудили баррикады. Полиция открыла огонь из винтовок и револьверов. Рабочие, солдаты и студенты забрасывали полицию камнями, бутылками. Полиция убила 3 и ранила 22 человека; 10 полицейских было ранено. Были арестованы 26 участников выступления, в том числе один поручик и два прапорщика. 16 сентября в знак протеста против расстрела и арестов начались стачки на заводах. Рабочие «Динамо», бастовавшие с 4 по 8 сентября, вновь прекратили работу. Их примеру последовали рабочие завода Бари. Большевики «Динамо» выпустили листовку с протестом против произвола властей. В сентябре динамовцы пять раз организовывали политические забастовки. По данным охранки, стачки протеста охватили 13 предприятий. В тот же день, 16 сентября, после митингов и принятия резолюции, забастовали студенты Московского университета, Коммерческого института, Технического училища, слушательницы Высших женских курсов. В университете социал-демократическая группа распространила листовку по поводу событий 14—15 сентября. Участие в них солдат и студентов говорит о том сочувствии, которым были окружены рабочие Москвы. Сентябрьские политические стачки разбудили армию. Они вызвали общедемократическое движение.

В конце сентября в Москве вспыхнули массовые экономические забастовки. Прекратили работу более 5 тыс. рабочих Даниловской мануфактуры, 3 тыс. на фабрике Цинделя. К текстильщикам присоединились 1 700 рабочих «Динамо». Во главе стачек стояли большевики — местные организации, заводские группы и стачечные комитеты. Прекратили работу трамвайщики. Стачечники держались дружно. Большинство предприятий не работало по 2—3 недели, 2 недели не ходили трамваи. Всего, по сведениям фабрично-заводской инспекции, бастовало 17 предприятий с 16 383 рабочими. Полиция насчитала 19 стачек с 19 333 участниками, что также не соответствует действительности, так как бастовали рабочие крупных предприятий. Московские большевики считали, что одних рабочих бастовало более 35 тысяч. Власти боялись превращения стачки во всеобщую забастовку. Из Ярославля охранка запрашивала Москву, не предстоит ли всеобщая забастовка. Действительно, московские большевики пробовали создать общий стачечный комитет, успели даже объединить несколько заводов, но массовые аресты сорвали план.

Однако это не приостановило борьбы рабочих. Многие стачки продолжались и в следующем месяце: в октябре, по тем же сведениям фабрично-заводской инспекции, состоялись 23 стачки с 40 тыс. участников, среди них много рабочих предприятий Московской губернии [81].

Петроградские и московские события нашли отклик в провинции.

---

[81] Очерк о сентябрьских событиях в Москве составлен по следующим материалам: ЦГИАМ, ф. 63, д. 1325, 1915 г.; д. 25, т. 1, 1915 г.; ф. 102, 4 дел-во, д. 42, ч. 9, 1915 г.; д. 144, т. 2, 1915 г.; д. 144, т. 2, 1915 г.; «Рабочее движение в годы войны», стр. 96—110; «Большевики в годы империалистической войны», стр. 84—87; В. И. Ягункова. Борьба московского пролетариата против первой мировой империалистической войны (кандидатская диссертация. М. 1952), стр. 199—217; С. В. Шестаков. Компартия во главе стачечной борьбы пролетариата (1914 — март 1917) (кандидатская диссертация. М. 1953), стр. 142—143; Л. А. Карлова. Борьба рабочих «Динамо» против царизма и буржуазии, стр. 209—210.

В Нижнем Новгороде бастовало 25 тыс. человек; стачка длилась один день [82]. В Саратовской губернии прокатилась волна забастовок рабочих лесопильных заводов Саратова, Царицына, Бекетовки, Дубовки. Всего в сентябре 1915 г. в губернии произошла 21 забастовка, из них 17 — с 15 по 22 сентября, то есть примерно в те же дни, что и в Москве [83].

Стачки в это время имели место и на Украине. Харьковская охранка сообщала в сентябре 1915 г. о массовом распространении большевистских воззваний «Что делать?» и «Товарищи рабочие и солдаты», изданных от имени Харьковского комитета. В сентябре и октябре состоялись стачки на паровозостроительном заводе, на заводе ВКЭ, Шиманского и в двух типографиях, охватив более 7 100 человек, то есть примерно половину всех стачечников за год. На Павловском (г. Сумы) и Веринском рафинадных заводах в забастовках участвовали 2 700 человек. В целях установления более тесной связи с рабочим движением и большевиками обеих столиц Харьковский комитет большевиков командировал в сентябре члена комитета Я. И. Бузанова в Петроград и Москву [84].

Сентябрьские события в столицах оживили партийную работу в Екатеринославе. Местные большевики отпечатали в своей подпольной типографии несколько листовок от имени организации РСДРП Южно-русского горнопромышленного района. Листовки распространялись на всех заводах города. В гектографированной прокламации, выпущенной в сентябре 1915 г., большевики разоблачали царское правительство — организатора преступной войны, а также «козни Милюкова и К°», призывавших рабочих поддержать продажное правительство. Большевики призывали пролетариев Южного района присоединиться к выступлениям московских и петербургских рабочих. Этот призыв подтверждает не только общий характер сентябрьских событий в стране, но и единое руководство партии.

В сентябре, следуя призыву большевиков, рабочие Нижнеднепровских железнодорожных мастерских предъявили требования о повышении зарплаты. Администрация долго тянула с ответом и согласилась добавить 4—7 руб. в месяц. Возмущенные рабочие выступили с новыми требованиями о повышении зарплаты. Их поддержали рабочие вагонных мастерских и депо станции Екатеринослав. Стачки готовились и на других предприятиях Екатеринослава и в губернии.

Получив сведения о готовящихся стачках, власти стали принимать срочные меры. По распоряжению губернатора на шахтах и заводах были усилены наряды полиции, в губернию вызваны войска. Полиция арестовала ряд активных большевиков. Против рабочих выступили единым фронтом полиция и предприниматели. Соединенными усилиями им удалось отсрочить нарастающие события [85].

---

[82] «Социаль-демократ» № 47, 13 октября 1915 года.

[83] В. Е. Чаплик. Саратовская большевистская организация и ее легальный орган «Наша газета» в годы империалистической войны (1914—1916) (кандидатская диссертация. Саратов. 1947), стр. 292. Местные события не всегда отражались в докладах и отчетах центральных органов. Необходимо еще раз отметить значение работ, построенных на местном материале и вовлекающих в научный обиход много новых данных.

[84] А. П. Коротенко. Большевики Харьковщины в борьбе против царизма в период мировой империалистической войны и второй революции в России (кандидатская диссертация. Киев. 1951). Таблицы 6 и 8; А. А. Воскресенский. Революционная борьба рабочих Харьковского паровозостроительного завода против самодержавия и капиталистов (1895—1917 гг.) (кандидатская диссертация. Л. 1950), стр. 376—377.

[85] Л. Е. Бардагова. Большевики Екатеринославщины во главе рабочего движения в годы первой мировой войны (кандидатская диссертация. Киев. 1952), стр. 160—162; Н. Ф. Сидорчук. Екатеринославская большевистская организация в период первой мировой империалистической войны (кандидатская диссертация. Киев. 1951), стр. 180—182.

В сентябрьских стачках 1915 г., по данным фабрично-заводских инспекторов, по всей стране участвовало до 90 тыс. человек. В действительности, как показывают приведенные нами данные, не охватывающие всю страну, бастовало не менее 250 тыс. рабочих.

Новое в сентябрьских событиях 1915 г. состояло в том, что впервые со времени войны и в таком широком масштабе стачки петроградских рабочих были своевременно поддержаны рабочими других промышленных центров и в первую очередь Москвы. Причем поддержаны организованно, по призыву большевиков. Новое состояло также и в том, что рабочие своей борьбой начали будить и вести за собой общедемократическое движение. Пролетариат, казавшийся господствующим классам обескровленным потерями на фронте, ослабленным жестокими репрессиями и задавленным тяжелой нуждой, выпрямился во весь рост и во главе с большевиками выступил как гегемон, руководитель всенародной борьбы против царизма и капиталистов. Наступил перелом в развитии борьбы. С этого периода рабочее движение прочно приняло массовый революционный характер.

Царские власти, не довольствуясь обычными репрессиями, пытались истощить революционное движение отправкой рабочих на фронт. Посылка рабочих в окопы стала одним из основных средств борьбы с революционным движением. Полиция требовала от предпринимателей после каждой забастовки «очищаться» от революционных элементов. Но уже и такая мера, как посылка под снаряды и пули, применяемая в широких размерах, не могла приостановить нарастание рабочего движения. Подъем забастовочной борьбы явился важнейшей составной частью событий, приведших к революционному кризису.

К осени 1915 г. сказались последствия тяжелого поражения царской России на фронте. Были потеряны все районы, которые армия завоевала в Галиции. Царские войска оставили Польшу. Россия не выдержала испытаний войны. Страну охватила разруха. Во многих районах имели место беспорядки из-за нехватки продовольствия. Поражения царской России на фронте усилили брожение в широких народных массах. Жизнь подтверждала актуальность большевистского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую, подтверждала правильность политики партии, рассчитанной на поражение правительства. Поражение царизма на фронте было наименьшим злом: оно облегчало и ускоряло революционное движение пролетариата. «Все видят теперь,— писал В. И. Ленин во второй половине сентября 1915 г.,— что революционный кризис в России налицо...» [86].

Подвиг пролетариата, поднявшего знамя открытой политической борьбы вопреки жесточайшим преследованиям, ярко показал, кто является главной движущей силой общественного развития: впервые с начала войны на улицу вышла та самая революция, для предотвращения которой предпринималась война.

Выступление пролетариата оказало решающее влияние на позиции всех других классов. Оно всполошило и самодержавие. Тревогу царских кругов выдает резолюция Николая II на докладе Хвостова, назначенного в сентябре управляющим министерством внутренних дел: «Дай вам бог успеха, умения и сил исполнить возложенное мною на вас трудное дело — умиротворение внутренней жизни России» [87].

Политическая борьба рабочих осенью 1915 г. чрезвычайно встревожила буржуазию. Буржуазные круги, которые давно уже пришли к выводу, что царизм не справляется с войной, теперь стали убеждаться в его неспособности справиться и с революцией. Боясь революции не менее, чем царизм, буржуазия открыто заговорила о необходимости

[86] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 345.
[87] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 249, д. Е. Х. 21, 1914—1917 гг., л. 52.

создания ответственного перед Государственной думой министерства, способного продолжать войну и обуздать рабочих.

Вслед за хозяевами повернули и их меньшевистские лакеи. Организационный комитет (ОК), исполнявший роль ЦК для меньшевистских организаций «августовского блока», созданного против большевиков в 1912 г., обратился со специальной платформой к участникам блока. ОК рекомендовал поддержать требования других (читай: буржуазных) партий об удалении нынешнего «правительства измены», требовать от них решительной оппозиции этому правительству, указывать «рабочему классу на громадное значение, которое имел бы переход действительной государственной власти к представителям буржуазии» [88].

По поводу надвигающейся революции выступил и предатель Троцкий, повторив свою старую, опровергнутую жизнью схему так называемой «перманентной революции». Утверждая, что в эпоху империализма будто только два класса противостоят друг другу — пролетариат и буржуазия,— автор этой насквозь оппортунистической «теории» игнорировал роль широких крестьянских масс в революции, чем обрекал ее на поражение.

Все оттенки меньшевизма оказались едиными в решающем пункте: они выступили против действительно народной революции. Им нужна была революция не для победы народа, а в целях устранения царизма и утверждения господства буржуазии, для победы в империалистической войне.

Большевики были единственной силой, которая звала народ к революции. Тесно связанная с массами, партия своевременно заметила и правильно оценила поворот в рабочей среде. Летом 1915 г. Петербургский Комитет обратился к солдатам и рабочим с призывом организовать свои силы для грядущей революции.

Осенью 1915 г., когда развернулось мощное революционное движение и появились первые признаки революционизирования армии, Петербургский Комитет призвал ко всеобщей политической стачке [89]. В это же время он начал агитацию за создание Советов рабочих депутатов. Не останавливаясь на вопросе о своевременности выдвижения этого лозунга, подчеркнем здесь, насколько глубоко жила идея Советов в сознании народа: при первых же признаках приближающейся революционной бури передовые рабочие выдвинули ту форму борьбы и организации власти, которая родилась в русской революции 1905—1907 годов. Важно также отметить, как широко был усвоен опыт первой революции, если рабочие сразу выступили за создание не отдельных Советов, а за организацию Всероссийского Совета. «Представители фабрик и пр., выбранные на основе пропорционального представительства во всех городах, должны составить общерусский Совет Рабочих Депутатов, где наши думают получить большинство. Все чувствуют, что близится революция»,— так сообщалось в «Социал-демократе» о рабочем движении в Петрограде [90].

В. И. Ленин выступил с рядом статей о грядущей революции [91], в которых раскрыл классовые корни меньшевистских схем революции, меньшевистских шатаний от призывов к борьбе против всяких революционных действий до признания возможности революции. В основе их позиции лежали колебания мелкой буржуазии. Военный кризис, пора-

---

[88] «Пролетариат и война». Проект платформы, предложенный организациям «августовского блока» заграничным секретариатом Организационного комитета (тезисы). Цюрих. 1915, стр. 9—11.

[89] «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 63.

[90] Там же, стр. 62.

[91] «Поражение России и революционный кризис», «Несколько тезисов», «О двух линиях революции», «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами» и др. В. И. Ленин. Соч. Т. 21.

жения царизма на фронте, разруха в стране и главным образом борьба пролетариата толкали мелкобуржуазные массы влево, что отразилось на позиции мелкобуржуазных политических партий. Меньшевики и эсеры пытались направить левеющие массы в русло либеральной политики для поддержки буржуазии.

В. И. Ленин разоблачил и Троцкого, чья схема с ее отрицанием роли крестьянства вела в конечном итоге к отречению от революции. «Троцкий на деле,— писал В. И. Ленин,— помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию!» [92].

В своих работах В. И. Ленин дал глубокий анализ грядущей революции. Определяя ее характер в статье «Несколько тезисов», он писал: «Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством» [93].

За десять лет, прошедших со времени революции 1905—1907 гг., обстановка в стране существенно изменилась. Выросла численность пролетариата почти на 45%, увеличилась его концентрация, в силу чего резко повысилась роль рабочего класса в руководстве общенародной борьбой. Возросли опытность и сознательность пролетариата, прошедшего сквозь испытания периода реакции, через революционные стачки эпохи подъема, через каторжные условия войны.

В деревне углубилось классовое расслоение, обострилась вторая социальная война — между беднейшим крестьянством и кулачеством. Сознательнее стала деревенская беднота, укрепилась ее связь с промышленным пролетариатом. В результате столыпинского «освобождения» от земли расширилась основа массового движения. В огромной степени увеличилась масса пролетарского и полупролетарского населения, в том числе и в сельском хозяйстве, где успели сказаться результаты столыпинского разорения крестьянства и краха царской переселенческой политики («возвращенцы»). В силу дальнейшей концентрации промышленности значительно больше стало разоренных, пролетаризированных людей в ремесле и кустарной промышленности. Выросли и окрепли внутренние силы, обеспечивавшие победу революции и ее дальнейшее развитие.

Все это не только облегчало свержение самодержавия, но и, несомненно, ускоряло процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Пролетариат борется,— подчеркивал В. И. Ленин,— и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [94].

Изменилась и международная обстановка. Первая русская революция развернулась через 35 лет после последнего революционного восстания французского пролетариата — Парижской коммуны, после почти 35-летнего сравнительно мирного периода развития капитализма. Теперь революция в России наступала в условиях революционной ситуации, созданной империалистической войной. За годы, прошедшие со

[92] Там же, стр. 382.
[93] Там же, стр. 367.
[94] Там же, стр. 382—383.

времени 1905 г., в России развился империализм. Интересы царизма и западного империализма переплетались. Империалистическая война обострила все противоречия в стране, обнажила их, сделав царскую Россию в силу ряда обстоятельств слабейшим звеном империализма.

Поэтому вторая буржуазно-демократическая революция не могла быть повторением первой. Отличие грядущей, второй революции от первой заключалось в том, что историческое развитие и внутри страны и вовне подготовило ускорение перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Именно в этот период — той же осенью 1915 г., когда В. И. Ленин писал свои статьи о перспективах развития революции в России,— он пришел к гениальному выводу, что в силу неравномерного развития капитализма, принявшего особо скачкообразный характер, социализм не может победить одновременно во всех странах, что победа социализма возможна первоначально лишь в одной, отдельно взятой стране или в нескольких странах.

Определив характер и перспективы развития революции в России, В. И. Ленин указал, что главными лозунгами приближающейся революции по-прежнему остаются демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день. Однако новая обстановка, по словам В. И. Ленина, требовала добавить призыв к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны.

В. И. Ленин по-прежнему допускал участие большевистской партии во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией, но не с «революционерами-шовинистами», представляемыми партиями меньшевиков и эсеров. Задолго до революции вождь предупредил большевиков против участия партии в правительстве вместе с соглашателями. В. И. Ленин категорически предупреждал против каких бы то ни было попыток смягчить или устранить разногласия с меньшевиками на том основании, что они тоже «признают революцию». Он считал разговоры об этом, исходящие от революционных филистеров, презренными и вредными[95].

В связи с этим вопросом В. И. Ленин снова подчеркнул, что Советы рабочих депутатов должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти и создаваться только по мере подготовки и развития восстания. Таким образом, В. И. Ленин считал ошибочным выдвижение этого лозунга Петербургским Комитетом в момент, когда восстание еще не стало в порядок дня.

В «Нескольких тезисах» В. И. Ленин ответил и на вопрос, что сделала бы партия большевиков, если бы революция поставила ее у власти: она немедленно бы предложила мир всем воюющим державам на условиях освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов.

Революционный кризис осени 1915 г. не привел, однако, к революции. Крестьянское движение было к тому времени все же слабым. Позиция крестьянства сказывалась на поведении солдат. Часть обновленного за время войны рабочего класса еще оставалась в стороне от активной борьбы. Забастовочная волна в октябре — ноябре оказалась слабей, чем в сентябре, а в декабре наступил спад. Но это была лишь кратковременная передышка перед еще более мощным подъемом. XIV конференция РКП(б), обращаясь к истории революционного движения в стране, отметила, что с 1916 г. в России вновь стала складываться непосредственно революционная ситуация, переросшая в 1917 г. в революцию[96]. Исключительная роль в этих событиях принадлежит

[95] См. там же, стр. 346.

[96] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Изд. 7-е, стр. 164.

забастовочному движению, которое в 1916 г. по массовости и политической направленности поднялось на новую ступень[97].

Январь 1916 г. дал невиданное с начала войны количество стачечников. По официальным данным, их было на $^1/_5$ больше, чем в сентябре 1915 года. Центральное место в январских событиях занимала политическая забастовка в память годовщины Кровавого воскресенья. Большевики готовили ее с начала декабря 1915 года. Накануне 9 января в рабочих ячейках на заводах Петрограда состоялись совещания большевиков, где решили в день стачки не начинать работы, а устраивать митинги и с революционными песнями выходить на демонстрацию. Петербургским Комитетом была опубликована листовка «9 января 1905 года». Много усилий обращалось на агитацию среди солдат и матросов. Петербургский Комитет издал две листовки: «К армии и флоту» (с призывом поддержать революционные требования рабочих) и «К солдатам» (с призывом организоваться и выступить вместе с рабочими против царизма и буржуазии)[98].

Полиция знала о готовящейся забастовке и провела в конце 1915 — начале 1916 г. массовые аресты активных рабочих по всей России и особенно в столице, где только под рождество было арестовано свыше 150 человек. Петербургский Комитет подвергался нескольким налетам. 19 декабря была арестована часть его состава, 21 и 27 — несколько членов его организаторской коллегии, 29 декабря захвачена техника. 31 декабря арестована еще группа членов на заседании, посвященном подготовке к 9 января 1916 г., 8 января произошли новые аресты. Среди арестованных был член Петербургского Комитета, кандидат в члены Центрального Комитета М. И. Калинин[99]. Заводская администрация своими доносами на активно выступавших рабочих помогала выявлять большевиков.

Забастовку пытались сорвать не только полиция и предприниматели. В роли штрейкбрехеров выступили ликвидаторы. С ними шли эсеры, за исключением небольшой группы левых. Накануне 9 января на заводе «Эриксона» состоялось два собрания с участием 2 500 рабочих различных смен, принявших решение о забастовке. Окопавшиеся на заводе ликвидаторы во главе с Гвоздевым решили сорвать стачку. После устной агитации они провели «тайное» голосование среди 900 человек, из них якобы 600 высказались против стачки. На этом основании штрейкбрехеры заявили администрации, что стачки не будет. Когда утром 9 января рабочие, придя на завод, не приступили к работе, выяснилось, что ликвидаторы не примут участия в стачке. К ним послали

97

Месяц (1916 г.)	Всего забастовок	Всего бастовавших	В том числе политических забастовок	Бастовавших по политическим мотивам
Январь	169	135 529	38*	53 489*
Февраль	118	94 559	4	9 450
Март	113	100 129	46	50 643
Апрель	170	125 623	7	16 147
Май	203	154 634	1	750
Июнь	156	113 142	5	9 870
Июль	85	77 544	1	12 115
Август	107	52 542	7	8 428
Сентябрь	93	51 000	—	—
Октябрь	202	187 475	149	138 531**
Ноябрь	66	39 456	15	10 877
Декабрь	60	41 019	—	—

* Сильно преуменьшено. Бастовало не менее 59 предприятий и 72 тыс. рабочих. См. ниже.

** Сильно преуменьшено. Бастовало около 250 тыс. человек в одном Петрограде. См. ниже.

98 «Большевики в годы империалистической войны», стр. 92—94; «Листовки петербургских большевиков». Т. II, стр. 180—184.

99 «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 130.

делегацию, но гвоздевцы, ссылаясь на голосование, отказались бастовать. Возмущенные предательством, рабочие ворвались в цех, вход в который охраняли мастера, и заставили гвоздевцев прекратить работу. Два дня спустя после стачки общее собрание обеих смен при участии 3 тыс. рабочих вынесло резкую резолюцию, осуждавшую ликвидаторов. Заводская ячейка большевиков написала обращение ко всем пролетариям столицы с протестом против поведения ликвидаторов, раскалывавших в угоду эксплуататорам единство рабочих, и с предложением бойкотировать гвоздевцев — доносчиков и штрейкбрехеров.

Забастовка приняла особенно массовый, боевой, революционный характер в Петрограде. Здесь, по данным полиции, бастовало свыше 66 тыс. рабочих 55 предприятий [100], а по сведениям предпринимателей — даже до 100 тыс. человек [101]. Забастовка в столице сопровождалась демонстрациями под красными флагами. На заводе «Старый Лесснер» состоялся огромный митинг с участием до 10 тыс. рабочих. Выступили четыре большевика. После митинга толпа с красными знаменами с криками «Долой войну!», с революционными песнями вышла на демонстрацию. То же имело место на многих других заводах. При этом случалось, что солдаты выражали сочувствие демонстрантам. Произошла даже совместная рабоче-солдатская демонстрация: в тысячной толпе рабочих было 300—400 солдат [102]. Кроме столицы, забастовки в память 9 Января прошли в Москве, в Тверской губернии и на Ревельском судостроительном заводе [103].

В январе произошло также много экономических стачек, охвативших 25 губерний. Среди них следует отметить такие крупные, как забастовка более 12 тыс. рабочих тульских заводов и стачка почти 11 тыс. рабочих николаевских судостроительных заводов [104]. Количество забастовщиков по экономическим мотивам и в этом месяце несколько превышало число политических стачечников.

Стремясь помешать новому подъему рабочего движения, царское правительство решило нанести удар по петроградскому пролетариату — передовому отряду рабочего класса России. В феврале 1916 г. бастовали путиловцы. Завод вследствие стачки был закрыт 6, 7 и 8 февраля и вторично с 23 февраля до конца месяца. Петроградская охранка писала по поводу этой стачки, что она «с первых же дней начала протекать под руководством Петербургского Комитета» [105]. Власти использовали февральскую забастовку на Путиловском заводе, чтобы исполнить приказ градоначальника Туманова об отдаче забастовщиков в солдаты. Несколько сот забастовщиков были отправлены в дисциплинарные батальоны [106]. Петербургский Комитет большевистской партии призвал рабочих столицы к забастовке протеста против приказа Туманова. На призыв партии откликнулись, по преуменьшенным официальным данным, 57,5 тыс. рабочих 42 предприятий [107]. Запугать пролетариат репрессиями не удалось.

Забастовочная волна, прокатившаяся по стране в феврале и марте, хотя и была несколько ниже январской, превышала уровень любого месяца 1915 г., кроме сентября — точки высшего подъема. Многие из экономических забастовок, значительно преобладавших в эти месяцы, выражали возмущение рабочих плохим снабжением продовольствием и предметами первой необходимости.

---

[100] «Рабочее движение в годы войны», стр. 240.
[101] «Большевики в годы империалистической войны», стр. 94—95.
[102] Там же, стр. 95; «Социаль-демократ» № 53, 13 апреля 1916 года.
[103] «Рабочее движение в годы войны», стр. 126.
[104] Там же, стр. 130—131, 249—252.
[105] ЦГИАМ, ф. 102, д. 5, ч. 57, 1916 г., л. 43.
[106] «Рабочее движение в годы войны», стр. 299.
[107] Там же, стр. 133, 141, 265—267.

Апрель — июль 1916 г. прошли в напряженных стачечных боях. Фабричная и горная инспекция зарегистрировала за это время 614 забастовок, в которых приняли участие 471 тыс. рабочих. Политическими стачками были отмечены годовщина Ленских событий и день 1 Мая [108]. Ряд политических выступлений носил характер протеста против арестов или сдачи в солдаты передовых рабочих. Так, в июле бастовали 12 115 рабочих Сормовского завода, выражавших свое возмущение сдачей в армию двух товарищей [109]. Процент политических стачечников в эти месяцы по сравнению с началом года значительно снизился. Но для экономических забастовок этого периода характерна чрезвычайная стойкость рабочих в борьбе. Май и июнь дали наибольшее с начала войны количество потерянных рабочих дней [110]. Другая важная черта забастовочного движения заключалась в росте его вширь, в распространении на новые районы. В апреле экономические забастовки охватили 21 губернию и 7 горных округов, в мае — 10 губерний и 10 горных округов, в июне — 24 губернии и 4 округа, в июле — 25 губерний и 3 округа. Для сравнения укажем, что в 1915 г. забастовочное движение в большинстве случаев распространялось одновременно не свыше чем на 15 губерний и лишь в двух случаях охватывало 20 и 23 губернии [111].

В августе — сентябре серьезных изменений в забастовочном движении не произошло. Стачечная волна даже снизилась. По официальным данным, имело место 200 забастовок, в которых участвовали 103,5 тыс. человек. Экономические забастовки происходили в августе в 23 губерниях и 3 горных округах, в сентябре — в 21 губернии и 4 округах [112]. Процент политических стачек был незначителен. Но в этот период видимого ослабления борьбы пролетариат собирал силы для грядущих решительных наступлений. Партия большевиков проводила большую организационную и агитационную работу. В пролетарских массах зрело возмущение преступной политикой самодержавия, ведшего страну к катастрофе.

Отправка на фронт забастовщиков оказалась «рискованной» мерой: она, с одной стороны, не снижала революционности оставшихся рабочих, напротив, озлобляла их, а с другой стороны, направленные на фронт рабочие распространяли революционные идеи в армии. Царизм против своей воли расширял сферу действия революции. В Петроградском гарнизоне, куда власти направляли часть призванных забастовщиков, особенно быстро проявилось влияние революционных рабочих на солдат. В докладе охранки отмечалось: «...Близкие сношения столичных рабочих с солдатами также показывают, что и в армии настроение стало очень и очень неспокойным, если не сказать «революционным» [113]. Боевой союз между рабочими и крестьянством укреплялся.

Октябрь 1916 г. явился как бы генеральной репетицией январско-февральских стачечных боев, переросших в революцию 1917 года. Общий размах забастовочного движения в этом месяце, по официальным данным, в полтора раза превысил уровень января 1916 г., то есть кульминационного пункта предшествовавшей борьбы. Второй раз в истории

---

[108] Первомайских забастовок в 1916 г. было сравнительно немного, так как праздник пролетарской солидарности пришелся на воскресенье, когда большинство предприятий не работало. Политические выступления рабочих в день 1 Мая имели другие формы: вывешивание красных флагов и пролетарских лозунгов, попытки демонстраций, сбор денег в помощь большевистской печати. По характерному донесению эстляндского губернатора, «общее настроение рабочей массы, несмотря на внешнее спокойствие, обрисовалось весьма революционно» (там же, стр. 292—295).

[109] Там же, стр. 176.

[110] Там же, стр. 6—7.

[111] Подсчитано нами на основе данных, приведенных в сборнике «Рабочее движение в годы войны».

[112] Подсчитано по материалам сборника «Рабочее движение в годы войны».

[113] «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 157.

стачечного движения военных лет количество политических забастовщиков далеко обогнало число бастовавших по экономическим мотивам. Исключительную роль в событиях октября 1916 г. сыграл петроградский пролетариат, поднявшийся на массовую политическую стачку.

Настроение в рабочей среде было крайне возбужденным. Отдельные стачки вспыхивали почти ежедневно. В продовольственных очередях приходилось простаивать долгие часы, иногда всю ночь. Хлеба в булочных часто не хватало. Происходили нередко стычки с полицией. В массах ходили слухи о революционном взрыве в Москве. В таких условиях листовка Петербургского Комитета с призывом к борьбе против войны и царизма была воспринята как сигнал к выступлению. 17 октября забастовали 7 предприятий с 20 300 рабочими. Движение быстро нарастало. 18 октября бастовало уже 26 предприятий с 41 705 рабочими, 19 октября — 45 предприятий с 66 625 рабочими [114]. В первый же день стачки солдаты одного из полков Петроградского гарнизона присоединились к бастующим. Во время столкновения рабочих с полицией, происходившего напротив казарм 181-го запасного полка по Большому Сампсоньевскому проспекту, солдаты стали бросать в полицию камни, а затем, сломав забор, присоединились к рабочим. С революционной речью выступил один из прапорщиков. Вызванная офицерами учебная команда загородила пролом в заборе, чтобы не выпустить солдат двух других батальонов. Но она отказалась стрелять по демонстрантам. К месту происшествия прибыли казаки, которые, однако, не захотели или побоялись открыть огонь. Солдаты уговаривали рабочих продолжать борьбу, высказывали надежду на присоединение к ним других полков. Военно-полевому суду было предано свыше 30 солдат, а сам полк в конце 1916 г. был намечен к расформированию [115].

Большевики считали, что политическая цель выступления достигнута. Исходя из этого, Петербургский Комитет выпустил 19 октября листовку о прекращении стачки. «Возвращайтесь теперь к станкам,— призывали большевики,— с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискацию помещичьих земель» [116]. 21 октября стачка была организованно закончена.

Но прошло всего несколько дней, и борьба возобновилась. Царское правительство решило расправиться с революционными кронштадтскими матросами. На 26 октября 1916 г. было назначено слушание дела 19 матросов, обвинявшихся в принадлежности к военно-морской организации партии большевиков. Военно-полевой суд грозил также солдатам, арестованным за участие в событиях 17 октября. Рабочий класс не мог остаться равнодушным к судьбе товарищей по борьбе. Петербургский Комитет решил организовать стачки протеста в течение трех дней, чтобы охватить как можно больше заводов. Были изданы специальные прокламации с призывом к рабочим протестовать против суда. Партийные заводские организации провели среди рабочих митинги и возглавили стачки. В назначенный день, 26 октября, забастовало большинство заводов Выборгской стороны и часть предприятий Васильевского острова. На третий день стачка охватила 50 крупных заводов со 120 тыс.

---

[114] «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 175. По новым данным, в столице 19 октября бастовало не менее 57 предприятий с числом забастовщиков 67 385. По сведениям полиции, еще 20 октября бастовало до обеда 36 653 чел., и после обеда осталось 19 585 человек. См. «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.». Документы и материалы. Л. 1958, №№ 331, 333, 335.

[115] Там же, стр. 169—170, 270; «Социаль-демократ» № 57, 30 декабря 1916 г. По другим данным, арестовано и предано суду 130 солдат.

[116] «Листовки петербургских большевиков». Т. II, стр. 226.

рабочих, а также ряд мелких предприятий. Чтобы сорвать забастовку, главный начальник Петроградского военного округа приказал закрыть до особого распоряжения ряд крупных бастовавших предприятий, а рабочих уволить. 27 и 28 октября было закрыто 13 заводов и фабрик, на которых работало 36 537 человек[117]. Но внести раскол в ряды рабочих не удалось.

Петербургский Комитет постановил ответить на локаут общегородской забастовкой. Впредь до его снятия решено было устраивать во время забастовок уличные демонстрации. Была выпущена листовка с призывом к стачке — протесту против локаута[118]. По призыву ПК рабочие пришли в движение. Если в течение первых трех дней бастовало около 130 тыс. человек, то за четыре дня число стачечников поднялось до 182 тысяч[119]. Таким образом, за октябрь в столице бастовало по политическим мотивам около 250 тыс. человек. 31 октября локаут был отменен. В этот же день была закончена и массовая политическая стачка. В связи со стачкой власти арестовали более 1 тыс. рабочих и назначили к отправке на фронт 1 750.

В Москве, по сведениям охранного отделения, было 13 забастовок с 8 467 участниками. Среди них самая крупная — стачка 3 200 рабочих Сокольнических военных мастерских. Рабочие протестовали против войны и дороговизны и требовали прекращения войны[120]. В октябре имела место и экономическая борьба в провинции. По официальным данным, всего в ней приняли участие около 49 тыс. рабочих 79 предприятий, расположенных в 14 губерниях и одном горном округе. Но сведения эти явно преуменьшены. Так, в Донской области, по официальным данным, якобы было 3 политических забастовки с 445 участниками и 2 экономических — с 1 210 участниками, а по данным местных властей, в Ростове-на-Дону, где насчитывалось 160 заводов и фабрик, и в Нахичевани имели место всеобщие стачки, организованные Ростово-Нахичеванским комитетом РСДРП; кроме того, по области имели место еще 8 крупных забастовок, включая забастовку солидарности с ростовскими рабочими на руднике Франко-русского общества с 1 700 участниками. Под влиянием рабочих в том же Ростове в октябре 1916 г. происходили студенческие демонстрации.

На Урале состоялась забастовка рабочих Невьянского завода, в которой участвовало более 2 500 человек. По утверждению уездного исправника, «забастовку вызвали агитаторы, состоявшие рабочими петроградских заводов и поступившие в Невьянск...». Полиция арестовала 17 человек. 70 рабочих были уволены, а около 300 сами потребовали расчета. Нижегородские большевики сообщали в ЦО партии — «Социал-демократ» о стачках в городе[121].

В ноябре — декабре наступил как бы спад движения. Но это было затишье перед бурей, период накопления сил, приведший к новому, еще более грандиозному взлету в начале 1917 года.

Октябрьские стачки 1916 г. знаменовали собой новый поступательный шаг в приближении революции.

Они, во-первых, выделяются организованностью. В них меньше, чем когда-либо, проявлялась стихийность. Стачки ярко показали, насколько тесно связана партия большевиков с пролетариатом. Большевики

---

[117] «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 176.

[118] «Красная летопись», 1924, № 1 (10), стр. 154 (корреспонденция в «Пролетарском голосе» № 4); «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 169—177.

[119] «Петроградский пролетариат и большевистская организация...», стр. 174.

[120] В. М. Ягункова. Указ. диссертация, стр. 294.

[121] «Октябрьская революция на Дону». Сборник статей. Ростов-на-Дону. 1957, стр. 3, 29, 31, 60; «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии». Документы и материалы. Пермь. 1957, стр. 67, 545; «Социаль-демократ» № 56, 6 ноября 1916 года.

своевременно замечали сдвиги в настроении широких слоев рабочих и использовали их для закрепления поворота к революционной борьбе. Партия не оставляла без ответа, без разоблачения ни одного мероприятия господствующих классов. Она беспощадно бичевала всякий произвол, любой акт насилия и преступления царизма. Большевики разъясняли, что скрывается за каждым новым шагом господствующих классов, будь то призыв «поддержать Государственную думу» или попытка вовлечь пролетариат в правительственные или буржуазно-общественные организации продовольственной помощи голодным массам. Партия показала образцы умелого руководства пролетариатом, чем добилась доверия масс. Пролетариат воспринимал лозунги партии как свои. Стачки начинались или кончались в указанные партией сроки.

Во-вторых, октябрьские стачки показали четкую размежевку сил. Либералы уже не мечтали о том, чтобы направить движение в нужное им русло: попугать массовым движением царизм и добиться уступок. Либералы открыто вместе с царскими властями боролись против революционных стачек.

На помощь хозяевам поспешили ликвидаторы. Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете обратилась со специальным воззванием к рабочим. Гвоздевцы выступили против «попыток неизвестных лиц» «вызвать рабочий класс на улицу» и настойчиво рекомендовали отказаться от стачек [122].

Буржуазия с восторгом встретила выступление гвоздевских предателей. Кадетский центральный орган с готовностью предоставил место для публикации воззвания. «Нельзя не приветствовать истинно государственную точку зрения»,— захлебываясь, писали кадеты о гвоздевском воззвании [123]. Так же писали и другие буржуазные газеты. Черносотенная газета «Новое время» особенно смаковала клевету ликвидаторов о «темных силах», толкавших рабочих на выступление [124]. Охранка с большим удовлетворением выдала ликвидаторам «аттестат за благовидное поведение». Полицейские власти писали о гвоздевцах, что «...в 1916 году рабочая группа (при ЦВПК.— *И. М.*) в подготовке стачки не принимала решительно никакого участия и даже пыталась сократить стачечное движение» [125].

Ликвидаторов поддержал от имени трудовиков Керенский. На заседании бюджетной комиссии Государственной думы 18 октября он выступил с внеочередным заявлением. Керенский сводил все причины революционного движения к тяжелому продовольственному положению рабочих. На этой почве начинают распускаться слухи «о мнимых волнениях то в Москве, то в Нижнем Новгороде, то в других городах». «Источники происхождения этих слухов темны»,— повторил клевету Керенский [126]. При этом он зачитал воззвание гвоздевцев еще до того, как оно появилось в печати; это говорит о согласованности выступления ликвидаторов.

Чхеидзе в той же бюджетной комиссии полностью присоединился к заявлению Керенского. «...Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета,— говорил он,— только повторяет в своем заявлении, зачитанном А. Ф. Керенским, часть того, на что постоянно указывалось представителями рабочих в Государственной думе и вне ее...» [127], то есть меньшевистской фракцией.

Лидер меньшевиков окончательно развеял тот миф, который усердно распространяли Троцкий, Мартов и другие меньшевики, будто

---

[122] «Речь», 20 октября (2 ноября) 1916 года.
[123] «Речь», 24 октября (6 ноября) 1916 года.
[124] «Новое время», 24 октября (6 ноября) 1916 года.
[125] «Рабочее движение в годы войны», стр. 315.
[126] «Речь», 19 октября (1 ноября) 1916 года.
[127] Там же.

«фракция Чхеидзе» ведет свою линию. Чхеидзе сам подтвердил свое полное согласие с ликвидаторами, о чем В. И. Ленин говорил с самого начала войны.

На том же заседании бюджетной комиссии Милюков солидаризировался с внеочередными заявлениями Керенского и Чхеидзе[128]. Комиссия единогласно постановила довести эти заявления до сведения председателя Совета министров через председателя Государственной думы.

В борьбе с революционным движением объединились меньшевики, трудовики и буржуазия.

Октябрьские стачки 1916 г. особенно ярко показали, что пролетарское движение является главной движущей силой всего общественного развития. Пролетариат своей самоотверженной борьбой выражал общенародный характер движения. Он боролся против войны, против голода, против бесчинств и преступлений царизма, за лучшую жизнь для народа, за республику, за землю. Как ни свирепствовала цензура, невозможно было скрыть такое величайшее движение, как выступление почти $^1/_4$ миллиона рабочих в одном городе на протяжении всего каких-нибудь 10 дней, а в течение года, даже по официальным данным, почти $1^1/_2$ миллиона. Стачки, митинги, демонстрации, стычки с полицией шли непрерывно — в среднем по 4 стачки в день за 1916 г., а в октябре в среднем по 7 стачек! И это во время войны, при бешеном терроре, в условиях неслыханных репрессий, когда малейший протест против несносных условий жизни объявлялся бунтом.

Весь трудовой народ поддерживал эту героическую борьбу, окружал пролетариат, гегемона движения, всеобщим сочувствием.

Стачки разбудили и просветили массы. Укрепились связи передовых отрядов пролетариата с широкими слоями промышленных рабочих: стачки в провинции следовали почти немедленно за выступлениями в Петрограде и Москве. Под руководством партии пролетариат развернул свои революционные силы. Стачки показали, какую энергию способен проявить пролетариат даже в неслыханно трудных условиях. Умело руководя пролетариатом, партия через него теснее связывалась со всеми угнетенными и эксплуатируемыми массами, главным образом с крестьянской беднотой. В гарнизонах, и прежде всего в Петроградском, явно сказывался поворот в сторону пролетариата. Резко усилилась к осени 1916 г. революционная борьба и на фронте. Не случайно также совпадение с массовым революционным движением пролетариата революционных выступлений масс в Средней Азии. Так в классовых боях подготовлялся и созревал тот субъективный фактор движения, без которого невозможен переход революционной ситуации в революцию,— сознательность и готовность класса взяться за оружие для свержения диктатуры господствующих классов. Пролетариат России во главе народных масс под руководством партии большевиков вплотную подошел к революции. Руководство ленинской партии рабочим классом и определило победу Февральской революции 1917 г. в столь короткий срок.

---

[128] Там же.

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА

(К 250-летию ПОЛТАВСКОГО СРАЖЕНИЯ)

Л. Г. Бескровный

Полтавское сражение сыграло огромную роль в жизни Русского государства. Оно продемонстрировало единство русского и украинского народов, совместные усилия которых привели к крушению захватнических планов Карла XII. Народ всегда был выразителем благородных традиций патриотизма. Он вдохновил русскую армию, вместе с которой действовали и украинские казачьи полки, на борьбу с интервентами, посягнувшими на целостность Русского государства.

★

Полтавский период Северной войны привлекал внимание дореволюционных и советских историков.

В XVIII в. и в первой половине XIX в. безраздельно господствовала дворянская историография. Свою главную задачу дворянские историки этого времени видели в утверждении культа личности Петра I. Деятельность Петра по управлению государством рассматривалась как движущее начало исторического процесса и как источник побед русской армии.

На таких позициях стояли авторы «Поденной записки...», Ф. Прокопович, Д. П. Бутурлин, Н. В. Медем, А. П. Карцов, М. Богданович, Ф. Ф. Ласковский, Н. Г. Устрялов [1].

На значение экономического фактора в деле достижения побед русской армии и флота указали лишь М. В. Ломоносов и декабристы А. О. Корнилович и Н. А. Бестужев [2]. Критика дворянской историографии в середине XIX в. пришла из лагеря революционеров-демократов. В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский указывали на то, что реформы были подготовлены всем ходом исторического развития, а война России со Швецией явилась борьбой за существование и свободное развитие русского народа.

Во второй половине XIX и в начале XX в. разгорелась борьба между дворянскими и буржуазными историками. Дворянская историография была представлена так называемой академической школой. Академисты

---

[1] «Журнал или поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира». Чч. I и II. СПБ. 1770—1772; Ф. Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен всех остальных шведских войск при Перевалочне включительно. М. 1788; Д. П. Бутурлин. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Чч. I—III. СПБ. 1819—1821; Н. В. Медем. Петр I как основатель армии и военного искусства в России. «Библиотека для чтения». Т. 25. 1837; А. П. Карцов. Военно-исторический обзор Северной войны. СПБ. 1851; М. Богданович. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПБ. 1846; Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России... Тт. I—III. СПБ. 1858—1865; Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого. Тт. 1—6. СПБ. 1858.

[2] М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М. 1950; А. О. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России... «Сочинения и письма». М. 1957; Н. А. Бестужев. Опыт истории российского флота. «Соревнователь просвещения». 1823. Т. XX. Чч. II—III.

(Г. А. Леер, П. О. Гейсман, П. О. Бобровский, А. К. Баиов), продолжая традицию дворянской историографии, утверждали, что в области военного дела, как и в других областях общественной жизни, решающая роль принадлежала личности Петра I. Новым было утверждение, что заслуга Петра I состояла в том, что он перенес на русскую почву организацию, устройство армии и даже способы ведения войны и боя, сложившиеся на Западе. Таким образом, получалось, что Полтава явилась победой европейского регулярства. Утверждая теорию заимствования, академисты слабо подкрепляли свои выводы источниками и опирались главным образом на шведскую и немецкую историографию [3].

Дворянской историографии в это время противостояли буржуазные историки, объединявшиеся в так называемую русскую школу (Д. Ф. Масловский, А. К. Пузыревский, А. З. Мышлаевский, Н. П. Михневич, Ф. Ф. Веселаго, Н. Л. Юнаков и др.) [4].

Русская школа, опираясь на работы Соловьева и Ключевского, повела борьбу против академистов. Не возражая им по вопросу об определяющем значении роли Петра I, буржуазные историки обрушились на теорию заимствования. Они считали, что русское военное искусство как в петровский период, так и вообще есть продукт предшествующего развития военного дела. Полтава есть выражение победы русской военной школы. Историческая же заслуга Петра I как полководца состоит в том, что он нашел у себя в стране опыт по организации и устройству войск, сравнил его с западноевропейским и оставил все то, что не противоречило русской действительности. Для доказательства своих выводов историки, представлявшие русскую школу, проделали огромную источниковедческую работу. Они опубликовали целый ряд сборников документов, освещающих историю армии и флота, дав этим самым научные основы истории Северной войны и особенно ее полтавскому периоду [5].

В 1909 г. происходило празднование 200-летнего юбилея Полтавского сражения. К этому времени страстные споры между русской школой и академистами уже улеглись. В эпоху империализма царизм дал заказ военно-исторической науке обосновать его современные задачи и показать силу и мощь русского оружия как в прошлом, так и в настоящем.

Юбилей Полтавы послужил поводом для осуществления этой задачи. Вышедшие в это время работы П. М. Андрианова, И. Ф. Павловского и другие труды официальных историков ничего нового не дали в развитии данной темы [6]. Официальная историография снова вернулась к исходному положению, что Россия всем обязана гению Петра I.

---

[3] Г. А. Леер. Обзор войн в России от Петра Великого до наших дней. Ч. I. СПБ. 1885; П. О. Гейсман. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. II. СПБ. 1898; П. О. Бобровский. Военное право в России при Петре Великом. Вып. II—III. СПБ. 1882—1896; А. К. Баиов. Курс истории русского военного искусства. Т. II. СПБ. 1909.

[4] Д. Ф. Масловский. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М. 1883; его же. Записки по истории военного искусства в России. Вып. I. СПБ. 1891; А. К. Пузыревский. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПБ. 1889; А. З. Мышлаевский. Петр Великий. Война в Финляндии... СПБ. 1896; Н. П. Михневич. Основы русского военного искусства. СПБ. 1893; Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота. Т. I. М. 1939; Н. Л. Юнаков. Северная война. Кампания 1708—1709 гг. «Труды ИРВИО». Тт. I—III. СПБ. 1909.

[5] Д. Ф. Масловский. Северная война. Документы 1705—1708 гг. СПБ. 1892; А. З. Мышлаевский. Северная война. 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПБ. 1901; Н. Л. Юнаков. Северная война. Кампания 1708—1709 гг. «Труды ИРВИО». Тт. II и IV; С. Елагин. Материалы для истории русского флота. Чч. I—II. СПБ. 1865—1869, и др.

[6] П. М. Андрианов. Эпоха Петра Великого. История русской армии и флота. Т. 4. СПБ. 1911; И. Ф. Павловский. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. Полтава. 1908; «Полтавская битва. 1709—27 июня — 1909 г.». «Общество ревнителей военных знаний». Кн. 3. СПБ. 1909.

Экономическим вопросам и проблемам дипломатии по-прежнему не уделялось должного внимания. Таким образом, дворянская и буржуазная историография, проделав значительную работу в части описания фактов и событий, осветила лишь одну сторону вопроса — действия армии и флота в полтавский период войны и руководящую роль Петра I как полководца. Получив это наследие, советская историография должна была проделать большую работу как в части освещения событий Северной войны и особенно Полтавского сражения, так и в части введения в научный оборот новых документов и материалов.

Советские историки, опираясь на марксистско-ленинское учение об обществе, дали иное освещение всей Северной войны 1700—1721 гг. и преобразований этого времени. Они отвергли отправной тезис дореволюционной историографии об определяющей роли Петра I в развитии русского военного искусства и дали материалистическое освещение экономических, политических и военных вопросов Северной войны, поставив этим самым данную проблему на научные основы.

Проблеме экономического развития России и, следовательно, экономической обусловленности явлений, военного дела в первой четверти XVIII в. посвящены работы П. И. Лященко, П. Г. Любомирова, С. Г. Струмилина, Е. И. Заозерской, Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко и других историков [7]. В указанных работах приведены новые данные о производстве вооружения, боеприпасов, снаряжения и обмундирования для русских войск и флота и выявлена экономическая база, позволившая выиграть Полтавское сражение и успешно довести до конца Северную войну.

Политические вопросы нашли свое освещение главным образом в работах Т. К. Крыловой, Л. А. Никифорова, С. А. Фейгиной и в обобщающем труде «Очерки истории СССР» [8]. В этих работах нашли освещение проблемы внешней политики, главным образом в послеполтавский период войны. Постановка этих проблем позволила показать связь между вопросами политики и войны.

За годы Советской власти вышло также несколько исследований и значительное количество брошюр и статей [9].

---

[7] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. М. 1947; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947; С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I. М. 1954; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М. 1953; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М. 1949; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М. 1953; Л. Г. Бескровный. Производство вооружения и боеприпасов в первой половине XVIII в. «Исторические записки», № 36, и др.

[8] Т. К. Крылова. Полтавская победа и русская дипломатия. Сборник «Петр Великий». М. 1947; ее же. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Исторические записки», № 10; Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. М. 1950; его же. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. 1959; С. А. Фейгина. Аландский конгресс. М. 1959; «Очерки истории СССР. XVIII в. Первая четверть». М. 1954.

[9] А. В. Предтеченский. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени М. Н. Покровского. Т. V. 1940, вып. I; С. А. Безбах. Полтавское сражение. М. 1939; Б. Кафенгауз. Полтавская битва. «Историк-марксист». 1939, № 4; А. И. Козаченко. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. М. 1945; Б. Тельпуховский. Возвращение земель «отчич и дедич» и основание Петербурга (Северная война 1700—1721 гг.). «Исторический журнал», 1941, № 1; И. С. Прочко. Артиллерия в Полтавской битве. «Артиллерийский журнал». М. 1949; В. Шперк. Инженерное обеспечение Полтавской битвы. М. 1939; В. И. Лебедев. Полтавский бой. М. 1939; В. А. Панов. Петр I как полководец. М. 1940; К. В. Базилевич. Русское военное искусство. М. 1944; его же. Петр I — государственный деятель, преобразователь, полководец. М. 1946; В. Д. Верходубов. Полководческое искусство Петра I. М. 1951; Л. М. Лещинский. Военное искусство в начале XVIII в. М. 1951; С. Е. Гербановский. Инженерные мероприятия в обороне Полтавы и по обеспечению Полтавского сражения. Сборник «Из истории русского военно-инженерного искусства». М. 1952.

По истории армии и флота вышла работа Л. Г. Бескровного, в которой раскрывается связь между экономическим развитием страны и военным искусством [10]. Истории военного искусства посвящены книги Б. С. Тельпуховского и Е. И. Порфирьева [11]. В них довольно обстоятельно освещается ход Северной войны и особенно Полтавского сражения.

В исследовании В. Е. Шутого показано участие народных масс на первом этапе Северной войны [12].

Наибольшее значение имеет обобщающий труд Е. В. Тарле, в котором в широком плане показаны политические и военные вопросы на первом этапе Северной войны [13]. Продолжалась публикация новых материалов о Северной войне. В частности, были опубликованы документы и материалы по наиболее интересному периоду — кампаниям 1708 и 1709 гг., которому посвящены VIII и IX тома «Писем и бумаг Петра Великого», вышедших под редакцией Б. Б. Кафенгауза.

Таким образом, советская историография сделала значительные успехи в изучении экономической, политической и военной истории Северной войны и особенно полтавского периода.

Северная война явилась результатом противоречий между Швецией, с одной стороны, Россией, Саксонией, Польшей и Данией — с другой. Эти четыре страны объединились для отражения экспансионистских устремлений Швеции. Россия была вынуждена вступить в борьбу, так как Швеция угрожала ее независимости. Для России это была прогрессивная, справедливая война, война за возвращение исконных русских земель и за прочное утверждение на Балтийском море.

Северная война разразилась в то время, когда Европа жила подготовкой к войне за испанское наследство. Внимание держав Центральной Европы было приковано к конфликту между двумя коалициями, одну из которых возглавляла феодальная Франция, а другую — буржуазная Англия. Нужно сказать, что в Центральной Европе смотрели на Северную войну как на досадный эпизод, мешавший втянуть Швецию, Пруссию, Саксонию, Данию и Польшу в решение основного узла европейских противоречий.

Каждая из коалиций стремилась к тому, чтобы привлечь на свою сторону Швецию. Последняя заключила в 1698 г. «оборонительный договор» с Францией, Ганновером, Австрией и Данией. В начале 1700 г. такой же договор был подписан ею с Англией, а затем и с Голландией.

Шведские правители считали, что сложившаяся к концу XVII в. ситуация в Европе, как никогда до этого, благоприятствовала осуществлению их экспансионистских планов. Они уже не удовлетворялись тем, что в руках Швеции оказались земли, принадлежавшие прежде России, Польше, Дании. Владение захваченной ими Прибалтикой позволяло им контролировать почти всю внешнюю торговлю этих стран. Но экспансионисты вынашивали планы новых захватов, осуществление которых обеспечило бы безраздельное господство шведов на северо-западе Европы. На востоке их прельщала перспектива захвата Архангельска, Новгорода и Пскова. Не меньшее значение придавалось и отторжению от Дании Норвегии. Столь же важной задачей являлось для шведов утверждение в раздираемой внутренними противоречиями Польше. Карлу XII и его советникам казалось, что проведенные в конце XVII в. мероприятия по развитию военной промышленности и укреплению армии и флота сулили успешное осуществление этой огромной завоевательной программы.

---

[10] Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958.

[11] Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. М. 1946; Е. И. Порфирьев. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М. 1952.

[12] В. Е. Шутой Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М. 1958.

[13] Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 1958.

После того как Швеция приостановила вывоз металла и оружия в Россию и усилила закупку хлеба в Прибалтике, русскому правительству стало ясно, что она готовится к войне.

Это предположение подтвердилось во время поездки в Европу так называемого «великого посольства» с целью восстановить распадавшуюся коалицию против Турции. Направляясь в Европу, Петр I рассчитывал найти союзников для продолжения войны с Турцией, но он убедился, что борьба с ней больше не интересовала европейские державы, готовившиеся к схватке за испанское наследство. Русское правительство было вынуждено изменить внешнеполитический курс, убедившись, что главная опасность теперь грозила России со стороны Швеции, стремившейся использовать русско-турецкий конфликт, чтобы нанести сокрушительный удар России с северо-запада.

Русское правительство сделало далеко идущие выводы. Именно в это время и были намечены пути внешней политики, которую вела Россия в течение всей первой четверти XVIII века. «Этот действительно великий человек,— писал Энгельс о Петре I,— великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II,— первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше (гораздо яснее, чем это сделано в его так называемом завещании, составленном, по-видимому, каким-то эпигоном), так и по отношению к Германии» [14].

Петр I видел, что Россия слабее Швеции в военном отношении, и поэтому он пошел на союз с Данией и Саксонией, которым также угрожала шведская экспансия [15]. Позднее к коалиции примкнула Речь Посполитая, кроме того, изъявил готовность присоединиться Бранденбург. Россия добилась прекращения состояния войны с Турцией и таким образом обеспечила себе возможность ведения борьбы на одном фронте [16].

Успехи русской дипломатии были бесспорны. Они нарушили расчеты Карла XII.

По своим силам коалиция превосходила Швецию, но это преимущество сводилось на нет отсутствием у союзников общего плана действий. Каждый участник коалиции ставил перед собой частную задачу; следует также учесть, что Дания и Саксония не хотели усиления России.

Русское правительство стремилось к возвращению искони русских земель в Прибалтике, захваченных шведами в XVII веке. Россия не могла дальше мириться с положением второстепенной державы, что являлось неизбежным, пока устья русских рек, впадающих в Балтийское море, находились в руках Швеции.

Разрешить эту задачу было трудно. В нашей стране только начинала создаваться своя крупная промышленность и делались лишь первые шаги по созданию регулярной армии и флота. Еще в конце XVII в. русские вывозили из Швеции железо, сталь и пушки. Так, в 1697 г. там было закуплено 33 тыс. пудов железа, 2,7 тыс. пудов стали и пушек общим весом в 4,8 тыс. пудов [17]. В начале 1700 г. в России на 6 заводах, оборудованных доменными печами, было выплавлено 150 тыс. пудов чугуна и на 10 железоделательных заводах — 50 тыс. пудов железа [18]. Нужно было развить металлургическое и оружейное производство, чтобы обогнать Швецию, занимавшую в этой области одно из первых мест в Европе.

Большую работу предстояло проделать и по реорганизации легкой промышленности. Россия не имела своего суконного производства. Про-

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2, стр. 12.
[15] «Журнал или поденная записка...». Ч. I; ПСЗ. Т. III, №№ 1680, 1691 и 1724.
[16] ПСЗ. Т. IV, № 1804.
[17] С. Г. Струмилин. Указ. соч. Т. I, стр. 226.
[18] Там же, стр. 180—181.

изводство кожи осуществлялось через ремесленные мастерские. Нужно было сделать скачок, чтобы вырваться из рамок отсталости и стать на уровень европейских стран.

Война со Швецией продолжалась 21 год. Она имела два этапа: первый — 1700—1709 гг., второй — 1710—1721 годы. Первый этап отличался одной особенностью: в то время в Европе шла война за испанское наследство. Европейские державы не приняли активного участия в северном конфликте. Они были уверены, что мощная Швеция разгромит своих противников в короткий срок.

Вначале предусматривалось, что союзники выступят одновременно с трех сторон. Однако Дания и Саксония, опасаясь выступления шведов, начали военные действия до того, как Россия заключила перемирие с Турцией и сосредоточила свои силы на северо-западном театре. Разобщенность действий союзников была использована шведским командованием. Карлу XII удалось при помощи Англии и Голландии, направивших в распоряжение Швеции свои флоты, вывести из войны Данию. Затем последовала высадка главных сил шведов в Прибалтике для нанесения удара по саксонской армии, осаждавшей Ригу, и русской армии, сосредоточивавшейся у Нарвы. Август II поспешно снял осаду и увел свою армию в Польшу. Отход саксонцев дал возможность Карлу XII направить основные силы для нанесения удара по русским войскам. Под Нарвой шведы одержали внушительную победу. Причины поражения лежали не только в отсутствии согласованности действий союзников, но и в слабой организации и подготовке русской армии. Сказались отсутствие у нее калиброванной артиллерии и недостаток в офицерских кадрах. «Единым словом,— писал Петр I,— все то дело, яко младенческое играние было, а искусство ниже вида» [19].

Таким образом, Швеции удалось вывести из войны Данию, заставить Саксонию отказаться от активных действий в Прибалтике и, наконец, нанести поражение России в первом же крупном сражении. Неудачи союзников привели к тому, что Бранденбург воздержался от вступления в Северный союз. Карл XII сразу завоевал себе репутацию непобедимого полководца. В Европе господствовало мнение, что Россия не сможет оправиться после поражения под Нарвой, а разгром Саксонии явится делом ближайшего будущего. Карл XII считал, что, утвердившись в Польше, можно будет вернуться в Россию и продиктовать ей свои условия. Ослепленный успехами, он отказался от переговоров с Россией и Саксонией. Время показало, что шведский план был ошибочным.

В 1701 г. между Россией и Саксонией был подписан новый договор в Биржах. Вслед за этим в 1702 г. был заключен неофициальный союз России с Литвой, оформленный официальным договором в 1703 году. Наконец в 1704 г. был подписан договор и с Речью Посполитой [20]. Таким образом, сложившаяся в Польше обстановка отнюдь не благоприятствовала быстрому и, главное, прочному утверждению господства шведов. В Литве и Польше оказались более сильными тенденции укрепления связей с Россией.

Поражение под Нарвой заставило Петра I и его правительство сосредоточить все усилия на укреплении экономической базы страны. Огромным напряжением сил народа были достигнуты значительные успехи в области металлургической промышленности. К 1710 г. 17 доменных заводов России выплавляли 316 тыс. пудов чугуна, а 24 железоделательных завода — 156 тыс. пудов железа [21]. За это время только московский Пушечный двор изготовил 1 006 медных орудий [22]; Каменский

[19] «Журнал или поденная записка...». Ч. I, стр 25.

[20] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. II, стр. 184—193; т. III, стр. 129—135.

[21] С. Г. Струмилин. Указ. соч. Т. I, стр. 180—181.

[22] Н. Н. Рубцов. История литейного производства в СССР. Ч. I. М. 1947, стр. 250.

завод дал с 1702 по 1705 г. 854 орудия [23]. Орудия и боеприпасы изготовляли и другие заводы; Оружейная палата в Москве, Тульский и Липецкий оружейные заводы обеспечивали армию стрелковым оружием. По табели 1711 г. в русской армии имелось 122 600 пехотных и 49 800 драгунских ружей [24]. Почти все они были сделаны в России. Таким образом, армия была обеспечена оружием, боеприпасами и снаряжением. Немало усилий понадобилось и для организации производства сукна, парусины и кожи для армейского обмундирования. Значительные средства были затрачены на создание баз снабжения и запаса продовольствия и фуража.

В результате упорной и кропотливой работы над организацией и боевой подготовкой русской армии она превратилась в серьезную силу. К 1705 г. окончательно установилась рекрутская система формирования армии. С 1705 по 1709 г. в армию было призвано более 100 тыс. человек. К 1709 г. русская армия имела в своем составе 2 гвардейских, 45 пехотных и 5 гренадерских полков, 34 драгунских полка, один эскадрон и один артиллерийский полк [25]. Все роды войск получили твердую организацию. Для боевой подготовки войск с 1700 по 1708 г. был издан ряд уставов и наставлений: «Строевое положение», «Краткое обыкновенное учение», «Ротные пехотные чины», «Статьи воинские», «Учреждение к бою», «Правила сражения» и др. Особенно важны были две последние инструкции, раскрывавшие основы линейной тактики. Все эти факты свидетельствуют о высоком развитии военного искусства в русской армии того времени.

В период с 1701 по 1704 г. русская армия одержала ряд важных побед и овладела выходом к Балтийскому морю. В ее руках были все главные балтийские пункты, в которых шведы создали свои опорные базы, прикрывавшие подходы к Финскому заливу: Нотебург, Ниеншанц, Нарва и Дерпт.

В устье Невы русские заложили город — Петербург, который стал новой столицей страны. Выход к морю позволил России построить Балтийский флот.

Утвердившись в Прибалтике, Россия дважды предлагала Швеции мир [26]. Однако Карл XII отказался от переговоров, надеясь добиться решительной победы над Россией после разгрома войск Августа II. Неудачи Августа II беспокоили русских. Они пытались оказать ему содействие. Военные действия 1705—1706 гг. имели целью освободить Польшу от шведских захватчиков. Однако Карлу XII удалось заставить польский сейм низложить Августа II с престола и избрать нового короля — шведского ставленника Ст. Лещинского.

Шведы опирались в Польше на крупных магнатов, экономически связанных с шведским рынком. Однако далеко не вся польская знать поддерживала эту группировку. Более сильной была та ее часть, которая тяготела к России. Она опиралась на широкие круги шляхетства, крестьян и горожан, выступавших против шведских захватчиков. Борьба в Польше продолжалась.

После поражения саксонской армии при Фрауштадте Саксония капитулировала. Швеция добилась нового крупного успеха. Второй участник коалиции был выведен из войны. Теперь предстояло главное — завоевание России. При этом Карл XII имел куда более далеко идущие замыслы, нежели в начале войны. Новый план предусматривал отторжение от России ее северо-западных земель, разделение страны на удельные княжества, которыми должен был бы управлять из Москвы швед-

---

[23] С. Г. Струмилин. Указ. соч. Т. I, стр. 155
[24] Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М. 1958, стр. 75.
[25] «Журнал или поденная записка...». Ч. I, стр. 236.
[26] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. IV, стр. 177, 297, 354—355.

ский наместник, а также отторжение и передачу Украины Ст. Лещинскому[27].

Карл XII старался втянуть в войну силы своего сторонника Ст. Лещинского; шведы активизировали переговоры с Мазепой и турецким султаном. Включение Польши, Украины, Турции и Крыма в борьбу против России создало бы подавляющее превосходство сил на стороне Швеции. Однако шведской дипломатии не удалось сколотить такой блок. Ст. Лещинский был готов выступить в поддержку Карла XII, но ему самому приходилось вести борьбу с войсками Сандомирской конфедерации. Карлу XII пришлось даже оставить в Польше 8—10-тысячный корпус генерала Крассова (Крассау), чтобы удержать в повиновении враждебно настроенное по отношению к шведам население Речи Посполитой. Переговоры с Мазепой хотя и шли успешно, однако последний главным условием своего выступления ставил приход шведской армии на Украину. Следовательно, Мазепа являлся лишь потенциальным союзником. Турция и Крым заняли выжидательную позицию, хотя шведские дипломаты всячески старались заставить султана прервать заключенное в 1700 г. перемирие с Россией.

Таким образом, готовя поход на Россию, Карл XII должен был рассчитывать главным образом на собственные силы.

О военных планах Карла XII можно судить по тем приготовлениям, которые осуществлялись в течение 1707 года. Готовя главные силы к походу, Карл XII вызвал из Швеции новое пополнение, что позволило ему довести свою армию до 54 тыс. человек[28]. В корпус Левенгаупта, базировавшийся на Ригу, входило до 16 тыс. человек. Кроме того, был приведен в боевую готовность корпус Либекера в Финляндии, насчитывавший 14 тыс. человек. С учетом личного состава гарнизонов прибалтийских крепостей войска Карла насчитывали до 100 тыс. человек.

Начиная поход в Россию, Карл XII не имел четко выраженного стратегического плана. Однако из поставленных Левенгаупту и Либекеру задач можно сделать вывод, что он решил нанести главный удар через Смоленск на Москву, а вспомогательный — на Петербург и на Киев. В случае успеха Карл XII рассчитывал не только захватить Прибалтику, но и изолировать Белоруссию и Украину, что облегчило бы Мазепе выступление на стороне Швеции[29].

Карл XII решил идти по кратчайшей дороге — через Смоленск на Москву. Его не смущало отсутствие при этом у шведской армии базы. Роль последней должен был выполнять подвижной обоз, формировавшийся в Риге Левенгауптом, а впредь до его прибытия предполагалось собирать продовольствие и фураж путем реквизиций.

Карл XII пренебрег тем, что русская армия выросла и приобрела боевой опыт, доказательством чему служили не только успешные штурмы русскими крепостей, но и выигранные ими полевые бои под Эрестфером, Гуммельсгофом и Калишем. Игнорируя все эти факты, Карл XII начал поход на Москву и привел свою армию к бесславному концу под Полтавой.

Положение России после выхода Саксонии из войны весьма осложнилось. Теперь она должна была одна вести войну против Швеции. Правда, часть польских сил под командованием Сенявского продолжала вести борьбу против Ст. Лещинского и шведских войск, сковывая их на польской территории.

В Жолкве был принят план действий русских войск, отвечающий сложившейся обстановке: «Чтобы в Польше (генерального сражения.— *Л. Б.*) не давать; понеже, ежели б какое нещастие учинилось,

---

[27] Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 29.
[28] «Очерки истории СССР. XVIII в. Первая четверть», стр. 492.
[29] А. Стилле. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. СПБ. 1912.

тобы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах и партиями, также оголожением провианта и фуража томить неприятеля, к чему и польские сенаторы в том согласились»[30]. Донося об этом плане, английский посол Витворт писал из Москвы: «Выдают, будто готовы рискнуть дать сражение шведам, а если будет неудача, то постараются вести войну по-татарски и довести неприятеля до гибели от голода, если будут не в состоянии разбить его»[31]. В этом донесении неверно одно: русское командование хотело создать невыносимые условия противнику не после, а до генерального сражения.

Весь 1707 г. был использован для наблюдения за противником и для переброски русских войск из района Львова через Пинск, Слуцк к Минску для прикрытия московского направления. Кроме того, для обороны петербургского и киевского направлений были также созданы две группировки войск. Русское командование готовило к обороне всю западную границу и наиболее важные пункты, привлекая для этого местное население. Приказывая сделать это в короткий срок, Петр писал: «...оная война под нами одними осталась; того для ничто так не надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал»[32].

Петр допускал возможность выхода шведских войск к Москве и поэтому приказал «фортецию московскую» подготовить к обороне[33]. Организуя оборону своих границ, русское командование стремилось укрепить связи с Польшей и Литвой. В 1707 г. был подтвержден договор 1704 г., согласно которому польские и литовские войска должны были сковать войска Лещинского и Крассова. Таким образом, жолковский план предусматривал активные действия, рассчитанные на ряд лет.

Отойдя в Белоруссию, главные силы русской армии количеством 57,5 тыс. человек развернулись в начале 1708 г. на Улле и Днепре, чтобы прикрыть московское направление; петербургское направление прикрывали корпус Боура и два наблюдательных отряда, насчитывавшие вместе 16 тыс. человек. С севера Петербург защищал корпус Апраксина — 24,5 тыс. человек. Наконец, киевское направление прикрывали корпус Голицына — 12 тыс. человек и украинские войска численностью 38—40 тыс. человек[34].

Таким образом, русское командование имело на всех направлениях 110 тыс. регулярных и 40 тыс. нерегулярных (казачьих) войск. Однако эти силы были разбросаны на огромном расстоянии. Они могли прикрывать указанные направления только при условии мобильности и маневренности. В связи с этим особое значение приобретала дислокация баз снабжения, которые были организованы в Петербурге, Полоцке, Копысе, Поречье, Смоленске и Киеве.

В марте — апреле 1708 г. Карл XII, дислоцировавший свои войска в районе Слоним — Минск, не предпринимал активных операций, ожидая спада весенней воды и готовя трехмесячный запас продовольствия. Русское командование также не открывало боевых действий, решив вступить в борьбу с шведскими войсками сразу же, как только выявятся намерения Карла XII. На военных советах в Чашниках и Бешенковичах были выработаны отвечающие конкретной обстановке планы военных действий в случае движения противника на Псков, Смоленск или на Украину[35].

---

[30] «Журнал или поденная записка...». Ч. I, стр. 157.

[31] Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 39. СПБ. 1884, стр. 400.

[32] Д. Ф. Масловский. Северная война. Документы 1705—1708 гг. Т. I. СПБ 1892, стр. 167.

[33] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. V, стр. 237—238.

[34] А. З. Мышлаевский. Северная война. 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр, стр. 82—83.

[35] Там же, стр. 3—12.

На последующих советах было решено развернуть войска на широком фронте на линии Улла — Березина, что и было сделано к середине июня 1708 года.

Недостатки такого расположения войск были сразу учтены Карлом XII. Стянув свои силы в кулак, он стал переправляться у Сапежанской Березы через Березину, а отдельный отряд, чтобы отвлечь внимание русского командования, направил для переправы у Борисова. Русское командование, получив сведения о начавшемся наступлении шведов, отказалось от обороны Березины и на совете в Могилеве приняло решение об отходе к Днепру с тем, чтобы линия обороны проходила от Полоцка на Быхов [36].

В начале июня русская армия располагалась на реке Бабич. Вследствие неудачного расположения русских войск противнику удалось нанести в июле 1708 г. поражение дивизии Репнина в сражении при Головчине [37]. Русская армия оказалась вынужденной отступить за реку Днепр. На военном совете в Шклове было решено держать оборону по Днепру, а главные силы отвести к лагерю в Горках [38].

Шведская армия, выйдя к Днепру, остановилась в Могилеве. Здесь Карл XII простоял весь июль в ожидании корпуса Левенгаупта, который должен был доставить продовольствие и боеприпасы. С подходом этого корпуса силы Карла XII возрастали, и он в этом случае не сомневался в успехе наступления на Москву.

Расчеты Карла XII организовать снабжение продовольствием и фуражом за счет местных средств не оправдались. Отходя на восток, русские войска истребляли все запасы хлеба. Население Белоруссии прятало хлеб от шведов, которые грабили крестьян. Меншиков сообщал Головкину, что они «мучат, вешают и жгут мужиков (как прежде никогда не бывало), дабы ямы хлебные показывали» [39]. Население стало уходить в леса и вести партизанскую борьбу против неприятеля.

Карл XII колебался: без подхода корпуса Левенгаупта наступление было рискованным. В то же время он боялся оставаться на месте. Затруднения с продовольствием грозили полной деморализацией войск. Чтобы облегчить Левенгаупту подход для соединения, Карл решился начать наступление. Из Могилева шведы двинулись на Кричев, Мстиславль и далее на Молятичи, где и остановились. Здесь русское командование использовало неудачное расположение войск противника и нанесло у села Доброе поражение группе Росса [40]. Во время дальнейшего своего отхода русские нанесли шведскому авангарду поражение у Раевки [41]. Наконец, русские войска отошли к границе и остановились у с. Соболева. Карл XII также решил остановиться, ибо он, по-видимому, счел свою задачу выполненной, поскольку дорога Левенгаупту была открыта. Шведы добились значительных успехов, несмотря на частные тактические неудачи. Русская армия была теперь отрезана от киевского и отодвинута от полоцкого направления. Однако войска Левенгаупта не подходили, а без боеприпасов и продовольствия вести дальнейшее наступление было невозможно.

Между тем Левенгаупт двигался крайне медленно. Он употребил все усилия, чтобы скрыть от русских движение своего корпуса, и когда Карл находился у Стариши, их разделяли примерно 200 километров. Положение в шведской армии стало угрожающим. Потеряв стратегическую инициативу, Карл XII принял решение отойти на Украину, где Мазепа заго-

---

[36] Там же, стр. 20—21.

[37] «Труды ИРВИО». Т. I. СПБ. 1909. стр. 152—153; «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VIII, вып. 1, стр. 16; вып. 2, стр. 429—433, 533—536.

[38] «Труды ИРВИО». Т. I, стр. 4—5.

[39] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Меншикова. д. 531, лл. 10—11.

[40] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VIII, вып. I, стр. 106—107.

[41] Там же, стр. 126—127.

товил крупные запасы оружия, боеприпасов и продовольствия (у Киева, в Батурине, Гадяче, Ромнах и других пунктах) [42] и куда должны были выйти также войска Лещинского и Крассау. Был уже сентябрь 1708 года. Предстояло становиться на зимние квартиры. Время для наступления было явно упущено. В середине сентября шведские войска покинули Стариши и через Кричев отошли к Костеничам. Левенгаупту был направлен приказ следовать через Могилев на соединение с главными силами.

У Костеничей Карл пробыл до середины октября в ожидании корпуса Левенгаупта. Отсюда он вел энергичную переписку с Мазепой и Лещинским [43].

Получив сведения об отходе шведских войск от Стариши, Петр I заподозрил сначала, что главные силы шведов двинулись навстречу корпусу Левенгаупта. Однако вскоре выяснилось, что это не так. На военном совете 18 сентября было решено направить главные силы под командованием Шереметева вслед за отходившей шведской армией, а для удара по корпусу Левенгаупта выделить 12-тысячный «летучий» корпус («корволант»), командование над которым взял на себя Петр I. Теперь стратегическая инициатива находилась в руках русского командования.

«Летучий» корпус вошел в соприкосновение с войсками Левенгаупта уже 23 сентября. При этом было установлено, что шведский корпус состоит не из 12 тыс., как предполагалось, а из 16 тыс. человек. Однако на совете 26 сентября было решено атаковать шведов, невзирая на превосходство над русскими.

28 сентября русские атаковали войска Левенгаупта у деревни Лесной. Шведский корпус был разбит. Противник потерял только убитыми более 8 тыс. и пленными около 1 тыс. человек. Русские войска потеряли убитыми 961 и ранеными 2 535 человек [44].

Победа под Лесной создала предпосылки для разгрома главных сил шведов. Карл лишился одной из лучших частей шведской армии и столь необходимых шведам запасов продовольствия, вооружения и боеприпасов.

Эта победа изменила соотношение сил в пользу русских. Оценивая значение победы при Лесной, Петр I писал: «Сия у нас победа может первая называться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, и к тому уж еще гораздо меньшим числом пред неприятелем и поистине оная виной всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей, конечно, ободрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо девятимесячном времени онаа младенца щастия произнесла...» [45].

9 октября остатки корпуса Левенгаупта соединились с главной армией, и шведы выступили к Стародубу.

Столь же крупную неудачу потерпел другой корпус шведов — у Петербурга. Либекеру не удалось овладеть Петербургом; он едва смог спасти свои войска от полного уничтожения при посадке на суда эскадры Анкерштерна.

Итак, план Карла XII рухнул. Однако он все еще надеялся на то, что ему удастся осуществить удар по Москве путем привлечения войск Мазепы, а может быть, и Турции.

Время, когда шведские войска стояли без движения, было хорошо использовано русским командованием. Армия Шереметева, выйдя к Почепу, преградила дорогу на Брянск, конница Меншикова направилась в обход через Гомель, чтобы не допустить выхода шведов к Батурину. За-

---

[42] А. Стилле. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг., стр. 45; В. Е. Шутой. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII, стр. 255—256.

[43] А. Стилле. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг., стр. 29—34; Б. С. Тельпуховский. Северная война, стр. 70—71.

[44] «Труды ИРВИО». Т. I, стр. 143.

[45] «Журнал или поденная записка...». Ч. I, стр. 184.

няв Батурин, Меншиков захватил и уничтожил заготовленные Мазепой запасы продовольствия, оружия и боеприпасов. Отряд Инфлянда занял Стародуб. Все эти меры заставили Карла XII пройти мимо Стародуба и двигаться дальше к Новгород-Северскому. Однако Шереметев успел достичь Новгород-Северского раньше и снова закрыл дорогу на Москву, идущую через Почеп. Карл остановился в Горках и здесь ожидал подхода обещанной Мазепой 50-тысячной украинской армии. Однако с Мазепой прибыло только 2 тыс. человек. Украинский народ не поддержал изменника Мазепу и его сторонников.

Положение Мазепы осложнилось тем, что на Украине в 1708 г. большой размах приняло восстание крестьян, мещан и рядовых казаков против старшин казацкой верхушки, стремившихся к закрепощению трудового люда. Это движение усилилось с походом шведов на Украину. Оно слилось с освободительной борьбой против интервентов. Подавляющее большинство украинского казачества и крестьянства боролось вместе с русским народом против общего врага. На Глуховской раде вместо перебежавшего к шведам Мазепы был избран гетманом К. Скоропадский. В такой обстановке Карл не решился начать наступление на Москву. Однако он все еще рассчитывал на возможность улучшения обстановки и поэтому принял предложение Мазепы перезимовать в районе Ромны, Гадяч, Прилуки, где были сосредоточены запасы продовольствия [46]. Здесь шведская армия расположилась на зимние квартиры.

Русские войска с трех сторон блокировали этот район, вследствие чего противник оказался в стратегическом полуокружении.

Зима 1708/09 г. прошла в непрерывных боях. Шведская армия, исчерпав заготовленное Мазепой продовольствие, прибегала к грабежам и репрессиям по отношению к местным крестьянам, которые отказывались продавать свои и без того скудные запасы. В связи с этим усилилась народная война, которая ухудшила положение шведов на Украине [47]. Борьба с украинскими партизанами принесла шведам невосполнимые потери.

Стремясь расширить район квартирования и облегчить этим снабжение войск, шведское командование сделало попытку отбросить русских на северо-восток. Удар через Краснокутск—Городню никаких других целей не преследовал. Однако и это предприятие окончилось плачевно. Шведам с трудом удалось возвратиться на зимние квартиры. Спасению шведской конницы способствовала распутица, затруднившая наступательные действия русских войск.

Положение шведов осложнялось. Русские постепенно сжимали кольцо и наносили противнику существенные удары. Шведская армия таяла. Из 40 тыс. войск, прибывших зимой 1709 г. на Украину, к апрелю 1709 г. оставалось не более 30 тысяч. Остальные погибли в боях у Гадяча, под Веприком, у Краснокутска, у Рашевки и в ряде других мест.

К весне 1709 г. стратегическая обстановка ухудшилась для шведов еще больше. Карлу XII не удалось склонить турецкого султана и крымского хана к выступлению против России. Петр I сумел убедить турецких представителей, что приготовления на Дону и сосредоточение войск у Азова связаны с решением внутриполитических задач и не направлены против Турции [48]. Карл XII не смог также подтянуть на Украину корпус Крассова (Крассау) и армию Ст. Лещинского. Они были скованы войсками гетмана Сенявского и русскими войсками, посланными им на помощь Петром I. Придавая большое значение действиям в Польше, Петр I послал сюда еще в январе 1709 г. 8 полков, а в феврале — Заднепровский корпус Гольца [49]. В результате совместных действий поль-

---

[46] А. Стилле. Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг., стр. 23—30.
[47] «История Украинской ССР». Т. I. Киев. 1953, стр. 345—347.
[48] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. IX. Ч. 1, стр. 223—225.
[49] Там же, стр. 34—35.

ских и русских полков Ст. Лещинский был разбит в мае 1709 г. под Бродами. Эта победа исключила возможность оказания помощи Карлу XII со стороны Ст. Лещинского.

Лишь после долгих уговоров на стороне Мазепы выступила часть запорожских казаков. Но и в этом случае русским командованием были приняты меры: отряд из Киева спустился по Днепру, уничтожил собранные у Переволочны переправочные средства и взял штурмом Запорожскую Сечь [50].

Русское правительство опубликовало несколько обращений к украинскому народу, в которых разоблачалась предательская политика Мазепы [51]. Украинский народ усилил борьбу с изменником Мазепой. Таким образом, Карл XII и Мазепа могли рассчитывать только на силы шведской армии и поддержку нескольких тысяч запорожцев.

Иное положение было в русской армии. Как говорилось выше, русская дипломатия добилась международной изоляции Швеции. Ни Турция, ни Крым не выступили в 1709 г. в поддержку шведов. Самое же главное состояло в том, что правительство Петра I сумело мобилизовать все внутренние силы и средства страны, обеспечить полное превосходство над противником. Сосредоточенная у Полтавы армия была укомплектована и обеспечена всем необходимым. Численность ее была доведена до 50 тыс. человек. Кроме того, в распоряжении Петра I был значительный резерв из украинских казачьих войск и конницы калмыцкого хана Аюки. Таким образом, в решающий момент борьбы русские обеспечили превосходство сил и средств. Борьба с захватчиками воодушевляла все население России, что усиливало стойкость армии. Все это обусловило переход стратегической инициативы в руки русского командования.

Несмотря на ухудшившуюся стратегическую обстановку, Карл XII не отказался от похода на Москву. Но теперь ему нужны были крупные тактические успехи, которые подтолкнули бы Турцию и Крым к выступлению против России и улучшили бы положение Мазепы и Гордиенко на Украине. Только этим можно объяснить стремление Карла XII начать новую кампанию (вопреки советам своих генералов, настаивавших на отходе), чтобы предпринять новое наступление на Москву более значительными силами. Наступление можно было начать, лишь выйдя на операционную линию, свободную от русских войск, и создав достаточно крепкий тыл. Такой операционной линией могла служить линия Переволочна — Полтава — Харьков, прикрывавшаяся рекой Ворсклой. Эта линия обеспечивала связь с Запорожьем, Турцией и Польшей. На реке находился только один укрепленный пункт, который предстояло взять у русских,— крепость Полтава, укрепления которой, правда, давно уже устарели. Однако эта крепость имела гарнизон, насчитывавший 4 тыс. солдат, и, кроме того, ее могли защищать 2,5 тыс. вооруженных граждан. В крепости было всего 28 орудий. Командовал гарнизоном полковник А. С. Келин.

Попытка шведов захватить крепость с ходу провалилась. Тогда шведы обложили крепость и стали штурмовать ее. Однако эти штурмы не дали желаемого результата. Гарнизон крепости не только отразил все атаки, но и сам наносил крупные потери противнику. С 1 апреля до 22 июня шведы потеряли здесь более 6 тыс. человек. Героическая оборона Полтавы сорвала замысел Карла XII.

Русское командование вначале попыталось установить связь с гарнизоном крепости через реку Ворсклу. Для этого главные силы русских войск были сосредоточены на левом берегу Ворсклы, в лагере у Крутого

---

[50] «Труды ИРВИО». Т. III, стр. 177; «Письма и бумаги Петра Великого». Т. IX. Ч. 1, стр. 192—194.

[51] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. IX. Ч. 1, стр. 38—41, 59—66 и др.

берега, откуда предполагалось осуществить деблокаду Полтавы путем ударов по тылам противника. Боевые действия у Опошни и Старых Санжер не привели к радикальному улучшению стратегической обстановки. Подойти к крепости через Ворсклу также не удалось [52]. Не найдя способа освободить Полтаву, русское командование приняло решение перевести войска на правый берег этой реки, устроить там укрепленный лагерь и, опираясь на него, дать шведской армии генеральное сражение [53].

Русская армия оставила лагерь у Крутого берега и в ночь с 18 на 19 июня перешла через Ворсклу у деревни Петровка, где было устроено предмостное укрепление, и по Семеновским бродам. У Семеновки был сооружен лагерь. Укрепления у Петровки и Семеновки не удовлетворяли Петра. Они были расположены далеко от Полтавы. В связи с этим была подготовлена новая позиция, у деревни Яковцы, которая позволяла вести активные действия против шведов и в случае необходимости прийти быстро на помощь Полтаве. Здесь был построен укрепленный лагерь, подступы к которому закрывались редутами, расположенными на передовой позиции. Проведенные инженерные мероприятия были новым словом в военном деле. Однако устройство передовой позиции не было полностью закончено к 27 июня.

Русское командование рассчитывало дать сражение 29 июня, после подхода украинских казаков Скоропадского и калмыцкой конницы хана Аюки. В этом случае русская армия имела бы крупное превосходство в силах [54]. На 27 июня она имела 58 батальонов пехоты и 23 драгунских полка (69 эскадронов), всего 47,5 тыс. человек при 102 полевых и полковых орудиях [55]. В бою же принимали участие 42 батальона пехоты и 17 драгунских полков. Карл XII располагал 26 батальонами пехоты и 22 кавалерийскими полками, всего 25—30 тыс. человек, 32 орудиями [56]. Кроме того, у Полтавы было около 6 тыс. запорожцев и 2 тыс. казаков. Наконец, почти двухтысячный отряд шведской конницы охранял дорогу на Переволочну. Таким образом, шведы имели в общем 35—40 тыс. человек. Получив сведения о подходе к русской армии новых сил, численность которых была явно преувеличена, Карл XII решил ускорить события и приказал войскам быть готовыми к сражению 27 июня.

Шведская армия выступила в 2 часа ночи 27 июня. В соответствии с диспозицией пехота противника шла в шести колоннах, позади двигалась в четырех колоннах кавалерия. Русская разведка своевременно обнаружила движение шведских войск, что дало возможность привести русские войска в боевую готовность до подхода шведов. Наличие у русских укрепленной передовой позиции оказалось для шведов неожиданностью. Они были вынуждены начать бой за редуты и нести потери до развертывания войск в боевой порядок. Реншильд отдал приказ Левенгаупту начать атаку силами пехоты. В пятом часу шведская армия смогла овладеть только первыми двумя недостроенными редутами. Попытка шведов развить успех не удалась. Атакующая пехота шведов была отброшена артиллерийским и ружейным огнем с редутов и ударом кавалерии Меншикова. Хотя боевые действия русских драгун развивались успешно, все же Петр I, опасаясь частичного поражения своей конницы, приказал Меншикову отвести ее к укрепленному лагерю. Однако тот не выполнил этого приказания и продолжал вести бой.

---

[52] Там же. Т. IX, вып. I, стр. 204—207.

[53] Там же, стр. 215—216.

[54] Почти все историки очень преувеличивают эти цифры. В Полтавском сражении из 40 тыс. казаков Скоропадского могли участвовать не более 10 тыс. человек. Хан Аюка прислал отряд в 3 500 человек из общего числа 40 тыс. человек всей калмыцкой конницы (ЦГАДА, каб. 1, кн. 9, л. 83).

[55] По данным Е. Колосова.

[56] Из-за недостатка пороха 28 орудий не использовались и находились в обозе.

Между тем Карл XII приказал Реншильду вновь построить пехоту в колонны и обойти линию редутов. Очевидно, Росс и Шлиппенбах не получили приказа и продолжали атаку левофланговых редутов. Меншиков, заметив маневр главных сил Карла XII, передвинул свою конницу и закрыл просвет между редутами и Будищенским лесом. Ожесточенный бой продолжался. Колонны Росса и Шлиппенбаха, понеся крупные потери от огня из редутов, отошли к Яковецкому лесу. Установив это, Петр I приказал Меншикову уничтожить их частью сил кавалерии, а Боуру отвести другую часть к лагерю. Одновременно к монастырю был отправлен отряд Яковлева для связи с крепостью Полтава.

Меншиков превосходно справился с поставленной задачей. Он уничтожил кавалерийскую колонну Шлиппенбаха. Разбитая пехота Росса бежала к Полтаве. Отправив для преследования ее 5 батальонов Ренцеля, Меншиков возвратился к укрепленному лагерю. Таким образом, уже в самом начале сражения Карл XII потерял значительную часть своих войск.

Шведам удалось прорваться между редутами. Они стали энергично продвигаться вслед за отходившей конницей Боура. Поднятая конницей пыль скрыла расположение русского лагеря. Шведы потеряли ориентировку. Правый фланг их войск оказался в 150 шагах от артиллерии, расположенной в лагере. Огонь этой артиллерии расстроил боевой порядок противника. Шведы бросились к Будищенскому лесу, где с трудом построились в боевой порядок. Отсутствие двух колонн сразу сказалось. Войска были построены в одну линию с кавалерией на флангах. Два часа Карл ожидал подхода колонн Росса и Шлиппенбаха. Немало времени ушло на выбор направления для нанесения удара. Нерешительность Карла XII вызвала у русского командования опасение, что шведы не будут продолжать сражение. Петр I приказал вывести войска и расположить их сначала на флангах, а затем впереди укрепленного лагеря в две линии. Часть конницы (6 драгунских полков) он снял с правого фланга и направил для связи с казаками Скоропадского; кроме того, в лагере был оставлен резерв из 7 батальонов.

Около 9 часов утра противники начали сближение. Первой перешла в наступление русская армия. На расстоянии 75 метров обе стороны остановились, открыли огонь и только после этого перешли в штыковую атаку. Карл XII направил удар в центр русского боевого порядка. Шведам удалось опрокинуть стоявший в первой линии батальон Новгородского полка. Прорыв центра был ликвидирован войсками второй линии. После этого русская пехота перешла в штыковую атаку, а кавалерия стала охватывать фланги шведов. Удар русских войск был неотразим. Шведы не выдержали его и побежали. Тщетно пытались Карл XII и его генералы остановить бегущих. Русские войска преследовали врага до Будищенского леса. Шведы не остановились здесь и продолжали поспешно отступать к своему лагерю у Пушкаревки, под Полтавой, который в это время был захвачен солдатами отряда Ренцеля. Шведская армия вынуждена была отходить дальше, на Переволочну.

В 11 часов утра сражение окончилось. Под Полтавой шведы потеряли убитыми 9 234 и пленными 2 864 человека, русские — убитыми 1 345 и ранеными 3 290 человек[57]. Русские перешли к преследованию только на другой день. Сначала выступили войска Меншикова (9 тыс. человек), а затем двинулись главные силы. Меншиков настиг шведов у Переволочны, где Карл XII предполагал переправить артиллерию и войска. Как только подошли войска Меншикова, Карл XII тотчас оставил свою армию, обязав Левенгаупта обеспечить переправу. Однако последний ничего не смог сделать. Под угрозой полного уничтожения шведская армия была вынуждена капитулировать. 16 947 солдат и офицеров были взя-

[57] «Журнал или поденная записка...». Ч. I, стр. 203, 222.

ты в плен [58]. Сообщая статс-секретарю Бойлю о победе русских войск, Витворт писал: «...остатки шведской армии, представляющие собою еще около пятнадцати тысяч отборного войска, положили оружие и сдались без малейшего сопротивления князю Меншикову» [59]. Витворт подчеркнул, что это беспримерный в истории случай сдачи в плен столь большой армии.

За Карлом XII и Мазепой, успевшими переправиться через Днепр, была организована погоня. Однако отряд Волконского не смог их захватить.

В целом шведы под Полтавой и Переволочной потеряли убитыми 9 234 и пленными 19 811 человек, 32 орудия, 264 знамени и штандарта. Таков был итог шведского похода на Россию.

Итак, жолковский план был выполнен. Генеральное сражение было дано «при своих границах», но в таких условиях, которые были выгодны для русской армии. Русские обеспечили решающее превосходство сил и средств и достигли абсолютного успеха. В одержании победы армии огромную роль сыграла поддержка народных масс, вместе с армией боровшихся против захватчиков.

Карл XII хотел изобразить свою полтавскую катастрофу как случайный эпизод. Он писал, что шведская армия «вследствие одного особенного случая... имела несчастье понести потери, которые, как я надеюсь, в короткий срок будут исправлены» [60]. Эта точка зрения довольно долго господствовала в шведской историографии.

Шведские историки не хотели видеть того очевидного факта, что полтавская катастрофа явилась результатом полного несоответствия между политическими целями, которые Швеция ставила в этой войне, и теми возможностями, которыми она располагала. Русский народ оказался могучей силой, которую не удалось сломить и отбросить к временам удельных княжеств. Поражение под Полтавой было следствием авантюристической стратегии, приведшей к гибели лучшей части шведской армии. Швеция оказалась бессильной восстановить свою мощь на суше, хотя она сохранила флот, который позволил ей еще долго вести борьбу с Россией.

Оценивая значение победы под Полтавой, Энгельс писал: «...Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России» [61].

Полтавское сражение изменило соотношение сил между Россией и Швецией. Россия по праву заняла свое место среди первых держав Европы. Швеция же стала превращаться во второстепенное государство. Северный союз был восстановлен. В октябре 1709 г. был заключен союз между Россией, Данией, Саксонией и Польшей. К нему примкнула Пруссия. Позднее присоединился и Ганновер.

Весть о катастрофе, постигшей шведскую армию, обеспокоила всех участников войны за испанское наследство. Чтобы не допустить Россию к участию в делах Европы, Англия и Швеция стали подстрекать Турцию к возобновлению войны с Россией. Однако султан, предоставивший Карлу XII убежище, уклонился в 1709 г. от выступления и подписал с Россией договор о продлении перемирия. Однако вследствие усилий Карла XII, а также английской дипломатии Турция нарушила этот договор и в ноябре 1710 г. объявила войну России.

Стремясь получить союзников в продолжавшейся войне за испанское наследство, Франция предложила посредничество для заключения мира между Швецией и Россией.

---

[58] Там же, стр. 219—220.
[59] Сборник РИО. Т. 50. СПБ. 1886, стр. 212.
[60] Е. В. Тарле Указ. соч., стр. 446.
[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2, стр. 9.

О мире заговорил наконец и Карл XII. Он согласился с первыми русскими предложениями. Но теперь Россия не желала возвращать территорию, обильно политую кровью своих солдат.

Победа над шведскими захватчиками и изменниками украинского народа, нарушившими договор о вечной дружбе украинского и русского народов, укрепила внутриполитическое и хозяйственное положение страны, показав целесообразность внутренней политики русского правительства. И недаром М. В. Ломоносов писал, что победу принесло «оружие, приуготовленное из гор российских российскими руками» [62]. Рост русской экономической мощи позволил создать сильную армию, обеспечить ее всем необходимым для успешного ведения войны, что явилось главным основанием военных успехов.

Полтавская победа закрепила успехи, достигнутые до этого в Прибалтике. Сам Петр I считал, что «ныне же уже совершенно камень во основание Петербурга положен...» [63].

Россия получила выход в Балтийское море. Петербург теперь связывал Россию со всеми европейскими державами без участия шведских посредников. С развитием Балтийского флота наша страна становилась также великой морской державой.

Полтавская победа показала, наконец, что русское военное искусство превзошло шведское.

Справедливый характер Северной войны делал русскую стратегию целеустремленной, отвечающей интересам русского народа. Русская стратегия исходила из учета конкретной международной обстановки и поэтому ставила реальные задачи перед армией. Характерной ее чертой была решительность. Главным средством для решения подготовленной задачи русские считали сражения, в интересах которых создавалась необходимая обстановка. Не шведы, а русские диктовали условия борьбы. Они давали сражения там и тогда, когда это вызывалось необходимостью, и достигали полного успеха. Лесная и Полтава привели не только к поражению, но и к полному уничтожению шведской армии, вторгнувшейся на территорию России. После Полтавы шведы больше не отваживались давать сражения. Спустя несколько лет Петр I писал: «...хотя мы зело искали видеть оного в лице, но оный никогда показать себя не хотел» [64].

Большой вклад сделан русскими войсками и в области тактики. Активность боевых действий, творческий подход в применении боевых порядков, новаторство в применении инженерных средств — все это и явилось национальным вкладом русских в военное дело. Опыт борьбы этого времени послужил началом боевых традиций регулярной русской армии.

Полтавская победа имела огромное значение для русского народа. «Полтавская битва,— писал В. Г. Белинский,— была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства...» [65]. Это был великий подвиг русского и украинского народов, поднявшихся на защиту своей Родины.

---

[62] М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М. 1950, стр. 495.

[63] «Полтавская битва. 1709—27 июня — 1909 г.». «Общество ревнителей военных знаний». Кн. 3, стр. 54.

[64] А. З. Мышлаевский. Северная война на ингерманландском и финляндском театрах в 1708—1714 гг. Сборник военно-исторических материалов. Вып. V, д. № 149.

[65] В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. 3. М. 1948, стр. 483.

ВОСТОК И МИКЕНЫ

Академик А. И. Тюменев

До открытия и прочтения пилосских надписей общественный и государственный строй Эгейской области второго тысячелетия до н. э. (в том числе не только острова Крита, но и микенской Греции) считался в советской исторической науке близким по своему типу к рабовладельческим обществам Древнего Востока, а эти последние по отношению к странам античности с их «развитым» рабовладением трактовались как «раннерабовладельческие». Во время дискуссии по данному вопросу, происходившей в Отделении истории и философии 27—28 марта 1940 г., эта точка зрения была признана единственно правильной[1]. Наличие архивов на Крите и затем открытие в 1939 г. такого же архива на греческом континенте в Пилосе как будто подтверждало это положение.

Однако такая точка зрения еще до прочтения пилосских надписей не могла не вызывать больших сомнений. Восточные деспотии и демократические полисы античной Греции настолько различны, чтобы не сказать диаметрально противоположны, что их совершенно невозможно ставить на одну линию. Характер всякого государственного строя определяется прежде всего породившим его экономическим базисом, и целью этого строя является укрепление и упрочение своего базиса. Если общественное развитие в странах Древнего Востока привело к возникновению деспотического государственного строя, а в античной Греции к возникновению диаметрально противоположной ему системы демократических полисов, то очевидно, что столь решительное расхождение нельзя сводить только к стадиальному различию. Дело в данном случае не в различии стадий, а в различии самих путей развития.

В основе как экономического, так и общественного и политического развития ведущих стран Древнего Востока, Египта и области Двуречья лежала необходимость создания обширной оросительной системы, без чего вообще невозможна была бы жизнь в этих областях. Это требовало коллективного труда всего населения страны, которое было поставлено в зависимость от господствующих классов и государственной власти, руководивших ирригационными работами. На этой почве, в свою очередь, широкое распространение получило государственное (храмовое, затем дворцовое царское) хозяйство, задерживавшее здесь развитие частнохозяйственной деятельности. Одновременно на той же почве возник и деспотический государственный строй.

В античной Греции горный, каменистый характер местности, отсутствие крупных рек, недостаточность годовых осадков, неравномерность почвенных условий исключали возможность и необходимость коллектив-

---

[1] Отчет о дискуссии (Т. Шепуновой) см. в «Вестнике древней истории» (ВДИ), 1940, № 2, стр. 204—218. Такой же точки зрения придерживался проф. В. С. Сергеев в изданном им позднее общем курсе истории древней Греции (М. 1948, изд 2-е (посмертное), стр. 71, ср. стр. 98).

ного труда, требуя, напротив, индивидуальных усилий по обработке отдельных небольших участков земли, по освоению и подготовке почвы, по изысканию источников воды и созданию систем орошения и пр. Здесь не было предпосылок для возникновения и развития государственного хозяйства, напротив, существовали все условия для раннего появления хозяйств, основанных на частном рабовладении. Для возникновения сильной единоличной власти не было почвы. Если на Востоке становление государственной власти происходило в условиях борьбы единоличной деспотической власти с родовой знатью, закончившейся утверждением деспотии, то в Греции мы видим совершенно иную, обратную картину: царская власть рано пришла в упадок и уступила место господству родовой землевладельческой знати; господство же последней было свергнуто в результате борьбы широких народных масс, завершившейся образованием демократических полисов[3].

Прочтение пилосских текстов дает теперь возможность проследить историю древней Греции начиная почти с самых ее истоков и показать вместе с тем всю неосновательность отождествления ее с историей развития древневосточных обществ[4].

Содержание пилосских текстов с полной определенностью свидетельствует о том, что первоначальная заимка и освоение незанятых и не обрабатываемых еще земель производились здесь относительно небольшими коллективами. Это были прежде всего, по всей вероятности, отдельные роды с их владыками во главе, что приводило к раннему развитию крупного землевладения, обозначавшегося термином kotona kitimena, в отличие от kotona kekemena, означавшего общинное землевладение[5]. Вместе с тем и почва для образования в Греции крупного государственного хозяйства (храмового и тем более царского), охватывавшего всю страну, совершенно отсутствовала. Действительно, ближайшее ознакомление с пилосскими документами подтверждает, что никакого государственного хозяйства в форме храмового или царского в микенской Греции не существовало и что основой всей хозяйственной жизни было частновладельческое хозяйство. Храмы же и царь существовали не столько на доходы от собственного хозяйства, сколько прежде всего за счет сборов с населения.

Основным аргументом в пользу известной общности данных пилос-

---

[3] См. мою статью «Передний Восток и античность». «Вопросы истории», 1957, № 6; ср. также мою монографию «Государственное хозяйство древнего Шумера». М.-Л. 1956.

[4] Уже первый исследователь, подвергший содержание пилосских таблеток более тщательному и глубокому анализу, пришел к решительному отрицанию возможности каких-либо аналогий между социальным и государственным строем микенской Греции и государственными учреждениями стран Древнего Востока. См. С. Я. Лурье. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе. ВДИ. 1957, № 2, стр. 8 сл.; ср. его же. Язык и культура микенской Греции. М.-Л. 1957. Предисловие, стр. 11—12. К аналогичной точке зрения приходят и многие западные историки (см. L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford. 1955. Там же указана и соответствующая литература, стр. 16; его же: Mycenaean tablets and economic history. «Economic history review». 1958. Vol. XI, № 1, стр. 87—96). Однако, поскольку в основе этих взглядов лежит расовая теория, исходящая из противопоставления мнимых расовых свойств, присущих якобы, с одной стороны, восточным, а с другой — индоевропейским народам, ясно, что подобная точка зрения не имеет ничего общего с научным объяснением и должна быть решительно отвергнута. Дж. Чадвик, отчасти придерживавшийся этой теории (см. M Ventris — J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge. 1956, стр. 121), в своей последней работе («The Decipherment of Linear B». Cambridge. 1958, стр. 113) категорическим образом отмежевался от нее. При объяснении причин различия в характере и исторических судьбах каждого данного народа необходимо прежде всего исходить из различия материальных условий, в каких этот народ находился.

[5] См. мою статью «Tereta пилосских надписей». ВДИ, 1959, № 4. Любопытную параллель к факту частной обработки земли в микенской Греции представляет широкое развитие частной инициативы в области торговли в Микенах. См. E L. Bennett. The Mycenaean tablets. Philadelphia. 1958.

ского архива с царскими архивами стран Востока является наличие в нем документов серий Aa и Ab, а также Ad, в которых приводятся списки женщин, распределенных группами частью по профессиям, частью по месту их происхождения и размещенных как в Пилосе, так и в других центрах страны. Документы обеих серий составлены по одному образцу: вначале указывается место размещения данного отряда, далее следует указание профессии или места происхождения занятых на работах женщин, а также их числа и состоящих при них детей обоего пола. Документы серии Aa заканчиваются идеограммами «da» и «ta» с цифрой при каждой идеограмме «1». Что означают эти идеограммы, остается неизвестным [6].

Вторая серия документов — Ab — аналогична по своему построению первой с тем лишь различием, что вместо идеограмм «da» и «ta» здесь стоят идеограммы пшеницы и фиг (или оливок, как читают другие); количество этих продуктов изменяется в зависимости от числа женщин и детей, указанных в документе. Очевидно, это документы о выдаче довольствия (судя по размерам, вероятно, месячного) [7].

Списки Aa и Ab представляют параллельные записи, в которых как названия профессий, так и числа женщин и состоявших при них детей иногда совпадают, иногда же лишь незначительно различаются между собой, из чего можно заключить, что списки составлялись в различное время. Если в параллельных списках профессии женщин повторяются, то в одной серии они повторяются только в различных центрах, но никогда не повторяются в одном и том же центре, чего можно было бы ожидать, если бы списки составлялись периодически. Следовательно, запись по различным сериям была составлена каждая единовременно, но не повторялась ежегодно.

Все профессии отдельных групп женщин представляли обычные женские занятия — мололщицы зерна [8], прядильщицы [9], женщины, занятые обработкой льна [10] и шерсти [11], ткачихи [12], швеи [13], швеи-починщицы (?) [14], лентовщицы [15], комнатные прислужницы [16], банщицы [17], женщины-разнорабочие [18], многие группы обозначены не по профессиям, а по ме-

---

[6] T. B. Webster предположил, что термин «da» обозначает меру обрабатываемых женщинами земельных участков, а идеограмма «ta» — садовых участков (T. B. L. Webster. Pylos Aa, Ab tablets, BICS I (1954), стр. 11). Такое толкование, однако, неубедительно, так как при таком понимании получалось бы, что различные по численности группы женщин обрабатывали одинаковые по размерам участки, с другой же стороны, вряд ли можно предполагать, что земельными работами занимались женщины различных профессий. Еще менее вероятно, что эти идеограммы означали какие-либо виды довольствия, поскольку числа получавших это довольствие женщин различались между собой. Ср. A. Furumark. Ägäische Texte in griechischer Sprache. «Eranos», LII (1954), S. 24; M. Ventris — J. Chadwick. Documents...», p. 157; Я. А. Ленцман. Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции. ВДИ, 1955, № 4, стр. 45. Пилосские документы опубликованы в E. L. Bennett. The Pylos tablets. Princeton. 1955 (далее без указания источника).

[7] По расчету Вентриса—Чадвика, при этом на каждую женщину приходилось по 12 мер (или по 24 литра) пшеницы и такое же количество фиг. M. Ventris — J. Chadwick. Documents..., p. 157—158.

[8] Meretirija, $meretira_2$ = meletriai Aa 62, Ab 789.

[9] Arakateja = alakáteiai Aa 89, 240.

[10] Rineja = гр. Lineiai Ab 745, 746.

[11] Wewesijeja = гр. FerFeeai = аттич. ereai Aa 762, Ab 717.

[12] Iteja = гр. histeiai Ab. 689.

[13] $Rapitira_2$ $raqitira_2$ = гр. raptriai Aa 351, Ab 555.

[14] $Aketira_2$, aketirija = гр. akestriai Aa 85, 717, 815; Ab 1099.

[15] Apukowoko = гр. ampukoForgoi Ab 210.

[16] Apiqoro = гр.. amphipoloi Aa 804.

[17] Rewotorokowo = гр. LeFotrokhoFoi.

[18] Ekeroqono = enkherequoinoi Aa 777, Ab 563, 1100; pawoke = parForges Aa 795, Ab 558.

сту происхождения [19], например, лемниянки [20], милетянки [21], киферянки [22], хиосски [23].

Женские списки дополняются записями о взрослых мужчинах и подростках, обозначенных как «сыновья» (kowo). Очевидно, по мере подрастания девочки оставались в материнских группах и переходили только в число взрослых женщин; мальчики вносились в особые, мужские списки [24].

Общее число как женщин с детьми, так и подростков и мужчин не может быть установлено с точностью ввиду того, что не все документы полностью сохранились. Приблизительное число женщин можно определить в 700—750 (в том числе в Пилосе около 500 с лишним и в других городах 200 или немногим больше). Приблизительно столько же было у них детей обоего пола [25]. Мужчин насчитывалось до 350 и мальчиков-подростков около 100 [26].

Приступая к выяснению значения женских профессиональных списков, мы прежде всего должны констатировать, что других аналогичных документов в пилосском архиве нет. Эти списки, как предполагает большинство исследователей [27], учитывают рабынь, вероятно, захваченных во время частых в то время военных столкновений или морских набегов на различные города и острова Эгейской области. Захват в плен одних только женщин и детей относится к ранней стадии рабовладения, когда мужчин обычно истребляли, а пленных женщин и детей использовали на домашних работах [28]. И действительно, профессии женщин, перечисленных в пилосских списках, поскольку они поддаются расшифровке, относятся к обычным женским занятиям в условиях патриархального быта: помолу зерна, прядению и ткачеству, пошивочным работам; не все пленные непосредственно находили применение своему труду, и потому часть их записывалась партиями по месту происхождения. В Пилосе таких рабынь было около $1/3$ (примерно 170 из 500) (в других центрах большей частью не отмечались профессии или место происхождения). Около 70 женщин (при-

---

[19] С. Я. Лурье, впрочем, отрицает записи по этническому происхождению и делает попытку расшифровать все такие обозначения как профессиональные. См. К вопросу о характере рабства..., стр. 19—20. Против этого говорит Ап 292, где женщины, записанные по месту происхождения (ср. Аа 788, 354, 792), назначаются на работы по ссыпке зерна или муки (sitokowo).

[20] Raminija Ab 186.

[21] Miratija, $Miratira_2$ Aa 798, 1180; Ab 382, 573.

[22] $Kutera_3$ Aa 506, Ab 562.

[23] Kisiwija Aa 770, Ab 194.

[24] Я. А. Ленцман (Указ. соч., стр. 51—52) полагает, что мальчики при этом «отбирались у своих матерей» и что списки серии «преследовали только цель учета молодых рабов перед их отправлением из Пилоса». Если бы это было так, то сыновья по достижении определенного возраста прерывали бы связь с матерями. Тогда незачем было бы отмечать их родственные отношения, тем более, что в списки были внесены не только подростки и юноши, но и мужчины, достигшие зрелого возраста, и, следовательно, процесс отрыва сыновей от матерей должен был охватить длительное время. Скорее дело обстояло наоборот: сыновья не порывали с матерями, но, оставаясь в прежнем месте жительства, вносились лишь в особые списки, учитывающие мужскую рабочую силу.

[25] См. С. Я. Лурье. К вопросу о характере рабства..., стр. 20; ср. E. L. Bennett. Correspondences entre les textes des tablettes pyliennes des series Aa, Ab et Ad. «Études mycéniennes». Paris. 1956, p. 136.

[26] E. L. Bennett. Указ. соч. стр. 136.

[27] A. Furumark. Указ. соч., стр. 25 сл.; M. Ventris—J. Chadwick. Documents..., p. 156 сл.; Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 48 сл.; С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 283; его же. К вопросу о характере рабства..., стр. 23.

[28] Большое число пленных женщин-рабынь («гим») встречается в Шумере еще на самой заре его истории. Так, в одной таблетке времени Урука IV упоминается свыше 211 рабынь-гим. См. A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk. Berlin. 1936. № 577 verso; ср. А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.-Л. 1956, стр. 51 сл.

близительно 15%) были заняты непроизводительным трудом (комнатные прислужницы, банщицы), 18 (свыше 3%) являлись разнорабочими. И только около сотни женщин (20%) занимались обычными женскими профессиями.

Кого обслуживали все эти женщины, из документов не видно. Возможно, что не только царя и его семью, но и особ из правящих кругов вообще, действовавших от имени «народа» [29], в пользу чего говорит как большое число женщин пилосских списков, так и разнообразие их профессий. Но если так, то самый факт наличия в пилосском архиве женских списков не может еще служить доказательством существования дворцового хозяйства, специально обслуживавшего царя. Самое слово «дворец» неизвестно в языке микенского времени.

Документы, аналогичные спискам женщин пилосского архива, находим мы и в архивах древнего Шумера начиная с самых начальных стадий развития царского хозяйства; это списки gìm-dumu из архива храма Бау в Лагаше времени правления династии Ур-Нанше и Урукагины. Однако в отличие от Пилоса в этих документах всегда определенно указано, кого именно из членов семьи энси обслуживают эти партии женщин [30].

В то же время отнюдь не наличием этих списков определялось значение зарождавшегося царского хозяйства. Как известно, правители династии Ур-Нанше не только захватили в свои руки храмовые земли, но и перешли к их непосредственной обработке трудом специальных земледельческих и садовых работников. При храме Бау в распоряжении царицы Шаг Шаг числилось свыше ста земледельческих работников (шублугалей и укуушей) [31]. При дворе самого царя число шублугалей достигало более 600 человек [32]. Шублугали числились также и среди персонала отдельных храмов [33]. Наконец, при каждом хозяйстве существовало значительное число ремесленников (giš-kin-ti-me). Мало того, весь персонал храма Бау (царицы Шаг Шаг) строго делился уже в то время на работников, обслуживавших непосредственно двор царицы (списки рабынь и отчасти игинуду) и собственно хозяйственный производящий персонал (lu kur_6-dab_5-ba) [34]. Дальнейшее развитие царского хозяйства совершалось прежде всего за счет быстрого расширения и растущей хозяйственной роли этой производящей группы. С течением времени хозяйство увеличивалось, его организация все более усложнялась, пока не достигла своего высшего

---

[29] Имеется, например, документ, свидетельствующий о том, что женщины, происходившие от смешанных браков или от связи родителей, из которых один был свободным, а другой рабом, отдавались в услужение экетам и теретам. С. Я. Лурье вообще отрицает дворцовую принадлежность женских списков Aa и Ab, поскольку он считает женщин, обозначенных в этих списках, не только не дворцовыми, но и не государственными, а частными рабынями. Автор высказывает при этом такую гипотезу: «Не дают ли они (то есть факты организованного направления на работы.— *А. Т.*) нам права предположить, что и в данном случае речь идет об общественной повинности: что рабовладельцы по особым раскладкам должны были направлять определенное количество рабынь для обслуживания высших должностных лиц, а пилосский дворец играл роль чего-то вроде первобытного бюро по распределению рабочей силы — он регистрировал, учитывал рабынь и направлял их по назначению?» (С. Я. Лурье. К вопросу о характере рабства..., стр. 22). Совершенно невероятное предположение, что женщины, названные в списках, были работницами частных мастерских, высказывает Е. Л. Беннет в указанной статье, стр. 126—127.

[30] Allotte de la Fuye. Documents présargoniques (в дальнейшем — DP) № 117; ср. А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера, стр. 162 и 164.

[31] А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. См. таблицу на стр. 162.

[32] В год энсиата Урукагины шублугали храма Нингирсу получили 682 тура саггаль (М. В. Никольский. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи. СПб. 1908, № 58), причем в этот год зерно выдавалось по повышенной норме — по 1 гуру на человека.

[33] DP № 123; ср. А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера, стр. 167.

[34] А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера, стр. 157.

развития в обширном и охватывавшем всю территорию страны царском хозяйстве третьей династии Ура. С расширением царского хозяйства, принимавшего все более интенсивный характер, разрасталась и численность занятых в нем работников. С помощью зависимого персонала производилась непосредственная обработка царских и храмовых земель, расширялось животноводство; трудом принадлежавших царскому хозяйству ремесленников удовлетворялись все его потребности в ремесленных изделиях. Готовая продукция хранилась на обширных центральных складах и выдавалась оттуда по мере надобности [35].

Вместе с этим росла и хозяйственная документация, достигшая исключительных размеров в царском хозяйстве времени третьей династии Ура,— прежде всего о работах, выполненных отдельными рабочими партиями [36].

Ничего подобного в микенской Греции не существовало. Самое слово «дворец», которое соответствовало бы шумерскому «é-gal» (большой дом), в значении центра храмового или царского хозяйства, как говорилось уже, не было известно в микенском языке. Никаких документов, которые подтверждали бы существование собственно храмовых хозяйств, в пилосском архиве нет. Потребности для совершения религиозных культов, равно как содержание выполнявшего эти культы жречества, удовлетворялись не в результате образования крупных храмовых хозяйств, а путем специальных выдач зерна и различных других продуктов (dosomo-dosmòs) из общих запасов или за счет специальных сборов с населения. Лучше всего нам известно обеспечение культа высокочтимого в Пилосе божества Посейдона и сопрестольных с ним меньших богов. При храме числилось 13 жрецов [37]. Все они названы по именам, за исключением двух, из которых один значился рабом (doero) бога Wedanewo, другой — рабом Atemito (Артемиды). Каждый из этих жрецов совершал приношения четырем богам или группам богов — Посейдону, Веданево, Дивиею, группе богов Ай (? зн. 34) кетере — покровителей (?). Зерно и другие продукты для приношения поступали к ним в виде dosomo (dosmòs) — дачи, дара, приношения. Ежегодно (wetei-wetei) жрецы получали определенные нормы (dosomo) каждый, причем эти нормы были далеко не одинаковы. В то время как старший жрец Алектрион (Arekutoro) получал в год 57 мер пшеничного зерна, что, по расчету Вентриса — Чадвика, соответствует 114 литрам, второй по старшинству жрец — Коперей — 42 меры (84 литра), остальным полагалось значительно меньше, от 8 до 20 мер (Es 644). Сверх того жрецам предоставлялись, по-видимому, для собственного содержания участки земли, которые также не были равны (от 72 до 420 мер) [38], у двух жрецов участки были еще меньше — 18 и 24 меры (Es 646, 649, 650 и др.). Неравными были и приношения, которые делались отдельным божествам. Так, Алектрион приносил Посейдону 138 мер (276 л.), остальным богам только по 16; Коперей — Посейдону — 90 мер, остальным — по 10; приношения от остальных жрецов были еще ниже. Внутренняя организация этих приношений не ясна [39]. Для нас, однако,

---

[35] Там же, стр. 379—395.

[36] Там же, стр. 243—265.

[37] В надписи Es 650 названо, собственно, 14 жрецов, однако лишь о 13 из них имеются специальные документы, удостоверяющие, что они совершали приношения богам. Что касается 14-го Piretekoto, то о нем таких документов не обнаружено. При этом в документе, где названо его имя, не значится (или выскоблена) цифра причитающегося ему количества зерновых мер. Во всяком случае, это имя не следует принимать во внимание.

[38] Собственно мер посевного зерна. В микенской Греции размеры участков определялись количеством требуемого для их засева зерна.

[39] С. Я. Лурье (Язык и культура микенской Греции, стр. 289) предполагает, что каждый из жрецов ««поочередно» руководит финансами святилища и совершает «дотацию» (приношение)», однако для такой очередности были слишком неравны как значение отдельных жрецов, так и размер получаемых ими дотаций.

существенное значение имеет самый факт совершения приношений богам не из продуктов, получаемых с храмового хозяйства, а из продуктов, поступавших за счет особых дотаций, причем имеется документ, из которого можно видеть, что источником этих дотаций служили специальные сборы с населения [40]. Из того же документа видно, что, помимо пшеницы, о которой идет речь в документах серии Es, в дотацию входили и другие продукты: вино, мед, сыры, жиры, а также шкуры и животные.

Относительно организации культа других божеств пилосские документы сведений не содержат [41]. Однако мы имеем примеры и других, по-видимому, регулярных выдач храмам различных богов и персоналу, обслуживавшему храм: ячменя, фиг и прочих продуктов, названия которых не поддаются прочтению. Об этом свидетельствует прежде всего документ Fn 187, согласно которому выдачи производились святилищам Apiteja — Амфитеи [42] по 120 мер ячменя и фиг, Posidajode (Посидайон) — по 6 мер ячменя и фиг, глашатаям (karuke) этого святилища — ячмень и мука, в святилище Сфагий (Pakijanade) — по 6 мер ячменя и фиг, те же продукты глашатаям и другим храмовым служащим; святилищу Upojo potinija («подземной владычицы» — Персефоны) [43] — по 24 меры, а также привратнику и другим; наконец, Posidajeusi (Posidaiõn и Posidaeis, очевидно, два различных святилища) [44] — 9 мер ячменя и по такому же количеству для служащих. Другой документ (Va 48) содержит запись выдач святилищу и служащим (привратникам, жрице-ключарю и др.) «госпожи Эревий» [45]. Далее из различных местностей в храмы направлялся скот (по одной голове крупного рогатого скота) [46]. Еще большее число голов мелкого скота (100 овец и 190 свиней) передавалось Newopeo potinija—богине-покровительнице также какого-то местечка (Cc 665). Факт передачи скота в храмы свидетельствует об отсутствии храмового животноводства. Несмотря на большое количество документов серии Cn, а также документов других серий, рассказывающих о пастьбе скота (преимущественно мелкого) [47] среди них нет ни одного, который указывал бы на существование храмового животноводства.

Имеется далее документ (Un 219), по-видимому, о передаче храмам различных предметов и продуктов, между прочим Артемиде (?) Atimite

---

[40] Un 718. В документе речь идет именно о сборах специально dosomo для Посейдона. Наибольший взнос делает некто Ekera$_2$wo (Эхелаон), как видно из другого документа, наиболее крупный среди известных нам землевладельцев (Er 880), возможно, глава рода; в этом же документе его владения обозначены в мужском роде, как kitimeno, что С. Я Лурье (Язык и культура микенской Греции, стр. 239) предлагает дополнить не словом «cotona», а словом «vovo» (resp. wowo) — родовое владение; в таблетке An 610, 13 Ekera$_2$-wono употребляется в значении населенного пункта (быть может, того же рода), поставляющего 40 гребцов. M. Ventris — J. Chadwick (Documents..., стр. 280, ср. стр. 265) на основании сопоставления с документом Er 312 видят в Ekera$_2$wo царя — ванака или его представителя. За Ekera$_2$wo следует демос, небольшую долю вносит лавагет и worokijonejo (по переводу M. Ventris — J. Chadwick (под № 171, стр. 283). The estate of the cultassociation).

[41] Самый термин dosomo, равно как и близкие ему термины dosimijo, иногда встречается, но во фрагментированных документах (Wa 730, 731) или служит для обозначения обычных сборов (Ma 126, 1 dosimija).

[42] = Левкотеи (?) Ср. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 356.

[43] A. Furumark. Указ. соч., стр. 35, ср. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 306—307 и избранные надписи под № 8 (там же, стр. 355—356)

[44] См. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. Комментарии к надписи № 8.

[45] Очевидно, какого-то поселения. Ср. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 305.

[46] Cn 3. Малое количество посылаемого скота объяснялось тем, что крупный рогатый скот, судя по данным пилосских документов, не был распространен в пилосском государстве.

[47] Имеется в виду, по-видимому, частный скот. Ср. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 244—245.

(стк. 5), «госпоже» какого-то поселения (название отбилось) (стк. 7), Гермесу (Emaa$_2$) (стк. 8). Названия передаваемых предметов обозначаются идеограммами «ka» — колес колесниц, «o» — (?), «ma» — шерсти, «me» — меда, «ko» — кориандра и пр.

В случае нужды в ингредиентах при изготовлении благовонных масел для культовых возлияний изготовители их (называемые по имени) получали необходимое сырье не из продуктов храмового хозяйства, а со стороны, через посредство должностных лиц, известных нам из других документов, например, от Âрксота (Akosota) [48]. Есть, наконец, документ [49] относительно посылки в храмы в качестве «даров» (doraqe peropopenaqe-dōraqe pheréphorenaqe) различных золотых сосудов и, по-видимому, людей мужского и женского пола (в числе от одного до двух) [50] божествам, чтимым в различных городах: владычице в Сфагиях (стк. 2) [51], богинематери царице (Manasa-Ma ànassa) [52] (стк. 4), Posidaeja (быть может, супруге Посейдона) [53], Трипатору (Tiriseros) [54], Dópota (Dó (e) spota) [55], святилищу Посейдона, затем в святилище pe-re — 82 [56]; Ipemedeja и Diwija, Гермесу, наконец, Dive (Зевсу) и Era (Гере).

Среди персонала храмов, поскольку в документах упоминаются отдельные его члены, совсем не встречаются люди, участвующие в производительном труде. Упоминаются прежде всего «божьи рабы и рабыни», прислуживавшие, очевидно, при отправлении культа, частью же, как doero Веданево и Атемито, сами выполнявшие жреческие обязанности; затем глашатаи, которые, как показывают данные гомеровского эпоса, присутствовали при совершении обрядов и нередко принимали в них активное участие [57], низшие служащие, привратники (turatewe), а также швеи (aketirija) [58].

В храмах отсутствовали не только собственные земледельцы и животноводы, но также, в сущности, и ремесленники. Правда, в двух доку-

---

[48] Un 249, 267; ср. также микенские документы Ge 602, 603, 604

[49] Tn 316 = С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 361 сл.; A. Furumark. Указ. соч., стр. 52 сл.; M. Ventris — J. Chadwick. Documents..., № 172, стр. 286—289. L. R. Palmer. A mycenaean Calendar of Offerings. «Eranos», LIII (1955), стр. 1 сл.

[50] В качестве кого эти люди посылались в храмы? Беннет полагает, что это были изображения людей — фигурки из того же материала (золота). Вентрис — Чадвик (Documents..., стр. 284) предполагают, что это были люди, доставлявшие «дары» по месту назначения. Однако такое предположение маловероятно, так как в этом случае незачем было бы упоминать о них. Более вероятно, что это были жертвуемые в храм люди, возможно, не рабы в собственном смысле, а так называемые «божьи» рабы и рабыни, то есть люди, приписанные к определенным храмам, но остававшиеся свободными или полусвободными. На оборотной стороне документа, в 3-й строке, две жертвуемые женщины обозначены как qowija (doe)ra. Вентрис — Чадвик оставляют непонятное слово qowija без перевода (стр. 287). В Георгиев (Словарь критомикенских надписей. София. 1955, стр. 63) предлагает неудачное чтение bòeia. Вероятнее мнение А. Фурумарка (Указ. соч., стр. 51, прим. 2), что имеется описка (вместо знака «di» поставлен сходный с ним по написанию знак «qo»). Тогда получается diwija doera; ср. An 607,5, где diwija doera обозначена как свободная мать дочери, родившейся от смешанного брака.

[51] См. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. Комментарий к № 13, стр. 362.

[52] Деметра (?). См. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 304.

[53] См. M. Ventris — J. Chadwick. Documents..., стр. 173.

[54] См. B. Hemberg. TRIPAÒR und TRISÈROS Griechischer Ahnenkult in klassischer und mykenischer Zeit. «Eranos». LII (1954), стр. 172—190.

[55] Вероятно, не обозначенная точнее богиня.

[56] L. R. Palmer (Указ соч., стр. 2 и прим. 3) предлагает чтение Peleia = богиня голубя; ср. M. Ventris — J. Chadwick. Documents..., стр. 287.

[57] «Илиада», III, 116, 245, 268 сл.; XIX, 250; «Одиссея», I, 143; III, 338; XVII, 334; XX, 276.

[58] Fn 187. Предложенное С. Я. Лурье чтение poterewe (стк. 14 в той же надписи) как botrēFei — «виноградарю» — сомнительно; в Vocabulary Вентриса — Чадвика это слово оставлено без перевода.

ментах со списком кузнецов о выдаче им бронзы в обработку в селениях Akerewa и Apekee упоминаются также «кузнецы владычицы» [59]. Однако такие упоминания относятся не к главным, чтимым во всей стране божествам, а к местным богиням — покровительницам малозначащих поселений, притом только двух. Между тем нам известно около 15 более или менее сохранившихся полностью аналогичных документов о ремесленниках разных других поселений. Далее, самый факт упоминания «кузнецов богини» в этих общих списках кузнецов не может служить доказательством существования собственно храмового ремесла. Кузнецы богини внесены в общие списки ремесленников, состоявших при данной общине [60] и подчиненных, как и другие кузнецы, местным басилеям. Ничто не указывает, таким образом, на их непосредственную принадлежность и подчинение святилищу богини; очевидно, они были только приписаны к нему для выполнения заданий «владычицы» и для обслуживания ее потребностей. Работали они не в каких-либо специальных храмовых мастерских, а выполняли работу у себя на дому (tarasia ekote) и получали сырой материал (медь или бронзу), собираемый с населения, на общих основаниях с остальными кузнецами, указанными в списке [61], причем распределение этих материалов зависело от местных басилеев [62].

Из приведенных данных можно видеть, что собственно храмовых хозяйств в микенской Греции не существовало и никакой самостоятельной производительной деятельностью храмы вообще не занимались. Боги, как пишут Вентрис — Чадвик, выступали в единственной роли, именно, в роли получателей различных приношений [63].

Храмовый персонал, как мы видели, состоял исключительно из служителей культа, жрецов, жриц и прислуживавших им лиц, а также из низших служащих, например, привратников и др., состоявших при храмах. Служащие получали довольствие из общественных средств. Однако сообщения о таких выдачах редки и случайны. Преобладающим способом обеспечения храмового персонала было наделение его земельными участками. При этом, поскольку собственно храмового землевладения не существовало, участки предоставлялись не из храмовых земель, а на общих основаниях из числа общинных земель (kotona kekemena), раздававшихся «от народа» (paro damo) в пользование (onato).

Таким способом обеспечивался участками одинаково как высший, так и низший храмовый персонал. Так, в одном из документов (Eb 317) жрец Wetereu, жрица, жрица-ключарь (karawiporo) значатся в качестве получателей крупных земельных участков наравне с носителями высоких общественных званий (eqeta) (в общей сложности 1 296 мер). Речь, повидимому, идет относительно области Сфагий [64]. Мы видели, что 13 жрецов святилища Посейдона получали, помимо dosomo, для приношения богам еще каждый по участку земли, причем старшие жрецы получали особенно крупные участки — по 240, 360, 420 мер, остальные — от 12 до 60 (Es 650). Пользуясь участками, получаемыми из общинных земель, жрецы нередко дополнительно арендовали от частных собственников более или менее значительные участки (из так называемых kotona kitimena) [65].

---

[59] In 310, 14: potinijawejo kakewe и 431, 13: kakewe potinijawejo.

[60] Ср. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 253—254: «Кузнецы разделяются в каждом (? — *А. Т.*) из селений на работающих по городу и работающих по храму владычицы города».

[61] In 829.

[62] См., например, In 431, стк. 6, так же, как и другие документы, в которых кузнецы владычицы не упоминаются — In 601, 8; 845, 7.

[63] M. Ventris — J. Chadwick. Documents..., стр. 125: «The gods are mentioned on the tablets only in one capacity: as the recipients of various offerings».

[64] Ср. Ep 704 (жрица и жрица-ключарь из области Сфагий; относительно жреца Wetereu ср. En 74, 16 = Eo 247, 7 и En 659, 4 = Eo 444, 3).

[65] Так, например, названный жрец Wetereu (Westreu) имел значительный участок в качестве onato из общинных земель «от народа» в 138 мер (Ep 539, 13);

Наиболее полными, но, к сожалению, допускающими различное толкование данными мы располагаем в отношении участка, полученного, повидимому, особо влиятельной жрицей святилища в Сфагиях Эритой. Она получила в личное пользование из общинных земель сравнительно небольшой участок — в 24 меры (Eb 409; ср. Ep 704,3). Сверх того, от частных лиц Эрита арендовала еще два участка, в том числе для себя лично 18 мер [66] и для своей рабыни Eratara — 6[67], наконец, для своего раба Tetereu «от народа» — 3 меры [68]. С именем этой же сфагийской жрицы связаны два сходных между собою документа. В одном из них читаем: Erita ijereja eke euketoqe etonijo ekee teo damode mi pasi kotonao kekemenao onato ekee [69].

Текст этот допускает различные толкования. Вентрис — Чадвик трактуют это место как спор между жрицей и общиной. Жрица уверяет, что богиня владеет участком в качестве freehold, община же (damo) — что она арендует участок общинной земли (kekemenaon kotonaon of communal plots). С другой стороны, С. Я. Лурье предлагает свой перевод этого документа: «Эрита, жрица, имеет и клянется, что в силу истинного права имеет (эту землю) богиня, но от народа,— говорит она,— (dēmō dé mi, phasi, ékeen) имею аренду ktoináōn kekemenàōn!) — и понимает это место в том смысле, что жрица клянется, получив участок богини в свое распоряжение, не претендовать «на этот участок, как на собственность» [70]. Данный текст при всем различии его толкований свидетельствует, во всяком случае, о том, что принадлежность этого относительно незначительного участка храму или оказывается спорной (согласно точке зрения Вентриса — Чадвика) или же (если принять мнение С. Я. Лурье) верховное распоряжение участком, полученным храмом на правах etonijo [71], оставалось в руках «народа», который передал его в пользование жрице Эрите.

дополнительно арендовал у частных владельцев kotona kitimena: у Aitijoqo 30 (Eo 247 = En 74, 16) Pereqota Padijeu — 6 мер (Eo 444, 8 = En 659, 4); «священнослужитель» (ijerowoko... kereu) берет в качестве «земледельца» (kamaeu) участок в обработку (wozeqe) в 60 мер (Ep 617, 7). Наконец, жрец Sakereu (Zagreus) обладал в качестве kotona kitimena собственным участком в 360 мер (Ea 756), часть которого сдал в аренду — одному лицу 60 мер (Ea 56) и другому лицу неизвестное (не сохранившееся на табличке) количество (Ea 304), дополнительно он арендовал 12 мер выгона для свиней (Ea 776).

[66] Eo 224, 8 = En 609, 18.

[67] Eo 224, 6 = Ep 609, 16.

[68] Eb 1176, 1 = Ep 539, 8.

[69] Ep 704, 5; ср. Eb 317.

[70] С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 236. В пользу перевода С. Я. Лурье говорит и другой аналогичный, хотя и сформулированный иначе документ (Eb 297): ijereja ekeqe euketoqe etonijo ekee teo kotonookode kotonao kekemenao onata ekee. Основное содержание этого текста определяется пониманием слова kotonooko. С. Я. Лурье толкует текст таким образом: землю имеет богиня, у богини же собственника (kotonooko) она (жрица) имеет землю в аренде (стр. 236). Вентрис — Чадвик и этот текст пытаются истолковать в том смысле, как и Ep 704, 5—6, относя слово kotonooko к народу: народ же (действительный собственник) уверяет (claims), что богиня имеет только аренду kekemenaon kotonaon (M. Ventris — J. Chadwick. Documents..., p. 256—257, № 140).

[71] По Вентрису — Чадвику (стр. 253—254) слово etonijo «seems to describe a privileged title to originally «communal» land, quite distinct from the status of «ownership» implied by the term ktimenai», Л. Р. Пальмер в праве владения землей на условиях etonijo видит a higher species of holding (L. R. Palmer. Mycenaean greek texts from Pylos. «Trans. philol. society», 1955, стр. 46). Е. Броун (E. Brown. Land tenure in Mycenaean Pylos. «Historia», 1956, H. 4, стр. 397) ограничивает, однако, право владения на условиях etonijo лишь отношениями съемщиков к своим рабам. Основанием для такого заключения служит документ Ep 539, согласно которому рабам некоего Apimede (Amphimedes) были даны из общинных земель участки в 6, 12 и 48 мер (стк. 10—12), сам же он получил крупный участок общинной земли в 276 мер на правах etonijo (стк. 14). Отсюда делается вывод, что рабы не могли непосредственно получать земельные участки: они приобретали их лишь in their masters's name. Real tenure принадлежала, таким образом, господину, рабы же выступали в качестве его агентов. Однако, если согласиться с тем, как объясняет документ Ep 704, 5—6 С. Я. Лурье, то окажется, что жрица Эрита находилась в аналогичном положении в

При том же святилище в Сфагиях состояла и жрица-ключарь (karawiporo) Капатия (Kapatija). Она, со своей стороны, получила значительный участок земли, приблизительно равный храмовому участку, полученному Эритой, именно в 240 мер. Однако, по-видимому, не просто в пользование, а с обязательством расчистить его и сделать пригодным к обработке: Kapatija karawiporo eke kekemeno operosa duwoupi wozee [72]. Участок, полученный Капатией, назван при этом kekemeno (в муж. р.); в другом первичном документе (Eb 338) он обозначен более распространенно: как kekemeno kotono wowo [73]. Наконец, имеется еще один случай, когда раб какой-то (не названной) жрицы, Мерей, имел в аренде небольшой земельный участок (Ep 539,7).

Во всех рассмотренных случаях обеспечения высшего храмового персонала участками, не исключая и случая с Эритой, первоначальным верховным собственником земли являлся не храм, а, как видим, народ — демос (иногда и частные владельцы). Однако не только высшие служители, отдельные представители которых сами иногда выступали в качестве крупных земельных собственников, но и низшие храмовые служащие, так называемые «божьи рабы» и «божьи рабыни», получали свои небольшие земельные участки также не из храмового фонда, а «от народа» или не менее часто — от частных обладателей земельной собственности (kotona kitimena). В документах засвидетельствовано одинаково много случаев как того, так и другого рода [74]. Полученные «от народа» «божьими рабами и рабынями» участки общинных земель обычно составляли 6—12 мер и лишь изредка больше [75]. У частных лиц снимались участки, обычно не превышавшие 6 мер и лишь иногда достигавшие более значительных размеров —24, 30 и даже 54 меры [76]. Любопытно, что многие частные владельцы сдавали свои земельные участки преимущественно «божьим рабам и рабыням» [77]. Порою отдельные «божьи рабы» получали участок «от народа» не только в пользование (onato), но и в обработку (в качестве kama). Так, некий «божий раб» Euruwoto получил значительный участок в 78 мер в качестве kamaeu (Eb 156; Ep 617,9).

В результате нашего обзора мы видим, что никакого храмового хозяйства в микенской Греции не существовало. Так же мало можно говорить и о царском хозяйстве в Греции. И это вполне естественно; на Востоке (в Шумере) царское хозяйство, как известно, развилось из храмового хозяйства [78], в микенской Греции, таким образом, не существовало

отношении к своей богине, она получила в аренду участок, который был предоставлен во владение на условиях etonijo. Как бы то ни было, характерно, что при всем различии этих объяснений все они сходятся в одном: владение на правах etonijo не является полной собственностью, оно представляет собою не более как форму держания, хотя бы и привилегированную.

[72] Ep 704, 5—6. Относительно значения термина duwoupi wozee см. мою статью «Tereta пилосских надписей». ВДИ, 1959, № 4.

[73] В значении родового владения? См. С. Я. Лурье. Указ. соч., стр. 238—239; ср. Er 880,1.

[74] «Божьи рабы и рабыни» получали землю «от народа» из числа общинных земель (kotonao kekemenao); Eb 169, 1; 347, 1; 365 (фрагм.); 464, 1; 498, 1; 636, 1; 681 (фрагм.); 838, 1; 858, 1; 866, 2; 884, 1; 885, 1; 886, 1; 890, 1; 900, 1; 905, 1; 913, 1; 915, 1; 976 (фрагм.); 1174, 1 и в сводных документах Ep 212, 1—10; 539, 1—6; 617, 9; 15—20. Случаи аренды земельных участков у частных владельцев см. En 74, 4—9, 13—15, 17—18, 22—24; 609, 6—8, 12—14; 659, 3, 5—6, 10, 13, 16, 19 и соответствующие №№ первичных записей в серии Eo.

[75] Например, 60 мер, Eb 347.

[76] En 74, 5, 18; 659, 5.

[77] Так, некто Amaruta сдал участки земли четырем «божьим рабам и рабыням» и сверх них только одному терета и одной жрице из Сфагий и ее рабыне (Eo 224); другой землевладелец Ru (83) 0 сдал землю шести «божьим рабам» и только один участок — царскому валяльщику (kanaqeu wanakatero) (Eo 276); у третьего владельца Aitijoqo снимали землю пять «божьих рабов» и жрец wetereu (Eo 247), у Pikerewo — два «божьих раба» и тот же царский валяльщик (Eo 160).

[78] А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера.

той почвы, на которой оно могло бы развиться. Этому развитию не благоприятствовало и самое положение царя в общественной жизни микенской Греции. Достаточно сопоставить роль и положение царя в общественной и государственной жизни в пилосском государстве и в странах Древнего Востока, особенно в ведущих странах речных культур, в Египте и древнем Двуречье, чтобы уже a priori заключить, что ни о каком царском дворцовом хозяйстве, хотя бы отдаленно напоминающем дворцовое хозяйство древневосточных деспотий, в микенской Греции не могло быть и речи.

В странах речных культур царь представлял собою центральную фигуру всей общественной жизни. Такой центральной фигурой он изображен и на большинстве памятников искусства этих стран, выделяясь среди остальных фигур своим могучим ростом, причем он восседает на троне или стоит в горделивой, воинственной позе, поражая врагов. Изображения обычно снабжены надписями, составленными от имени царя, в которых он сообщает о своих победах, о произведенных им строительных работах, о своих сношениях с богами, наконец, о приписываемом им себе создании оросительных сооружений, какими он якобы облагодетельствовал население.

Ни на Крите, ни в микенской Греции среди археологических памятников мы ничего подобного не обнаружим. Там нет не только царских изображений преувеличенных размеров, но и вообще каких-либо царских изображений. Надписи от имени царя здесь также отсутствуют. Соответственно в пилосских надписях царь (wanaka=anax) не играет никакой или почти никакой роли. Самая особа царя упоминается настолько редко и упоминания о нем носят настолько случайный характер, что, например, исследователь, специально занимавшийся изучением государственного и общественного строя Пилоса, сомневается в самостоятельном существовании (при бесспорном наличии пилосского государства) пилосского царя. «Надписей, в которых упоминается «царь»,— пишет С. Я. Лурье в монографии о микенской Греции,—очень мало, и полной уверенности в том, что под wanaka подразумевается пилосский властитель, у меня нет». При этом С. Я. Лурье высказывает предположение, что под wanaka пилосских надписей следует иметь в виду царя Микен, владычествовавшего над всем Пелопоннесом [79]. Единственное упоминание о некоторой активности царя представляет документ о выполнении обряда очищения города после нашествия врагов [80].

Однако, возможно, что здесь имеется в виду не царь, а лицо, носившее звание «царя (двойного) топора» (pelekuFánaka) либо «старшего царя» (presguFánaka) [81] и выполнявшее религиозные обязанности или в качестве носителя особого жреческого звания или в качестве лица, «прибывшего извне» apoterote (микенского царя?). С другой стороны, необходимо иметь в виду, что даже собственно военные функции не принадлежали царю, поскольку этим занимался специальный воевода (rawaketa-laFagetas), получавший определенный теменос, хотя и меньший, нежели царь [82]. При этом упоминание относительно rawaketa и производного от него слова rawakesijo встречается в пилосских надписях чаще, нежели упоминание wanaka [83].

---

[79] С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 215—216. При столь скромном, по-видимому, положении царя в Пилосе вряд ли можно предполагать существование там большого «дворцового хозяйства». Это несоответствие чувствует и автор первого специального исследования о рабовладении в микенской Греции на основании группы надписей серии Aa, Ab, Ae Я. А. Ленцман (ВДИ, 1955, № 4), который говорит о «дворцовом хозяйстве» в Пилосе, хотя и отмечает отсутствие в пилосских надписях слова «дворец» или соответствующего ему термина.

[80] С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, разбор надписи под № 14 (стр. 365—366) и специальный экскурс на стр. 316—324.

[81] Там же, стр. 216.

[82] Er 312,3: в 600 мер против 1·800 мер царского теменоса.

[83] При лавагете состоял довольно многочисленный штат, о чем свидетельствуют документы об аренде лицами из этого штата участков земли у разных лиц. Некоторые

Развитие общественного строя в микенской Греции имело, таким образом, очень мало общих черт с общественным строем стран речных культур (Египта и Двуречья). Если и допустимо какое-либо сравнение с характером царской власти в этих восточных государствах, то разве лишь на самых ранних ступенях развития, не позднее эпохи Шуруппака. Хотя храмовое хозяйство достигло к тому времени полного развития, однако единоличная власть правителя (энси) находилась еще в зародыше. В документах Шуруппака энси уже упоминался, но не играл еще в общественной и, во всяком случае, в экономической жизни сколько-нибудь заметной роли, не говоря уже о центральной [84]. Его участие в хозяйственной жизни ограничивалось, как и в микенской Греции, возделыванием отведенного ему небольшого поля (gán še ensi) и получением им по общим с другими лицами документам различных продуктов, отличавшихся от остальных выдач только несколько более значительным количеством [85]. В то же время в Шуруппаке не утратил еще своего значения и, по-видимому, играл первенствующую роль в общественной жизни совет старейшин [86]. С другой стороны, следует заметить, что уже тогда храмовое хозяйство в Шуруппаке достигло весьма значительного развития, чего, как показано выше, нельзя сказать относительно микенской Греции за все время ее существования [87].

из них арендовали по нескольку участков, например, некто Rukoro (Lupros) (С. Я. Лурье считает имя Rukoro обозначением профессии «охотника на волков», стр. 213) — Ea 132, 782, 823, 882. Другие примеры см. Ea 814, 822. Это учреждение при лавагете располагало особым земельным фондом, из которого разным лицам раздавались участки земли, см. Ea 421, 809; Eq 59,4. Лавагет делал взносы в святилище Посейдона (Un 718,9), освобождал некоторые слои населения от взноса сборов (Na 245), а военнообязанных людей — от явки (An — 724,7).

[84] А. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера, стр. 91.

[85] Там же, стр. 96, ср. стр. 100.

[86] И. М. Дьяконов. Государственный строй древнейшего Шумера. ВДИ, 1952, № 2, стр. 23.

[87] Вентрис — Чадвик готовы искать параллели и аналогии даже в документах времени третьей династии Ура и первой вавилонской династии (Documents..., стр. 109). Это величины, конечно, несоизмеримые не только стадиально, поскольку Шумер времени третьей династии Ура стоял на значительно более высокой ступени развития, нежели микенская Греция, но и в качественном отношении, так как Шумер к этому времени ушел уже далеко вперед по пути совершенно иному, чем тот, по которому развивалась Греция. Несколько больше черт сходства, на которые также ссылаются Вентрис — Чадвик (там же), в частности в более широком и полном развитии частнохозяйственных отношений, можно найти в таких приморских государствах, как Угарит и Алалах, а также отчасти Нузи (Аррапха). Хотя здесь также не существовало почвы для развития государственного (царского) хозяйства и деспотического государства, как в областях речных культур, однако царское хозяйство и вместе с тем вмешательство царской власти в общественную жизнь, хотя и в меньшей степени, ощущались все же весьма заметно. В Алалахе, например, где не было предпосылок для широкой эксплуатации населения, как в Египте или Шумере, царь и правители покупали это право от местных старейшин, в свою очередь, узурпировавших право распоряжения общественными повинностями. См. D. J. Wiseman. The Alalakh tablets. L. 1953, №№ 56, 57 и др.; ср. М. Л. Гельцер. Новые тексты из древнего Алалаха и их значение для социально-экономической истории Древнего Востока. ВДИ, 1956, № 1, стр. 21. Хотя в Алалахе собственно деспотический строй и не мог получить, как сказано, более полного развития, однако и здесь вся общественная и государственная жизнь строилась по примеру крупных деспотических монархий Древнего Востока. В Алалахе соответственно относительно значительное развитие получило царское хозяйство с обширной и разнообразной администрацией (см. D. J. Wiseman. Указ. соч., стр. 12—13). При царском хозяйстве состояли работники, разделенные на «десятки», подчиненные специальным распорядителям (там же, стр. 5). Соответственно существовала и система выдач продовольствия, производившаяся из средств царского хозяйства. Довольствие выдавалось служащим дворца, жителям городов, привлекавшимся к работам в порядке повинности, людям, приходившим из других городов. См. там же, №№ 236—318 (выдача зерна, обычно помесячная), №№ 319—324 (выдача масла), №№ 324b—328b (выдача пива). Царь играл видную роль соответственно и в государственной и в политической жизни (см. М. Л. Гельцер. Некоторые вопросы политической истории древнего Алалаха. ВДИ, 1956, № 3, стр. 29—30). Меньшее значение имела царская власть в Угарите и других приморских городах финикийского

Распоряжение основным земельным фондом еще находилось в руках храмовой администрации, но именно с этого момента начался решительный поворот в сторону усиления власти единоличного правителя. Энси захватывали в свои руки храмовые земли, расширяли их и приступали к непосредственной обработке трудом зависимой от них части населения. Так закладывались основы дворцового хозяйства, достигшего своего полного развития с окончательным объединением страны при третьей династии Ура. Одновременно с этим власть царя приобретала определенный ярко выраженный деспотический характер.

С другой стороны, в микенской Греции уже в эпоху составления пилосских документов царская власть находилась в упадке и в качестве главного правительственного органа выступали басилеи с состоявшими при них советами геронтов [88].

Об отсутствии обширного дворцового хозяйства так же, как и об отсутствии храмовых хозяйств, свидетельствует и ближайшее ознакомление с пилосскими документами [89].

Материальные потребности царя и членов его семьи в микенской Греции обеспечивались теми же самыми способами, какие известны нам и из гомеровского эпоса. Царь получал от народа теменос, притом относительно значительных размеров (эквивалентный 1 800 мерам), но, во всяком случае, не настолько большой, чтобы на этом участке могло возникнуть «дворцовое хозяйство» [90]. Теменос, хотя и втрое меньший, получал также лавагет [91]. Многие более крупные землевладельцы также обладали участками, достигавшими нескольких сот мер, до 500 и 600 [92], и в отдельных случаях во много раз превосходившие размеры царского темена [93].

Доходы, которые царь получал с темена, очевидно, были недостаточны для содержания его самого, членов его семьи и окружавших его лиц. По крайней мере дополнительно в пользу царя была выделена особая

побережья, однако и здесь местные царьки стремились строить свою государственную систему по примеру древневосточных царств (см. М. Л. Гельцер. Материалы к изучению социальной структуры Угарита. ВДИ, 1952, № 4, стр. 28—37; его же. Новые данные о социальной структуре Угарита. ВДИ, 1954, № 4, стр. 72—74). Наконец, хотя в Аррапхе царская власть получила еще меньшее развитие, нежели в Алалахе, однако и здесь царское хозяйство выступало вполне отчетливо и определенно. Еще ближе к Греции стояли общества финикийских городов-государств и древнего Израиля. Этот вопрос требует специального, конкретного изучения условий существования каждой страны.

[88] An 261 (поименный список членов нескольких герусий, состоявших при отдельных басилеях). Имена всех басилеев пилосского государства, упоминаемых в документах, сведены в одну таблицу в монографии С. Я. Лурье «Язык и культура микенской Греции», стр. 222.

[89] Что не исключало возможности существования частного хозяйства царя, не подлежавшего тщательному учету; ср. частные хозяйства Одиссея, Лаэрта и Алкиноя в гомеровском эпосе.

[90] Er 312,1; ср. «Илиада» VI, 194—195; IX, 578—580; «Одиссея», VII, 112—132.

[91] Er 312, 5—6.

[92] Er 312,5 сл. (3 терета получают по 600 мер); Er 617,2 и Ea 309 (также люди, получающие 600 мер и более с обязательством duwoupi terejae эту землю); 278 (некто Tipa$_2$jo, обладатель участка kotona kitimena до 500 мер).

[93] Er 880: описание обширного, по-видимому, родового владения некоего Ekera$_2$wo (Эхелаона), состоявшего частью из засаженных деревьями, частью из засеянных земель размером в 5 640 мер. Правда, у Вентриса — Чадвика (Documents..., стр. 265) высказывается на основании сопоставления с Un 718 предположение, что Ekera$_2$wo было имя царя или заведовавшего его участком человека и, следовательно, являлось владением царя. Однако, не говоря уже о том, что, если бы речь шла о владении царя, это было бы оговорено в документе, такое предположение противоречит как самому факту несоответствия размера территории, которой владел Ekera$_2$wo, с размером царского темена, так и обозначению этой территории как kitimeno, то есть как территории, по частной инициативе расчищенной под обработку (как толкуют этот термин Вентрис—Чадвик: Documents... Vocabulary, s. v.). Притом, поскольку слово kitimeno требует мужского рода, С. Я. Лурье предлагает дополнить его словом wowo (родовое владение).

часть сборов с населения [94]. Так, согласно одному из документов [95], на содержание царя собирались следующие продукты (в Сфагиях): ячменя 984 меры, что, по расчету Вентриса, составляет 1 968 литров, 9 мер продукта, обозначенного идеограммой 125 (Cyperus?) (в том числе недополучено 5 мер), 72 меры (144 литра) муки, 192 меры (384 литра) оливок, 24 литра неизвестного продукта (идеограмма 132), меду, фиг, различных количеств домашнего скота: 1 бык, 26 баранов, 6 овец, 4 козла или козы, 7 свиней, 20 мер вина (по Вентрису —732 литра), полотна. Все эти продукты и скот поступали в распоряжение приемщика (opitekeeu) [96].

Этот документ показывает, что никакого собственного царского (государственного, типа шумерского) земледельческого и даже животноводческого хозяйства в то время не существовало. Правда, в серии Cn сохранилось до 10 полных документов, не считая около 30 фрагментированных, содержащих сведения об относительно значительных количествах мелкого скота — овец, коз, свиней (относительно крупного рогатого скота встречаются лишь отдельные единичные упоминания) [97]. Однако, по всем данным, это частный или, что менее вероятно, общественный (народный) скот. А. Фурумарк [98] полагает, что общественный скот, принадлежавший государству (народу), последнее отдавало жителям различных селений для ухода за ним. Правдоподобнее обратное предположение, высказанное С. Я. Лурье [99], что частный скот угонялся на общественные пастбища в горы, а в зимнее время содержался в общественных загонах (wereke Cn 131,1, 202,1, 328,1, 441,1).

Из других документов мы узнаем о существовании отдельных специальных «царских» (wanakatero) единичных ремесленников: валяльщика (kanapeu = gnapheús, En 74,3 и 23), горшечника (kerameu-kerameús, Eo 371,1 = En 467,5), оружейника (etedemo-entesdómos, En 609,5 = Eo 211,2). Царь, таким образом, имел в своем распоряжении только единичных специалистов-ремесленников, причем и эти единичные ремесленники обеспечивались так же, как и служащие храмов, участками не из царского земельного фонда, а снимали участки земли либо у «народа» (Eb 903), либо у частных владельцев. Так, царский валяльщик Pekita снимал два участка у двух лиц: один размером в 6 мер (En 74,3 =

---

[94] Ср. «Илиада», IX, 149 сл., где Агамемнон обещает дать Ахиллу в случае примирения в области Пилоса семь городов, жители которых «будут под скипетром его платить богатейшие дани» (перевод Н. М. Минского).

[95] Un 2=С. Я. Лурье, надпись под № 10=M. Ventris—J. Chadwick, под № 97, ср. A. Furumark. Указ. соч., стр. 42.

[96] Звание Opitekeeu во множественном числе упоминается также в документе An 39 (в списке различных служащих и рабочих с указанием чисел в стк. 4—4 и в стк. 9—5 человек) и в документах Fn 41, 19 и Fn 50,8 (также во множественном числе, но без указания чисел получателей ячменя). Связаны ли все эти лица также с приемкой продуктов для царя или этот термин имел иное, более широкое значение, сказать трудно.

[97] Вентрис — Чадвик (Documents..., стр. 131) высказывают предположение о возможной принадлежности скота царю, однако они же обращают внимание, что в числе пастухов, сдающих скот, назван пастух (pome) Kerowo, Ac 134, наблюдавший за частным скотом некоего Taramata.

[98] A. Furumark. Указ. соч., стр. 26.

[99] То обстоятельство, что в числе лиц, сдававших скот, встречается человек с именем Kerawo (Cn 131, Cn 655,3), послужило для Вентриса — Чадвика (Documents..., стр. 200) основанием, чтобы считать все имена в документах серии Cn именами пастухов; Mario Doria в специальной монографии «Interpretationi di testi Micenei II, Le Iscrizioni della classe Cn di Pilo». Trieste. 1958, p. 52 и др., не пишет определенно, что это: имена пастухов или собственников? Вероятнее, однако, предположить, что это имена собственников: с одной стороны, ввиду дробности числа голов скота, связанных с отдельными именами (иногда не более 10), с другой — ввиду того, что в таком случае некоторые «пастухи» оказались бы одновременно и козьими и овечьими пастухами, и притом в различных местностях, другие же не только пастухами коз и овец, но в то же время и свинопасами (например, Qetako значится овечьим пастухом (Cn 570, 1) и свинопасом, в другом случае (Cn 600, 14) — другой овечий пастух, Ezowo, в местечке Kereurijo в то же время в местечке A_2 paturijo оказывается свинопасом (Cn 599,7).

Eo 276,2), другой — в 12 (Eo 160,3 = En 74,23), царский оружейник Атуко — у третьего лица совсем небольшой участок в 1 меру (Eo 211,2 = En 609,5). Наконец, царский горшечник имел в собственности (kotona kitimena) участок в 66 мер (Eo 371).

Постоянной квалифицированной рабочей силы в центре не имелось. Ремесленники-кузнецы были распределены по различным поселениям и обслуживали прежде всего общегосударственные потребности [100]. Другие работники, обычно плотники (tekotone, An 5,18) и прочие строительные рабочие (tokodomo, An 7,11, 18,6; 35,1 сл.), а также портные (raptere, An 172; 207, 14 сл.; 298, 424) по мере надобности вызывались из других городов и местечек.

Пилосский архив по своему характеру менее всего представляет собственно дворцовый хозяйственный архив. Это был прежде всего общегосударственный архив. Содержащиеся в нем документы посвящены не организации и деятельности хозяйственного управления дворцового ведомства, а обслуживанию нужд общегосударственного значения. Основная серия документов («Е») содержит почти исключительно записи наделения земельными участками «от народа» в пользование (onato) лиц разного социального положения; отмечались также собственнические земли, факты сдачи частных земель в аренду (onato); далее, в серии документов Cn — факты приема частновладельческого скота на общественные пастбища; отдельные серии документов посвящены записи ремесленников-кузнецов, обслуживавших, как сказано выше, военные и, вероятно, другие хозяйственные нужды, организации военных отрядов, сборам с населения, организации религиозных культов и т. п.

Ни микенские храмы, ни цари, как показано, собственной хозяйственной деятельностью в сколько-нибудь широких размерах не занимались и в основном существовали за счет сборов с населения. В этом отношении чрезвычайно показательным представляется различие между шумерскими и пилосскими архивами. Царские архивы времени третьей династии Ура в Шумере содержат прежде всего документы, связанные с различными проявлениями хозяйственной деятельности: таковы списки лиц рабочего и административного персонала дворца и выдачи им довольствия, отчеты начальников рабочих партий, занятых прежде всего на полевых работах, отчеты находившихся при дворе царских ремесленных мастерских, данные о содержании и контроле многочисленных царских стад и пр.

В пилосском архиве документы подобного рода полностью отсутствуют и, напротив, исключительно тщательно разработана система сборов с населения. Документы о сборах с населения охватывают две серии (Ma и Na); из 1 200 изданных Е. Л. Беннетом документов [101] свыше 125, то есть более 10%, посвящено системе сборов. Собирались самые различные предметы, вплоть до бронзы (In829) и золота (In438). В числе предметов сбора значились и продукты питания, скот и сырые материалы (например, значительную часть сборов составлял лен, чему посвящен специальный ряд документов серий Na, Ng, Nn) [102]. Другая серия документов (серия Ma) содержит сведения о шести предметах сборов, в том числе о текстильных изделиях, бычьих кожах, меде (?), воске (?), остальные два остаются непонятыми. Порядок сборов был разработан с особой тщательностью. В документах этой серии отмечалось сначала название облагае-

---

[100] Например, они изготовляли медные части военных кораблей и другого военного снаряжения. Ср. In 829: сбор бронзы и меди для кораблей, а также для изготовления наконечников стрел и копий — je dososi... kako nawijo patajoiqe ekesiqe aikasama.

[101] E. L. Bennett. The Pylos tablets. Texts of the inscriptions Found 1939—1954. Princeton. 1955.

[102] Исследованию документов этих серий посвящена специальная статья M. Lejeune. Les documents Pyliens des séries Na, Ng, Nn. Études mycéniennes. Paris. 1956, стр. 137—165.

мого места, затем общие количества требуемых продуктов. Во многих документах к сборам текущего года добавлялась задолженность за прошлый год (perusinuwo opero) [103]. Далее отмечалось количество сданных продуктов (apudosi) [104]. Из общего количества сборов вычитались количества сборов, от взноса которых определенные группы были освобождены (ou didosi) (преимущественно кузнецы (kakewe), также kurewe=гр. skulewes—кожевники по Каррателли, men at arms—по Пальмеру) [105]. В одном из документов (Ma 393,2) встречается еще одна любопытная пометка, сделанная по поводу сборов в местечке Zamaeurja относительно всех предметов сбора, именно — anetade, слово, которое автор специальной статьи относительно документов серии Ma [106] остроумно транскрибирует как arneta de и трактует как предметы, забракованные по качеству во время приемки.

Заканчивая на этом наше исследование, мы можем констатировать, что в Греции не существовало условий для возникновения обширного государственного хозяйства, сколько-нибудь напоминающего централизованные, охватывавшие всю страну храмовые и царские хозяйства Древнего Востока. Напротив, по местным условиям здесь в качестве основной формы развивалось крупное частновладельческое хозяйство, основанное на эксплуатации частновладельческих рабов. В своей зачаточной форме крупных родовых владений оно возникло уже в микенскую эпоху [107].

---

[103] Ma 126,1 (надпись, специально посвященная записи прошлогодней задолженности); 193,2; 216,3; 225,2; 330; 335,2; 378,2; 397,2.

[104] См., например, Ma 123,2; 222,2; 346,2; 392,2.

[105] Ma 90,2; 120,2; 123,3; 124,2; 193,3; 221,2; 225,2; 378,2; 393,3; 397,3; ср. случаи освобождения от сборов льна: 69, 185, 245, 568, 1088.

[106] M. Lejeune. Les tablettes piliennes de la série Ma. «Revue des êtudes anciennes», LVIII (1956), стр. 23.

[107] См. мою статью «Tereta пилосских надписей». ВДИ, 1959, № 4.

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ЗА СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО АНТИФАШИСТСКОГО ФРОНТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В. С. Кисляков

В условиях величественных побед лагеря социализма, распада колониальной системы и обострения всех противоречий капитализма буржуазии все труднее удерживать свою власть методами буржуазной демократии. Буржуазно-демократические формы управления государством уже не в состоянии в должной степени обеспечить монополистическому капиталу осуществление его реакционных планов. Отсюда ясно выраженная тенденция многих империалистических держав к фашизации государственного аппарата. Отметив, что в капиталистических странах появляются признаки нового наступления реакции и фашизма, XXI съезд КПСС в резолюции по докладу Н. С. Хрущева подчеркнул: «Народы должны быть бдительными, всегда готовыми дать отпор наступлению реакции и угрозе возрождения фашизма. При этом следует иметь в виду, что фашизм может возродиться в новых, а не только в старых формах, уже скомпрометированных в глазах народов. Единство демократических сил, в первую очередь рабочего класса,— это самая надежная преграда на пути фашистской опасности» [1].

Изучение истории антифашистской борьбы коммунистических партий и всех демократических сил имеет актуальное политическое значение. Особенно поучителен в этом отношении богатейший опыт борьбы Коммунистической партии Германии против гитлеровской диктатуры и агрессии германского империализма.

Антифашистская деятельность КПГ еще не получила должного освещения в марксистской литературе. Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии в своем решении «Об улучшении исследования и преподавания исторической науки в ГДР», принятом 5 июля 1955 г., указал на необходимость всестороннего изучения и популяризации революционных традиций немецкого рабочего класса, его борьбы во главе с Коммунистической партией против фашизма, на необходимость беспощадного разоблачения фальсификации реакционной буржуазной наукой истории германского революционного движения [2].

Изучение деятельности КПГ в годы фашизма представляет определенные трудности. Следует прежде всего сказать, что все материалы, дающие главные нити для исследования: выступления руководящих деятелей ИККИ и КПГ, документы Компартии Германии,— составлялись со строжайшим учетом требований конспирации. В руках гестапо, в случае захвата этих документов, последние не должны были служить источниками для выявления отдельных звеньев партии и ареста антифашистов. В условиях подполья трудно и опасно было хранить партийные документы. По-

---

[1] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. II. М. 1959, стр. 450.

[2] «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». Bd. V. Berlin. 1956, S. 348.

этому в настоящее время историки располагают лишь незначительной частью материалов, отражающих непосредственную борьбу германских коммунистов. Как отмечает О. Винцер, автор пока что единственной монографии о деятельности КПГ в годы фашизма, «самый характер нелегальной борьбы обусловил тот факт, что многие документы и решения КПГ, относящиеся к 1933—1945 гг., малоизвестны и поныне еще мало доступны» [3].

Наиболее важными источниками по рассматриваемому вопросу являются материалы XIII пленума ИККИ (декабрь 1933 г.), VII Всемирного Конгресса Коминтерна (июль—август 1935 г.), Брюссельской конференции КПГ (октябрь 1935 г.), документы и материалы, публиковавшиеся в те годы в журналах «Коммунистический Интернационал» и «Rundschau» (Базель). Ценные сведения содержатся в выступлениях и статьях руководящих деятелей КПГ Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта. Работы этих непосредственных участников и руководителей движения Сопротивления печатались в годы фашизма в Германии и за границей в нелегальных газетах и журналах, издавались отдельными брошюрами, а затем были опубликованы в ГДР в соответствующих сборниках избранных произведений [4].

Важные данные можно почерпнуть из таких документальных сборников, как «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре» [5], раскрывающая зверства гитлеровцев в первые месяцы их прихода к власти и отпор фашистам со стороны германских рабочих, руководимых КПГ; «Коричневая книга 2» [6], повествующая о позорном провале комедии фашистского суда над Г. М. Димитровым; «Сто дней нелегальной борьбы» [7] — о подпольной прессе КПГ в первые месяцы фашистской диктатуры; «Наша борьба» [8], где приведены примеры героических действий и беззаветного мужества немецких коммунистов в 1935 году. В ГДР изданы сборники документальных материалов, широко освещающие историю КПГ, в частности ее роль в антифашистском движении Сопротивления в рассматриваемый период [9]. В 1958 г. вышла книга Вальтера Шмидта [10], в которой собраны документы, а также многочисленные воспоминания коммунистов о 1933—1945 годах.

Германским коммунистам-подпольщикам посвящены книги немецких прогрессивных авторов [11]. Бессмертные подвиги борцов антифашистского Сопротивления отражены в целой серии брошюр, а также в недавно опубликованном объемистом сборнике «Завоюйте права человека» [12]. Важное значение для освещения рассматриваемой проблемы представляет книга

---

[3] О. Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории КПГ в период с 1933 по 1945 г. М. 1956, стр. 9.

[4] W. Pieck. Reden und Aufsätze. Bd. I. Berlin. 1952; его же. Im Kampf um die Arbeitereinheit und die deutsche Volksfront 1936—1938. Berlin. 1955; его же. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Berlin. 1957; W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I—II. Berlin. 1953.

[5] «Braunbuch über den Reichstagsbrand und Hitlerterror». 1933 (нелегальное издание).

[6] «Braunbuch 2. Dimitroff contra Göring». Paris. 1934

[7] «100 Tage illegaler Kampf». M.— L. 1933.

[8] «Unser Kampf». Prag. 1935.

[9] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands». Eine Auswahl von Materialien. 1914—1946. Berlin. 1954; «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung 1933—1945». Berlin. 1957.

[10] W. Schmidt. Damit Deutschland lebe. Berlin. 1958.

[11] Г. Киш. Жандармы у станка. М. 1934; Г. Беймлер. Коричневые убийцы. В лагере смерти Дахау. Сталинград. 1934; Р. Грец. Под фашистской диктатурой. М. 1935; В. Фин. Коммунистическая печать в фашистском подполье. М. 1935; его же. Люди коммунистической печати. М. 1938; Б. Меллер. Борьба продолжается. Рабочие в фашистской Германии. М. 1935; С. Хермлин. Первая шеренга. М. 1953; J. Jansen. Katholiken und Kommunisten im deutschen Freiheitskampf. Strassburg. 1938; J. Petersen. Und ringsum schweigen. Berlin. o. J.; A. Kantorowicz. Porträts. Deutsche Schicksale. Berlin. 1949.

[12] «Erkämpft das Menschenrecht». Berlin. 1958.

Вилли Бределя «Эрнст Тельман» [13], посвященная жизни и деятельности вождя немецкой Компартии. Много места антифашистской борьбе КПГ уделяет видный историк и активный участник подпольного движения Вальтер Бартель в своем труде «Германия в годы фашистской диктатуры, 1933—1945» [14].

На Западе, и особенно в ФРГ, опубликовано огромное количество книг, посвященных фашистской Германии, но среди них трудно найти работу, более или менее объективно отражающую положение в стране в период фашизма, свободную от прямой или косвенной клеветы в адрес руководителя героического антифашистского движения немецкого народа — славной Коммунистической партии.

Во главе западногерманской реакционной историографии стоит Г. Риттер, который в своих «трудах» усиленно пытается затушевать империалистическую сущность фашизма, волюнтаристски толкует историю, считая появление фашизма случайностью [15]. Признавая «фанатизм и героическую стойкость» германских коммунистов [16], Г. Риттер отрицает ведущую роль КПГ в антифашистской борьбе, сводит движение Сопротивления к заговору 20 июля 1944 г., который в действительности не имел ничего общего с подлинно антифашистской борьбой, так как являлся лишь инспирированной американской разведкой попыткой некоторых кругов в Германии устранением Гитлера предотвратить разгром германского империализма. Следуя реакционным взглядам руководителя американской разведки Аллена Даллеса, грубо исказившего историю немецкого Сопротивления в книге «Германское подполье» [17], Г. Риттер обвиняет КПГ в том, что борьбой против Веймарской республики Компартия якобы расшатала государство и тем самым помогла фашистам захватить власть. Риттер и Даллес повторяют избитые измышления реакции, будто подпольная деятельность коммунистов в Германии осуществлялась «по приказу Москвы», и ссылкой на то, что коммунистические организации были якобы засорены шпионами, пытаются оправдать отказ правой социал-демократии от установления единства действий с коммунистами в годы фашизма.

Нет особой надобности останавливаться на бесчисленных извращениях реакционной буржуазной наукой истории гитлеровской Германии и особенно антифашистской борьбы КПГ. Для этой «науки» характерны: отрицание связей германских монополий с фашизмом и германского фашизма с международным и прежде всего американским финансовым капиталом; попытки исказить подготовку, ход и характер второй мировой войны; отрицание основного противоречия, существовавшего в фашистской Германии,— между трудом и капиталом; искажение борьбы пролетариата против фашизма и принижение роли КПГ в антифашистском движении немецкого народа; стремление свести движение Сопротивления к заговору 20 июля 1944 года. Исходя из подобной трактовки, западногерманские буржуазные историки зачислили в разряд «антифашистов» фон Папена, Шахта и многих других пособников Гитлера.

Реакционные историки ФРГ своей фальсификаторской деятельностью фактически пытаются реабилитировать гитлеровских военных преступников, оправдать возрождение германского милитаризма и фашизма, запрещение в Западной Германии КПГ и всех демократических организаций. «Труды» этих реакционеров в конечном итоге способствуют идеологической подготовке третьей мировой войны.

---

[13] W. Bredel. Ernst Thälmann. Beitrag zu einem politischen Lebensbild. Berlin. 1951.

[14] W. Bartel. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945. Berlin. 1956.

[15] G. Ritter. Schicksalsfragen der Gegenwart. Tübingen. 1957, S. 349.

[16] G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart. 1955, S. 100—101.

[17] Allen W. Dulles. Germany's Underground. New York. 1947.

Лидеры правой социал-демократии Густав Носке, Эрих Маттиас и др. также не дают в своих работах [18] правильной картины антифашистского движения, стремятся реабилитировать политику СДПГ и ее лидеров в годы фашистской диктатуры, хотя, как известно, эта политика была направлена не столько против фашизма, сколько против КПГ. Руководители СДПГ усиленно пытаются оправдать свой отказ от неоднократно предлагавшегося ЦК КПГ единства антифашистских действий ссылками на «старое недоверие к коммунистам», на различие взглядов социал-демократов и коммунистов в понимании демократии и т. д.[19].

Ныне, в условиях усилившейся клеветы реакционных историков Западной Германии в адрес КПГ, тем более необходимо показать действительную картину борьбы немецких коммунистов против фашистской диктатуры. Германские историки-марксисты проводят в настоящее время большую работу по изучению этого вопроса и дают достойную отповедь фальсификаторам истории.

В данной статье делается попытка проследить борьбу Коммунистической партии за создание единого пролетарского и антифашистского народного фронта в первые годы фашистской диктатуры, показать на отдельных примерах ее результаты и значение для современности.

При работе над статьей, помимо материалов, изданных в ГДР, были использованы архивные фонды Государственного музея Октябрьской революции СССР, хранящие большое количество документов: директивные письма ЦК КПГ, нелегальные листовки, газеты, брошюры и т. д. Привлечена часть материалов Нюрнбергского процесса, отражающих преступления гитлеровцев задолго до второй мировой войны, когда фашисты бросали в концлагеря свои первые жертвы — немецких антифашистов.

Автор пользуется случаем выразить свою признательность Институту марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ за любезно предоставленные ему некоторые материалы, раскрывающие подпольную деятельность коммунистов в первые годы фашистской диктатуры.

★

30 января 1933 г. агрессивные круги германского империализма при поддержке правящей верхушки США, Англии и Франции призвали фашистов к власти. С помощью фашистской диктатуры германские империалисты намеревались преодолеть за счет трудящихся тяготы мирового экономического кризиса, подавить нараставший в стране революционный подъем масс и повести открытую подготовку новой войны за установление своего мирового господства.

VII Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала (июль — август 1935 г.) и Брюссельская конференция КПГ (октябрь 1935 г.) отмечали, что победа фашизма в Германии не была неизбежной, германский рабочий класс мог предотвратить ее [20]. Но необходимым условием для этого была организация совместных действий всех антифашистов и прежде всего создание единого антифашистского пролетарского фронта, который мог бы преградить путь наступавшей реакции.

ЦК КПГ неоднократно обращался к руководству социал-демократической партии Германии (СДПГ) с предложением о единстве действий. Только за время с 20 июля 1932 по 30 января 1933 г. ЦК и Берлинский комитет КПГ около десяти раз предлагали Исполкому СДПГ объявить

---

[18] G. Noske. Aufstieg und Niedergang der Deutschen Sozialdemokratie. Zürich. 1947; E. Matthias. Sozialdemokratie und Nation. Stuttgart. 1952.

[19] E. Matthias. Указ. соч., стр. 36—37.

[20] Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад и заключительное слово на VII Конгрессе Коминтерна. М. 1935, стр. 19; W. Pieck. Der neue Weg..., S. 17.

всеобщую забастовку, но каждый раз получали отказ [21]. Упорное нежелание лидеров правой социал-демократии и реформистских профсоюзов создать единый антифашистский фронт рабочего класса явилось одной из главных причин установления в Германии фашистской диктатуры. Захват гитлеровцами власти оказался возможным прежде всего потому, что вследствие политики классового сотрудничества, проводившейся правым руководством социал-демократии, германский рабочий класс оказался расколотым, политически и организационно разоруженным перед контрреволюцией.

КПГ была единственной партией, которая своевременно указала трудящимся массам Германии на опасность фашизма и повела последовательную борьбу против установления фашистской диктатуры. Но коммунистам не удалось объединить вокруг себя большинство рабочего класса, следовавшего за социал-демократическими руководителями, и повести его на борьбу против фашизма. Усилению влияния КПГ на широкие массы и привлечению на сторону Компартии большинства социал-демократических рабочих в известной степени мешали ошибки, допущенные партией перед приходом Гитлера к власти. Об этих ошибках говорил В. Пик на Брюссельской конференции КПГ. «За последние два года, предшествовавшие установлению гитлеровской диктатуры, — отмечал он, — мы допустили серьезные ошибки в проведении политической линии партии, ошибки как стратегические, так и тактические. Эти ошибки относятся главным образом к оценке существующего положения и соотношения классовых сил, а также к определению направления главного удара» [22]. В ряде решений КПГ и Коминтерна, в выступлениях и работах ведущих деятелей Коммунистического Интернационала был дан исчерпывающий анализ причин победы фашизма в Германии и деятельности КПГ в этот период [23].

С приходом фашистов к власти КПГ настойчиво добивалась единства действий трудящихся независимо от их партийной или профсоюзной принадлежности. Партия руководствовалась при этом решениями пленума ЦК, состоявшегося нелегально 7 февраля 1933 г. в Цойтене, под Берлином. Выступая на пленуме, Эрнст Тельман поставил перед коммунистами в качестве главной задачи создание единого фронта, организацию массовой борьбы против фашизма [24]. 10 и 18 февраля 1933 г. В. Пик от имени ЦК КПГ обратился к германскому рабочему классу со страстным призывом объединить свои усилия в решительных боях [25]. 27 февраля вождь КПГ Эрнст Тельман в открытом письме социал-демократическим рабочим и членам реформистских профсоюзов подчеркнул всю серьезность нависшей над страной фашистской опасности и призвал рабочих сплотить ряды для отпора фашизму. «...Если мы будем бороться совместно, — писал он, — мы будем непобедимы, мы вовлечем в объединенный фронт антифашистской освободительной борьбы миллионы беднейшего крестьянства в деревне, миллионы служащих, чиновников, средние слои в городах. Создавайте вместе с нами широкие массовые органы единого пролетарского фронта!» [26].

1 марта Центральный Комитет Коммунистической партии направил Исполкому СДПГ и руководству Генеральной конфедерации германских профсоюзов (АДГБ) письмо, в котором предложил провести всеобщую по-

---

[21] «XVII съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. М. 1934, стр. 345.

[22] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 21.

[23] «Коммунистический Интернационал», 1933, № 11, стр. 3—7; «XIII пленум ИККИ». Стенографический отчет. М. 1934; «Резолюции VII Всемирного Конгресса Коминтерна». М. 1935; Г. Димитров. Указ. соч.; И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 293—294; W. Pieck. Der neue Weg...

[24] W. Ulbricht. Указ. соч., т. I, стр. 654—661.

[25] «Die Rote Fahne», 11 февраля 1933 г.; «Правда», 25 февраля 1933 года.

[26] Ernst Thälmann. Bilder und Dokumente aus seinem Leben. Berlin. 1955, S. 171.

литическую стачку под конкретными антифашистскими лозунгами [27]. Одновременно он обратился ко всем трудящимся с призывом совместно выступить против фашистского террора [28]. 14 марта ЦК КПГ вновь предложил Исполкому СДПГ организовать единый антифашистский фронт [29].

Несмотря на то, что выборы в рейхстаг 5 марта 1933 г. проходили фактически в обстановке войны, объявленной фашистами рабочему классу, КПГ получила 4 848 тыс. голосов, СДПГ — 7 181 тысячу [30]. 12 млн. трудящихся, проголосовавших за коммунистов и социал-демократов, представляли бы огромную силу, если бы выступили единым фронтом, как предлагали коммунисты. Высоко оценив результаты выборов в рейхстаг, являвшиеся в тех условиях огромной победой коммунистов, ЦК КПГ призвал их глубже проникать в широкие народные слои, «организовывать единый фронт и агитировать за него везде, где есть массы» [31].

Однако лидеры правой социал-демократии неизменно отклоняли все предложения Компартии. Опасаясь революции в стране больше, чем установления фашистской диктатуры, они использовали свое влияние для удержания рабочих от борьбы против фашизма. Закрывая глаза на безудержный фашистский террор, руководство СДПГ твердило о «законности» гитлеровского правительства, изъявляло свою готовность сотрудничать с Гитлером [32]. По заданию Геринга вожди СДПГ Вельс, Штампфер, Шиф, Герц в марте 1933 г. посетили ряд европейских стран, взяв на себя позорнейшую миссию реабилитации фашистских зверств перед мировой общественностью [33]. 17 мая социал-демократическая фракция рейхстага проголосовала за внешнеполитический курс Гитлера, означавший подготовку германским империализмом новой войны за мировое господство. Запрещение СДПГ 22 июня 1933 г. положило конец позорному пресмыкательству лидеров правой социал-демократии, проложивших дорогу фашизму и своей политикой попустительства способствовавших становлению гитлеровской диктатуры.

Но и после запрещения СДПГ руководители правой социал-демократии, вынужденные уйти в подполье или эмигрировать, продолжали упорно отказываться от предложений ЦК КПГ. Опасаясь борьбы масс, они продолжали проповедовать тактику выжидания, выступали против КПГ и Советского Союза, служа тем самым интересам фашистской реакции и политике подготовки войны [34].

С приходом к власти фашисты довели политический бандитизм до общегосударственных размеров. Массовые облавы, аресты, зверские пытки и убийства тысяч антифашистов — таковы были первоначальные шаги фашистской диктатуры.

КПГ заблаговременно приняла меры для перехода на нелегальное положение. Но все же невиданный по масштабам и жестокости гитлеровский террор нанес существенный урон партии: было арестовано много старых, испытанных борцов. Особенно тяжелые потери в кадрах понесли низовые партийные организации. Места арестованных занимали новые товарищи. К декабрю 1933 г. в большинстве округов работала уже четвертая или пятая смена [35]. Тяжелый удар для Коммунистической партии и всего рабочего класса был нанесен арестом 3 марта 1933 г. Эрнста Тельмана.

---

[27] Архив Государственного музея революции СССР (АГМР), ф. Д-446-11е, № 9481/2б.

[28] «Hamburger Volkszeitung», 22 марта 1933 г.; АГМР, ф. Г-446-11ы2, № 9871/18а.

[29] «Rundschau», 1933, № 6, стр. 149.

[30] «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich». Berlin. 1933; Материалы Международного военного трибунала. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 7445, оп. 1, д. 1716, лл. 112—114.

[31] «Rundschau», 1933, № 6, стр. 137.

[32] «Правда», 8 марта 1933 года.

[33] «Правда», 1 апреля 1933 года.

[34] «35 Jahre Kommunistische Partei Deutschlands». Berlin. 1955, S. 22.

[35] «XIII пленум ИККИ», стр. 168.

Для борьбы с антифашистским движением, и прежде всего с КПГ, по приказу Геринга 29 апреля 1933 г. была создана государственная тайная полиция во главе с Р. Дильсом, замененным в апреле 1934 г. Г. Гиммлером. По признанию Дильса, сделанному на Нюрнбергском процессе, главной обязанностью гестапо являлось «уничтожение политических противников национал-социализма. Самой важной задачей была борьба против коммунизма» [36].

Число сотрудников гестапо в одном только Берлине превышало 15 тысяч. Кроме того, тайная полиция располагала огромной армией секретных агентов, осведомителей и провокаторов. Ей подчинялись официальная полиция и жандармерия, насчитывавшие в 1934 г. 150 тыс. человек [37]. В 1935 г. в связи с ростом недовольства крестьянства гитлеровским режимом была создана специальная сельская полиция [38]. Позорную славу палачей и душителей снискали так называемые защитные отряды (СС), насчитывавшие в 1936 г. 210 тыс. отборных головорезов [39]. Во главе них стоял Г. Гиммлер, которому подчинялась также особая служба безопасности (СД), имевшая около 120 тыс. сотрудников и секретных агентов во всех звеньях государственного и фашистского партийного аппарата, в полиции, в штурмовых отрядах (СА) и в армии [40].

Всеобъемлющий контроль за общественной жизнью страны и деятельностью отдельных ее граждан, тотальный шпионаж и провокации, запугивания и террор, пытки и казни, приправленные социальной демагогией и расовым изуверством,— вот атмосфера, которая царила в «Третьем рейхе» и в которой приходилось действовать коммунистам.

КПГ приспосабливала организационные формы и методы работы к новым условиям, налаживала нарушенную связь между своими отдельными звеньями. Она ушла в подполье массовой партией, нанеся чувствительные удары фашизму арьергардными боями, и вопреки системе репрессий сохранилась как массовая партия. В январе 1933 г. число ее членов превышало 300 тыс., с захватом фашистами власти оно сократилось до 49%, в июне упало до 37%, а в августе и сентябре снова увеличилось до 45% [41]. К лету 1935 г. в ее рядах насчитывалось 60 тыс. активных борцов [42]. Первичные организации КПГ были разбиты на партийные группы по 3—5—7 человек, работавшие изолированно друг от друга. Эти «тройки» и «пятерки» организовывались по производственному и территориальному признаку. Приобретая навыки конспиративной работы, коммунисты искусно выполняли указание ЦК КПГ: прятаться от врага, но не отдаляться от масс.

Исключительную роль в организации антифашистского Сопротивления играла подпольная коммунистическая печать. Центральный орган партии газета «Die Rote Fahne» выходила регулярно, три раза в месяц. За пять месяцев фашистской диктатуры партийные организации и окружные комитеты издали более тысячи местных газет общим тиражом в 2 млн. экземпляров [43]. Спустя 15 месяцев борьбы в Германии распространялось более 100 нелегальных газет [44]. В одном только Берлине в первой половине 1935 г. печаталось свыше 100 гектографированных газет КПГ [45].

---

[36] ЦГАОР и СС, ф. 7445, оп. 1, д. 1743, л. 123.
[37] АГМР, ф. Б-446-11щ, № 12139/1.
[38] См. Ф. Винтер. Лицо германского фашизма. М. 1936, стр. 18.
[39] ЦГАОР и СС, ф. 7445, оп. 1, д. 1740, л. 41.
[40] E. Kogon. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. Berlin. 1947, S. 29.
[41] «XIII пленум ИККИ», стр. 50.
[42] «Die Kommunistische Internationale vor dem VII. Weltkongreß», M.— L. 1935, S. 141.
[43] «XIII пленум ИККИ», стр. 54.
[44] «Коммунистический Интернационал», 1935, № 14, стр. 61.
[45] «Unser Kampf», S. 122.

Большое внимание Центральный Комитет партии уделял изданию нелегальных брошюр.

Трудно переоценить значение для усиления антифашистского движения мужественной борьбы на Лейпцигском процессе в сентябре — декабре 1933 г. Г. М. Димитрова, которого фашисты обвинили в поджоге рейхстага, чтобы тем самым скомпрометировать международное коммунистическое движение и оправдать террор в стране. Пламенный революционер-ленинец из обвиняемого превратился в грозного обличителя гитлеровского режима и своими выступлениями на процессе нанес удар фашизму, власть которого, как отмечал Г. М. Димитров, была свирепой, но непрочной [46].

Во время Лейпцигского процесса с исключительной силой проявилось демократическое движение во всех частях света, развернувшееся под лозунгом борьбы за освобождение Г. М. Димитрова. Сила пролетарской солидарности и фактически созданного в ходе этой кампании международного антифашистского единого фронта оказалась настолько могучей, что фашисты были вынуждены освободить Димитрова и других обвиняемых коммунистов.

Однако Компартии не удалось в это время поднять массы на антифашистскую борьбу. Причиной этого были распыленность, неорганизованность антифашистских сил, отсутствие единства действий и органов единого фронта, а также, как отмечал ЦК КПГ, серьезные недочеты в политике и массовой деятельности КПГ [47].

Перед Коммунистической партией встала настоятельная задача критически пересмотреть свою деятельность и выработать новые тактические лозунги, которые отвечали бы изменившемуся положению.

9—10 июля 1934 г. состоялось заседание президиума ИККИ, посвященное событиям в Германии и задачам КПГ. На нем была проанализирована экономическая и политическая обстановка в стране и намечена линия на развертывание борьбы за широкий антифашистский народный фронт [48].

В конце июля пленум ЦК КПГ, в котором приняли участие ведущие функционеры окружкомов и ряда предприятий, используя материалы заседания президиума ИККИ, наметил новую тактическую линию партии. Она была изложена в опубликованной Центральным Комитетом 1 августа резолюции «О создании единого фронта трудящихся масс в борьбе против гитлеровской диктатуры» [49]. В резолюции критиковалась недостаточная активность партийного руководства, которое не использовало в полной мере свою организующую, руководящую роль для подготовки антифашистских выступлений, ограничившись агитационной работой. Резолюция предлагала немедленно начать переговоры с социал-демократическими группами, чтобы совместно выдвинуть боевые лозунги, принять общие решения о ведении антифашистской борьбы. Успешное осуществление тактики единого фронта требовало перестройки всей внутрипартийной работы. Особенно важно было повести решительную борьбу против сектантства в Компартии, против неправильного отношения к социал-демократическим рабочим, выражавшегося в стремлении создать единый фронт путем включения социал-демократов в ряды КПГ.

Подчеркивая, что центр тяжести деятельности партии должен быть перенесен на предприятия, резолюция в то же время указывала на необходимость антифашистской работы среди молодежи, среди трудящихся женщин и мелкобуржуазных масс города и деревни.

Резолюция ЦК КПГ от 1 августа 1934 г. явилась, по определению

---

[46] Г. М. Димитров. Указ. соч., стр. 25.
[47] «Rundschau», 1934, № 45, S. 1867—1869.
[48] «Коммунистический Интернационал», 1934, № 22, стр. 16—46.
[49] «Rundschau», 1934, № 45, S. 1867—1869.

В. Пика, поворотным пунктом в тактической установке партии на создание единого пролетарского и антифашистского народного фронта [50].

После августовского пленума ЦК КПГ разослал низовым ячейкам письмо, в котором разъяснялась задача коммунистов в достижении единства действий германского рабочего класса. Продолжая непримиримую борьбу с социал-демократической идеологией, коммунисты в то же время должны были сосредоточить работу среди социал-демократических масс, стремившихся к боевому единству, преодолеть сектантские ошибки, заключавшиеся в неправильном подходе к рядовым социал-демократам [51].

Выступая на Брюссельской конференции КПГ, В. Пик отмечал, что постановка лозунга «Приходите к нам», выдвинутого коммунистами летом 1933 г., затрудняла образование единого фронта. Выдвигая этот лозунг, КПГ исходила из того, что социал-демократия как организация была разбита [52]. В КПГ действительно влилось известное число социал-демократических рабочих и функционеров. В Берлине, Тюрингии, Саксонии и на Западе с коммунистами объединились целые группы социал-демократов, ряд партийных ячеек в своем большинстве состоял из бывших социал-демократов [53]. К июлю 1934 г. не менее одной пятой части подпольных организаций Компартии состояло из недавних членов СДПГ [54], своей самоотверженной работой в подполье спаявших единство со старыми кадрами коммунистов. Однако основная масса социал-демократов продолжала считать себя членами СДПГ, и лозунг коммунистов «Приходите к нам» означал бы для социал-демократов разрыв со своей партией и поэтому не был ими поддержан.

Как указывал В. Пик, серьезным препятствием для установления единства действий с социал-демократами была неправильная оценка социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии даже при режиме фашистской диктатуры. В резолюции ЦК КПГ «О положении Германии и ближайших задачах КПГ» (май 1933 г.) говорилось: «Полное исключение социал-демократов из государственного аппарата, жестокое подавление также социал-демократических организаций и их прессы ничего не меняет в том факте, что социал-демократия теперь, как и прежде, является главной социальной опорой капиталистической диктатуры» [55]. Подобный взгляд затруднял установление единства действий с рабочими социал-демократами, мешал партии правильно рассмотреть происходивший в СДПГ процесс дифференциации и борьбу левого течения социал-демократии против правооппортунистического руководства [56].

Резолюция ЦК КПГ от 1 августа 1934 г. обязывала коммунистов не предъявлять к социал-демократии и к беспартийным рабочим никакого другого условия для создания единого фронта, кроме желания совместно участвовать в борьбе против общего врага — фашизма.

Массовым мероприятием, показавшим готовность многих социал-демократических групп к совместным антигитлеровским выступлениям с коммунистами, был так называемый народный плебисцит 19 августа 1934 г. по вопросу об объединении Гитлером поста рейхсканцлера и рейхспрезидента. Плебисцит был назначен фашистским правительством с целью укрепить свои пошатнувшиеся внутри- и внешнеполитические позиции.

---

[50] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 39.

[51] Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin. Film 2982, S. 7—11.

[52] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 36.

[53] Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin. Firm 2982, S. 7—11.

[54] «Коммунистический Интернационал», 1934, № 22, стр. 22.

[55] «Rundschau», 1933, № 17, S. 541—548.

[56] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 38—39.

КПГ широко разъясняла населению значение предстоящего плебисцита и призывала в своих обращениях, газетах, листовках и при личном общении с массами голосовать «Нет!». Совместно с коммунистами антифашистскую кампанию повели многие социал-демократические группы, отказавшиеся следовать выдвинутому Исполкомом СДПГ лозунгу: «Люди, которые из страха голосуют «Да», будут сегодня правы» [57]. (Исполком СДПГ находился в Праге и оттуда поддерживал связи с социал-демократическими организациями страны.)

Совместные действия коммунистических и социал-демократических групп нанесли серьезное поражение Гитлеру во время плебисцита. Согласно официальным данным, за Гитлера было подано 89,9% голосов [58]. Можно судить о том, каково было истинное число голосов, поданных против Гитлера, если даже фашисты оказались вынужденными назвать внушительную цифру его противников — 7,5 млн. чел., или на 2,5 млн. больше, чем во время плебисцита (о выражении доверия гитлеровскому правительству) 12 ноября 1933 года [59].

Однако, как указывал В. Пик, многие коммунисты, в том числе большинство руководителей КПГ, особенно представители редакции «Die Rote Fahne», нарушали резолюцию ЦК КПГ от 1 августа [60]. Наглядно это проявилось в следующем факте. В сентябре 1934 г. впервые целая окружная организация СДПГ вступила в ряды Коммунистической партии. Майнтаунусовский окружком СДПГ и райком КПГ (близ Франкфурта-на-Майне) опубликовали «Платформу объединения», заявив в ней о своей решимости объединить обе партии в районе на основе идейных, организационных и тактических принципов КПГ [61]. Вслед за тем организации КПГ и СДПГ Гессен-Франкфуртского округа на совместном заседании своих представителей также решили «объединиться в непреодолимый фронт антифашистской борьбы вплоть до свержения фашизма». Они опубликовали обращение к трудящимся города и деревни с призывом к совместным действиям [62].

Договоры о едином пролетарском фронте явились большим достижением Франкфуртской областной организации КПГ. Но, как отмечал на Брюссельской конференции партии В. Пик, вместо того, чтобы всемерно популяризировать этот успех, руководство КПГ подвергло договоры критике за мнимые ошибки. Подобная установка противоречила провозглашенному августовской резолюцией курсу Компартии на установление единого пролетарского фронта и лишь увеличивала разрыв между социал-демократическими рабочими и коммунистами [63].

Исполком Коминтерна был вынужден поправить руководство КПГ. 27 октября политическая комиссия Коминтерна приняла резолюцию, содержавшую резкую критику в адрес немецких коммунистов за их сектантские ошибки. В конце декабря 1934 г., а затем в январе 1935 г. состоялся обмен мнениями между Исполкомом Коминтерна и Политбюро ЦК КПГ. Сектантская линия в политике германских коммунистов вновь была подвергнута критике [64].

Вслед за совещанием с руководителями Коминтерна ЦК КПГ провел многодневное совещание с ответственными деятелями КПГ и Коммунистического союза молодежи Германии (КСМГ). Были обсуждены положение в стране, перспективы развития и революционные задачи партии. После основательного критического пересмотра деятельности КПГ

---

[57] См. W. Ulbricht. Указ. соч. Т. II, стр. 30.
[58] W. Bartel. Указ. соч., стр. 68.
[59] «Rundschau», 1934, № 47, S. 1949.
[60] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 38—42.
[61] См. «Коммунистический Интернационал», 1934, № 28, стр. 37—38.
[62] См. там же, стр. 39—41.
[63] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 39—41
[64] Там же, стр. 42.

30 января 1935 г. совещание единодушно приняло резолюцию «Пролетарский единый и антифашистский народный фронт для свержения фашистской диктатуры» [65], в которой говорилось о необходимости идеологического воспитания членов партии для преодоления сектантства, являвшегося препятствием к развертыванию единого фронта. Вместе с тем резолюция предупреждала о необходимости особой бдительности к проявлениям оппортунистического примиренчества.

Серьезной критике Коммунистическая партия подвергла свою деятельность в массовых фашистских организациях. Коммунисты недостаточно использовали открывавшиеся перед ними в этих организациях возможности полулегальных и легальных связей с массами. ЦК КПГ поставил четкие задачи по проведению ежедневной работы среди молодежи, женщин, в рейхсвере, среди штурмовиков, трудящегося крестьянства, ремесленников, интеллигенции с выдвижением конкретной программы борьбы за демократические права: свободу собраний и печати, неприкосновенность личности и жилища, ограждение от доносов и преследований, освобождение узников гитлеровского режима и т. д.

Самокритично вскрывая и исправляя свои ошибки, преодолевая сопротивление правого руководства социал-демократии, КПГ последовательно, в широких масштабах претворяла в жизнь провозглашенный ею курс на достижение единства антифашистских действий.

Важным шагом в его практическом осуществлении явились совместные мероприятия коммунистов и социал-демократов в связи с предстоявшим плебисцитом, проведенным 13 января 1935 г., по вопросу о присоединении Саарской области к Германии. Еще 2 июля 1934 г. представители обеих партий опубликовали призыв к населению Саара о создании антифашистского фронта [66]. Саарские коммунисты и социал-демократы совместно провели легальную избирательную кампанию. ЦК КПГ высоко оценил факт создания единого фронта в Сааре [67].

Сразу же после саарского плебисцита Коммунистическая партия предупредила немецкий народ об опасности новой войны и призвала трудящихся к борьбе с шовинистическим угаром и военными приготовлениями Гитлера [68]. Гитлеровская клика, поощряемая империалистическими кругами западных держав к подготовке войны против Советского Союза, вскоре после присоединения Саара открыто нарушила Версальский договор. 16 марта 1935 г. в стране была введена всеобщая воинская повинность [69]. Фашистская Германия превращалась в огромный военный лагерь.

С усилением процесса милитаризации Германии социальная демагогия, которой гитлеровцы долгое время одурманивали своих приверженцев, стала вытесняться шовинистической пропагандой. Фашисты стремились использовать шовинизм для воздействия на массы, направить ненависть, которая была у них к цепям Версаля, в русло агрессивных устремлений германского империализма.

Коммунистическая партия, которая еще до прихода Гитлера к власти предупреждала немецкий народ, что «фашизм — это война», с расширением военных мероприятий гитлеровского правительства активизировала свои выступления против милитаризации Германии и шовинистического угара. В многочисленных обращениях, воззваниях, листовках, в газетах и брошюрах партия разоблачала империалистическую сущность шовинизма и призывала немцев объединяться под знаменами антифашистской, антимилитаристской борьбы.

В опубликованном в апреле 1935 г. заявлении ЦК КПГ говорилось,

---

[65] «Rundschau», 1935, № 10, S. 551—555.
[66] «Rundschau», 1934, № 39, S. 1558.
[67] «Rundschau», 1935, № 5, S. 259—260.
[68] «Rundschau», 1935, № 4, S. 192—193.
[69] «Völkischer Beobachter», 17 марта 1935 года.

что введение гитлеровским правительством всеобщей воинской повинности означало «переход к ускоренной милитаризации Германии с целью непосредственной подготовки и организации империалистической войны»[70]. В призывах и обращениях, а также в специальной резолюции ЦК КПГ «О положении в гитлеровской Германии, сложившемся в связи с фашистской политикой войны и новой волной шовинизма»[71] КПГ разъясняла массам роковые последствия милитаристских мероприятий гитлеровцев, противопоставляла звериной расовой теории фашистов принципы пролетарского интернационализма и призывала трудящихся объединяться для решительного отпора милитаризму и шовинизму, в защиту Советского Союза, совместно выступить против голода, войны и фашизма, за хлеб, мир и свободу. Борьба против милитаризма и шовинизма давала новую прочную основу для установления единства действий коммунистов и социал-демократов, а также всех тех, кто выступал против войны и агрессии.

Непреоборимая сила единого пролетарского фронта особенно ярко проявилась во время избирательной кампании в «Советы доверия», которыми фашисты решили заменить распущенные в январе 1934 г. фабрично-заводские комитеты. Этим путем гитлеровское правительство стремилось укрепить свои позиции в рабочем классе, привлечь его на свою сторону. Перед КПГ стояла задача — дать достойный отпор новому демагогическому маневру фашистов, которые подтасовкой голосов пытались доказать, что рабочий класс тоже идет за Гитлером.

В одной из статей нелегально распространявшегося в Германии бюллетеня «Internationale Presse—Korrespondenz» указывалось, что выборы в «Советы доверия» должны быть использованы для сочетания нелегальных методов работы с полулегальными и легальными, что борьба за избрание действительно рабочих представителей является частью борьбы за право образования союзов, за легальное существование рабочих организаций[72].

Выборы «Советов доверия» были назначены на 12 и 13 апреля 1935 года. 11 февраля ЦК КПГ обратился к Пражскому Исполкому СДПГ с предложением использовать подготовку к выборам для организации совместных выступлений против фашистского принципа «фюрерства» на производстве, для осуществления действительного волеизъявления рабочих по созданию своих, подлинно выборных фабрично-заводских органов, для установления антифашистского, пролетарского единства действий[73]. Исполком СДПГ отклонил это предложение[74].

Тогда Центральный Комитет Коммунистической партии обратился к коммунистам и социал-демократам с призывом «Антифашистский единый фронт при выборах «Советов доверия»[75], а также опубликовал «Открытое письмо ЦК КПГ ко всем социал-демократическим группам и левым вождям СДПГ»[76]. В них разоблачалась политика пассивного выжидания и коалиции с буржуазией, проводившаяся Пражским Исполкомом, который игнорировал стремление социал-демократических масс к объединению своих действий с коммунистами. ЦК КПГ выражал надежду, что, несмотря на сопротивление пражского руководства, социал-демократы и коммунисты будут совместно бороться за выдвижение подлинных представителей рабочих и служащих. Партийные организации на местах активно откликнулись на этот призыв и добились большого успеха. В ряде мест комму-

---

[70] «Rundschau», 1935, № 16, S. 813.

[71] «Rundschau», 1935, № 22, S. 1103—1104, 1121.

[72] «Inprekor», февраль 1935, № 9; Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin. Mappe 20.

[73] «Die Rote Fahne», март 1935; Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin. Film 2982, Mappe 1, 2.

[74] «Rundschau», 1935, № 14, S. 743.

[75] «Rundschau», 1935, № 13, S. 687.

[76] «Rundschau», 1935, № 14, S. 743.

нисты и социал-демократы не только провели совместную нелегальную предвыборную борьбу, но и использовали ее для создания комитетов антифашистского пролетарского единства, восстановления свободных профсоюзов.

Накануне выборов фашисты развернули бешеную активность: было проведено 77 тыс. собраний [77], на которых выступали одни лишь нацистские ораторы; не допускались никакие дискуссии, отсутствовала какая-либо возможность распространять легальные материалы против официальных кандидатов, выставлявшихся предпринимателями.

И, тем не менее, Компартия устанавливала единство с социал-демократическими организациями, в листовках, газетах и в устной индивидуальной агитации разоблачала сущность фашистских мероприятий, предлагала рабочим добиваться выдвижения своих кандидатов.

Единый пролетарский фронт во время выборов нанес фашистам серьезное поражение. Согласно официальным данным, за списки «Советов доверия» проголосовало 83,8% избирателей [78]. Следует, однако, учесть, что эта цифра была сильно преувеличена, так как подсчеты вели сами предприниматели, без участия рабочих. Но и при этом даже на военных заводах, где фашисты стремились иметь наиболее «надежных» рабочих и где наиболее усиленно проводилась гестаповская слежка, официально признанный процент голосовавших «против» составлял в среднем 35—50 [79]. В Берлине число фактически голосовавших против официального списка равнялось примерно 80% [80].

На многих предприятиях нацистскому официальному списку благодаря совместным усилиям коммунистов и социал-демократов были противопоставлены рабочие списки. За них, как правило, голосовало большинство. Так, на одном из предприятий, насчитывавшем 1 200 рабочих, за рабочий список была подана 1 тыс. голосов [81]. На одной из шахт Верхней Силезии шахтеры добились выдвижения официального списка своих кандидатов, которые получили 90% голосов [82]. Нередко по этим спискам в состав «Советов» избирались коммунисты и социал-демократы. Таким образом, жизнь подтвердила всю порочность установки, данной пражским руководством СДПГ, бойкотировать выборы. Большинство социал-демократических рабочих поддержало тактику коммунистов, что обеспечило рабочим победу над предпринимателями. В одной из секретных докладных, посланных в канцелярию Гитлера, фашистский уполномоченный Эксле писал: «Выборы в «Советы доверия» показали, что доверие коллективов к вождям предприятий полностью подорвано». Далее следовало признание, что опубликованные официальными органами «результаты» выборов выглядят для рабочих «поистине смешными» [83].

Общие интересы борьбы подсказывали социал-демократическим массам и многим функционерам СДПГ необходимость организации совместных действий с коммунистами, хотя Пражский Исполком СДПГ всячески мешал этому. Формы установления единства пролетарских действий были разнообразны и зачастую имели местный, региональный характер. Антифашистское единство действий возникало по различным конкретным поводам. В большинстве случаев инициаторами единства выступали коммунисты. На предприятиях коммунисты и социал-демократы объединялись для создания независимых свободных профсоюзов, для защиты повседневных интересов рабочих, для оказания помощи узникам фашизма и их семьям.

---

[77] «Rundschau», 1935, № 19, S. 987.
[78] «Völkischer Beobachter», 20 апреля 1935 года.
[79] «Rundschau», 1935, № 19, S. 987.
[80] «Rundschau», 1935, № 20, S. 1009.
[81] «Unser Kampf», S. 37.
[82] Там же.
[83] Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin. Mappe 22.

В середине марта 1935 г. в округе Средний и Верхний Баден договор о едином пролетарском фронте заключили окружкомы КПГ, СДПГ, КСМГ, МОПРа, а также коммунистические боевые организации — Союз красной самозащиты и бригада Карла Либкнехта [84],— выдвинув антифашистскую платформу единства действий и опубликовав «Призыв к совместной солидарности со всеми жертвами фашистского кровавого режима» [85]. В нем предлагалось всем противникам фашизма бороться за освобождение политических заключенных, помогать их семьям, организовывать комитеты взаимопомощи. В одном из округов Средней Германии организации КПГ, СДПГ и МОПРа подписали договор о едином фронте для оказания помощи жертвам фашизма, создали объединенный окружной комитет солидарности и договорились об организации восьми местных комитетов в важнейших районах округа [86].

16 июня комитеты МОПРа и СДПГ округа Берлин—Бранденбург опубликовали договор о едином фронте борьбы против гитлеровского террора, против шпионов и провокаторов, за оказание помощи жертвам фашизма [87]. Центральный орган МОПРа газета «Das Tribunal» писала, что одни только сообщения об установлении единства действий в Берлин-Бранденбургском округе значительно активизировали пролетарскую солидарность антифашистских организаций в стране [88]. В середине 1935 г. в одном из городов Восточной Германии был заключен договор о едином пролетарском фронте между коммунистами, социал-демократами и другими профсоюзными функционерами. В совместно опубликованном ими обращении перечислялись конкретные задачи единого фронта [89]. В Дортмунде коммунистические, социал-демократические и другие профсоюзные функционеры летом 1935 г. заключили договор о едином фронте и организовали комитет единства по восстановлению свободных профсоюзов Большого Дортмунда [90]. Тогда же было достигнуто соглашение о создании единого фронта между коммунистами и комитетом пролетарского единства, состоявшего преимущественно из социал-демократов, в Нижней Саксонии. В совместном заявлении говорилось, что «еще существующее различие мнений не должно препятствовать установлению боевого единства» [91]. В Ганновере в 1934 г. был арестован комитет пролетарского единства, состоявший из представителей КПГ, СДПГ и социалистической партии. Тем не менее еще в течение двух лет, вплоть до ареста 283 человек в 1936 г., там продолжала работать нелегальная объединенная организация «Социалистический фронт», в которую входили представители рабочих партий, Союза имперского флага — социал-демократической полувоенной организации и «Союза свободомыслящих» [92].

Установление единства действий на местах проходило еще успешнее, чем в масштабе округов. Социал-демократические группы предприятий вопреки противодействию своих окружкомов и запрету Пражского Исполкома СДПГ живо откликались на предложения коммунистов и создавали всевозможные формы пролетарского антифашистского фронта.

Неоценимое значение для последующего развития антифашистского движения имел VII Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала (25 июля — 20 августа 1935 г.). В центре его внимания стоял вопрос о дальнейшем сопротивлении фашизму и войне. Обобщив опыт борьбы коммунистических партий, вскрыв наличие серьезных недостат-

---

[84] «Rundschau», 1935, № 16, S. 833.
[85] АГМР, ф. Л-446-15б, № 16912/44.
[86] «Die Rote Fahne». Sonderausgabe für die Befreiung Thälmanns. 1935.
[87] «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», S. 376—377.
[88] «Rundschau», 1935, № 43, S. 1971.
[89] W. Ulbricht. Указ. соч. Т. II, стр. 59—60.
[90] Там же, стр. 101—102.
[91] Там же, стр. 59.
[92] G. Weissenborn. Der lautlose Aufstand. Hamburg. 1954, S. 194.

ков в их деятельности, Конгресс указал, что единственно правильной и наиболее действенной формой организации дальнейшего сопротивления фашизму является создание единого пролетарского фронта в национальном и международном масштабах и на его основе — широкого антифашистского народного фронта. Тактика единого фронта, впервые выдвинутая В. И. Лениным на III Конгрессе Коминтерна в 1921 г., получила новое содержание: фронт борьбы против фашизма.

Решения VII Конгресса Коминтерна легли в основу деятельности КПГ и получили дальнейшее развитие в постановлениях IV конференции Компартии, состоявшейся нелегально в Брюсселе с 3 по 15 октября 1935 года. Брюссельская конференция явилась, по выражению В. Пика, «поворотным пунктом в развитии КПГ»[93]. Немецкие коммунисты, впервые с момента захвата фашистами власти собравшиеся на конференцию, тщательно обсудили конкретные пути применения решений VII Конгресса в условиях фашистской Германии.

Сложившаяся к октябрю 1935 г. обстановка в стране характеризовалась увеличением экономических трудностей, очередным наступлением на жизненный уровень трудящихся, усилением реваншистских стремлений германского империализма, обострением социальных противоречий и вместе с тем значительным ростом оппозиции фашизму и начавшейся консолидацией ее сил, ростом разногласий в лагере буржуазии. Исходя из этого, Брюссельская конференция наметила генеральную линию КПГ, определила политические и тактические задачи партии. Как ни велики были разногласия в лагере фашистов, они не могли привести к автоматическому крушению гитлеровской диктатуры, на что рассчитывали правые лидеры социал-демократии. Следовательно, КПГ должна была, с одной стороны, активизировать выступления масс и тем самым еще более обострять противоречия в фашистском лагере, с другой — использовать противоречия и колебания между различными группировками буржуазии для развертывания массового антифашистского движения.

Центральной задачей, намеченной VII Всемирным Конгрессом Коминтерна и Брюссельской конференцией КПГ, было «установление единства действий немецкого рабочего класса и создание антифашистского народного фронта всех трудящихся для борьбы против фашистской диктатуры, за ее свержение»[94]. Исходным пунктом и главным содержанием единого пролетарского фронта должна была явиться борьба за постоянную защиту экономических и политических интересов рабочего класса, против фашистского угнетения.

Учитывая сектантские ошибки КПГ, резолюция конференции подчеркивала, что для достижения и проведения в жизнь соглашения о едином фронте коммунисты и социал-демократы должны устанавливать между собой товарищеские отношения, построенные на равноправии и равной ответственности. Всем попыткам отдельных коммунистов рассматривать установление единого фронта только как формальное дело, как агитационную кампанию КПГ, как предлог для разоблачения социал-демократических лидеров нужно было давать решительный отпор[95]. Это ни в коей мере не означало отказа КПГ от дискуссий по спорным политическим и идеологическим вопросам. Однако дискуссии следовало проводить иным способом: по-товарищески, методом убеждения. Брюссельская конференция в своей резолюции выразила твердую уверенность в том, что боевые действия рабочих против фашизма, за осуществление своих непосредственных политических и экономических требований приведут к преодолению раскола в германском рабочем движении.

---

[93] «Bericht vom XV. Parteitag der KPD». Berlin. 1946, S. 108.
[94] W. Pieck. Der neue Weg..., S. 151.
[95] Там же, стр. 152.

Первостепенное значение Брюссельская конференция придавала созданию мощного антифашистского народного фронта на базе единства рабочего класса. Перед КПГ была поставлена задача преодолеть разобщенность внутри антифашистской оппозиции, объединить все антифашистские силы на основе единой политической платформы борьбы. Рост недовольства фашизмом создавал благоприятные возможности для установления новых взаимоотношений между пролетариатом и другими слоями населения, угнетавшимися фашизмом. Политической платформой, основой для создания антифашистского фронта немецкого народа должна была явиться борьба за восстановление демократических прав и свобод, за освобождение политзаключенных, за ликвидацию гитлеровского режима. В новых условиях вместо прежнего лозунга борьбы за диктатуру пролетариата и Советскую Германию КПГ выдвинула лозунг борьбы за демократические права и свободы. В принятом конференцией манифесте к трудящимся Германии [96] четко излагалась политическая программа, являвшаяся платформой для объединения самых широких масс в народном фронте. КПГ была первой и единственной политической партией в стране, разработавшей общую для всех антифашистов программу, в борьбе за выполнение которой стали объединяться демократические силы внутри страны и в эмиграции.

Для успешной борьбы против фашизма важное значение приобретала работа коммунистов в массовых фашистских организациях, в первую очередь в «Германском трудовом фронте». Фашисты насильно загнали трудящихся в свои многочисленные организации, стремясь воспитать их в нацистском духе. Задача КПГ заключалась в том, чтобы, применяя, по выражению Г. М. Димитрова, «тактику троянского коня» [97], проникать в самые разнообразные фашистские объединения для ведения там массовой революционной работы.

Выдвинутые конференцией задачи требовали серьезного пересмотра организационной структуры партии. Конференция указала на необходимость максимальной децентрализации партийных организаций, повышения их оперативности, гибкости и маневренности, усиленного воспитания новых партийных кадров, более строгого соблюдения правил конспирации.

Вооруженная решениями VII Конгресса Коминтерна и Брюссельской конференции, Коммунистическая партия Германии еще активнее развернула борьбу за претворение в жизнь своих новых тактических и организационных установок.

В различных городах: Гамбурге, Мюнхене, Саарбрюкене, Бремене, Берлине, Мюнстере и др.—активизировалась коммунистическая деятельность, участились проявления недовольства масс. В донесении гестапо из Эрфурта сообщалось: «Устная коммунистическая пропаганда усиливается. Об этом неопровержимо свидетельствуют изменения в настроении трудящихся и малоимущих слоев населения. VII Всемирный Конгресс Коминтерна в Москве, очевидно, вдохнул новую энергию в коммунистов» [98]. Только с июня по август 1935 г. состоялось 13 забастовок и 39 актов саботажа [99]. По данным гестапо, далеко не полным, в 1935 г. бастовало около 25 тыс. рабочих [100]. В Берлине группами КПГ и СДПГ ежемесячно распространялось около 40 тыс. печатных материалов. В следующем, 1936 г. в Германии было захвачено гестаповцами 1 643 тыс. печатных материалов (в том числе 222 тыс. замаскированных брошюр), в 1937 г.— 927 тысяч [101]. Следует учесть при этом, что гестапо конфиско-

---

[96] АГМР, ф. Л-446-11я1, № 13172/2.
[97] Г. Димитров. Указ. соч., стр. 53—54.
[98] О. Винцер. Указ. соч., стр. 93.
[99] Там же, стр. 94.
[100] См. там же, стр. 76.
[101] «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung. 1933—1945», S. 125.

вывало далеко не все нелегальные листовки, газеты, брошюры. Подпольная коммунистическая печать объединяла массы недовольных, пробуждавшихся для борьбы против фашизма. На них опиралась в своей работе КПГ; они становились важнейшим резервом для пополнения рядов Компартии.

В невероятно тяжелых условиях фашистского режима германские коммунисты добивались на местах единства действий с социал-демократами, несмотря на систематическое противодействие руководства СДПГ. Лидеры правой социал-демократии продолжали свою предательскую политику. Об этом убедительно свидетельствуют следующие примеры. 10 ноября 1935 г. ЦК КПГ направил Пражскому Исполкому СДПГ предложение провести переговоры между представителями Компартии и социал-демократии о создании единого фронта [102]. Учитывая огромное стремление широких социал-демократических масс к совместным действиям с коммунистами, Исполком СДПГ не решился на этот раз отклонить предложение Центрального Комитета. 23 ноября в Праге состоялись переговоры. В них участвовали от ЦК КПГ В. Ульбрихт и Ф. Далем, от Исполкома СДПГ — Фогель и Штампфер. Представители ЦК КПГ предлагали в качестве первого шага обратиться с совместным призывом к партийным организациям в стране осуществлять на местах единство антифашистских действий. Однако социал-демократическое руководство отказалось от создания единого пролетарского фронта под тем предлогом, что ни единый пролетарский, ни народный фронт «не окажут никакого влияния на положение в Германии» и что принципиальные расхождения между партиями в вопросе о буржуазной демократии являются препятствием к сотрудничеству [103]. В январе 1936 г. Пражский Исполком СДПГ вновь отклонил предложение ЦК КПГ об установлении единства действий при подготовке и проведении предполагавшихся выборов «Советов доверия» [104]. Весной ЦК КПГ призвал Пражский Исполком СДПГ «оказывать взаимную помощь в борьбе против гестапо, в совместной организации помощи заключенным и их семьям». Ответа не последовало [105]. В июне Центральный Комитет Коммунистической партии снова обратился ко всем социал-демократам с призывом «ввиду серьезной военной опасности создать пролетарский единый фронт в интересах немецкого рабочего класса и всего немецкого народа». Пражский Исполком СДПГ опять ответил молчанием [106]. Предложение ЦК КПГ провести совместную кампанию помощи Испанской Республике также было отклонено Пражским Исполкомом [107].

Отказом от единства действий с коммунистами правые лидеры СДПГ пытались заслужить благожелательное отношение к себе со стороны определенных кругов буржуазии и добиться права на легальное существование своей партии. В специальном коммюнике, опубликованном в январе 1936 г., Пражский Исполком СДПГ в качестве одной из причин отказа от единого фронта с коммунистами выдвигал опасение, что этот шаг может дать повод фашистам обвинить социал-демократов в том, что они «перешли на позиции большевизма» [108].

Добиваясь единства действий рабочего класса, Коммунистическая партия Германии развертывала одновременно борьбу за создание широкого антифашистского народного фронта. В июле 1936 г. ЦК КПГ обратился с «Открытым письмом ко всем католикам», в котором призвал като-

---

[102] АГМР, ф. Б-446-11д1, № 16315/9, стр. 1—4.
[103] Там же, стр. 5—33; Franz. Der Kampf um die Einheitsfront. «Die Internationale», декабрь 1935 — январь 1936.
[104] «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung», S. 73.
[105] Там же.
[106] Там же, стр. 74.
[107] Там же.
[108] Цит. по E. Matthias. Указ. соч., стр. 36.

лические массы объединяться с коммунистами для борьбы против гитлеровского варварства, «за Германию мира, свободы и благосостояния» [109]. В ответ на это обращение в ряде мест было достигнуто единство действий коммунистов и преследовавшихся фашистами католиков. В 1936—1937 гг. в Рейнской области группы коммунистов и католиков совместно боролись против фашистского угнетения и войны. В Берлине в апреле 1937 г. фашисты устроили показательный процесс против католического капеллана Иосифа Россэ и шести других католических священников, а также коммунистов. Таким путем они хотели запугать массы и предотвратить единение католиков и коммунистов. Обвиняемым ставилось в вину «тайное сотрудничество между католическими священниками и коммунистическими кругами с целью осуществления католически-коммунистического единого фронта» [110].

После нападения немецко-итальянских агрессоров на Испанскую Республику КПГ в многочисленных обращениях призывала всех антифашистов всесторонне поддержать освободительную борьбу испанского народа [111]. В Германии создавались объединенные группы солидарности с испанскими республиканцами [112], тысячи германских коммунистов, социал-демократов и беспартийных рабочих сражались на испанских фронтах в интернациональной бригаде, в батальонах «Эрнст Тельман», «Эдгар Андре», «Ганс Беймлер».

В 1936 г. в Париже из представителей немецкой иммиграции был создан Комитет народного фронта, который по предложению В. Пика обсудил и опубликовал «Призыв к борьбе за свободу, хлеб и мир» [113]. Под «Призывом» наряду с руководителями КПГ подписались лучшие представители социал-демократии, деятели литературы, науки и искусства. Предложенная коммунистами платформа народного фронта настолько соответствовала задачам антифашистской борьбы, что была положена в основу 10 пунктов «Манифеста», опубликованного в декабре 1936 г. в Берлине группой социал-демократов и призывавшего демократические силы Германии объединиться в Немецкий народный фронт [114].

Таким образом, сама жизнь подтвердила правильность тактических установок VII Конгресса Коминтерна и Брюссельской конференции КПГ о единстве рабочего класса и антифашистском народном фронте как наиболее действенном средстве борьбы против фашистской диктатуры. Тем не менее, несмотря на самоотверженную работу коммунистов и отдельные успехи в консолидации антифашистской деятельности, в Германии не было создано широкого антифашистского фронта. Это объяснялось многими причинами. Коммунистам Германии приходилось бороться в обстановке безудержного фашистского террора. В 1935 г. в Германии было арестовано, согласно гестаповским данным, 2 197 чел., преимущественно коммунистов и социал-демократов, в 1936 г.— 11 687, в 1937 г.— 8 058 [115]. В этот период от рук фашистских палачей погибли руководящие работники КПГ Эдгар Андре, Фите Шульц, Роберт Штамм, Вильгельм Фирль и другие. Невосполнимая потеря коммунистических кадров, децентрализация руководства подпольной борьбой, осуществлявшегося ЦК КПГ с 1936 г. из-за рубежа, значительно затрудняли успешное выполнение решений Брюссельской конференции о создании единого фронта и работу коммунистов по разоблачению среди широких слоев населения фашистской социальной демагогии и шовинизма.

---

[109] «Die Internationale», 1936, № 6/7. S. 101—105; Archiv des Instituts für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Berlin. Mappe 1, 2.

[110] J. Jansen. Указ. соч., стр. 13—16.

[111] См. «Der Freiheitskampf des spanischen Volkes und die internationale Solidarität». Berlin, 1956, SS. 62, 71, 78—79, 245—247, 342, 376—383, 398, 412—413.

[112] Там же, стр. 95—97; G. Weissenborn. Указ. соч., стр. 147.

[113] См. О. Винцер. Указ. соч., стр. 109—112.

[114] «Bericht vom XV. Parteitag der KPD», S. 41.

[115] G. Weissenborn. Указ. соч., стр. 39.

Поддержка гитлеровской Германии международным и прежде всего американским империализмом, инвестировавшим значительные капиталы в стране и выращивавшим германский фашизм в качестве основного ударного кулака против международного революционного движения, против Советского Союза, укрепляла позиции фашизма. Внешнеполитические успехи Гитлера, которые выражались в нарушении условий Версальского договора (введение всеобщей воинской повинности, усиленное строительство военно-морского флота, оккупация в марте 1936 г. демилитаризованной Рейнской зоны и т. д.), были достигнуты благодаря поддержке западных держав, позволяли фашистам шовинистической пропагандой и ссылкой на эти успехи обманывать широкие слои населения.

Одной из главных причин отсутствия антифашистского народного фронта в Германии была позиция правого руководства СДПГ, срывавшего все попытки коммунистов создать единый пролетарский фронт, упорно цеплявшегося за обанкротившуюся политику раскола рабочего класса и коалиции с буржуазией. Отсутствие единства действий не позволяло рабочему классу объединить вокруг себя разрозненные антифашистские силы страны. Без единого пролетарского фронта не могло быть широкого антифашистского народного фронта.

Германским милитаристам удалось ввергнуть немецкий народ во вторую мировую войну. Антифашистские силы в стране оказались недостаточно мощными, чтобы самостоятельно одержать победу над фашизмом. Но героическое сопротивление десятков тысяч германских коммунистов гитлеровскому режиму является одной из лучших страниц славной истории Коммунистической партии Германии. КПГ стала тем стержнем, вокруг которого объединились все прогрессивные люди Германии в священной борьбе против гитлеризма. Коммунистическая партия своей массовой героической борьбой, кровью лучших своих сынов доказала, что коммунисты выражают и защищают интересы трудящихся. В мрачные годы фашистской диктатуры коммунисты отстояли честь германского народа. Упорно добиваясь организации единого пролетарского фронта, они создали предпосылки для объединения КПГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии, осуществленного после разгрома Советским Союзом гитлеровской Германии. Борьба коммунистов за создание народного фронта заложила основы для демократического сотрудничества антифашистских партий и организаций в Германской Демократической Республике.

Опыт борьбы КПГ за создание единого пролетарского фронта и сплочение антифашистских сил обогатил все коммунистические и рабочие партии. Пример Германии показал необходимость единства действий рабочего класса в его практической борьбе против империалистической реакции и войны. Уроки героического движения Сопротивления немецких патриотов имеют актуальное политическое значение для трудящихся капиталистических стран, которым ныне угрожают агрессивные поползновения международной реакции, стремящейся к установлению открытой диктатуры монополистической буржуазии. Единство рабочего класса и сплоченность всех демократических сил являются необходимым условием для успешной борьбы против реакции.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ОБЗОР «ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ЗА 1956—1958 годы

И. Р. Лаврецкий

Выходящий в США «Испано-американский исторический журнал» («ИАИЖ») [1] был основан известными историками-латиноамериканистами Ч. Э. Чапмэном и У. С. Робертсоном. Идея издания журнала возникла в 1916 г., в период, когда правительство США, попирая международное право и национальный суверенитет латиноамериканских республик, стало на путь вооруженных интервенций против своих слабых и беззащитных соседей. Вильсон призывал журнал оказывать влияние на американское общественное мнение в нужном для правящих кругов США направлении.

Однако «ИАИЖ», первый номер которого вышел в 1918 г., успеха не имел. С окончанием мировой войны отпала, по мнению влиятельных кругов США, необходимость в издании подобного журнала. Фирмы, на деньги которых он выходил, отказали ему в дальнейшем финансировании, и в 1922 г. журнал прекратил свое существование. Выпуск его был возобновлен четыре года спустя, после того, как руководство университета Дьюка (г. Дюрхем, Северная Каролина) согласилось взять на себя расходы по изданию. Этот университет, как известно, финансируется семьей миллионеров Дьюков, контролирующих такие крупные объединения, как «Дьюк пауэр компани», «Алюминиум компани», «Лиджетт энд Мэйерс тобэйко компани», и другие, и располагающих большими капиталовложениями в Мексике и Центральной Америке. Данное обстоятельство, собственно говоря, и объясняет, почему Дьюки тратят свои доллары на издание журнала, посвященного изучению латиноамериканской истории.

До недавнего времени «ИАИЖ» был единственным в США научным журналом, посвященным проблемам Латинской Америки [2].

Он выходит ежеквартально объемом в 8—10 печатных листов и тиражом в 2 тыс. экземпляров. Согласно специальному уставу, утвержденному издателем, журнал возглавляется редакцией, подчиненной редакционному совету. За деятельностью этих органов наблюдает консультативный совет, с которым сотрудничает группа редакторов-корреспондентов. В редакционный совет входит представитель Конференции по латиноамериканской истории при Американской исторической ассоциации (1956, № 1, стр. 155).

Главным редактором журнала является в настоящее время профессор Техасского университета Люис Ганке, специалист по истории Латинской Америки. Одно время он был директором испанского фонда Библиотеки конгресса, возглавлял также Институт латиноамериканских исследований при Техасском университете. Ганке тесно связан с госу-

---

[1] «The Hispanic-American Historical Review». Published Quarterly by the Duke University Press. Vol. XXXVI—XXXVIII. 1956—1958. Durham North Carolina.

[2] С 1959 г. в Гэйнсвилле (Флорида) начал выходить «Journal of Inter-American Studies», посвященный исследованиям в области гуманитарных и социальных наук.

дарственным департаментом, по поручению которого неоднократно посещал страны Латинской Америки (1953, № 3, стр. 249).

В редакционном совете заседают и другие деятели, тесно связанные с правительственными учреждениями, такие, как Роберт С. Чемберлен, Говард Ф. Клайн из Библиотеки конгресса. В работе совета принимает участие и иезуит Джон Ф. Баннон, преподаватель католического университета в Сент-Луисе.

Члены консультативного совета назначаются пожизненно редакционным советом. Консультативный совет состоит из крупных буржуазных авторитетов в области латиноамериканистики. Характерно, что и в этой группе мы видим ряд специалистов, тесно связанных в прошлом с государственным департаментом, например, Артур П. Уитэйкер, который принимает активное участие в различных антикоммунистических сборищах, организуемых пропагандистскими ведомствами США (1956, № 4, стр. 580).

Группа редакторов-корреспондентов состояла в 1958 г. из 18 специалистов, представляющих различные научные и официальные учреждения стран Латинской Америки и Европы и избираемых по предложению главного редактора редакционным советом сроком на 5 лет. В 1958 г. в этой группе были представлены следующие латиноамериканские страны: Перу, Гаити, Аргентина, Мексика, Чили, Гондурас, Колумбия, Бразилия, Венесуэла, Куба; из европейских стран — Испания, Франция, Англия, ФРГ.

Кроме того, в делах журнала принимают активное участие руководители Конференции по латиноамериканской истории, избираемые ежегодно в составе председателя, его заместителя и казначея. Конференция объединяет почти всех буржуазных историков-латиноамериканистов США; она насчитывала в 1957 г. 239 членов (1958, № 1, стр. 177).

С журналом тесно связаны известные буржуазные историки США: специалисты по Латинской Америке Д. Ф. Риппи, К. Гэринг, Д. Дж. Манро и др., а также других стран — Д. Косио и Вильегас (Мексика), Р. Конацке (ФРГ) и т. д. Часть тиража журнала закупается Канцелярией координатора межамериканских отношений при государственном департаменте и Советом национальной обороны и распространяется бесплатно среди интеллигенции латиноамериканских стран [3].

В журнале имеется несколько постоянных отделов: статей, заметок и комментариев, рецензий, аннотаций, хроники. Время от времени в нем печатаются материалы под рубриками: обзоры (главным образом историографического порядка), библиография, документы, архивные материалы, некрологи. Каждый номер содержит 2—3 крупные статьи. Две трети места в журнале занимают рецензии и аннотации. В отдельных номерах публикуются отклики на 70—80 работ по различным областям истории стран Латинской Америки.

В отделах рецензий и аннотаций материалы размещаются в следующем порядке: обобщающие работы; доколумбийский период; колониальный период (XVI—XVIII вв.); период войны за независимость (начало XIX—1830 г.), современный период (1830 г.— по сей день). Затем следует раздел о библиографических и справочных изданиях. В таком же порядке приводятся обзоры источников и литературы.

Рецензии, публикуемые журналом, в большинстве случаев носят информационный характер, являясь, по существу, расширенными аннотациями. Журнал помещает хвалебные рецензии на работы клерикальных и церковных авторов. Большинство рецензий написано в спокойном, «академическом» тоне. Только когда речь идет о прогрессивных авторах, некоторые рецензенты теряют обычно присущую им бесстрастность.

---

[3] «Guide to the Hispanic-American Historical Review». Ed. by R. Lapham Butler. Durham North Carolina. 1950, p. XIII.

Как показывает состав руководящих органов журнала, а также содержание публикуемых в нем статей, «ИАИЖ» претендует на представительство не только большого отряда историков-латиноамериканистов США, но специалистов и других стран, представляющих различные течения буржуазной историографии от либералов до иезуитов включительно.

Журнал публикует статьи по всем разделам истории стран Латинской Америки, уделяя особое внимание истории отношений США с этими странами. Однако идеалистическое мировоззрение авторов не позволяет им вскрыть подлинные причины анализируемых явлений или событий.

Необходимо, однако, отметить, что «ИАИЖ» содержит наряду с тенденциозно подобранными материалами и некоторый полезный конкретный материал, который может быть использован нашими историками. Факты, приводимые авторами, часто опровергают их выводы. Определенный интерес представляет также библиографический раздел, информирующий о выходящих работах по латиноамериканистике как на английском и испанском, так и на других языках.

Некоторые статьи представляют интерес для исследователей. Например, М. Родригес «Дом Педро де Браганса и Колония Сакраменто, 1680—1705» и его же «Генезис экономических воззрений в районе реки Ла-Платы»; Д. М. Спелл «Гаростиса и Техас»; Дж. Р. Спелл «Историческая и социальная основа «Перикильо Сарниенто» (роман мексиканского писателя Х. Х. Фернандеса де Лисарди, 1776—1827 гг.); Дж. Р. Скоба «Беспокойный триумвират: Дерки, Митре и Уркиса» и др. В этих статьях используются новые архивные материалы, уточняются некоторые второстепенные факты. Но не они представляют основное направление журнала.

Идейное лицо журнала определяется теми статьями, в которых затрагиваются актуальные вопросы нового и новейшего периодов истории, в частности вопросы современной латиноамериканской политики США. В последнее время журнал начал заметно расширять публикацию материалов по истории латиноамериканских стран в эпоху империализма. Это связано с подъемом национально-освободительного движения и появлением в Латинской Америке, да и в США, работ, разоблачающих американский империализм[5]. Журнал, зачастую замалчивая эти работы, тем не менее, пытается в своих статьях опровергнуть некоторые из них.

Большое внимание в этом отношении «ИАИЖ» уделяет истории Мексики, Центральной Америки и Карибского бассейна, то есть той части Латинской Америки, которую США всегда считали запретной зоной для проникновения других империалистических держав и в которой американский капитал особенно бесцеремонно действует, применяя различные средства давления, вплоть до вооруженных интервенций.

Большинство авторов упомянутых статей, несмотря на маску объективности, пытаются оправдать действия правящих кругов США, американских монополий по отношению к странам Латинской Америки, используя при этом самые различные аргументы. Философия авторов

---

[5] R. Arismendi. Para un prontuario del do'lar. Montevideo. 1947 (русский перевод: Р. Арисменди. Вторжение доллара в Латинскую Америку. М. 1948); W. Z. Foster. Outline political history of the America. New York. 1951 (русский перевод: У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953); H. Olden. U. S. over Latin America. New York. 1955 (русский перевод: Г. Огден. США над Латинской Америкой. М. 1956); R. Betancourt. Venezuela, politica y petroleo. Mexico—Buenos Aires. 1956; E. Machado. Las primeras agresiones del imperialismo contra Venezuela. Mexico. 1957; P. Carnero. Checa. El Aguila rampante. El imperialismo yanqui sobre America Latina. Mexico. 1957; M. Hill. Nuestros buenos vecinos. Mexico. 1957 (русский перевод: М. Хиль. Наши добрые друзья. М. 1959); J. Fuchs. Los trust yanquis contra la Argentina. Buenos-Aires. 1958; G. Selser. El pegueno ejericito loco. Buenos-Aires. 1958, и другие.

в конечном счете сводится к утверждению, что латиноамериканская политика США всегда основывалась на «идеальных» побуждениях; если же на практике она и наносила ущерб народам Латинской Америки, то в этом были повинны различные обстоятельства, не зависящие от американских правящих кругов.

Слово «империализм» упоминается на страницах журнала только применительно к ... доколумбийскому периоду (например, один из редакторов журнала, Чарльз Гибсон, в статье, посвященной истории империи Аколуакан, говорит об «ацтекском империализме»). В действительности же основной своей задачей редакция журнала считает апологию именно американского империализма, хотя и воздерживается от упоминания этого термина.

★

Значительное внимание журнал уделяет колониальному периоду стран Латинской Америки. В историографическом обзоре Бишко, посвященном истории отношений между метрополией (Испания) и ее колониями (1956, № 1), автор перечисляет большое количество работ, появившихся на эту тему после второй мировой войны.

Бишко правильно указывает, что испано-американские отношения следует рассматривать не только в рамках политической и военной истории, не только с точки зрения биографий исторических деятелей, но также учитывая социальные, религиозные, экономические, культурные и юридические стороны этих отношений. Однако в обзоре обойден такой важный вопрос, как влияние на события в колониях прогрессивных движений в Испании. Этот вопрос, как правило, замалчивается и «испанистами» и «индихенистами». Первые прославляют испанский колониальный режим, влияние католицизма и церковного мракобесия, исходившие из метрополии, а вторые отвергают все испанское как вредоносное. Между тем передовые люди и прогрессивные, в частности антифеодальные, движения Испании оказывали значительное влияние на освободительную борьбу в Латинской Америке.

Роу в статье «Инки под господством испанских учреждений» предпринял попытку показать с позиций либеральной историографии положение инков в колониальный период и их борьбу с испанским господством. Но он не смог понять, какой же характер носила эта борьба. Автор, несомненно, сочувствует индейцам и осуждает жестокости испанского колониального режима, подробно излагает сопротивление инков испанским колонизаторам, используя новые или малоизвестные источники.

Выводы Роу характерны для историков либеральной школы прошлого столетия, осуждавших испанский колониальный режим. «Наш обзор,— пишет он,— испанских колониальных учреждений, которые непосредственно касались инков, позволяет прийти к выводу, что испанское колониальное господство означало экономическую эксплуатацию и приводило к личной деградации индейцев» (1957, № 2, стр. 190).

Апологеты испанского колониального режима неоднократно утверждали, что испанские колониальные законы сами по себе являлись гуманными и что жалобы индейцев были вызваны их несоблюдением. Такое утверждение можно сделать только на основе произвольного подбора указанных законов, отмечает Роу.

Справедливо осуждая испанский колониальный режим, Роу, однако, не в состоянии дать ему научного объяснения. Для Роу конкиста и установленный конкистадорами порядок являлись следствием испанского характера; сопротивление же индейцев объяснялось их высокими моральными качествами. Роу не видит, что само открытие Америки и ее завоевание явились следствием развития капиталистических отношений в Европе. Приход испанцев в Америку ускорил процесс разложе-

ния индейской общины. В результате в колониальном обществе стали складываться феодальные отношения.

Роу ошибочно утверждает, что движение перуанских индейцев в колониальный период было только «национальным» (там же, стр. 158), в том смысле, что его основной задачей являлось завоевание национальной независимости. Выдвигая такой тезис, автор тем самым смазывает социальное содержание этого движения, носившего характер антифеодальных выступлений широких слоев крепостного крестьянства (энкомендированных индейцев).

Взгляды Роу кажутся английскому латиноамериканисту Хэмфри, выступающему на страницах журнала, анахронизмом, достойным сожаления. Для Хэмфри испанский колониальный режим «сам собою» эволюционировал в сторону превращения колоний в некое испано-американское сообщество, наподобие современной Британской империи. Народные восстания, по мнению Хэмфри, только препятствовали этому «естественному» процессу, который был «искусственно» прерван войной за независимость 1810—1826 годов.

В своем обзоре «Историография испано-американских революций» (1956, № 1), представляющем собой один из разделов его доклада «Об истории испанской колонизации», представленного X международному конгрессу историков в Риме в 1955 г., Хэмфри безуспешно пытается доказать, что война за независимость 1810—1826 гг. будто бы была вызвана чисто внешними причинами (оккупацией Испании Наполеоном и т. п.), что она исторически не была оправдана, ибо колонии якобы и без этого — ненужного и лишнего кровопролития! — добились бы независимости.

Это старая песня апологетов колониализма. Ее сторонники обычно взваливают ответственность за нищету Латинской Америки на деятелей войны за независимость, упрекая их в том, что они поспешили с освобождением, и т. п. В действительности же в нищете и бедствиях латиноамериканских стран повинны длительная колониальная эксплуатация Латинской Америки, феодальные пережитки и империализм, захвативший ключевые позиции в экономике этого района и поддерживающий там наиболее реакционные режимы.

Хэмфри перекладывает ответственность за отсталость Латинской Америки с больной головы на здоровую — с колонизаторов и их пособников на борцов за национальное освобождение. Указывая на работы ряда созвучных ему реакционных историков, Хэмфри хвалит их «за более широкую концепцию исторического процесса и за отход от националистической и провинциальной точки зрения, которая господствовала в ранних произведениях, посвященных революционному периоду» (там же, стр. 88).

Утверждая, что освобождение Латинской Америки от испанского колониального гнета было преждевременно и что оно вызвано внешними причинами, Хэмфри пытается навести читателя на мысль, что и современная борьба против империалистического гнета «преждевременна» и якобы искусственно вызвана «внешними» факторами. «Более широкая концепция исторического развития» оказывается, таким образом, концепцией, выгораживающей старых и новых колонизаторов.

Взгляды, подобные высказываниям Хэмфри, развивает Чарльз К. Гриффин в своей историографической работе «Франсиско Энсина и ревизионизм в чилийской истории» (1957, № 1). Нельзя не согласиться с оценкой Энсины как «ревизиониста» в том смысле, что современный чилийский историк Энсина ревизует идейные установки либеральных историков прошлого столетия, которые для своего времени стояли на прогрессивных позициях. Гриффин, однако, далек от осуждения Энсины за его отход от либеральной школы. Наоборот, он упрекает чилийского историка за то, что тот недостаточно убедительно излагает свои взгляды.

В статье «Социалистический мираж в Новой Гренаде» Р. Л. Гильмор приводит интересный и до сих пор малоизвестный материал о распространении идей утопического социализма в Колумбии в 50-х годах прошлого столетия (1956, № 2) [6]. Суть вопроса заключается в следующем. В результате гражданской войны 1840—1842 гг. власть в Колумбии перешла в руки консерваторов, которые установили в стране режим клерикальной реакции. Против консерваторов выступали либералы, черпавшие свои идеи в таких разнообразных источниках, как французский романтизм, французская материалистическая философия XVIII в., манчестерская школа, английский радикализм и утопический социализм. В 1849 г. кандидат либералов генерал Лопес стал президентом республики. К этому времени партия либералов разделилась на два крыла: «дракононианцев», находившихся под влиянием идей Бенжамена Константа и других умеренных идеологов буржуазии, и «голготовцев» — радикалов, отстаивавших обычные требования буржуазной демократии. «Голготовцы» пользовались поддержкой различных демократических обществ, возникших в 1847 г., в состав которых входили рабочие, ремесленники, служащие, лавочники, чиновники и низшее духовенство.

Среди членов демократических обществ получили, особенно после революции 1848 г., широкое распространение идеи утопического социализма. В этот период в Колумбии пользовались большой популярностью произведения Фурье, Луи Блана, Прудона, Барбесса, Оуэна и других утопистов и мелкобуржуазных революционеров. Их идеи пропагандировали местные журналы. Левые либералы, в том числе Лопес, не шли дальше обычных буржуазных реформ, таких, как отделение церкви от государства и отмены рабства. Тем не менее реакция в лице консерваторов называла их коммунистами, социалистами.

Излагая факты, свидетельствующие о распространении идей утопического социализма в Колумбии, автор не вскрывает экономических причин этого явления.

Чем же объясняется распространение идей утопического социализма в Колумбии в середине прошлого века? По мнению Гильмора, это результат влияния европейской революции 1848 года. Нельзя, конечно, отрицать, что революция 1848 г. оказала известное влияние и на события в Южной Америке. Главная причина, однако, заключалась в массовом разорении колумбийских ремесленников, что явилось следствием развития капиталистических отношений в экономике страны и проникновения в Колумбию крупных иностранных компаний, которым правительство того же Лопеса оказывало всемерную поддержку.

Гильмор утверждает, что в исследуемый период в Колумбии имелись «все условия для проведения в жизнь социалистической программы». Беда, по мнению Гильмора, заключалась лишь в том, что ни одна из либеральных фракций не была в действительности социалистической, а поэтому не была заинтересована в проведении социалистических преобразований.

Между тем в Колумбии в середине прошлого столетия условий для построения социализма, конечно, не существовало и не могло существовать по той простой причине, что рабочий класс только зарождался, трудящиеся шли за буржуазией, которая пыталась укрепить свои позиции, выдавая себя за защитника обездоленных. Лопес, выражавший интересы колумбийской буржуазии и связанных с нею помещиков, отнюдь не стеснялся называть себя «социалистом». Это не мешало ему, как указывает прогрессивный колумбийский историк Антео Кимбайа, подавлять антифеодальные движения колумбийских крестьян и индей-

[6] Данные о распространении идей утопического социализма в Чили и Мексике имеются также в работах: H. Ramirez Necochea. Historia del movimiento obrero en Chile. Vol. I. Siglo XIX. Santiago, 1956; M. Gill. La Conquista del Valle del Desierto. Mexico. 1957.

цев и раздавать за бесценок огромные концессии дельцам США, в частности компании, строившей железную дорогу на Панамском перешейке[7].

Нельзя не согласиться с выводами Кимбайа, который в противоположность взглядам Гильмора, указывает, что социальная демагогия либералов, их политика предоставления концессий иностранным компаниям, с одной стороны, и отождествление консерваторами этой политики с социализмом и коммунизмом — с другой, не только не способствовали идейному размежеванию и выделению наиболее прогрессивных элементов в самостоятельные политические группировки, но, наоборот, вносили в ряды демократов большую идейную неразбериху и путаницу.

★

Наиболее отчетливо реакционная тенденция журнала прослеживается на примере статей по современной истории Мексики и стран Центральной и Карибской Америки. В «ИАИЖ» опубликованы статьи по различным аспектам мексиканской революции (1910—1917 гг.), обзор о современной мексиканской философской литературе, статьи о первых шагах рабочего движения на Кубе (1898 г.), о «дипломатии доллара» в Никарагуа (1909—1913 гг.), об индустриализации Колумбии (1931 г.), о проблеме независимости Пуэрто-Рико (1936 г.), обзор литературы о современном положении в Гватемале.

Статья Луиса Г. Кале «Роберт Лансинг и признание правительства Венустиано Каррансы» (1958, № 3) преследует цель оправдать политику вмешательства США в дела Мексики в период революции 1910—1917 гг., хотя приводимые самим же автором факты свидетельствуют как раз об обратном. Так, Кале приводит данные об экспансионистской политике США в Мексике, о серьезном давлении, которое США оказывали на правительство Каррансы. Президент Вильсон угрожал Каррансе, что США признают его только в том случае, если он будет соблюдать внешние обязательства прошлых правительств Мексики, проявит особую предупредительность по отношению к иностранным компаниям и к контрреволюционной оппозиции, иначе говоря, если Карранса согласится на компромисс с империалистами и внутренней контрреволюцией.

Вместе с тем Кале умалчивает о наиболее известных фактах американской агрессии против Мексики, в частности о вторжении армии Першинга в Мексику в 1916 г. при деятельном участии того же Лансинга, о снабжении контрреволюционных группировок американским оружием, о травле правительства Каррансы в американской печати. Но даже Кале вынужден признать, что проводившаяся правительством США по отношению к революционной Мексике политика непризнания являлась не чем иным, как орудием давления и шантажа. Этот прием безрезультатно применялся США не только по отношению к Мексике, но и по отношению к молодой Советской республике.

Для характеристики взглядов американских буржуазных ученых на современную историю Мексики значительный интерес представляет статья проф. Эллиса «Церковно-государственный конфликт в Мексике и Дуайт Морроу» (1958 , № 4). Автор с восторгом пишет о деятельности партнера Моргана Дуайта Морроу на посту посла США в Мексике в 1927—1930 годах. Эллис извращает роль американского посла в событиях того времени и представляет его чуть ли не бескорыстным миротворцем. Морроу, указывает автор, был убежден, что решение внутренних и внешних проблем Мексики зависело от прекращения спора между католической церковью и государством, обострившегося в июле 1926 г.,

[7] Anteo Quimbaya. Cuestiones Colombianas. Bogota. 1958, p. 239—240.

когда церковная иерархия, отказываясь подчиняться светскому законодательству, демонстративно прекратила богослужения, а клерикалы взяли курс на вооруженное восстание. Церковная иерархия рассчитывала при этом на поддержку внутренней реакции и американских монополий, и эту поддержку она получила. Однако антиправительственные вооруженные действия «кристеросов» (так называли себя клерикальные мятежники) не встретили поддержки масс и фактически провалились.

Приписывая Морроу всевозможные добродетели, Эллис при описании его деятельности все же не может скрыть фактов и деталей, наглядно свидетельствующих о прямом и грубом вмешательстве правительства США и его дипломатических представителей во внутренние дела Мексики. Морроу получил карт-бланш от президента США Кулиджа и государственного секретаря Келлога с тем, чтобы влиять на Кальеса, как выражается автор, в «нужном направлении» (там же, стр. 485). Затем Морроу связался в Вашингтоне с прелатом Джоном Бурком, доверенным лицом Ватикана и мексиканской церковной иерархии, и организовал встречу Бурка с Кальесом. Вслед за этим последовали другие встречи между Кальесом и представителями Ватикана при непосредственном участии Морроу. Переговоры проводились в строгой тайне, ибо их участники опасались реакции прогрессивной общественности страны, которая могла бы не допустить Кальеса к капитуляции перед фактически разгромленным клерикальным подпольем. Представители последнего прибывали в столицу в машинах посольства США, скрывались на квартирах дипломатических работников; код американского посольства использовался ими для сношений с Ватиканом.

После 18 месяцев давления на Кальеса Морроу наконец удалось добиться желаемых результатов; мексиканское правительство пошло на значительные уступки церкви, и клерикальное подполье было легализовано.

В том же номере «ИАИЖ» помещена статья проф. Станлея Роберта Росса, посвященная общей оценке дипломатической деятельности Морроу в Мексике,— «Дуайт Морроу и мексиканская революция». Росс задался целью опровергнуть установившуюся даже в буржуазной историографии США точку зрения на деятельность Морроу, согласно которой Морроу являлся «тормозом мексиканской революции». В частности, цитируемый Россом историк Паркс указывает, что Морроу сыграл важную роль в «превращении кальистской правительственной машины из инструмента реформы в инструмент реакции» (там же, стр. 507).

Морроу, уверяет Росс, желал, чтобы Мексика превратилась в самый кратчайший срок в «довольного, мирного и преуспевающего соседа». Для этого следовало, считал Морроу, мексиканскому правительству отказаться от национализации земли без выкупа и не посягать на интересы нефтяных монополий. С этой целью Морроу предлагал изменить мексиканскую конституцию 1917 г., провозглашавшую недра земли собственностью нации. Таков был этот защитник интересов американских монополий и внутренней реакции, которого Росс пытается представить «благодетелем» мексиканского народа.

Идеологи и защитники империализма США большое значение придают вопросам идейной борьбы с прогрессивным лагерем. В этой борьбе они отводят немаловажную роль экзистенциализму, который лежит в основе так называемой панамериканской философии, проповедуемой в послевоенные годы в США.

Проф. Дж. А. Фелан в своем обзоре «Мексика и сущность мексиканца», посвященном выходящей в Мексике под этим названием серии книг модных экзистенциалистов, делает вывод, что экзистенциализм является не «экзотическим философским положением, примененным к

современной Мексике», а инстинктивным восприятием жизни, типичным не только для мексиканцев, но и для всех народов испанского происхождения (1956, № 3, стр. 312).

Как отмечает прогрессивный мексиканский философ Эли де Гортарн, созданный экзистенциалистами образ мексиканца «по своему содержанию в точности соответствует тем чертам, которые империалисты приписывают жителям колониальных стран, пытаясь тем самым оправдать их угнетение» [8]. Рисуя мексиканца лишенным чувства собственного достоинства, робким, скрытным, сентиментальным, вспыльчивым и в то же время апатичным, склонным к фатализму, суеверным, экзистенциалисты и их американские покровители пытаются внушить мексиканской интеллигенции и трудящимся идею бессилия перед империализмом США. Однако вся современная история Мексики, история ее революции 1910—1917 гг., история борьбы за национализацию нефти, за аграрную реформу опровергают измышления Фелана и показывают, что мексиканский народ одерживал неоднократные победы в своей национально-освободительной борьбе.

Фелан утверждает, что мексиканская интеллигенция боится индустриального роста, ибо считает, что он привел бы народ к духовному обнищанию. Если поверить Фелану, то мексиканцы желают, чтобы их страна оставалась сырьевым придатком США. Фелан отождествляет группу оторванных от народа экзистенциалистов со всей интеллигенцией, которая на самом деле опасается не индустриализации страны, благодаря которой она сама выросла и превратилась во влиятельную духовную силу, а империализма, который, закабаляя Мексику экономически, пытается опустошить ее и духовно.

Определенная направленность видна и в рецензиях, посвященных книгам о Мексике. Возьмем, например, рецензию Д. М. Фелпса на книгу Дж. Р. Поуэлла «Мексиканская нефтяная промышленность (1938—1950)» (1956, № 4). Фелпс излагает взгляды Поуэлла на экспроприацию Мексикой нефтяной промышленности в 1938 году. По словам Фелпса, Поуэлл считает, что экспроприация не принесла экономических выгод стране, что, экспроприируя нефть, правительство генерала Карденаса якобы преследовало не столько экономические, сколько политические и социальные (?) цели. Фелпс, выражая согласие с точкой зрения Поуэлла, умалчивает, однако, что Поуэлл сам себе противоречит. «Общепризнано,— пишет Поуэлл,— что нефтяные компании представляли собой один из наиболее типичных примеров иностранной экономической мощи и что они вторглись в страну с единственной целью обогатиться и убраться затем восвояси» [9]. Нефтяные монополии в Мексике эксплуатировали не только национальные богатства страны, но и все население Мексики, отмечает Поуэлл [10]. Можно ли после этого утверждать, что для экспроприации нефтяных монополий не было экономических оснований? После экспроприации нефтяных монополий и проведения частичной земельной реформы Мексика смогла успешно продвинуться по пути экономического развития.

Столь же тенденциозны статьи журнала, относящиеся к современной истории стран Центральной Америки и Карибского бассейна.

Например, проф. Аппель в своей статье «Образование профсоюза рабочих сигарной промышленности во Флориде накануне войны с Испанией» стремится убедить читателя, что Самюэль Гомперс, лидер АФТ, возглавлявший этот профсоюз, был сторонником кубинской независи-

---

[8] Э. де Гортарн. Современные течения философии в Мексике. «Вопросы философии», 1957, № 2, стр. 97.

[9] J. R. Powell. The Mexican petroleum industry. Berkley — Los-Angelos. 1956, p. 26.

[10] Там же, стр. 108.

мости (1956, № 1). В действительности же Гомперс не только не протестовал против оккупации Кубы американскими войсками в 1898 г., но всячески одобрял действия оккупантов. Сам Аппель вынужден признать, что имелся предварительно разработанный план подчинить кубинских трудящихся после достижения независимости влиянию АФТ, то есть Гомперсу и его компании. Гомперс добивался этого с целью превратить кубинское рабочее движение в послушное орудие американских оккупантов Кубы [11].

Статья проф. Дэйна Г. Манро, директора Школы общественных и международных отношений имени Вудро Вильсона при Принстонском университете, «Дипломатия доллара в Никарагуа, 1909—1913 гг.» (1958, № 2) является неприкрытой апологией действий американского империализма в Центральной Америке.

После войны с Испанией в 1898 г. правящие круги США, добиваясь порабощения стран Карибского бассейна, стали практиковать вооруженные интервенции в этом районе. Вооруженные интервенции вызывали у народов Латинской Америки чувство глубокого возмущения и ненависти к захватчикам. Манро все это хорошо известно, но он утверждает, что враждебное отношение к американским интервентам было вызвано «непониманием» действительных целей, преследуемых США в этом районе. Особенно, утверждает он, это верно по отношению к так называемой «дипломатии доллара» правительства Тафта (1909—1913 гг.). «Все еще довольно широко распространено мнение, что «дипломатия доллара» обозначала посылку военных моряков в карибские страны для сбора долгов и поддержки банкиров и охотников за концессиями в их нечистых махинациях» (там же, стр. 209). Манро не согласен с этим, он утверждает, что большинство историков (конечно, из числа одинаково мыслящих с Манро) пришло к выводу, что вооруженные интервенции преследовали в основном «политические задачи». Под этим термином подразумеваются пресловутые стратегические интересы США в Карибском районе. Согласно этому тезису, США должны контролировать положение в Карибском районе, ибо того требуют интересы их безопасности, которой якобы угрожает отсутствие политической стабильности в республиках Центральной Америки и Карибского бассейна. Манро утверждает, что наведение «порядка» американскими войсками в «беспокойных» республиках было не только в интересах США, но и местного населения, что «дипломатия доллара» — это не империалистическая, а всего лишь «стратегическая дипломатия». Таковы тезисы Манро, которые он пытается доказать с помощью анализа вооруженной интервенции США в Никарагуа в 1909—1913 годах.

Защита «политических» интересов США в Никарагуа началась с того, что правительство Тафта потребовало от Никарагуа отдать под контроль США таможню этой страны. Стремясь оправдать действия американских властей, Манро говорит, что США надеялись навести порядок в никарагуанской таможне, которая являлась основным источником доходов никарагуанского правительства, и тем самым сделать никарагуанское правительство более сильным и устойчивым.

Когда президент Никарагуа Селайя отказался отдать таможню под контроль США, последние организовали против него восстание при помощи своих агентов — генерала Эстрады, лидера консервативной партии Чаморро и Адольфо Диаса, бухгалтера действовавшей в Никарагуа американской компании «La Luz and Los Angelos Mining Company». Манро признает, что эти авантюристы финансировались американскими компаниями, но тут же оговаривается: «Имеющиеся доказательства дают мало (?) оснований утверждать, что правительство США

[11] Более подробно о политике АФТ по отношению к войне 1898 г. см. Ф. Фонер. История рабочего движения в США. Т. II. М. 1958, стр. 423—439.

инспирировало революцию (против Селайи), хотя ясно, что американский консул в никарагуанском городе Блюфильде Томас П. Моффат оказывал ей с самого начала энергичную личную поддержку». Манро фальсифицирует историю, пытаясь представить правящие круги США непричастными к деятельности своих агентов в Никарагуа.

Восстание против Селайи вспыхнуло в октябре 1909 г., а еще с апреля 1908 г. атлантическое побережье Никарагуа блокировал военный флот США в составе 4 крейсеров и нескольких вспомогательных судов. Государственный секретарь США Нокс был непосредственно заинтересован в интервенции против Никарагуа. Он являлся юрисконсультом семьи миллиардеров Флечеров, которая по «совпадению» владела горнорудными предприятиями в Никарагуа, в том числе упомянутой выше компанией, где Диас служил бухгалтером [12]. Нокс открыто защищал интересы Флечеров. Мятежникам с самого начала оказывали содействие две американские военные канонерки, а также американские военные специалисты. Двое из них были пойманы на месте преступления при попытке взорвать никарагуанское судно и после суда расстреляны. Что касается Моффата, то он отнюдь не считал, что действовал в противоречии с политикой государственного департамента или что эта политика не соответствовала интересам американских капиталистов. Впоследствии Моффат признавался: «Я убежден, что мы покрыли свои руки грязью, приложив их к капиталистической дипломатии. Большинство честных никарагуанцев относятся к нам с презрением и недоверием» [13].

Когда агент американцев Эстрада захватил столицу, то, как признает Манро, государственный департамент заставил его принять «помощь» в виде 5% займа в 12 млн. долларов. В действительности из этого займа Эстрада ничего не получил, так как заем был передан в государственный банк Никарагуа, руководство которым перешло в руки американских капиталистов. В качестве гарантии займа были заложены тем же американцам доходы таможни, которая также перешла в ведение США. В 1912 г. американские монополии навязали Никарагуа через банкирскую фирму «Броун бразерс энд Селигмен» новую «помощь» — заем в 755 тыс. долл. и в качестве «гарантии» на этот раз забрали под свой контроль железные дороги страны.

Грабительские действия американских интервентов вызвали единодушное возмущение никарагуанского народа. В июле 1912 г. в стране началось восстание против Диаса — ставленника американских бизнесменов. Восставшие заняли никарагуанские учреждения, находившиеся в руках американцев, в частности банк Никарагуа. В ответ правительство США высадило в Никарагуа своих военных моряков для усмирения восставших. Манро оправдывает интервенцию тем, что она была сделана по просьбе марионетки Диаса. Подобный аргумент смехотворен. Если бы США не готовили интервенцию, то зачем они держали вооруженный десант у берегов Никарагуа? Вот как в действительности обстояло дело: «Американский директор банка Никарагуа мистер Банди Коул телеграфировал Джону Броуну из нью-йоркской фирмы «Броун бразерс энд компани» с просьбой оказать помощь. «Броун бразерс энд компани» ответила, что государственный департамент приказал майору Батлеру в Панаме направиться со своим отрядом моряков в Никарагуа. 15 августа майор Батлер высадился с 412 моряками и поместил половину из них в банке Никарагуа» [14]. Вслед за отрядом Батлера последовали и другие войска США, которые, подавив восстание, оккупировали страну вплоть до 1925 года.

---

[12] См. J. Arevalo. Fabula del tiburón y las sardinas. América Estrungulada. Mexico. 1956, p. 50.

[13] См. M. Soto Hall. Nicaragua y el Imperialismo Norteamericano. Buenos-Aires. 1928, p. 159.

[14] S. Nearnig and Y. Freemann. La diplomacia del dolar. Mexico. 1927, p. 191.

Манро в своей статье даже не упоминает имени майора Батлера, который, участвуя во многих вооруженных интервенциях в Карибском районе, дослужился до генеральского чина и в 30-х годах вышел в отставку. Незадолго до своей смерти он признал: «Я знаю, что многие из этих интервенций были не чем иным, как поездками за сбором преступных долгов для уолл-стритовских банкиров» [15].

Следует отметить, что статья Манро появилась в «ИАИЖ» неспроста. Империалистический характер политики США в Никарагуа настолько очевиден, что это признают даже некоторые буржуазные исследователи, например Джозеф Байлен в своем сообщении «Американская интервенция в Никарагуа 1909—1933 гг.», представленном в 1953 г. Конференции латиноамериканских историков США. Сообщение Байлена было встречено с негодованием, во-первых, официальным представителем государственного департамента Айрин М. Райт, а вслед за нею и представителями официальной исторической школы в лице того же Манро и Уитэйкера, которые в своих выступлениях повторяли излюбленные работниками государственного департамента рассуждения о «цивилизаторской роли США в Латинской Америке», о «мировой ответственности американского правительства» и тому подобное. Сообщение Байлена в «ИАИЖ» опубликовано не было. Насколько нам известно, оно не увидело свет и в других журналах США. Зато «ИАИЖ» поместил ряд статей, опровергающих доклад Байлена. Одной из таких статей и является работа Манро, которую мы только что рассмотрели.

Манро довольно часто выступает на страницах рецензируемого журнала с апологией действий правительства США в странах Латинской Америки. В 1957 г. он в рецензии на сборник документов об американских оккупационных войсках в Гаити (1915—1934 гг.) писал: «Наши интервенции в Карибском районе нанесли нам большой вред, но они принесли много пользы некоторым из стран, которые мы оккупировали» (1957, № 3, стр. 510). Вот уж воистину «бедные империалисты»: грабя и насилуя других, они вредят себе и приносят пользу своим жертвам! Что касается Гаити, то польза здесь, по мнению Манро, заключается в том, что американцы создали в этой стране «действенную полицейскую силу, превратив ее в инструмент социального и экономического прогресса» (там же, стр. 510—511). Полицейская дубинка в качестве инструмента социального и экономического прогресса — вот что сулят Латинской Америке некоторые историки на страницах «ИАИЖ».

Д. С. Бернхарт в статье «Колумбийский транспорт и реформы 1931 г. Их оценка» пытается убедить читателя в том, что компенсация за захват Панамы в размере 25 млн. долл., которая выплачивалась США колумбийскому правительству с 1921 г. годовыми квотами в размере 5 млн. долл., чуть ли не была главным финансовым стимулом экономического развития этой страны. Бернхарт пишет: «Перспектива получения крупной компенсации за потерю Панамы убыстряла пульс Колумбии и поощряла новые мечты национального возрождения» (1958, № 1, стр. 2).

Таким образом, получается, что США, захватив Панаму и лишив тем самым Колумбию ценной территории, которая могла бы стать источником крупных доходов, не только не нанесли Колумбии ущерба, но даже способствовали ее национальному возрождению! Вот как на страницах «ИАИЖ» некоторые историки превращают черное в белое [16].

В статье «Независимость отвергнута: Пуэрто-Рико и проект закона Тайдингса от 1936 г.» Ф. О. Гатель отстаивает тезис, согласно которому отсутствие независимости у Пуэрто-Рико якобы является основным фактором, способствующим благосостоянию этого острова. Оккупация Пуэр-

---

[15] G. Nerval. Autopsy of the Monroe doctrine. New York. 1934, p. 239.

[16] О захвате Панамской территории США более подробно см. С. А. Гонионский. История панамских «революций». М. 1958.

то-Рико войсками США в результате испано-американской войны 1898 г. доказала, утверждает Гатель, не только могущество США, но их «идеализм и благородство».

Пуэрториканский народ имел возможность убедиться на своем опыте в «благородстве» действий США. С оккупацией острова все естественные богатства Пуэрто-Рико за бесценок перешли в руки американских монополий. Вплоть до 1934 г. Пуэрто-Рико находился в ведении военного министерства США, население острова было лишено каких-либо прав самоуправления, даже тех, которыми оно пользовалось при испанцах. Только в результате мощного национально-освободительного движения, охватившего остров в 30-х годах, управление им перешло от военного министерства к министерству внутренних дел США. Но такая «уступка» не удовлетворила пуэрториканцев, которые продолжали требовать независимости.

Американские власти жестоко подавляли патриотические движения на острове. В условиях нарастающей здесь борьбы за независимость в Вашингтоне был внесен в сенат сенатором Тайдингсом проект закона о предоставлении Пуэрто-Рико независимости. Проект предусматривал проведение плебисцита и, в случае одобрения населением независимости, 4-летний подготовительный период, во время которого на ввоз в США продуктов из Пуэрто-Рико был бы наложен запрет.

Закон Тайдингса, уточняет Гатель, обозначал, что пуэрториканцы в случае отказа от независимости имели бы возможность как-то существовать за счет торговли с США, но если бы они предпочли независимость, то США довели бы их до голодной смерти (1958, № 1, стр. 44). Признавая, что проект Тайдингса был использован американскими правящими кругами для давления на общественное мнение острова, Гатель, тем не менее, утаивает, что против проекта выступала не только пуэрториканская буржуазия, но и американские монополии, контролирующие экономику Пуэрто-Рико.

Под давлением этих кругов проект Тайдингса был похоронен в сенате. Американские империалисты пошли на уступки местной буржуазии, в результате которых острову было предоставлено ограниченное самоуправление под высокопарным названием статуса «присоединившегося (к США) свободного государства». В течение последних 19 лет местная администрация острова возглавляется национально-демократической партией во главе с Луис Муньос Марином, сотрудничающей с американскими монополиями и властями [17].

Когда Гатель пишет, что пуэрториканская проблема решена, он искажает действительность. Вот что пишет по этому поводу генеральный секретарь Пуэрториканской компартии Рамон Мирабаль: «Антиколониальные настроения пуэрториканского народа проявляются во всех областях его жизни» [18].

Не менее характерно для журнала отношение к свержению демократического правительства Арбенса в результате открытой интервенции США в Гватемале. Об этом можно судить по статье Х. А. Рей из Тулейнского университета «Революция и освобождение, обзор новой литературы о положении в Гватемале» (1958, № 2).

Рей не щадит усилий, чтобы принизить научное значение работ, разоблачающих агрессию американского империализма против Гватемалы. Так, например, он пытается опорочить книгу бывшего президента Гватемалы Аревало «Демократия и империя», осуждающую агрессивные действия американских империалистов против этой республики. Тем не менее Рей признает, что, по мнению большинства авторов, США предприняли

---

[17] Более подробно о национально-освободительной борьбе. Пуэрто-Рико см. C. Padilla Pérez. Puerto Rico al rescate de su soberania. Buenos-Aires. 1958.

[18] «Notocias de Hoy». Habana, 13 марта 1959 года.

агрессию против Гватемалы. Рей пишет: «Факт интервенции США в дела Гватемалы в большей или меньшей степени признается всеми сторонниками революции и многими представителями освобожденческой школы. Первые считают, что последствия этой интервенции имели катастрофический эффект для престижа США среди стран Латинской Америки, а вторые по этому поводу сохраняют компрометирующее их молчание» (там же, стр. 254).

В рецензии Р. Паддена на книгу «Битва за Гватемалу» Г. Ториэльо [19], бывшего министра иностранных дел этой страны (1956, № 2, стр. 297), принижено значение этой работы. Ториэльо в ней доказывает, что свержение правительства Арбенса было организовано государственным департаментом совместно с дельцами из «Юнайтед фрут компани». Для Паддена это «абсурдно простецкое» объяснение событий, происшедших в Гватемале в 1954 году. Падден утверждает, что обвинения Ториэльо, дескать, проистекают всего лишь из его собственных взглядов и опираются на его собственные источники информации. Но разве свидетельство министра иностранных дел, располагающего большим количеством документальных источников, не является надежным свидетельством? Ведь кроме рассказа о событиях, участником которых он сам являлся, Ториэльо цитирует много материалов, причем ряд из них он приводит полностью в своей книге.

Журнал проявляет большой интерес к различного рода буржуазным и мелкобуржуазным движениям в странах Латинской Америки, выступающим зачастую с демагогическими псевдореволюционными программами. В журнале опубликованы статьи, посвященные перонизму, апризму, тениентизму. Эти движения буржуазная социология трактует как выступления «средних слоев» общества. Однако в действительности они выражают интересы различных группировок национальной буржуазии.

Обзор Роберта Дж. Александера посвящен историографии бразильского тениентизма (1956, № 2). Александер известен своими сочинениями, извращающими историю рабочего движения в Латинской Америке. Он на деньги АФТ вел «исследовательскую» работу в различных странах Латинской Америки, устанавливая контакты с ренегатскими и оппортунистическими элементами, исключенными из коммунистических партий. Записи бесед с этими ренегатами служат главным источником для «трудов» Александера.

Тениентизм [20] — революционное мелкобуржуазное движение, возникшее в начале 20-х годов в бразильской армии, оказало большое влияние на политические события 20-х и 30-х годов в этой стране. Из рядов этого движения вышел Луис Карлос Престес и ряд других преданных делу рабочего класса деятелей. Александер пытается всячески принизить значение и дискредитировать деятельность этих людей и возвеличить тех тениентинистов, которые перешли на службу реакции, предав прогрессивные идеалы тениентизма. Александер не вскрывает социальных корней тениентизма и причин его разложения. Он затушевывает антиимпериалистическую направленность этого движения. Александер отожествляет тениентизм с апризмом [21], перуанским буржуазным движением, идеолог которого Айя де ля Торре давно уже выступает в поддержку американского империализма, проповедуя войну против коммунизма.

Обзор материалов «ИАИЖ» показывает, что официальная латиноамериканистика в США фальсифицирует и извращает историческую правду в угоду империализму.

---

[19] См. Г. Ториэльо. Битва за Гватемалу. М. 1956.

[20] От португальского «tenente» — лейтенант.

[21] От APRA (АПРА) — сокращенное название партии Alianza Popular Revolucionaria Americana.

СООБЩЕНИЯ

БОРЬБА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БАЗЫ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1942 гг.)

А. Ф. Васильев

За последнее время советские ученые проделали значительную работу по изучению истории Великой Отечественной войны. Большое внимание они уделили исследованию вопроса о перестройке промышленности для обеспечения обороны страны. В общем плане освещалась в связи с этим и проблема укрепления энергетической базы, что являлось одной из главных задач военной перестройки экономики [1]. Однако до сих пор не изучено, как разрешалась данная проблема в важнейших промышленных районах страны, не исследована на конкретном историческом материале деятельность Коммунистической партии и в особенности местных партийных организаций в этой области. Исключение составляет недавно вышедшая в свет работа Г. И. Дедова, которая освещает борьбу за подъем угледобычи в Кизеловском бассейне в 1941—1945 годах [2].

Настоящее сообщение, не претендуя на исчерпывающее освещение темы, имеет целью показать на примере Урала, какими путями партия добивалась в начале Великой Отечественной войны обеспечения энергетического снабжения предприятий.

★

Вопросам укрепления и расширения энергетической базы Коммунистическая партия постоянно уделяла и уделяет огромное внимание. Известно, что В. И. Ленин придавал этому исключительное значение. Определяя главные линии экономического подъема России после победы Великой Октябрьской социалистической революции, Владимир Ильич предлагал обратить особое внимание на электрификацию всех отраслей народного хозяйства [3].

По инициативе В. И. Ленина в нашей стране уже в конце 1917 г. началось сооружение электростанций. Оно не прекращалось даже в тяжелую пору гражданской войны и иностранной интервенции. С целью

---

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М. 1956; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткий очерк. М. 1959; Ж. Калымбетов. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности (1941—1945 гг.). Ташкент. 1958; Г. Г. Морехина. Из истории перестройки промышленности Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). Журнал «Вопросы истории», 1958, № 12; И. П. Савельев. Рабочий класс Башкирии в борьбе за победу над врагом в Великой Отечественной войне (диссертация). М. 1956; А. Г. Карманов. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор патриотического движения рабочего класса в годы Великой Отечественной войны (на примере Челябинской области) (диссертация). М. 1955, и др.

[2] Г. И. Дедов Кизеловский угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Пермь. 1959.

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т 27, стр. 288.

расширения и укрепления энергетической базы был разработан первый народнохозяйственный план Советской власти — план ГОЭЛРО, который В. И. Ленин назвал второй программой нашей партии. Много сил и средств вложил советский народ в развитие энергетики в период довоенных пятилеток.

Постоянная забота партии и правительства об электрификации страны объясняется тем, что в создании материально-технической базы коммунизма энергетике принадлежит важнейшая роль. Можно построить и оснастить по последнему слову техники гигантские заводы, создать самые совершенные машины, и все-таки они будут мертвы, если не будут иметь соответствующую энергетическую базу. Советский народ под руководством Коммунистической партии прилагал огромные усилия к тому, чтобы на всех этапах социалистического строительства обеспечить этой отрасли хозяйства опережающие темпы развития. Всему миру известен поистине грандиозный размах работ, развернувшихся в нашей стране в последние годы по сооружению теплоэлектроцентралей, величайших на земном шаре гидростанций, по освоению новых, дешевых видов топлива и прежде всего природного газа.

Серьезное внимание проблеме энергетики уделялось и в годы Великой Отечественной войны. Временное отступление советских войск лишило нашу страну важнейших индустриальных центров. На территории, оккупированной противником, к началу войны производилось 58% всей выплавки стали, 63% добычи угля, 68% выплавки чугуна, 60% производства алюминия[4]. В создавшейся исключительно сложной обстановке главная тяжесть по обеспечению фронта боевой техникой и боеприпасами легла на восточные районы страны. Благодаря мудрой и дальновидной политике Коммунистической партии в предвоенные годы здесь была создана вторая угольно-металлургическая база, что позволило труженикам этих районов с честью решить те первостепенной важности задачи, которые встали перед ними в период Великой Отечественной войны.

Главную, ведущую роль в руководстве всем делом обеспечения промышленных предприятий топливом и электроэнергией в годы войны сыграли партийные организации. Условия военного времени нередко вынуждали партийные органы брать на себя функции непосредственного управления хозяйством. Военная обстановка зачастую требовала безотлагательного решения на месте важнейших хозяйственных и производственных вопросов.

Партия вместе с тем принимала все меры к тому, чтобы повысить ответственность и активизировать деятельность советских, профсоюзных и других организаций в мобилизации масс на перестройку экономики страны применительно к нуждам фронта. Ее усилия в этом направлении увенчались успехом. Советы, хозяйственные органы, профсоюзы, комсомол много сделали по налаживанию и подъему производства боевой техники и снаряжения для Советской Армии.

Энергетический баланс Урала и в мирное время был напряженным. Когда же сюда прибыло и разместилось несколько сот предприятий, положение еще более осложнилось. Например, все энергоустановки Стерлитамака в конце 1941 г. вырабатывали лишь одну десятую часть электроэнергии, которая требовалась для нормальной работы заводов, эвакуированных в этот город[5]. Суммарная мощность трех электростанций Уфимского энергокомбината составляла в 1941 г. 37 тыс. квт, что в общем покрывало промышленные и бытовые потребности города в энергии. Однако восстановление эвакуированных предприятий уже в фев-

---

[4] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Госполитиздат. 1948, стр. 42.

[5] Башкирский областной партийный архив (БОПА), ф. 122, оп. 22, д. 26, л 25.

рале 1942 г. потребовало увеличения общей мощности электростанций по меньшей мере в полтора раза [6]. Строительство новых предприятий и ввод в строй эвакуированного оборудования в Челябинской области повысили потребность в электроэнергии к концу 1942 г. на 58% по сравнению с соответствующим периодом 1941 года [7].

Из-за недостатка электроэнергии в первую военную зиму многие предприятия Урала вынуждены были работать с неполной нагрузкой. Так, Белорецкий сталепроволочный завод с 20 декабря 1941 г. по 25 июля 1942 г. систематически недополучал свыше четверти потребной ему электроэнергии [8]. Из-за частых отключений от энергосети Челябинский абразивный завод только в декабре 1941 г. недодал 1 100 тонн корунда [9]. Эвакуированные в Чкаловскую область предприятия после восстановления работали в конце 1941 г. всего по 14—16 часов в сутки из-за недостатка электроэнергии [10]. Дефицит ее иногда бывал столь острым, что электростанциям приходилось отключать даже угольные шахты, поставлявшие им топливо. Так, с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. шахты треста «Коркинуголь» отключались 83 раза. Хотя отключения производились на непродолжительное время, в среднем на полчаса, это все равно являлось для горняков серьезной помехой [11].

Чтобы обеспечить предприятиям хотя бы минимум потребной им энергии, советские и партийные органы Урала прежде всего занялись улучшением работы электростанций. Этого требовала директива Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 июня 1941 г., где были намечены главные линии перестройки экономики страны применительно к нуждам военного времени.

Свердловский обком ВКП(б) 13 августа принял специальное решение об улучшении работы электростанций [12]. Аналогичное решение принял 18 сентября 1941 г. Уфимский горком партии. Вскрыв серьезные недостатки на энергокомбинате, горком обязал его руководителей в короткий срок устранить эти недостатки и поднять выработку электроэнергии [13]. В апреле 1942 г. Челябинский обком ВКП(б) принял меры к улучшению работы электростанции Златоустовского металлургического завода [14].

Одним из главных путей решения этой задачи являлась борьба за полную загрузку имевшихся энергетических мощностей. Так, Пермский обком ВКП(б), учитывая новые требования, вызванные войной, уже 17 июля 1941 г. принял решение о вводе в эксплуатацию мощностей, которые ранее не использовались на электростанциях области [15].

Уральские коммунисты, заботясь об улучшении работы электростанций, мобилизовали трудящихся на борьбу за изыскание и использование внутренних резервов электропромышленности, что помогало быстрее поставить на службу фронту экономику края.

Челябинский горком ВКП(б) и партийная организация Челябинской ГРЭС совместно с администрацией в самом начале войны провели конференцию обслуживающего персонала, на которой были обсуждены вопросы увеличения выработки электроэнергии [16]. Выполняя решения конференции, коллектив станции реконструировал один из котлов,

---

[6] Там же, лл. 1—2

[7] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 1, д. 2398, л. 106.

[8] Там же, д. 180, л. 35.

[9] Челябинский областной партийный архив (ЧОПА), ф. 288, оп. 3, д. 462, л. 550.

[10] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3711, лл. 233—234.

[11] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 462, л. 550.

[12] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 2263, лл. 24—25.

[13] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 6, л. 284.

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2404, л. 196.

[15] Там же, оп. 22, д. 1716, л. 191

[16] Газета «Челябинский рабочий», 9 октября 1941 года.

что увеличило его мощность почти в два раза. Кроме того, испытания выявили возможность дополнительной загрузки двух других котлов. Эти мероприятия ликвидировали имевшийся разрыв между мощностями котельного и турбинного цехов. Наряду с улучшением использования котельного хозяйства была увеличена загрузка паротурбин, что в общей сложности значительно повысило энергоотдачу Челябинской ГРЭС. За первые десять месяцев войны она дала электроэнергии на 106 млн. квтч больше, чем за соответствующий период 1940—1941 годов [17]. Коллектив ЧГРЭС досрочно — к 18 декабря — выполнил государственный план 1942 года [18].

Особое внимание партийные организации уделяли ремонту энергоустановок. Остановка агрегатов на электростанциях неизбежно влекла за собой простои оборудования на предприятиях, производивших для фронта боевую технику. О значении, которое придавали парторганизации этому вопросу, говорит хотя бы такой факт. 22 декабря 1942 г. бюро Пермского обкома ВКП(б) для обеспечения на местах выполнения графика ремонта оборудования направило на электростанции до 1 февраля 1943 г. несколько бригад ответственных партийных и советских работников. В их число входили секретари обкома С. Д. Зайцев, А. К. Бессарабенко, И. В. Страхов, А. А. Давыдов [19].

Коммунисты прилагали все усилия к тому, чтобы произвести ремонт энергоустановок в предельно сжатые сроки. Осенью 1941 г. пришло время для очередного ремонта агрегатов Центральной электростанции Магнитогорского комбината. Партийная организация всесторонне обсудила этот вопрос на одном из своих собраний. Наметив план действий, собрание обязало коммунистов мобилизовать весь коллектив на скорейшее окончание ремонта. Члены партии личным примером увлекали за собой остальных рабочих. Особенно отличились коммунисты Я. Я. Яковлев и Я. М. Молодык. Образцы большевистского отношения к труду показали беспартийные К. И. Сдобнов, И. М. Шаров, Г. С. Нефелов и др. Благодаря самоотверженному труду ремонтных бригад агрегаты вступили в строй на пять дней раньше срока [20].

Согласно правилам технической эксплуатации, электростанции должны были ежегодно становиться на так называемую ревизию оборудования. Для чкаловской электростанции «Красный маяк» Наркомат установил срок ревизии осенью 1941 г. в тридцать суток. Горком партии провел среди рабочих, инженеров и техников электростанции серьезную разъяснительную работу. Труженики электростанции обязались закончить ревизию и ремонт оборудования за полмесяца. Однако и этот сжатый срок коллектив на деле еще больше сократил: задание было выполнено за двенадцать суток [21].

Таким образом, сочетая организаторскую деятельность с политической пропагандой и агитацией, Коммунистическая партия вела за собой массы на решение грандиозных задач, вставших перед советским народом в годы Великой Отечественной войны.

Коммунисты стремились не только сократить сроки ремонта, но и избежать связанного с ним простоя оборудования. Для этого требовалось проводить ремонт в процессе работы агрегатов, что было делом весьма сложным. В турбинном цехе Челябинской ГРЭС понадобилось остановить одну из турбин для устранения дефектов. По техническим подсчетам, турбине предстояло простоять на ремонте не менее сорока часов. Коммунисты М. А. Гуськов, Ф. И. Воробьев, И. Г. Матюшенко заявили партийному бюро: «Мы не можем допустить, чтобы так долго

---

[17] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 884, л. 67.
[18] Там же, оп. 3, д. 451, л, 11.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1219, л. 241.
[20] Газета «Магнитогорский рабочий», 16 октября 1941 года.
[21] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3711, л. 45.

стояла турбина. Заводам и без того не хватает электроэнергии». Они предложили оригинальный метод устранения дефектов, позволивший отремонтировать турбину в более сжатые сроки и, что особенно важно, без остановки ее [22]. За счет этого ГРЭС дала дополнительно для промышленности около 30 тыс. квтч электроэнергии [23].

Беспредельная преданность коммунистов Родине, их готовность отдать все свои силы, а если надо и жизнь во имя счастья, свободы и независимости народа помогали советским людям в годы войны находить выход из самых сложных положений, преодолевать любые трудности.

В первый период Великой Отечественной войны на Урале по решению партии и правительства проводились крупные работы по наращиванию мощностей имевшихся здесь электростанций. Конкретная программа действий партийных и советских органов в этом направлении была изложена в принятом Советом Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) 16 августа 1941 г. военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии [24].

Борьбу за претворение в жизнь этого плана на местах возглавили партийные организации. По военно-хозяйственному плану, в частности, предусматривалось расширение чкаловской электростанции «Красный маяк» за счет установки двух новых турбогенераторов общей мощностью в 7 тыс. квт и двух котлов производительностью по 16—20 т пара в час [25]. Контролируя выполнение данного решения, Чкаловский обком партии в конце 1941 г. дважды (10 октября и 22 декабря) рассмотрел ход работы по расширению электростанции [26]. Этим же вопросом занимались в октябре 1942 г. пленум обкома [27] и бюро горкома партии [28]. Выполняя решения правительства и партийных органов, строители уже в декабре 1941 г. сдали в эксплуатацию турбину № 3, что увеличило мощность электростанции на 28%. 31 декабря генератор дал ток заводам и фабрикам города [29].

Когда встал вопрос о расширении электроцентралей Уфимского энергокомбината, пленум Башкирского обкома партии в феврале 1942 г. принял решение всемерно форсировать строительство и монтаж оборудования на ТЭЦ Крекингзавода и ТЭЦ № 2 [30]. В результате самоотверженного труда рабочих, инженеров и техников на ТЭЦ Крекингзавода в марте 1942 г. был сдан в эксплуатацию котел № 7 со всем вспомогательным оборудованием и механизмами [31]. 31 июля был произведен пробный пуск генератора и турбины № 4 мощностью в 12 тыс. квт, которые монтировались на протяжении первой половины 1942 года [32]. Помимо котла и турбины, на ТЭЦ Крекингзавода в 1942 г. вступили в строй охладительная установка и два мощных трансформатора [33]. Летом 1942 г. были смонтированы и сданы в эксплуатацию турбина и генератор на ТЭЦ № 2 [34]. Расширение теплоэлектроцентралей Уфы позволило не только удовлетворить возросшие потребности предприятий горо-

---

[22] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 917, л. 25.

[23] «Челябинский рабочий», 9 октября 1941 года.

[24] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Сборник документов. Т. II. М. 1957, стр. 709—710.

[25] Оренбургский областной партийный архив (ООПА), ф. 371, оп. 9, д. 224, л. 38.

[26] Там же, л. 33; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3736, л. 253.

[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2487, л. 267.

[28] Там же, д. 2509, лл. 223—224.

[29] Там же, д. 2506, л. 70.

[30] Там же, д. 147, л. 15.

[31] БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 351, л. 90.

[32] Там же, л. 260; д. 397, л. 18.

[33] Центральный государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР), ф. 472, оп. 5, д. 886, л. 361.

[34] БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 397, л. 18.

да в электроэнергии, но и создать к лету 1942 г. некоторый резерв энергетических мощностей [35].

Крупные работы были проведены также по расширению Егоршинской ГРЭС, теплоэлектроцентралей Новотагильского металлургического и Уральского вагоностроительного заводов в Свердловской области, Ишимбайской ЦЭС в Башкирии, Кизеловской ГРЭС и Закамской ТЭЦ в Пермской области.

Мероприятия партии и правительства по наращиванию мощностей электростанций, последовательная борьба местных парторганизаций за их быстрейшее осуществление позволили не только укрепить энергетическую базу Урала, но и решить эту задачу с минимальными капитальными затратами, что было особенно важно в военных условиях, когда каждый сэкономленный рубль способствовал увеличению производства оружия и боеприпасов.

Одновременно с расширением старых электростанций на Урале развернулось строительство новых. Советский народ, используя преимущества социалистической системы хозяйства, нашел достаточно сил и средств для широкого промышленного строительства в тяжелую пору войны. В некоторых районах, в том числе и на Урале, оно по своим масштабам превосходило строительные работы мирного времени. Проявляя заботу о сооружении новых предприятий, партия вместе с тем принимала меры к скорейшему вводу в строй новых энергетических мощностей. В конце 1941 г. развернулось строительство теплоэлектроцентрали в в Каменск-Уральском [36]. Летом 1942 г. строители приступили к сооружению Белорецкой гидростанции [37].

Еще в 1935 г. началось создание крупной ТЭЦ в Челябинске. К июню 1941 г. было выполнено менее половины всех строительных работ, а монтаж первого котла и турбины, по сути дела, еще не начинался [38]. Война потребовала резкого ускорения строительства Челябинской ТЭЦ. По своему значению оно было приравнено к сооружению оборонных рубежей.

Возводить ТЭЦ пришлось в неимоверно сложных условиях. Ощущался острый недостаток в квалифицированной рабочей силе. Не хватало стройматериалов, механизмов и особенно транспорта. Многие тяжелые работы приходилось выполнять вручную. Трудились здесь рабочие, прибывшие по мобилизации из других областей и республик. Людей не всегда удавалось обеспечить самым необходимым: жильем, обувью, пищей.

Областной парторганизации и советским органам пришлось затратить много сил, сосредоточить максимум внимания на успешном завершении строительства первой очереди и дальнейшем наращивании мощностей теплоэлектроцентрали. В июле 1941 г. бюро обкома обсудило вопрос «О строительстве Челябинской ТЭЦ». Ленинскому райкому партии было предложено взять строительство под неослабный повседневный контроль, а партгруппе облисполкома — помочь в полном обеспечении объекта материалами. Вместе с тем областной комитет партии обязал секретаря Челябинского горкома З. С. Чащина принять меры к привлечению на строительство квалифицированных рабочих [39]. Менее чем через два месяца, 17 сентября 1941 г., бюро Челябинского обкома партии вновь обсудило положение дел на этом объекте [40].

Движимые любовью к Родине, люди на стройке показывали образцы трудового героизма. Бывали случаи, когда они по нескольку суток

[35] Там же, л. 42.
[36] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 365, л. 42.
[37] ЦГА БАССР, ф. 394, оп. 3, д. 1013, л. 74
[38] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 877, лл. 20—21.
[39] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3633, лл. 165—166.
[40] Там же, д. 3635, л. 75.

не уходили домой. Массовый трудовой энтузиазм рабочих, инженеров и техников, постоянное внимание и помощь со стороны областной партийной организации обеспечили завершение строительства ТЭЦ в установленные правительством сроки. Первая очередь мощностью в 25 тыс. квт была сдана в эксплуатацию в конце 1941 года. В дальнейшем работы по сооружению Челябинской ТЭЦ получили еще более широкий размах [41].

В апреле 1942 г. партия и правительство наметили ряд новых мероприятий по строительству электростанций на Урале [42]. Обсудив в связи с этим задачи областной парторганизации, Челябинский обком ВКП(б) постановил считать «важнейшей хозяйственно-политической задачей коллективов строителей и монтажников электростанций и электросетей выполнение плана строительства новых мощностей и новых линий электропередач» [43]. По новому плану, в частности, предусматривался ввод в эксплуатацию до конца года на Челябинской ТЭЦ двух котлов и двух турбогенераторов. 17 августа вопрос о строительстве ТЭЦ был вынесен на обсуждение пленума Челябинского горкома партии. В принятом решении пленум указал, что борьба за успешное окончание строительства Челябинской ТЭЦ является важнейшей задачей партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций города [44]. Особое значение придавалось политико-массовой работе среди строителей теплоэлектроцентрали. Этот вопрос специально обсуждался на заседании бюро обкома 7 сентября 1942 года.

Для улучшения политической агитации среди строителей обком направил на стройку на три месяца бригаду ответственных партийных работников. Обком обязал бригаду и парторганизацию стройки сосредоточить главное внимание на выполнении производственного графика, укреплении трудовой дисциплины, внедрении передовых методов труда [45]. Члены бригады помогли партийному бюро стройки наладить регулярный выпуск стенгазеты и агитокон, прочитали 70 лекций и докладов, которые прослушало в общей сложности около 10 тыс. человек [46].

Коллектив строителей Челябинской ТЭЦ состоял из людей 44 национальностей. Здесь трудились 3 850 русских, 750 украинцев, 175 белорусов, 120 узбеков, 175 казахов, 530 татар, 450 башкир, 130 чувашей и т. д. [47]. Этот поистине интернациональный коллектив, показавший образцы самоотверженного труда в 1941 г., не снизил темпов и в 1942 г.: 23 мая был сдан в эксплуатацию второй турбогенератор, а 28 июня — второй котел [48]. В конце года, 11 декабря, строители рапортовали обкому партии о своей новой победе: «Сегодня коллектив строителей и монтажников Челябинской ТЭЦ, выполняя решение Государственного Комитета Обороны, закончил и ввел в строй третий котлоагрегат и турбогенератор мощностью в 50 тыс. киловатт». Котел был смонтирован за 80 дней, а турбогенератор — за 50 дней [49].

Партия и правительство высоко оценили героический труд строителей теплоэлектроцентрали. За систематическое перевыполнение государственных заданий им было присуждено переходящее Красное знамя ГКО, в сентябре 1942 г. 50 работников стройки были награждены орденами и медалями [50].

---

[41] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 877, лл. 20—21, 30.
[42] Там же, оп. 3, д. 347, лл. 69—70.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2405, лл. 45—46.
[44] Там же, д. 2419, л. 81.
[45] Там же, д. 2407, л. 205.
[46] ЧОПА, ф. 288, оп. 12, д. 204, л. 28.
[47] Там же, д. 207, л. 35.
[48] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2406, л. 92.
[49] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 447, л. 110.
[50] Там же, оп. 12, д. 207, л. 35.

Грандиозное строительство, которое наш народ развернул под руководством Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны, ярко свидетельствует о преимуществах социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Даже в самых сложных условиях первого периода войны советский народ строил и созидал: прокладывал железные дороги, возводил заводы, фабрики, домны, электростанции. Можно с полной уверенностью сказать, что ни одна капиталистическая страна, даже самая развитая в индустриальном отношении, не смогла бы в столь тяжелой обстановке сделать что-либо подобное.

Улучшение работы энергетических установок, расширение действующих и строительство новых электростанций позволили поднять выработку электроэнергии на Урале в 1942 г. до 9 млрд. квтч против 6,2 млрд. в последнем предвоенном году[51]. В результате самоотверженного труда рабочих, инженеров и техников во главе с коммунистами к началу зимы 1942/43 г. в основном был ликвидирован разрыв, образовавшийся в первые месяцы войны между энергетическими и производственными мощностями уральской промышленности.

В начале войны наряду с ростом спроса на электроэнергию резко увеличились потребности индустрии Урала в энергетическом топливе. Так, электростанциям Челябинской области потребовалось в 1942 г. каменного угля в три раза больше, чем в предвоенном 1940 году. Что же касается всей промышленности Челябинской области, то она в 1942 г. увеличила потребление каменного угля против 1941 г. вдвое[52]. В мирное время на Урал завозилось значительное количество топлива из Караганды и Кузбасса. Однако с началом войны, когда транспорт переключился на обслуживание фронта, завоз топлива сократился в несколько раз. Это усложнило проблему обеспечения предприятий и электростанций энергетическим топливом. Встал вопрос об изыскании ресурсов топлива на месте.

Основу топливной базы Урала составляли Челябинский и Кизеловский угольные бассейны. Трудности первых месяцев войны, а также унаследованная от мирного времени сезонность работ привели зимой 1941/42 г. к падению угледобычи в обоих бассейнах. Например, суточная выдача угля на-гора челябинскими горняками, которая составляла в сентябре 1941 г. 19,6 тыс. т, упала к январю 1942 г. до 14,6 тыс. т, что было ниже довоенного уровня[53].

Снижение добычи угля при резком увеличении спроса на него со стороны промышленности породило на Урале в первую военную зиму топливное голодание предприятий. Многие заводы и фабрики Челябинской области, недополучая большое количество угля, работали весной 1942 г. с большими перебоями[54]. В это же время в Башкирии часто простаивал Белорецкий металлургический комбинат. Из-за нехватки топлива его сутуночный стан и Тирлянский листопрокатный завод использовали лишь половину своей мощности[55]. Серьезные трудности зимой 1941—1942 г. из-за нехватки топлива испытывали предприятия Свердловской области[56].

Перед коммунистами Урала встала важная и сложная задача: прекратить падение добычи угля и затем обеспечить ее рост при одновременной ликвидации имевшей место сезонности работ.

Особенно много внимания уделили этому вопросу челябинские коммунисты. Только с января по сентябрь 1942 г. Челябинский обком ВКП(б) шесть раз обсуждал работу угольной промышленности. Реали-

---

[51] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 51.
[52] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2421, л. 101.
[53] ЧОПА, ф. 288, оп. 1, д. 809, л. 2.
[54] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2405, л. 42.
[55] БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 5, л. 73.
[56] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1645, л. 90.

зация решений обкома от 20 января, 27 февраля и 1 апреля обеспечила незначительный рост угледобычи.

Проблема в конечном счете была решена. Но успех пришел не сразу. Перелом наступил после того, как ЦК ВКП(б) и Советское правительство наметили всестороннюю программу увеличения добычи угля на Урале. Обсудив вставшие в связи с этим задачи, Челябинский обком партии принял развернутое решение [57]. Учитывая нехватку квалифицированной рабочей силы на шахтах, обком предложил партийно-хозяйственному руководству трестов немедленно организовать обучение нового пополнения, пришедшего на производство во время войны, специальностям слесарей, машинистов, запальщиков. Областной комитет партии обязал секретарей горкомов и райкомов, а также партгруппы районных и городских исполкомов выявить всех лиц, ранее работавших в угольной промышленности, и откомандировать их на шахты. Большое внимание в решении уделялось вопросам улучшения бытовых условий горняков [58].

Чтобы организовать на месте реализацию постановления, секретарь обкома Н. П. Гордеев и заведующий отделом угольной промышленности М. И. Иванов продолжительное время находились на шахтах, где оказали практическую помощь партийным и хозяйственным руководителям. Отдел пропаганды и агитации в июне послал бригаду из 25 партийных работников для развертывания на шахтах и разрезах политической агитации.

Благодаря принятым мерам ежесуточную добычу угля удалось поднять в июле по сравнению с январем на 6 600 тонн [59]. Но и этот рост не соответствовал возможностям бассейна. Вот почему 22 июля обком партии наметил план развития угледобычи открытым способом. Решение было вынесено после длительного обследования состояния разрезов, в котором принял участие первый секретарь обкома Н. С. Патоличев [60].

В конце июля обком создал специальную бригаду из ответственных партийных работников во главе с секретарем обкома Л. С. Барановым. Бригада тщательно проанализировала состояние дел на угольных шахтах и возможности увеличения добычи топлива. На основе ее выводов обком принял 15 августа новое решение, наметившее меры по увеличению угледобычи на шахтах трестов «Челябуголь» и «Копейскуголь». Для обсуждения неотложных мер по его реализации при обкоме было проведено совещание управляющих трестами, заведующих шахтами и парторгов ЦК с участием члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского. Состоялось также совещание главных инженеров и главных механиков шефствующих заводов, обсудившее вопросы оказания помощи угольным шахтам в изготовлении необходимого для них оборудования и запасных частей. В обкоме были заслушаны отчеты парторгов трех отстающих шахт и управляющих трестами.

Усилия областной парторганизации принесли свои плоды. Горняки треста «Коркинуголь» увеличили угледобычу в августе по сравнению с июнем на 3 150 т в сутки. Первый и второй разрезы, успешно выполнившие государственный план, завоевали переходящее Красное знамя Наркомата угольной промышленности и ВЦСПС. Вновь поднялась угледобыча и на шахтах трестов «Челябуголь» и «Копейскуголь». В первом из них суточная выдача угля на-гора выросла в августе по сравнению с маем на 450 т, а во втором — на 1 200 тонн [61].

В сентябре 1942 г. ЦК ВКП(б) заслушал отчет Челябинского обко-

---

[57] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 469, л 23.
[58] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2405, лл. 43—44.
[59] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 469, л. 23.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2406, л. 117.
[61] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 469, л. 23.

ма и Копейского горкома партии по вопросу улучшения партийно-политической работы на угольных предприятиях области[62]. В целях обеспечения последних рабочей силой Государственный Комитет Обороны запретил партийным и советским органам производить на шахтах и заводах Наркомугля какие бы то ни было мобилизации рабочих[63]. Вскоре после этого, в конце октября, ГКО распорядился об отправке на шахты и разрезы Челябинского бассейна 10 тыс. рабочих. Были предоставлены льготы при очередном призыве военнообязанным, занятым на подземных работах, а также квалифицированным рабочим, имевшим четвертый и выше разряды[64].

Мероприятия партии и правительства позволили решить задачу, которую поставила война перед горняками Урала. На протяжении 1942 г. выдача угля на-гора по Челябинскому бассейну выросла вдвое[65], составив за год 7 733 тыс. тонн[66]. Прирост добычи в 1942 г. по сравнению с предвоенным 1940 г. превысил 2 млн. тонн[67]. В декабре 1942 г. все пять трестов комбината «Челябуголь» перевыполнили производственный план[68].

Немалую роль в улучшении снабжения предприятий топливом сыграла ликвидация сезонности работ. В зиму 1942/43 г. горняки Челябинской области сумели не только закрепить уровень, достигнутый в летний период, но и обеспечили его дальнейший рост. По тресту «Коркинуголь» среднесуточная добыча составляла в сентябре и октябре 9 700 т, в ноябре — 11 142 т, в декабре — 12 191 т, в феврале — 13 144 т и в марте — 14 443 тонны[69]. Следует заметить, что раньше этот трест больше всего испытывал на себе последствия сезонности, так как работы здесь производились в основном открытым способом.

Достижения 1942 г. горняки Челябинского бассейна значительно развили в следующем, 1943 г., выдав промышленности 10 374 тыс. т топлива[70]. Это было на 83% больше, чем в последнем предвоенном году.

Серьезных успехов добились также шахтеры Кизеловского бассейна. Отставая прежде от плановых заданий, они к концу 1942 г. стали выполнять производственную программу[71]. В целом за годы войны кизеловцы подняли добычу угля в 1,7 раза[72].

Самоотверженный труд челябинских и кизеловских горняков обеспечил промышленности Урала относительно нормальные условия работы зимой 1942/43 г.: в эту зиму уже не было серьезных перебоев в снабжении топливом электростанций и важнейших предприятий.

Важную роль в увеличении добычи угля сыграло строительство новых шахт. За первые полтора года войны, например, в Челябинском угольном бассейне были построены и сданы в эксплуатацию одиннадцать шахт[73]. Однако главным фактором, определившим успех, послужило улучшение и совершенствование организации работ на старых шахтах и разрезах. Именно по этой линии направлялись главные усилия коммунистов.

В Челябинском бассейне на шахте № 21/23 в начале 1942 г. были велики потери рабочего времени, значительно снижавшие производительность труда. Горняки мало заботились о подготовке рабочих мест, что

---

62 Там же, д. 450, л. 23.
63 Там же, л. 120.
64 Там же, оп. 5, д. 918, л. 308, оп. 1, д. 809, л. 16.
65 «Челябинский рабочий», 26 января 1943 года.
66 Челябинский областной государственный архив (ЧОГА), ф. 297, оп. 1, д. 11, л. 4.
67 ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 918, л. 309.
68 «Челябинский рабочий», 26 января 1943 года.
69 ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 918, л. 309.
70 ЧОГА, ф. 297, оп 1, д. 11, л. 4.
71 Газета «Звезда», 23 декабря 1942 года.
72 Г. И. Дедов. Указ. соч., стр. 179.
73 «Челябинский рабочий», 26 января 1943 года.

приводило к частым авариям механизмов. Шахта систематически не справлялась с производственной программой. Борьбу за устранение этих недостатков возглавила партийная организация. В первых числах февраля партбюро обсудило положение на шахте и поставило задачу коренным образом улучшить организацию труда в забоях и поднять выработку до установленной нормы.

Коммунисты горячо взялись за дело. Особенно отличился старый горняк член партии Василий Рожков. Работая десятником первого участка, он с помощью парторганизации добился от руководителей шахт, чтобы предыдущая смена сдавала забой в должном порядке, а от механика — своевременного и качественного ремонта механизмов. В. Рожков сумел вовлечь в социалистическое соревнование всех горняков участка. В результате ранее отстававшая смена В. Рожкова с 15 февраля начала не только выполнять задания, но и выдавать сверх плана по 15—20 вагонов угля.

В конце марта по инициативе партийного бюро администрация провела совещание десятников и начальников участков. На этом совещании В. Рожков поделился своим опытом и вызвал на соревнование всех десятников шахты. Вызов был принят. Включившись в соревнование, горняки в короткий срок вывели шахту из прорыва [74].

Примеров трудового героизма членов партии можно привести много. Своим самоотверженным трудом коммунисты показывали беспартийным образцы патриотического служения Родине в трудные годы войны, мобилизовывали массы на выполнение производственных заданий.

Важную роль в борьбе за рост добычи угля сыграла постоянная забота партии о механизации производственных процессов. В первые полтора года Отечественной войны шахты и разрезы Челябинского бассейна получили в виде шефской помощи и в централизованном порядке значительное количество оборудования и механизмов. На 1 ноября в бассейне насчитывалось 54 экскаватора, 72 тяжелых и 29 легких врубовых машин, более полутора тысяч отбойных молотков и много другого оборудования [75].

Проявляя заботу о повышении оснащенности шахт и разрезов техникой, партийные организации вместе с тем боролись за эффективное использование каждой единицы оборудования, следили за тем, чтобы механизмы содержались в полной исправности. Бюро Челябинского обкома партии в решении, принятом 12 августа 1942 г., предложило управляющим трестами и заведующим шахтами в двадцатидневный срок поднять на поверхность все неисправное оборудование, составить план ремонта, предусмотрев и обеспечив окончание его не позднее 1 октября. Вместе с тем бюро предложило руководителям ряда предприятий оказать в порядке шефства материально-техническую помощь угольным шахтам металлом и металлоизделиями. Для этого бюро прикрепило ведущие заводы области к отдельным шахтам и разрезам [76].

Выполняя решение обкома, Шадринская городская парторганизация, например, взяла шефство над Копейскими шахтами № 205 и № 12/16. Горком партии послал на подшефные шахты бригаду во главе с секретарем горкома В. Е. Левиным. Выяснив на месте первоочередные нужды шахт, бригада совместно с местным партийно-хозяйственным руководством и Копейским горкомом партии наметила ряд практических мероприятий по оказанию помощи горнякам. По возвращении бригады бюро Шадринского горкома заслушало ее доклад и утвердило постоянную шефскую комиссию. В принятом решении бюро предусмот-

---

[74] «Челябинский рабочий», 11 апреля 1942 года.
[75] ЧОПА, ф. 288, оп. 1, д. 809, л. 6.
[76] ЦПА ИМЛ, ф 17, оп. 1, д. 2406, лл. 198—201.

рело оказание неотложной материальной помощи подшефным шахтам. Уже через шесть дней после заседания бюро горкома на шахты было отправлено два вагона оборудования, материалов и инструментов, в которых они испытывали особенную нужду [77].

В борьбе за уголь Челябинская областная парторганизация отводила важное место посылке коммунистов в забой, то есть туда, где непосредственно решался успех дела. Постановлением от 31 мая 1942 г. областной комитет ВКП(б) обязал Копейский горком, Еткульский, Полтавский и Брединский райкомы партии направить в забои с поверхности, а также из учреждений и некоторых предприятий 65 коммунистов и 125 комсомольцев. Челябинскому, Магнитогорскому, Златоустовскому и другим горкомам партии обком предложил мобилизовать до 10 июля 1942 г. 100 коммунистов и 200 комсомольцев, преимущественно слесарей, мотористов и рабочих горных специальностей [78].

Копейский горком ВКП(б), выполняя эти указания, перевел на подземные работы по шахтам треста «Копейскуголь» 72% всего состава их партийных организаций. Одновременно горком развернул активную деятельность по приему в партию лучших горняков. С 1 июня по 21 ноября 1942 г. городской парторганизацией было принято в кандидаты партии 126 человек. Из них 69, то есть более половины, были забойщиками, проходчиками, навалоотбойщиками и электрослесарями.

В итоге мер, принятых областным и городским комитетами партии, число коммунистов, занятых на подземных работах по тресту «Копейскуголь», более чем удвоилось. На 1 июня в забоях трудились 144 члена и кандидата партии, а на 21 ноября — 309. Это позволило заново создать на решающих участках угледобычи 52 партийных группы [79].

Копейский горком ВКП(б) принял меры к укреплению партийных групп, созданных на шахтах, превращению их в боевые коллективы, способные сплотить и повести за собой шахтеров на борьбу за уголь. Горком оказывал парторгам помощь в составлении и реализации планов работы, в постановке политической агитации среди горняков. Бюро горкома несколько раз обсуждало работу отдельных партийных групп. Так, при обсуждении отчета партгруппы 6-го участка шахты № 4/6 было установлено, что парторг В. А. Артемов коммунистами, по сути дела, не руководил. Горком через полтора месяца вновь заслушал В. А. Артемова. На этот раз положение изменилось. Партийная группа стала боевым штабом в борьбе за уголь на своем участке. Отдельные коммунисты, раньше не выполнявшие плана, стали регулярно давать по две нормы в смену. Партгруппа сумела воспитать среди рабочих замечательных передовиков производства и лучших из них приняла в партию. Участок, отстававший в течение года, завоевал первенство не только на шахте, но и в бассейне. Ему дважды присуждалось переходящее Красное знамя горкома, треста и райкома Союза угольщиков.

На своих собраниях члены партгруппы подробно обсуждали производственную работу каждого коммуниста, выясняли, почему некоторые товарищи не выполняли норм, добивались, чтобы они заняли авангардное место в забое. Вместе с начальником участка Комиссаровым коммунисты добились создания нормальных условий труда для шахтеров, стали регулярно проводить индивидуальные беседы с рабочими. Партгруппа интересовалась бытом горняков и прежде всего их жилищными условиями. По ее инициативе профсоюзная организация и администрация устранили вскрытые при этом недостатки. Пристально следя за каждым фактом нарушения трудовой дисциплины и аварий на участке, партийная группа сумела добиться их полной ликвидации. Все

---

[77] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 385, л. 202.
[78] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2405, л. 43.
[79] ЧОПА, ф. 288, оп. 1, д. 809, лл. 21—23.

эти меры обеспечили в конечном итоге подъем производительности труда на шахте и выход ее на первое место по бассейну [80].

Немалую роль в улучшении топливного баланса уральской промышленности сыграла борьба парторганизаций за широкое использование местных горючих материалов. Урал располагает большими запасами леса, торфа, природного газа. Перед уральскими коммунистами с началом войны встала задача в несколько раз увеличить использование этих ценных видов топлива. Особенно большая работа в этом направлении была проделана в 1942 году. Центральный Комитет партии и Совнарком СССР в июле 1942 г. назначили своего специального уполномоченного по организации помощи местам в деле заготовок топлива. Обязанности уполномоченного были возложены на Н. А. Косыгина [81].

Много сделали для решения этой важной задачи курганские коммунисты. В зиму 1941/42 г. предприятия Кургана испытывали большие затруднения из-за нехватки энергетического топлива. Некоторые работники сидели и ждали, когда им подвезут уголь из Челябинска или Караганды. При каждой заминке с подвозом его предприятиям приходилось останавливаться.

Парторганизация города указала, что возникшие трудности можно преодолеть путем организации заблаговременной заготовки торфа. В мае 1942 г. по инициативе горкома партии в семи километрах от города начались торфоразработки. С первых шагов пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Прежде всего сказывалась нехватка рабочих рук и транспорта. Призыв городского комитета партии и горисполкома нашел живой отклик среди жителей Кургана. По примеру героических лет гражданской войны в заготовку топлива включилось все взрослое население города.

Коммунисты сумели развернуть на торфоразработках боевое соревнование. В первые две недели норма в 4 тыс. кирпичей на человека считалась невыполнимой. Но уже к концу первого месяца дневная выработка на человека составляла в среднем 8 тыс. кирпичей. А передовики заготовляли и по 24 тыс. в день. Глафира Лушникова нарезала за два месяца 327 тыс. кирпичей, что составляло 524 т топлива. Еще более замечательных успехов добилась Татьяна Екимова, нарезавшая 810 т торфа. Перед курганцами была поставлена задача — заготовить в 1942 г. 21 тыс. т торфа. Это задание они перевыполнили в два раза.

Заготовленное топливо нужно было доставить в город, к заводам. Для этого требовалось огромное количество транспортных средств, а их не было и взять было негде. Казалось, что из этого положения нет выхода. И все же выход нашелся. Городской комитет партии и горисполком постановили построить железнодорожную ветку. За три воскресника были полностью выполнены земляные работы. Учащиеся железнодорожного училища № 5 начали укладку рельсов. Все необходимые материалы — шпалы, рельсы, накладки, костыли — нашли на месте. В этом большую помощь оказали комсомольцы и пионеры города. Они собрали тысячи различных деталей на откосах путей и на складах утильсырья. В ноябре строительство ветки было закончено. Сложная задача обеспечения курганской промышленности топливом была решена [82].

Многие районы Урала располагают ценным видом топлива — природным газом. Но в довоенное время он использовался в недостаточных размерах. Чтобы прекратить использование сырой нефти на предприятиях в качестве топлива, Башкирский обком партии 23 сентября 1941 г.

---

[80] «Челябинский рабочий», 21 ноября 1942 года.
[81] БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 1, лл. 103, 107.
[82] «Челябинский рабочий», 4 ноября 1942 года.

обязал управляющего трестом «Туймазынефть» немедленно начать промышленную разведку газа [83].

Благодаря принятым мерам потребление газа в качестве промышленного топлива выросло по Башкирии в несколько раз. По тресту «Ишимбайнефть» в 1941 г. было добыто природного газа более 40 тыс. т, что в два с лишним раза превысило добычу 1940 года [84]. Только с февраля по октябрь 1942 г. потребление газа выросло в Башкирии в 46 раз [85]. Улучшилось использование местного топлива и в других районах.

Борьба парторганизаций Урала за массовое использование в промышленных целях местных дешевых видов топлива имела серьезное военно-хозяйственное значение. Оно не только обеспечивало бесперебойную работу промышленных предприятий, но и сберегало для государства значительные средства, а также разгружало железнодорожный транспорт, который и без того во время войны был перегружен.

Немаловажную роль в разрешении топливно-энергетической проблемы сыграла борьба партийных организаций за жесткий режим экономии в расходовании топлива и электроэнергии. Уменьшение затрат энергии на единицу продукции снижало ее себестоимость. Предприятия получали возможность без дополнительных затрат увеличивать выпуск оружия и боеприпасов. Вот почему вопросам экономии во время войны партия уделяла огромное внимание.

30 июня 1941 г. бюро Челябинского обкома партии обсудило и приняло решение «Об экономии и режиме потребления электроэнергии промышленными предприятиями и коммунально-бытовыми хозяйствами области». Обком обязал горкомы и райкомы ВКП(б), а также первичные парторганизации усилить внимание к вопросам экономии [86]. Выполняя указания обкома, коммунисты многих предприятий Челябинской области добились значительных успехов. Так, парторганизация Златоуста уже в первые два месяца войны обеспечила по заводам города общую экономию 2,7 млн. квтч электроэнергии [87].

Работа в этом направлении развернулась с новой силой весной 1942 года. 3 апреля энергетики Челябинского тракторного завода выступили на страницах газеты «Челябинский рабочий» с обращением к энергетикам области организовать соревнование за экономию электроэнергии и топлива. Бюро областного комитета партии одобрило эту инициативу и предложило всем парторганизациям электростанций, предприятий и железнодорожного транспорта области обсудить обращение энергетиков ЧТЗ и подхватить их почин. Бюро предложило Челябинскому, Магнитогорскому, Каменскому и Златоустовскому горкомам взять под особый контроль работу энергоемких предприятий и участков [88].

На крупных и мелких предприятиях развернулась упорная борьба за экономное расходование каждого киловатт-часа энергии, каждого килограмма топлива.

Крупнейшим потребителем электроэнергии на Урале являлся Челябинский завод ферросплавов. В первом полугодии 1942 г. он перерасходовал 17 млн. киловатт-часов. Этого количества вполне хватило бы для работы двух — трех крупных предприятий. Бесхозяйственность ферросплавщиков сводила на нет экономию на других предприятиях.

Парторганизация завода повела решительную борьбу сначала за

---

[83] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 183, л. 105.
[84] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 14, л. 22.
[85] Газета «Красная Башкирия», 14 ноября 1942 года.
[86] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3632, лл. 194—197.
[87] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 385, л. 245.
[88] «Челябинский рабочий», 10 апреля 1942 года.

ликвидацию сверхплановых затрат энергии, а затем за ее существенную экономию. Начали с наведения строгой технологической дисциплины и внедрения четкого производственного графика. Партийное бюро заслушало в июне по этим вопросам доклад начальника первого цеха М. А. Ананьева. Вскрыв недостатки, бюро приняло меры к их устранению. В результате уже в следующем месяце первый цех сэкономил 2 052 тыс. квтч электроэнергии. Но на заводе все еще отставал второй цех. Коммунистам пришлось мобилизовать силы всего коллектива, чтобы улучшить экономические показатели этого цеха. И здесь, как и в первом случае, партбюро поставило вопрос о необходимости укрепления технологической дисциплины. Растратчики электроэнергии были предупреждены по партийной и производственной линиям. В итоге перерасход во втором цехе резко сократился.

Однако коммунисты на этом не успокоились. Партийное бюро завода в августе заслушало отчет главного бухгалтера о технико-экономических показателях предприятия и наметило дальнейшие пути экономии. По решению партбюро было создано несколько бригад из специалистов, в задачу которых входило изыскание новых резервов сокращения расходов электроэнергии. 15 сентября на заводе состоялась партийно-техническая конференция. Она рекомендовала администрации завода реализовать свыше ста мероприятий, которые были предложены бригадами, работавшими по заданию партийного бюро. В борьбу за экономию электроэнергии включился весь коллектив, что позволило во втором полугодии 1942 г. сэкономить 12,5 млн. киловатт-часов. Это была крупная победа парторганизации и всего коллектива завода ферросплавов [89].

Движение за экономное расходование электроэнергии велось с не меньшим упорством по всему Уралу. Среди предприятий, добившихся в этом успехов, следует отметить Уралмашзавод и Алюминиевый завод в Свердловской области, Орский никелькомбинат в Чкаловской области [90].

В борьбе за экономию топлива и электроэнергии уральские коммунисты показали присущую большевикам настойчивость в достижении намеченной цели, умение не отступать перед трудностями, а смело идти им навстречу и преодолевать их.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что при решении энергетической проблемы партия направляла усилия рабочего класса по двум главным направлениям: с одной стороны, по линии строительства новых объектов (электростанций, шахт, теплоэлектроцентралей), с другой — по линии всемерного использования внутренних резервов (улучшение использования энергетического оборудования, экономия электроэнергии, лучшая организация работ и др.). Причем второй путь иногда приобретал первенствующее значение.

Партийные организации Урала под руководством Центрального Комитета КПСС добились в сложных условиях войны неуклонного подъема промышленного производства. Важную роль в решении этой задачи сыграла их борьба за укрепление и расширение энергетической базы, обеспечивавшая полное использование производственных мощностей оборонных предприятий и, как результат этого, непрерывное увеличение количества боеприпасов, снаряжения и боевой техники для Советской Армии.

---

[89] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 917, л. 80; «Челябинский рабочий», 17 октября 1942 года.
[90] Газета «Уральский рабочий», 28 ноября 1942 г.; ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 312, л. 151.

ИЗМЕНЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ВЕСА ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Н. М. Шепукова

Проблема роста народонаселения нашей страны до сих пор мало изучена. В то же время при исследовании процесса развития общества нельзя не учитывать изменений в численности и составе населения, особенно той его части, которая непосредственно осуществляет производство материальных благ. В этой связи одним из важных вопросов истории России является проблема сокращения процента частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России за последние полтора столетия перед реформой 1861 года. «Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? — писал В. И. Ленин. — Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой» [1].

Данная статья имеет своей целью выяснить ход и причины длительного процесса уменьшения удельного веса, а впоследствии и абсолютной численности крепостных в XVIII — первой половине XIX в., то есть в период разложения феодального строя и развития в недрах его новых, буржуазных отношений.

Хронологические рамки работы охватывают время от 1-й до 10-й ревизии (1718—1858 гг.) и обусловлены слабой изученностью основных изменений, происходивших в этот период в составе населения России.

Вопрос об изменении удельного веса частновладельческого крестьянства в эти годы интересовал еще дореформенных русских экономистов-статистиков Н. Х. Бунге и А. Г. Тройницкого [2]. Н. Х. Бунге считал, что уменьшение удельного веса крепостных было вызвано упадком их благосостояния. А. Г. Тройницкий видел причину указанного явления в частых рекрутских наборах, переходе их в другие сословия и т. п. Лишь вскользь он отметил некоторое значение «ненормального положения экономического быта крепостного крестьянства» [3]. В пореформенной буржуазной историографии некоторое внимание рассматриваемой проблеме было уделено В. И. Семевским и Н. П. Огановским [4]. Они высказали

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 157.

[2] Н. Х. Бунге. Изменения сословного состава населения России в промежутках времени между 7и 8, 8 и 9 ревизиями. «Экономический указатель», 1853, № 4; А. Г. Тройницкий. О числе крепостных людей в России. Журнал министерства внутренних дел, май, 1858; его же. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПБ. 1861.

[3] А. Г. Тройницкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи, стр. 56.

[4] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПБ. 1903, стр. 16—18; Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. В. И. Семевского, № 181, ед. хр. 8, лл. 101 об. — 102 об. (неопубликованная заметка «Крепостные крестьяне»); Н. П. Огановский. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов. 1911, стр. 238—240.

мнение, что низкий естественный прирост был основной причиной падения процента частновладельческих крестьян, начавшегося уже в XVIII в., но особенно усилившегося в первой половине XIX века.

В советской историографии, к сожалению, исследованием указанной проблемы специально никто не занимался. В общих же работах имелись лишь отдельные высказывания, основанные на старой историографии [5]. В монографии академика Н. М. Дружинина [6], по данным 8—10-й ревизий, показано прогрессирующее уменьшение доли крепостных крестьян при одновременном росте процента прочих категорий сельского населения в 30—50-х годах XIX века. Автор объясняет это низким уровнем естественного прироста крепостного населения вследствие усиления его эксплуатации. Историки, изучавшие историю дореформенного крестьянства в отдельных районах страны, причину резкого падения удельного веса крепостных в первой половине XIX в. видели в общем кризисе феодального хозяйства [7].

Единственным и наиболее компактным источником по истории населения России XVIII — первой половины XIX в. являются однородные по своему характеру материалы десяти ревизий [8]. Их сводные данные в статье дополнены ведомостями по территориям и группам населения, не охваченным ревизиями [9]. Распределение жителей по сословиям было характерным для России вплоть до отмены крепостного права. Классовые отношения в дореформенный период нередко прикрывались сословными. Ревизии учитывали население по его сословной принадлежности, что особенно важно для изучения рассматриваемой в статье проблемы. Несмотря на некоторую неполноту материалов ревизий, этот источник в основном верно отражает общие тенденции изменений в составе крестьянского населения.

В данной статье для выяснения доли частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России последнее разделено на две группы: частновладельческое крестьянство и прочие категории. К первым отнесены: 1) крестьяне и дворовые люди, принадлежавшие дворя-

---

[5] «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.». М. 1955, стр. 61; «Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII в.». М. 1956, стр. 49—50.

[6] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. М. 1958, стр. 294—295.

[7] Л. Б. Генкин. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. Т. I. Ярославль. 1947; К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. М. 1951; И. А. Гуржий. Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX в. Киев. 1954 (на украинском языке); Н. Н. Улащик. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г. «Вопросы истории», 1948, № 12; И. Д. Ковальченко. Хозяйство барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях в I половине XIX в. «Исторические записки». Т. 56, М. 1956; В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. «История СССР», 1957, № 1. Кроме того, в статьях «Основные этапы генезиса капитализма в России» («История СССР», 1958, № 5, стр. 60); «О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII—XIX вв.» («Археографический ежегодник за 1957». М. 1958, стр. 173) В. К. Яцунским были намечены пути исследования проблемы изменения удельного веса крепостного населения Европейской России.

[8] 1-я ревизия — Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Правительствующего сената, № 248, оп. 17, ед. хр. 1163, лл. 1007—1017; 2-я ревизия — Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. П. И. Кеппена, № 30, оп. 2, ед. хр. 87, лл. 1—10; 3-я ревизия — Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Воинских комиссий, № 23, оп. 1/121, ед хр. 332. лл. 55—95; 4—10-я ревизии — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Департамента разных податей и сборов министерства финансов, № 571, оп. 9, ед. хр. 1886, 8, 14, 32, 34, 51; оп. 6, ед. хр. 1023—1024. Для сравнения данных 3-й и 4-й ревизий с учетом губернской реформы 1775 г. использованы соответствующие ведомости по губерниям и уездам (ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, ед. хр. 4342, лл. 794—1025; ед. хр. 4338—4342). Материалы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й ревизий вводятся в научный оборот впервые.

[9] Изыскания в архивах проводились совместно с В. М. Кабузаном, которому автор настоящей статьи выражает глубокую признательность.

нам, купцам, мещанам, однодворцам; 2) посессионные и вечноотданные; 3) приписные [10], то есть все категории частновладельческих крестьян. В прочие категории включено все остальное сельское население: государственные [11], дворцовые (удельные), приписные к различным ведомствам и к казенным заводам, однодворцы, конфискованные, вольноотпущенные, обязанные [12], военные поселяне, представители других национальностей, казаки, подсоседки [13] и другие группы. Дворцовых и удельных крестьян следовало бы включить в состав частновладельческих. Но материалы ревизий не дают вполне сопоставимых данных по этой категории, так как дворцовые и удельные крестьяне часто рассматриваются в них совместно с государственными. Кроме того, нередко дворцовые и удельные крестьяне в различных местностях переводились в состав государственных и наоборот. Проследить с достаточной полнотой эти перемещения, к сожалению, не представляется возможным. Данные «Истории уделов за столетие их существования. 1797—1897» (тт. I—II. СПБ. 1902, 1901) каких-либо коррективов к материалам ревизий не дают. Поэтому указанную группу пришлось рассматривать в составе прочих категорий крестьянства. Крестьяне духовных вотчин до секуляризации (1764 г.) должны были быть отнесены тоже к крепостным. Но для сравнения данных первых трех ревизий с последующими эта категория также условно включена в число прочих групп крестьянства.

В настоящей статье в основу районирования положены исторически сложившиеся экономико-географические районы Европейской России [14].

---

[10] Отнесение крестьян, приписанных к частным заводам, к категории частновладельческого крестьянства оказалось необходимым в целях сопоставимости материалов ревизий. Кроме того, автор принял во внимание мнение специально занимавшихся этим вопросом К. А. Пажитнова («К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности». «Исторические записки». Т. 7. М. 1940, стр. 245) и Э. А. Лифшиц («Реформа 1861 г. и горнозаводские рабочие Урала». «Исторические записки». Т. 30. М. 1949, стр. 141), считавших указанную категорию особым разрядом ограниченного крепостного состояния. Численность этой категории значительна лишь для зауральской части Пермской губернии.

[11] См. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.-Л. 1946, стр. 24, 27—30, 38—43.

[12] Царское законодательство считало обязанных крестьян вольными людьми, арендующими купеческие земли (Второе Полное собрание законов (II ПСЗ). Т. IV. № 2909).

[13] Подсоседки — несамостоятельные хозяева, жившие при дворах более зажиточных собственников. Недостаточно выясненное социальное лицо этой категории, а также ее сравнительная малочисленность заставили автора включить эту группу в состав некрепостного населения.

[14] В определении районов автор пользовался в основном методами, изложенными в статье В. К. Яцунского «Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг.».

Территория Европейской России была разделена на следующие районы: Север (Архангельская (без Онежского уезда), Вологодская и Олонецкая (без Каргопольского уезда) губернии); Северо-запад (Псковская, Новгородская, Петербургская губернии, Каргопольский, Онежский и Вышне-Волоцкий уезды); Нечерноземный центр (Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская (без Вышне-Волоцкого уезда), Калужская, Нижегородская губернии); Запад (отдельно рассматриваемая Смоленская, а также Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская губернии); Центральный черноземный район (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская (без Бахмутского, Острогожского, Старобельского и Купянского уездов), западная часть Пензенской губ. (без Пензенского, Мокшанского, Городищенского, Саранского уездов). Из уездов Саратовской губернии в состав этого района включены только Аткарский, Балашовский, Сердобский и Петровский уезды; Среднее Поволжье (Казанская, Симбирская (без Ставропольского и заволжских частей Самарского и Сызранского уездов), восточная часть Пензенской губернии). Из уездов Вятской губернии в этот район входят Сарапульский, Елабужский, Малмыжский, Уржумский, Нолинский, Яранский уезды, из Пермской губернии — Осинский и Красноуфимский уезды; Нижнее Поволжье (Астраханская, восточная часть Саратовской губернии, Ставропольский и Самарский уезды Симбирской губернии); Северное Приуралье (из Вятской губернии в этот район входят Вятский, Слободской, Глазовский, Орловский, Котельнический, из Пермской — Пермский, Кунгурский, Оханский, Соликамский, Чердынский уезды); Южное Приуралье (Оренбургская губерния без Челябинского и Троицкого уездов);

Материалы десяти ревизий дают возможность путем их сопоставления проследить изменения в составе населения Европейской России. Данные этих источников сведены в три таблицы. Это вызвано необходимостью учитывать административно-территориальные изменения, происходившие в XVIII в., а также различия в темпах исследуемого процесса в XVIII и первой половине XIX века. Итоги 1-й—3-й ревизий вследствие не вполне точной территориальной сопоставимости их с последующими ревизиями рассматриваются отдельно (таблица 1). Для более полного сравнения 3-й ревизии с 4-й и 5-й с учетом губернской реформы 1775 г. составлена таблица 2. Ее цифры по итогам 3-й ревизии несколько отличаются от сведений по той же ревизии, приведенных в таблице 1, поскольку надо было учесть данные о количестве прописных душ [15], а также раздач казенных крестьян в частное владение, произведенных Екатериной II в 1762—1765 годах [16]. По 5-й—10-й ревизиям составлена таблица 3 [17].

Изменение процента частновладельческого крестьянства показано в таблицах на территории: а) охваченной 1-й ревизией; б) на той же территории, с включением окраин страны (Левобережной Украины, Области Войска Донского, Оренбургской губернии) [18]; в) охваченной 5-й ревизией с включением территорий, присоединенных после разделов Польши.

Колебания удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России по 1-й — 3-й ревизиям (1718—1765 гг.) (в %) характеризуются следующими цифрами:

Таблица 1

Наименование районов	Ревизии		
	1	2	3
Нечерноземный центр	66,6	67,0	67,5
Северо-запад	55,8	56,0	58,7
Смоленская губерния	73,9	74,2	74,9
Север	22,9	20,7	21,8
Центральный черноземный район	59,2	59,8	61,9
Среднее Поволжье	39,6	38,2	38,3
Нижнее Поволжье	16,6	6,2	14,2
Северное Приуралье	19,9	25,8	29,2
Итого в границах 1-й ревизии	56,8	56,5	57,2
Южное Приуралье	0,8	13,8	11,3
Левобережная Украина	47,6	48,7	51,2
Область Войска Донского	—	1,5	25,6
Всего	54,8	54,1	55,1

Левобережная Украина (Харьковская, Черниговская, Полтавская губернии, Острогожский, Старобельский и Купянский уезды Воронежской губернии); Правобережная Украина (Киевская, Волынская, Подольская губернии); Новороссия (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии); Область Войска Донского.

Не затрагиваются в статье данные по Прибалтике вследствие отсутствия по 1-й и 3-й ревизиям достоверных источников по этому району и ввиду отмены крепостного права в прибалтийских губерниях в 1816—1819 гг., а также по Бессарабии и Белостокской области, которые вошли в состав России лишь в начале XIX века.

[15] В основу данных по 3-й ревизии в таблице 2 положены ведомости, содержащие окончательные итоги этой ревизии. Большая часть прописных относится к некрепостному населению, имевшему возможность избежать записи в ревизии.

[16] Данные о раздачах Екатерины II взяты из работы В. И. Семевского «Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II». СПБ. 1906.

[17] В итоги 5-й ревизии (таблица 3) для сравнения с 6-й ревизией включены данные о раздачах Павла I, извлеченные из статьи В. И. Семевского «Пожалования населенных имений при императоре Павле». «Русская мысль», год третий, декабрь 1882 года.

[18] В таблицах 2-й и 3-й в состав этого раздела включена Новороссия.

Нечерноземный центр, северо-западный и северный районы и Смоленская губерния являлись издавна заселенной территорией Московского государства [19]. В нечерноземной полосе была сосредоточена основная масса населения не только Московского государства, но и Российской империи XVIII века. Это был район преобладающего светского землевладения — $^2/_3$ крестьян нечерноземного центра принадлежало помещикам. Значительные владения были здесь в руках церкви и царского двора. Черносошных крестьян в этой области почти не было. Нечерноземный центр являлся в первой половине и в середине XVIII в. основным торговым и промышленным районом страны. Природные условия его не были особенно благоприятными для земледелия, но близость столичного рынка, а также значительный спрос на продукты сельского хозяйства со стороны все возраставшего неземледельческого населения делали нечерноземный район местом развитого хлебопашества. Здесь были распространены оброчная (в промышленных губерниях) и барщинная (в основном в сельскохозяйственных губерниях) система крепостнической эксплуатации [20]. Доля частновладельческих крестьян в составе населения нечерноземной полосы находилась во время 1-й — 3-й ревизий почти на одном уровне, с небольшой тенденцией к повышению, что объясняется раздачей государственных и других категорий крестьян в частное владение [21].

Северо-запад имел развитую торговлю и промыслы, в то время как земледелие обеспечивало в основном лишь его собственные нужды. Эта область издавна являлась районом феодального землевладения. Более половины крестьян находились здесь на барщине. Увеличение процента частновладельческих крестьян, особенно со 2-й по 3-ю ревизии, в значительной мере объясняется раздачами населенных имений, практиковавшимися в тот период в непосредственной близости от Петербурга. Смоленская губерния длительное время являлась пограничной. Поэтому в середине XVIII в. здесь преобладало мелкое служилое землевладение. Это был сельскохозяйственный район, в котором основная масса крестьян находилась на барщине. Удельный вес крепостных в 1718—1765 гг. оставался здесь почти на одном уровне, с небольшой тенденцией к увеличению.

На севере, в бывшем русском Поморье, подавляющую часть жителей составляли черносошные крестьяне. Помещичье землевладение было сосредоточено почти исключительно в юго-западном углу будущей Вологодской губ. (Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах). Большее распространение в этом крае получило только церковное землевладение. Суровые природные условия севера мало благоприятствовали земледелию, поэтому господствовала оброчная система хозяйства. Доля частновладельческих крестьян в составе местного населения с 1-й по 3-ю ревизии несколько снизилась, что объясняется, по-видимому, уходом части его на восток.

Центральный черноземный район (бывшие заокские, украинные, рязанские города и Дикое поле) в течение XVI, XVII и даже первой половины XVIII в. имел характер военного округа, охранявшего центр страны от опустошительных набегов крымских татар и отчасти ногайцев. Это обстоятельство задерживало колонизацию. Подавляющую часть некрепостного населения составляли здесь мелкие служилые люди, с 1719 г. объединенные под общим названием «однодворцев». Основная часть жителей была сосредоточена в северных районах—Тульской и Ря-

---

[19] С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в 16—17 вв. М. 1937, стр. 3—91.

[20] См. И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М. 1925, стр. 41—42.

[21] Всего с 1725 по 1762 г. было роздано 250 тыс. душ мужского пола (В. И. Семевский. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II, стр. 7).

занской губерниях, а также в северных районах Белгородской и Воронежской губерний. Особенно интенсивное освоение бывшего Дикого поля началось с середины XVIII века. В черноземном центре преобладало мелкое и среднее землевладение. По своим природно-климатическим условиям район являлся весьма благоприятным для земледелия. Больше половины населения было крепостным и находилось на барщине. В первой половине XVIII в. здесь была сосредоточена четвертая часть частновладельческих крестьян страны. Удельный вес его в черноземном центре в 1718—1765 гг. хотя и медленно, но неуклонно увеличивался, что объяснялось прежде всего притоком населения из более обжитых областей [22].

Среднее Поволжье было местом ранней колонизации. Сопротивление коренного населения определило военный характер начального этапа освоения этого района, вслед за которым шла земледельческая колонизация. Здесь были представлены все формы землевладения: светское, церковное, дворцовое; значительную часть жителей составляло местное (ясачное) население. Ко времени 1-й ревизии феодально-крепостническая система пустила в этом крае глубокие корни: около 40% населения было закрепощено. Хотя Среднее Поволжье по природным условиям во многом напоминало плодородный черноземный центр страны, здесь господствовала смешанная система эксплуатации крестьян [23]. Понижение процента частновладельческих крестьян с 1-й по 3-ю ревизии объяснялось продолжавшейся колонизацией (как вольной, так и помещичьей) [24]. Нижнее Поволжье в первой половине XVIII в. в целом было заселено очень слабо. Резкое понижение доли крепостного крестьянства в этом районе к моменту 2-й ревизии объясняется скорее всего неполнотой данных ревизии, восполнить которые пока не представляется возможным. В Северном Приуралье Вятская губерния почти не имела крепостного населения. В Пермской губернии, которая в рассматриваемый период являлась центром горнозаводской промышленности России, значительный рост числа уральских частных заводов привел к увеличению числа частновладельческих крестьян, главным образом за счет принудительной и в меньшей мере вольной колонизации, а также приписки государственных крестьян к заводам [25].

В целом по Европейской России в границах 1-й ревизии положение до 3-й ревизии оставалось почти стабильным.

Южное Приуралье в изучаемое время было районом как вольной, так и принудительной колонизации. Широко развернувшаяся к середине XVIII в. постройка частных медеплавильных и железоделательных заводов, а также активная помещичья колонизация оренбургских степей [26] привели к значительному росту численности частновладельческого крестьянства. Известное значение имела также убыль местного населения в связи с жестоким подавлением восстания башкир в 1735—1740 годы [27].

Заселение Левобережной Украины особенно усиленно происходило со второй половины XVII века. Во время борьбы украинского народа с

---

[22] В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения.., стр. 198—199.

[23] Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 125—127.

[24] Т. П. Ржаникова. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. И. Пугачева (50 — начало 70-х гг. XVIII в.) (автореферат кандидатской диссертации). Л. 1953, стр. 5.

[25] «Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII в.», стр. 101, 103. На Урал устремлялось главным образом население из Казанской, Нижегородской, Архангельской, Московской губерний (ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, ед. хр. 1624, лл. 1279—1286).

[26] «Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII в.», стр. 104.

[27] П. И. Рычков писал, что всего было убито 16 572, сослано 3 236, роздано 8 382 башкира, но и эти данные он считал значительно заниженными (П. И. Рычков. История Оренбургская по учреждение Оренбургской губернии. Т. I. СПБ. 1759, стр. 487—488).

панской Польшей масса украинцев устремлялась за Днепр и оседала там. Основу некрепостного населения составляли казаки. Подавляющее большинство крепостных было сосредоточено на Гетманщине, где на смену польским магнатам пришла казацкая старшина, сумевшая до середины XVIII в. закабалить почти половину местных жителей. На Левобережной Украине было развито хлебопашество и преобладала барщинная система. В Области Войска Донского крепостное население появляется только с середины XVIII столетия [28]. Окончательно крепостное право здесь введено в 1796 году [29]. Возрастание процента частновладельческого крестьянства в этом районе объясняется наличием как принудительной (покупка и перевод крепостных крестьян), так главным образом и вольной колонизации [30].

В общей сложности в Европейской России в 1718—1765 гг. наблюдалась тенденция к увеличению процента крепостных, что объясняется, по-видимому, в первую очередь раздачами государственных и других категорий крестьян помещикам.

Изменение доли частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России с 60-х годов XVIII до начала XIX в. (в %) показывают следующие данные:

Таблица 2

Наименование районов	Ревизии		
	3	4	5
Нечерноземный центр	67,0	68,2	68,8
Северо-запад	58,3	57,7	59,5
Смоленская губерния	76,2	77,0	77,7
Север	19,2	20,9	20,8
Центральный черноземный район	57,8	58,2	58,5
Среднее Поволжье	31,9	32,3	33,2
Нижнее Поволжье	43,2	42,9	43,2
Северное Приуралье	29,2	29,5	26,6
Итого в границах 1-й ревизии	55,5	57,2	55,9
Южное Приуралье	16,0	16,8	18,0
Левобережная Украина	47,0	44,5	44,7
Область Войска Донского	25,3	24,3	43,6
Итого	53,1	53,0	53,2
Новороссия	33,9	40,9	38,6
Всего	52,8	52,7	52,7

Положение в нечерноземном центре, северо-западном, северном районах и в Смоленской губернии осталось неизменным. Незначительное увеличение процента частновладельческих крестьян во второй половине XVIII в. в указанных областях может быть объяснено как естественным приростом, так и продолжавшейся миграцией, главным образом некрепостного населения. Известное значение могла иметь также некоторая неточность ревизских материалов. В черноземном центре — житнице страны — частновладельческое крестьянство по-прежнему преобладало и продолжало численно увеличиваться. В период с 4-й по 5-ю ревизии от-

[28] А. А. Карасев. Донские крестьяне. «Труды» Донского военно-статистического комитета Вып. I. Новочеркасск. 1857, стр. 72.

[29] Первое Полное собрание законов (I ПСЗ). Т. XXIV, № 17638.

[30] И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М. 1937, стр 80; М. М. Постникова-Лосева. Из истории социально-экономических отношений на Дону. «Исторические записки». Т. 60. М. 1957, стр. 249.

мечается перемещение отсюда населения дальше на юг, чем и объясняется замедление роста удельного веса частновладельческого крестьянства в этом районе [31]. Колонизация Поволжья продолжалась; процент крепостных в Среднем Поволжье несколько повысился; в Нижнем Поволжье положение не изменилось.

В Северном Приуралье во второй половине XVIII в. доля частновладельческого крестьянства в составе местного населения почти не повышалась, а к 5-й ревизии даже несколько понизилась. Это объясняется, по-видимому, интенсивным притоком некрепостного населения, особенно из северных областей страны.

Если взять районы Европейской России в границах 1-й ревизии, то положение здесь не изменилось.

В Южном Приуралье в связи с продолжавшейся помещичьей колонизацией и строительством новых частных заводов численность и удельный вес частновладельческого крестьянства продолжали расти, хотя и в меньших размерах, чем в предыдущий период. Из Левобережной Украины в последней трети XVIII в. происходит отлив населения вследствие усиления феодального гнета и распространения крепостного права на этот район указом 1783 года [32]. Крестьяне уходили отсюда в Новороссию и Область Войска Донского. Ввиду этого процент крепостных несколько уменьшился. В то же время, особенно с 4-й по 5-ю ревизии, в Области Войска Донского доля крепостных среди населения выросла чуть ли не вдвое. Интенсивная колонизация Новороссии, как вольная, так в меньшей степени и помещичья, резко усилилась лишь в последней четверти XVIII в., после присоединения Крыма к России (1783 г.) [33]. Основная часть крепостных крестьян была сосредоточена в северной, ранее заселенной части Новороссии (территория Екатеринославской губернии). Процент частновладельческого крестьянства в этом районе с 3-й по 5-ю ревизии значительно повысился.

На всей территории Европейской России во второй половине XVIII в. соотношение между крепостным и некрепостным населением остается почти неизменным.

Таким образом, в течение XVIII в. доля частновладельческого крестьянства Европейской России (без Новороссии) уменьшилась с 54,8 до 53,2, а в границах 1-й ревизии — с 56,8 до 55,9%. Это объясняется главным образом систематическим усилением феодального гнета, следствием которого было ухудшение положения крепостных крестьян и связанный с этим замедленный прирост этой части населения [34].

Сводные данные об изменении удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России в первой половине XIX в. (в %) дают следующую картину (см. табл. на стр. 131).

Анализ приведенных сведений показывает, что в первой половине XIX в. во всех районах Европейской России происходило различное по степени интенсивности падение процента частновладельческого крестьянства, особенно усилившееся с 30-х годов (8-я ревизия 1836 г.). При этом сильное уменьшение характерно именно для тех областей, где крепостничество было более распространено, а значительную часть населения составляли издавна частновладельческие крестьяне (Литва и Белоруссия, северо-запад, черноземный и нечерноземный центры, Правобережная Украина). В указанных районах, начиная с 8-й ревизии, от-

---

[31] А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М. 1957, стр. 53.

[32] I ПСЗ. Т XXI, № 15724.

[33] Д. И. Багалей. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев. 1889, стр. 62—63 и др.

[34] За тот же период удельный вес некрепостного крестьянства оставался почти неизменным — 43,8% по 1-й ревизии и 43,9% по 5-й ревизии, а в границах 1-й ревизии соответственно — 41,4 и 41,8.

носительно быстро падает не только процент, но и абсолютная численность частновладельческого крестьянства [35].

Таблица 3

Наименование районов	Ревизии					
	5	6	7	8	9	10
Нечерноземный центр	70,1	67,7	66,2	65,1	61,0	60,2
Северо-запад	62,2	58,0	54,6	53,1	51,1	49,3
Смоленская губерния	78,8	78,2	78,0	76,9	75,9	75,2
Север	20,8	20,9	20,9	18,0	18,2	17,9
Центральный черноземный район	60,8	56,5	57,0	55,8	51,2	49,0
Среднее Поволжье	33,8	31,7	30,2	28,6	25,7	25,0
Нижнее Поволжье	43,2	41,4	36,4	32,9	29,6	25,0
Северное Приуралье	26,7	25,7	26,0	24,9	24,5	23,3
Итого в границах 1-й ревизии	57,6	54,4	53,2	51,5	47,6	45,4
Южное Приуралье	18,0	17,8	17,6	15,7	16,7	15,9
Левобережная Украина	45,0	45,4	43,5	41,9	40,2	38,3
Область Войска Донского	43,6	43,3	33,4	32,3	33,3	33,5
Итого	54,6	51,9	50,3	48,3	44,7	42,4
Литва и Белоруссия	80,4	77,4	72,4	70,6	66,7	67,1
Правобережная Украина	77,3	76,6	73,8	73,2	68,8	69,2
Новороссия	38,6	35,0	35,8	34,0	33,7	34,5
Всего в границах 5-й ревизии	59,3	56,2	54,6	51,9	48,3	46,9 [36]

В нечерноземном центре доля крепостных уменьшилась за это же время с 70,1 до 60,2%, а его численность с 8-й по 10-ю ревизии снизилась с 2 259 тыс. до 2 163 тыс. человек [37]. В первой половине XIX в. этот район оставался основным промышленным центром страны. Но в отношении числа жителей, в том числе и крепостных, он уже уступал черноземному центру. Из нечерноземного центра продолжался отлив населения в другие области. В северо-западных губерниях процент крепостного крестьянства упал с 62,2 до 49,3, а количество крепостных с 8-й по 10-ю ревизии уменьшилось с 565 тыс. до 540 тыс. человек. Близость к морским портам и столичным рынкам обусловила развитие здесь товарного земледелия, что неминуемо привело к резкому усилению эксплуатации крестьян. Отлив населения из этого района продолжался. В Смоленской губернии, как и на севере, процент крепостных уменьшился незначительно. Ввиду относительной удаленности от рынка здесь длительное время сохранялись элементы натурального хозяйства, а на севере почти полностью отсутствовало помещичье товарное хлебопашество.

Черноземный центр, остававшийся житницей России, имел в первой половине XIX в. наибольшее население, в том числе и крепостное. Доля

[35] Причины падения удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения в первой половине XIX в., которые для всех районов одинаковы, рассматриваются ниже.

[36] Процент крепостных в Европейской России (37,5) был выведен А. Г. Тройницким по не вполне сопоставимым данным: сведения о крепостном крестьянстве взяты были из материалов 10-й ревизии, а о населении — из подсчетов Центрального статистического комитета министерства внутренних дел на 1 января 1859 года (А. Г. Тройницкий. Крепостное население России.., стр. III, IV). По подсчетам автора настоящей статьи, использовавшего данные 10-й ревизии, этот процент на территории, которую рассматривает А. Г. Тройницкий, составлял 39,4.

[37] За период с 6-й по 7-ю ревизии для западного и северо-западного районов нечерноземного центра необходимо учитывать убыль и отлив населения в связи с военными действиями во время Отечественной войны 1812 года.

последнего понизилась с 60,8 до 49%, а абсолютная его численность с 8-й по 10-ю ревизии упала с 2 515 тыс. до 2 416 тыс. человек. Указанный район оставался центром товарного земледелия с преобладанием барщинной системы хозяйства. В рассматриваемое время население уходило отсюда дальше на юг, главным образом в Новороссию и на Северный Кавказ [38]. В первой половине XIX в. в Среднем Поволжье значительное развитие получило товарное хлебопашество, что неизбежно вызвало усиление феодального гнета крестьян. Процент частновладельческого крестьянства снизился с 33,8 до 25, хотя абсолютная численность его продолжала расти. В Нижнем Поволжье большое падение удельного веса частновладельческого крестьянства объяснялось прежде всего притоком некрепостного населения. В Северном Приуралье процент крепостных несколько снизился при продолжавшемся увеличении их числа.

В границах 1-й ревизии доля частновладельческого крестьянства в первой половине XIX в. снизилась с 57,6 до 45,4%, абсолютная численность его упала с 7 737 тыс. (8-я ревизия) до 7 636 тыс. человек (10-я ревизия) [39].

В Южном Приуралье и Новороссии — районах, освоение которых в указанный период продолжалось,— процент частновладельческих крестьян уменьшился в незначительных размерах. На Левобережной Украине, в районе развитого земледелия, ввиду удаленности его от рынков сбыта основная часть зерна перерабатывалась на месте. Крепостные несли главным образом барщинную повинность. Население продолжало уходить отсюда на юг, в Новороссию [40].

Значительное снижение доли крепостных в составе населения Области Войска Донского, особенно резкое с 6-й по 7-ю ревизии, объясняется более точной с 1822 г. регистрацией казачьего населения, ранее вообще не подвергавшегося переписи. Кроме того, известное значение имело запрещение с 1816 г. покупки и перевода крепостных крестьян донскими помещиками [41].

В западных губерниях (Правобережная Украина, Литва и Белоруссия), присоединенных к России после разделов Польши, несмотря на большое число раздач русскому дворянству, произведенных Екатериной II и Павлом I, преобладало землевладение польских магнатов и шляхты. Широко была распространена здесь месячина [42]. Особенно тяжелым было положение крепостных крестьян Белоруссии. Доведенные чрезмерной эксплуатацией до нищеты, они вымирали [43]. Процент частновладельческого крестьянства в этой части страны резко упал — с 80,4 до 67,1 при одновременном уменьшении его абсолютной численности с 1 371 тыс. (по 8-й ревизии) до 1 236 тыс. человек (по 10-й ревизии). На Правобережной Украине процент крепостных упал с 77,3 до 69,2, а численность их — с 1 363 тыс. до 1 357 тыс. человек [44].

На территории Европейской России, охватываемой границами 5-й ревизии, удельный вес частновладельческого крестьянства в первой

---

[38] А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 53.

[39] В то же время численность прочих категорий крестьянства продолжала неуклонно увеличиваться с 7 638 тыс. (8-я ревизия) до 9 451 тыс. (10-я ревизия).

[40] Е. И. Фелицын. Кубанское казачье войско. Воронеж. 1888, стр. 59; А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 53.

[41] А. А. Карасев. Указ. соч., стр. 81.

[42] И. И. Игнатович. Месячина в России в 1-й половине XIX в. Журнал «Историк-марксист», 1927, № 3, стр. 92—98.

[43] Представитель министерства внутренних дел писал в докладе Комитету министров от 7 февраля 1853 г. о положении крестьян Витебской и Могилевской губерний: «Нищета помещичьих крестьян превосходит всякое вероятие... Крестьяне, особенно у мелкопоместных владельцев, находятся в бедственном и угнетенном положении... Крестьяне нисходят до последней степени нищеты и нравственного унижения» (ЦГИАМ, ф. Мраморного дворца, № 722, оп. 2, ед. хр. 221, лл. 17—35).

[44] Численность прочих категорий крестьянства возросла с 9 140 тыс. (8-я ревизия) до 11 100 тыс. (10-я ревизия).

половине XIX в. уменьшился с 59,3 до 46,9%. Численность же его сократилась с 10 780 тыс. (8-я ревизия) до 10 574 тыс. человек (10-я ревизия).

Следовательно, если в XVIII в. произошло незначительное падение процента крепостных в составе населения Европейской России, то в первой половине XIX в., особенно с 30-х годов (8-я ревизия), удельный вес его резко снизился, главным образом за счет районов более давнего распространения крепостного права. Где же кроются основные причины этого явления, свидетельствовавшего о разложении феодально-крепостнической системы хозяйства в целом?

Мнение А. Г. Тройницкого о преобладающем значении переходов крепостного крестьянства в другие сословия не может быть принято. В общих чертах критика его доводов дана еще Н. П. Огановским [45]. По подсчетам автора настоящей статьи, за период с 8-й по 9-ю ревизии, когда падение удельного веса частновладельческого крестьянства стало особенно значительным, освободилось от крепостной зависимости через рекрутство всего 83 920 человек. Общая численность вольноотпущенных, отписных, выморочных и т. п. составляла по 8-й ревизии 155 тыс., по 9-й — 332 тыс. и по 10-й — 327 тыс. человек (1,5% всего населения), что, конечно, не могло существенно повлиять на падение процента крепостных. Миграция населения также не могла иметь решающего значения. В дореформенный период переселенцев было сравнительно мало [46].

Ключом для решения поставленного вопроса является следующее указание В. И. Ленина: «...медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи...» [47].

Анализ материалов ревизий показывает, что замедленный рост количества крепостных, характерный уже для XVIII в., особенно проявился в первой половине XIX в., а с 30-х годов началось его падение, в то время как численность прочих категорий крестьянства продолжала увеличиваться. Есть все основания полагать, что падение удельного веса частновладельческого крестьянства было следствием того, что положение его в условиях разложения феодально-крепостнической системы хозяйства резко ухудшилось, в результате чего естественный прирост этой части сельского населения по сравнению с другими его категориями оказался гораздо ниже.

В имеющихся в буржуазной и советской историографии работах по истории народонаселения России в XVIII — первой половине XIX в. содержатся данные только об общем количестве жителей страны, без социальных разграничений. Кроме того, используемые исследователями источники отличались тем, что они не учитывали обычно полностью смертность населения, что отмечалось еще в дореформенной статистической литературе [48]. Материалы ревизий достаточно убедительно сви-

---

[45] Н. П. Огановский. Указ. соч., стр. 238.

[46] В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. Иркутск. 1951, стр. 101 и др; его же. География миграций населения в России (автореферат докторской диссертации). М. 1951, стр. 7 и др; В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения..., стр. 196 и др.; А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 53 и др.; Ю. В. Кожухов. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в 1-й половине XIX в. «Научные доклады высшей школы Министерства высшего образования СССР». Серия исторические науки, 1958, № 3, стр. 52, 67 и др.

[47] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 438—439.

[48] Я. А. Соловьев. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М. 1855, стр. 87—89. По этому поводу министр финансов Е. Ф. Канкрин писал в 1829 г.: «По крещению едва ли пропускается младенец, но из умерших людей, вероятно, многие, особенно младенцы, хоронятся без ведома священников и наипаче у разных собственно не русских племен, у раскольников записываются дети якобы крещеными, но об умерших не объявляется» (ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 4, ед. хр. 2592, л. 42 об.).

детельствуют о различиях в уровне прироста крепостного и прочих категорий населения. Разницу эту нельзя объяснить лишь уровнем рождаемости, так как в дореформенной деревне ни о каком искусственном регулировании последней не могло быть и речи [49]. Основное значение здесь имели, конечно, различия в уровне смертности, определяемые социальными факторами [50], в первую очередь степенью эксплуатации крепостных, а также их материальной обеспеченностью (то есть количеством и качеством земли и размером платежей).

Сведения о размерах земельных наделов крепостных крестьян имеются в работах В. И. Семевского (для конца XVIII в.) и И. И. Игнатович (для середины XIX в.) [51]. Сравнение этих данных показывает, что для первой половины XIX в. характерно значительное уменьшение наделов крепостных крестьян. Это обстоятельство отметил еще Н. П. Огановский. Если в конце XVIII в. оброчные крестьяне пользовались почти всей помещичьей землей, а барщинные — двумя третями ее, то к середине XIX в. обе категории фактически владели лишь половиной удобной земли [52]. Сравнив среднюю величину надела за указанные выше даты, он пришел к выводу, что в губерниях черноземного центра размер надела барщинных крестьян сократился с 7 до 3,2 дес., а нечерноземного центра — с 13,5 (оброчных) и 8 (барщинных крестьян) до 4,3 дес. на один двор. Таким образом, за 60 лет размеры наделов были урезаны почти в 2,3 раза, главным образом в черноземной полосе, и почти нигде не достигали нормы, необходимой для поддержания прожиточного минимума крестьянской семьи, вычисленной Ю. Э. Янсоном,— 8 дес. для нечерноземных и 5 дес. для черноземных губерний [53]. На Левобережной Украине размеры наделов сократились за рассматриваемый период с 75% всей помещичьей земли до 31% в Харьковской и Полтавской и до 61% в Черниговской губернии. На Правобережной Украине в середине XIX в. надельной земли было у крепостных в Подольской губернии—1,23, Киевской—1,94, Волынской—2,85 десятины [54]. Значительное сокращение наделов произошло к середине XIX в. также в западных губерниях [55] и в Среднем Поволжье [56].

---

[49] Нельзя, впрочем, отрицать некоторого влияния на уровень рождаемости физического и нравственного состояния взрослого населения. В этом отношении крепостное крестьянство находилось в самых худших условиях.

[50] В ряде работ досоветской и советской историографии убедительно доказывается, что для пореформенной России (а следовательно, в не меньшей степени и для дореформенной) уровень рождаемости определялся преимущественно биологическими, а уровень смертности — социальными факторами (П. П. Семенов-Тян-Шанский. Вводная статья к 1-му выпуску «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России». СПБ. 1880; П. И. Куркин. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М. 1938, стр. 56; В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения..., стр. 220—221).

[51] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1, стр. 20—30, 35—37, 584—585; И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 55.

[52] Н. П. Огановский. Наделение землей помещичьих крестьян. М. 1913, стр. 31, 37. Более точные сведения есть в учебнике «История СССР» (т. I. М. 1956, стр. 612—613). В конце XVIII в. по 19 великорусским губерниям крепостные пользовались 82,3% удобной земли, а к середине XIX в. по 20 великорусским губерниям — только 56%, а без леса — 34%.

[53] Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд. 2-е. СПБ, 1881, стр. 70—71.

[54] И. А. Гуржий. Указ. соч., стр. 66.

[55] В. И. Пичета. Предисловие к сборнику «Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX в.». «Красный архив». Т. 1. М. 1940, стр. 177—184; Н. Н. Улащик. Указ. соч., стр. 61; Е. И. Фирсова. Кризис крепостнического хозяйства Белоруссии и крестьянское движение в 40—50-х годах XIX в. (автореферат кандидатской диссертации). Минск. 1956, стр. 12—13; В. И. Неупокоев. Крестьянское движение в Виленской и Ковенской губерниях накануне реформы 1861 г. (автореферат кандидатской диссертации). Вильнюс. 1950, стр. 11 и др.

[56] И. М. Катаев. На берегах Волги. Челябинск. 1948, стр. 65; Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX в. М. 1955, стр. 180—182.

Следовательно, уменьшение крестьянских наделов к середине XIX в. было общим для большинства районов Европейской России. Это явление связывалось преимущественно с увеличением барской запашки, вызванным широким развитием в первой половине XIX в. товарности сельского хозяйства. Потребность в его продукции значительно возросла. Расширение внутреннего рынка объяснялось увеличением численности городского и неземледельческого сельского населения, а также ростом промышленности по обработке сельскохозяйственного сырья. Спрос на внешнем рынке особенно увеличился со второй половины 40-х годов XIX в. после отмены хлебных пошлин в Англии. К середине XIX в. экспорт русского хлеба по сравнению с концом XVIII в. вырос в 19 раз [57]. Немалое значение в процессе сокращения наделов крепостных крестьян имел непрерывный рост их семей, так как помещики в связи с повышением ценности земли избегали выделения новых наделов.

Крупнейшим районом товарного земледелия в первой половине XIX в. являлся черноземный центр. Именно этим и объясняется наиболее бедственное положение с крестьянскими наделами, сложившееся здесь. Помещики часто не ограничивались уменьшением крестьянских наделов и нередко полностью лишали крестьян земли, переводя их на месячину. Последняя была широко распространена на Левобережной и Правобережной Украине и в меньшей степени—в черноземном центре и западных губерниях [58]. Помимо уменьшения наделов, резко повысились размеры оброчных платежей крестьян [59]. Значительное расширение в первой половине XIX в. барской запашки неизбежно вело к усилению эксплуатации крестьян. Барщина нередко доходила до четырех, пяти и даже шести дней в неделю, были повышены и дневные задания, так что часто крестьянам оказывалось не под силу выполнить их [60]. На обработку своих наделов им оставались иногда лишь воскресные дни и ночи. Хозяйства барщинных крестьян поддерживались только крайним напряжением их физических сил [61]. Все это вело к полному моральному и физическому истощению большинства частновладельческих крестьян, которые становились неспособны даже к простому воспроизводству своих хозяйств. Последние разорялись. Крепостное население вымирало.

Тревожный факт прогрессирующего падения численности частновладельческого крестьянства был замечен уже современниками. Начальник статистического отделения министерства внутренних дел К. Веселовский в 1856 г. в пояснительной записке к таблицам сравнения народонаселения России по 7-й и 8-й ревизиям [62] отмечал, что с 1796 по 1834 г. численность частновладельческого крестьянства увеличивалась только на 0,5% в год, тогда как прирост всего остального населения составил $1^1/_3$%. Это обстоятельство К. Веселовский осторожно объяснил «политическими причинами», указав, однако, что «от степени довольства зависят также и успехи народонаселения» [63]. Он связывал также замедлен-

---

[57] В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России, стр. 82—83.

[58] И. И. Игнатович. Месячина в России в первой половине XIX в., стр. 92—98.

[59] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 107—108; Л. Б. Генкин. Указ. соч., стр. 43.

[60] «История СССР». Т. I. М. 1956, стр. 613.

[61] Указанные явления отмечались в работах многих советских историков (см. Н. М. Дружинин. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории». 1954, № 7; И. И. Никишин. Некоторые вопросы экономики крепостного хозяйства 1-й половины XIX в. «Исторические записки». Т. 44. М. 1953; В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России, и др.).

[62] ЦГИАЛ, ф. В. И. Вешнякова, № 911, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 3 об — 5 об.

[63] Положение государственных крестьян также было тяжелым. Поборы и повинности их непрерывно росли. Но все же они находились в лучшем положении, чем крепостные крестьяне (Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I, стр. 33; т. II, стр. 294—295 и др.).

ный рост численности частновладельческого крестьянства со степенью зажиточности их владельцев. Ко времени 8-й ревизии свыше половины частновладельческих крестьян находилось во владении средних и мелких помещиков, в имениях которых крепостные подвергались более интенсивной эксплуатации.

Страшным бичом русской деревни являлись голод и эпидемии, ставшие хроническими в первой половине XIX века. От этих стихийных бедствий особенно сильно страдало крепостное население. Крестьяне отвечали на усиление феодального гнета восстаниями. Если в 1801—1810 гг. было отмечено 83 волнения крестьян, то в 1851—1861 гг. их число достигло 591 [64]. «Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу» [65].

Выявление изменений удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России в XVIII — первой половине XIX в. позволяет сделать некоторые общие выводы. В течение XVIII в. (1—5-я ревизии) в условиях продолжавшегося господства феодального способа производства положение крестьянства все более ухудшалось. Крепостнический гнет усиливался, что неизбежно вызывало замедленный рост этой категории населения, доля ее снизилась в то время с 54,8 до 53,2%.

В первой половине XIX в., особенно с 30-х годов, по всем районам Европейской России процент частновладельческого крестьянства резко падает (с 54,6 до 42,4 — в границах 1-й ревизии, с 59,3 до 46,9 — в границах 5-й ревизии). Особенно сильно уменьшается доля крепостных в составе населения тех областей, где раньше утвердилось крепостное право. Здесь начиная с 30-х годов сократилась даже абсолютная численность крепостных.

Первая половина XIX в. была периодом разложения, а затем (примерно с 30-х годов) кризиса крепостного строя в России. Одновременно в стране происходило развитие капиталистического уклада. В создавшихся условиях помещики, стремясь поднять доходность своих хозяйств путем увеличения их товарности, усиливали эксплуатацию крепостных. Падение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России в первой половине XIX в. явилось непосредственным следствием резкого усиления феодального гнета. В указанный период произошло также уменьшение размеров земельных наделов крепостных и не менее резкое повышение оброчных платежей. Все это вызвало разорение крестьянских хозяйств, особенно в районах давнего распространения крепостного права. На окраинах страны этот процесс несколько смягчался в связи с наличием свободных земель и более слабым, чем в центре, развитием крепостнических отношений.

Изменение соотношения между крепостным и некрепостным населением, особенно в первой половине XIX в., резкое уменьшение доли частновладельческих крестьян в составе населения, сопровождавшееся в 30—50-х годах XIX в. сокращением его абсолютной численности, свидетельствовало о том, что к этому времени уже отчетливо проявился острейший конфликт между производительными силами и феодальными производственными отношениями. Единственным выходом из этого тупика было упразднение крепостного права.

---

[64] И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX века. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

[65] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 95.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И КОНСТИТУЦИЯ ДЖОНА БРАУНА

И. П. Дементьев

Американский народ имеет славные демократические традиции. В вековой борьбе против рабства он выдвинул целую плеяду талантливых, неустрашимых борцов, среди которых выдающееся место занимает простой фермер Джон Браун.

История подвига Брауна широко известна. В ночь на 16 октября 1859 г. во главе отряда из 18 человек (среди которых было 5 негров) Браун занял городок Харперс-Ферри в рабовладельческом штате Виргиния и захватил арсенал, в котором хранилось более 100 тыс. ружей. Однако уже на другой день повстанцы были окружены рабовладельческой милицией и регулярными правительственными войсками, прибывшими из Балтиморы. Героическая оборона длилась целые сутки. Даже врагов изумляло мужество восставших. Из крошечной армии освобождения 9 человек были убиты, среди них два сына Брауна, сам он был схвачен тяжело раненным и вместе с другими пленниками отправлен в тюрьму в Чарльстаун. На вопрос о целях восстания Браун отвечал: «Освобождение рабов»[1]. 2 декабря 1859 г. по приговору рабовладельческого суда славный сын американского народа был казнен.

Восстание в Харперс-Ферри потерпело неудачу, однако значение его трудно переоценить. Это было первое широко известное совместное вооруженное выступление белых и негров против рабства. Оно способствовало объединению всех антирабовладельческих сил, ускорило наступление гражданской войны и падение рабства. В день казни Брауна на севере США состоялись массовые собрания и митинги. Вся прогрессивная Америка выразила свою солидарность делу Брауна.

Браун был не только руководителем знаменитого восстания, революционером-практиком, но и политическим мыслителем революционно-демократического направления. Об этом свидетельствует написанная им «Временная конституция и постановления для народа Соединенных Штатов». Захват арсенала в Виргинии служил лишь первым звеном в осуществлении задуманного Брауном плана. Он хотел основать в Аллеганских горах, вклинившихся в рабовладельческие штаты Виргиния и Мэриленд, свободное государство, существование которого в самом сердце плантаторского Юга подорвало бы рабовладельческую собственность. Именно для этого государства и была написана им конституция, утвержденная незадолго до восстания, 8—11 мая 1858 г., на тайном собрании аболиционистов в г. Чэтеме (Канада).

Сто лет прошло со дня гибели Джона Брауна, но и сейчас о его деятельности спорят страстно и непримиримо. Нигилистическое отношение многих буржуазных историков к деятельности Брауна понятно. Революционер Браун — герой для угнетенных и ненавистная фигура для реакционеров. До настоящего времени в кругах буржуазных историков имеет широкое хождение клеветническая версия о безумии Брауна, ко-

---

[1] «New York Tribune», 19 октября 1959 года.

торая была пущена в ход еще рабовладельцами[2]. Эту версию в конце XIX в. с небольшими вариациями повторили Е. Тейер, Ч. Робинсон, Д. Барджесс[3], она бытует и в работах современных буржуазных историков Р. Уоррена, Д. Малина, А. Невинса[4] и других.

Прогрессивная американская историография немало сделала для восстановления правды о героической борьбе Брауна против рабства. До сих пор лучшей работой о нем остается написанная 50 лет назад монография выдающегося негритянского историка и политического деятеля У. Дюбуа[5]. Автор убедительно показал тесную связь аболиционистской деятельности Брауна с негритянским освободительным движением.

В обобщающих трудах по истории США американских историков-марксистов У. Фостера, Г. Аптекера, Ф. Фонера, советского ученого А. В. Ефимова[6] были глубоко проанализированы расстановка классовых сил накануне гражданской войны и значение восстания в Харперс-Ферри. Однако исследование многогранной деятельности Брауна еще незавершено. Анализу подвергалась главным образом его практическая борьба: участие в гражданской войне в Канзасе, восстание в Харперс-Ферри; в то же время его революционно-демократические взгляды, проявившиеся с особой силой во «Временной конституции», изучены недостаточно. Обращение американских историков к отдельным положениям конституции носит эпизодический характер. Конституция не проанализирована и в советской историографии.

В этой связи большой интерес представляет незаслуженно забытая публикация Н. Г. Чернышевским большинства статей выдающегося документа американской демократической мысли — «Временной конституции»[7], переведенной на русский язык Н. Г. Чернышевским. Конституция проливает новый свет на антирабовладельческую деятельность Джона Брауна.

Передовые люди России всегда с глубоким вниманием и симпатией следили за демократическими движениями в США. Так, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, Ф. В. Каржавин приветствовали борьбу американского народа против английского колониального ига. Вместе с тем А. Н. Радищев проницательно отмечал эксплуататорскую сущность буржуазного строя, утвердившегося в США после войны за независимость. В первой половине XIX в. декабристы, а затем революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, страстно обличая рабство в США, внимательно наблюдали за развитием демократического, антирабовладельческого движения.

В конце 50-х годов XIX в. как в России, так и в Соединенных Штатах назревала революционная ситуация. В России она возникла в результате кризиса феодальной системы и усиления борьбы крестьянства против крепостного права, в США — вследствие кризиса рабовладельческой системы и обострения противоречий между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом. 11 января 1860 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «По моему мнению, самые великие события в мире в на-

---

[2] J. Rhodes. History of the United States from the Compromise of 1850. Vol. II. New York, London. 1893, p. 411.

[3] E. Thayer. The Cansas Grusade. New York. 1889; Ch. Robinson. The Cansas Conflict. New York. 1892; J. Burgess. The Middle Period. New York. 1897.

[4] R. Warren. John Brown, Making of Martyr. New York. 1929; J. Malin. John Brown and the Legend of Fifty-six. Philadelphia. 1942; A. Nevins. The Emergence of Lincoln. Vol. I—II. New York. 1950.

[5] W. E. Du Bois. John Brown. Philadelphia. 1909.

[6] У. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955; H. Aptheker. To be Free, Studies in American Negro History. New York, 1956; Ph. Foner. The Life and Writings of Frederick Douglass. Vol. I—II. New York. 1950—1953; А. В. Ефимов. К истории капитализма в США. М. 1934; его же. Очерки истории США. М. 1958.

[7] В литературе упоминание об этой публикации содержится лишь в работе К. Беккер. Прогрессивная негритянская литература США. Л. 1957, стр. 52.

стоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти [Джона] Брауна, с другой стороны — движение рабов в России»[8].

Руководителем наиболее радикального направления в аболиционистском движении был Джон Браун; чаяния русского крестьянства с необычайной силой отразились в революционном мировоззрении и практической деятельности Н. Г. Чернышевского.

Глубокий интерес Чернышевского к аболиционистскому движению был обусловлен прежде всего его сочувствием к угнетенному негритянскому народу[9]. Кроме того, ожидая революционного подъема в Западной Европе, Чернышевский надеялся связать крестьянскую революцию в России с революцией «простолюдинов» в западноевропейских странах. Он полагал, что если в США начнется гражданская война, «то и в Западной Европе значительно ускорится ход событий»[10].

В условиях свирепой царской цензуры Чернышевский, разумеется, не мог прямо высказывать свои взгляды: писать о своей солидарности с американскими радикальными аболиционистами и делать открытые выводы из событий в США применительно к революционной обстановке в России. Но, как отмечал В. И. Ленин, Чернышевский «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[11]. Ежемесячные политические обзоры важнейших мировых событий, которые он вел в журнале «Современник», представляют образец такой пропаганды революционно-демократических взглядов. Часто не имея возможности дать прямые оценки событиям, Н. Г. Чернышевский приводил искусно подобранные выдержки из иностранных газет и журналов, которые создавали правильное представление у читателя о важнейших международных и особенно революционных событиях. Нужно было обладать прозорливостью великого борца-демократа, чтобы среди сонма мировых событий того времени выделить и по достоинству оценить восстание Брауна, о котором фактически ничего не сообщала русская реакционная печать.

В ноябрьском номере «Современника» за 1859 г. появился политический обзор, значительная часть которого была посвящена этому событию. Чернышевский видел в восстании в Харперс-Ферри важное свидетельство качественного перелома в аболиционистском движении, доказательство роста сплоченности и решимости противников рабства, впервые перешедших от агитации к вооруженной борьбе. Он писал: «До сих пор наступательным образом действовала партия защитников невольничества; аболиционисты, действуя словом, фактически держались в оборонительном положении. Теперь, как видим, их энтузиазм так раздражен постоянными обидами от защитников рабства и уверенность в своих силах так возросла у них, что являются стремления действовать наступательно»[12]. Оценивая значение восстания Брауна, Н. Г. Чернышевский не сомневался, что оно приведет к новому подъему антирабовладельческой борьбы на Севере и Юге: «Без всякого сомнения, борьба станет постепенно принимать новый характер и аболиционисты через несколько времени отомстят за первых своих мучеников: Брауна, предводителя горсти людей, геройски сражавшихся в Гарперс-Ферри, и его неустрашимых товарищей»[13].

Однако Н. Г. Чернышевский не хотел ограничиться этими краткими,

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 474.

[9] Подробный анализ взглядов Н. Г. Чернышевского на революционные события гражданской войны в США см. И. И. Лягущенко. Н. Г. Чернышевский о гражданской войне в Америке. Л. 1951 (кандидатская диссертация).

[10] Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. VIII. 1950, стр. 409.

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 97.

[12] Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. VI. 1949, стр. 453.

[13] Там же, стр. 453—454.

хотя и глубокими комментариями по поводу выступления Брауна. Желая дать русскому читателю представление о целях и политических взглядах повстанцев, он опубликовал в том же ноябрьском номере «Современника» перевод основных статей «Временной конституции».

Что же послужило Чернышевскому оригиналом для перевода? Текст конституции вместе с другими документами был захвачен в Кеннеди-Фарм, откуда Браун вел подготовку восстания в Харперс-Ферри. Эти документы фигурировали затем при судебном разбирательстве в качестве материалов обвинения и были опубликованы в американской прессе. Чернышевский не имел возможности пользоваться американскими газетами. Позднее он отмечал, что в Россию приходила с большим запозданием и то лишь в еженедельном издании «New York Herald», «самая пошлая из 5 или 6 тысяч американских газет»[14]. «Скудны источники наших сведений,— писал он,— мы должны ограничиваться европейскими газетами, в которых американские события занимают, разумеется, лишь второстепенное место»[15]. В другом случае Н. Г. Чернышевский замечал, что нью-йоркские корреспонденции лондонской газеты «Times» дельнее и подробнее всех других знакомят «нас с северо-американскими событиями»[16].

В газете «Times» от 4 ноября 1859 г. был опубликован текст конституции Брауна. Сравнение с русским переводом показывает, что в обоих случаях приведены основные статьи конституции, одни и те же статьи, посвященные второстепенным вопросам, опущены[17] (например, отсутствуют статьи 13—24, излагающие процедуру предания суду за преступления президента, членов конгресса, офицеров, солдат и т. д.). Все вышеизложенное позволяет заключить, что оригиналом для перевода конституции Брауна послужил Чернышевскому текст, помещенный в «Times».

Публикуя конституцию, Н. Г. Чернышевский мог лишь кратко отметить, что «неукротимая энергия и глубокое нравственное чувство придают этому уставу чрезвычайную оригинальность»[18]. В условиях жесткой царской цензуры более обстоятельных комментариев он не мог дать.

Каковы же основные положения конституции?

Вступительная часть к ней гласила: «По соображению, что рабство во всем своем существовании в Соединенных Штатах есть не что иное, как самая варварская беспричинная и неизвинительная война одной части граждан против другой части, в которой единственными условиями служат постоянное тюремное заключение и безнадежное порабощение или совершенное истребление, в совершенную противность и оскорбление вечным и очевидным истинам, изложенным в акте провозглашения независимости Соединенных Штатов.

Мы, граждане Соединенных Штатов и угнетенный народ, который по недавнему решению Верховного суда объявлен не имеющим никаких прав, ненарушимых для белого человека, вместе со всеми другими людьми, униженными вследствие таких законов, определяем и постановляем себе для настоящего времени следующие временные конституцию и по-

---

[14] Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. VIII, стр. 494.

[15] Там же.

[16] Там же, стр. 496.

[17] Полный текст конституции см. «The Report of the Select Committee of the Senate Appointed to Inquire into John Brown's Invasion and Seizure of the Public Property at Harpers Ferry». Report Committee № 278. 36th Congress, Ist Session (в литературе часто упоминается как «Mason Committee Report») (источник имеется в Ленинграде в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Конституция и другие документы Брауна были представлены конгрессу специальной комиссией, созданной сенатом для расследования событий в Харперс-Ферри. Руководимая сенатором-рабовладельцем Мэсоном, эта комиссия сопроводила бумаги «успокоительным» отчетом, утверждавшим, что «возможность повторения подобной попытки исключена».

[18] Н. Г. Чернышевский. Собр. соч. Т. VI, стр. 454.

становления к лучшему охранению нашего народа, собственности, жизни и свободы и для руководства нашими действиями»[19].

В основе взглядов Брауна лежал демократический принцип, что все люди, независимо от цвета кожи, наделены равными правами. Браун не рассматривал рабство как социальную систему, тормозившую экономическое развитие страны, он осуждал его как нарушение «естественных прав» человека, провозглашенных «Декларацией независимости» США.

Еще в середине 40-х годов Браун пришел к выводу, что только вооруженная борьба может уничтожить власть рабовладельцев. Он писал: «Ничто не заставит рабовладельцев отпустить рабов, пока они не увидят дубины, занесенной над их головами»[20], и называл рабство «состоянием войны». К концу 50-х годов[21], развивая эти идеи, Браун пришел к выводу о необходимости учреждения свободного государства, цель которого — уничтожение рабства. Преамбула конституции подчеркивает необходимость вооруженной борьбы.

Браун не только отрицал право собственности на негров-рабов и призывал невольников к восстанию, но и требовал уничтожения любой другой собственности плантаторов-рабовладельцев. Об этом говорит статья 36-я: «Вся движимая и недвижимая собственность всех лиц, прямо или косвенно действующих с врагом или в пользу его, или упорно державших у себя рабов, должна быть конфискована всегда и повсюду»[22].

Сформулированное в конституции требование конфискации рабовладельческой собственности показывает, что в этом важнейшем вопросе буржуазно-демократической революции Браун занимал наиболее революционные позиции, далеко опередив самых радикальных аболиционистов. Лишь в разгар гражданской войны под давлением народных масс конгресс вынужден был принять законы о конфискации собственности мятежников-рабовладельцев. Но эти законы далеки от радикальных статей Брауна. Так, в билле, принятом конгрессом 17 июля 1862 г., говорилось: «Конфискация действительна на время жизни виновного»[23]. К тому же этот билль так и остался на бумаге. Между тем последовательное применение на практике идеи Брауна о конфискации земель рабовладельцев создало бы возможность для наделения бывших рабов землей, означало бы действительное освобождение негритянского народа от эксплуатации плантаторов. Позднее, в период буржуазной реконструкции Юга 1865—1877 гг., освобожденные без земли негры боролись под лозунгом «Сорок акров и мула» каждой негритянской семье. Эта борьба из-за позиции буржуазии Севера закончилась неудачей, и вчерашние рабы вынуждены были вернуться на старые плантации в качестве бесправных издольщиков.

Статья 28-я конституции гласила: «Вся взятая в добычу или конфискованная собственность и вся собственность, производимая трудом членов общества и их семейств, должна считаться собственностью всего общества безразлично и может быть употребляема на общую пользу»[24]. Не следует полагать, что у Брауна существовали какие-либо планы уничтожения частной собственности, ее обобществления. Наоборот, он всегда недвусмысленно заявлял, что не намерен «разрушать любую соб-

---

[19] Журнал «Современник», 1859, № 11, стр. 158—159.

[20] O. Villard. John Brown. A Biography Fifty Years After. Boston New York, 1910, p. 48.

[21] Особенно в связи с решением Верховного суда в 1857 г. по делу негра Дреда Скота. В решении говорилось, что раб остается рабом даже в свободных штатах. Характеризуя это постановление, К. Маркс писал: «...федеральная власть провозгласила распространение рабства в качестве закона американской конституции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. 2-я, стр. 176—177).

[22] «Современник», 1859, № 11, стр. 160.

[23] «Congressional Globe», 37th Congress, Ist Session, p. 500.

[24] «Современник», 1859, № 11, стр. 159.

ственность». Об этом же говорит преамбула к конституции. Данную статью об обобществлении следует понимать как временную военную меру.

Выдвигая революционные социальные требования, «Временная конституция» представляла также яркое выражение демократических принципов в области политического устройства государства. Конечно, даже самая демократическая буржуазная конституция не может обеспечить провозглашенного ею равенства, поскольку она остается на почве буржуазного строя.

Однако конституция Брауна была глубоко прогрессивной для того времени. Она обещала превратить США в самую свободную в мире буржуазно-демократическую республику. Это показывает сравнение ее с конституцией 1787 г., действующей в США и поныне. Конституция 1787 г. закрепила завоевание независимости английскими колониями в Северной Америке, установила республиканскую форму правления. Однако она была создана в период поражения народного движения за углубление революции и не воплотила многих демократических тенденций. В конституцию не вошел ряд принципов, провозглашенных в «Декларации независимости». Сохранялся позорный институт рабства. Широкие массы американского народа были лишены политических прав. Вопрос об определении избирательных прав передавался на усмотрение законодательных собраний отдельных штатов, установивших большое число цензовых ограничений. Сложное государственное устройство, система «сдержек и противовесов» служила цели парализовать возможность демократической деятельности одного из центральных органов объединенными усилиями других государственных звеньев. Так, общенациональный орган — палата представителей — уравновешивался сенатом. Деятельность всего конгресса была поставлена в зависимость от президентского вето.

Важнейшая черта конституции Брауна — стремление последовательно провести принцип народного суверенитета. В ней нет каких-либо ограничений для избирателей. Право избирать и быть избранным предоставлялось каждому совершеннолетнему гражданину, независимо от цвета кожи (статьи 1, 3, 4, 5) [25]. Предусматривались также прямые выборы и единовременное избрание на три года всех органов государственной власти: палаты представителей, президента, Верховного суда. Последовательный демократический характер выработанной Брауном политической системе придавала также строгая подотчетность выборных лиц перед избирателями. Депутат мог быть досрочно отозван по требованию избирателей. Уже одно это положение, чуждое любой буржуазной конституции, давало возможность избирателям контролировать деятельность государственных органов.

По конституции 1787 г. законодательная власть принадлежит палате представителей и сенату, причем сенат является особо консервативным органом, где представлены «богатство и собственность», облеченным широкими и длительными полномочиями. Члены сената в тот период назначались законодательными собраниями штатов [26]. Согласно конституции Брауна, вся законодательная власть должна принадлежать палате представителей (ст. 3) [27]. Отсутствие сената делало законодательную власть более демократической, способствовало быстрому прохождению и принятию законов.

Конституция 1787 г. предоставляет президенту необычайно широ-

---

[25] Там же.

[26] Этот порядок был изменен лишь в 1913 году. Принятая конгрессом XIII поправка к конституции предусматривала, что «сенат Соединенных Штатов будет составляться из двух сенаторов от каждого штата, избираемых народом последнего» («Конституции буржуазных стран». М. 1935, стр. 20).

[27] «Современник», 1859, № 11, стр. 159.

кую исполнительную власть. Он избирается коллегией выборщиков, которые являются механическими исполнителями воли партийных машин. Конституция Брауна предусматривала выборы президента непосредственно народом (ст. 4) [28]. Должностные лица назначались не президентом, а всеми органами власти. Это положение означало демократизацию государственной власти, отвечало требованиям народных масс, возмущенных распространенной в США партийной коррупцией.

Верховный суд США всегда являлся наиболее консервативным институтом американского буржуазного политического строя. Ни перед кем официально не ответственный, назначаемый пожизненно единоличным актом президента, он имеет право объявлять противоречащими конституции любые акты конгресса и президента. Конституция Брауна уничтожала исключительное положение Верховного суда. Судебный совет, состоящий из главного судьи, верховного судьи и четырех младших судей, должен был избираться непосредственно народом и лишался права исключительного толкования конституции.

Конституция требовала от всех должностных лиц добросовестного исполнения обязанностей. В случае злоупотреблений суду подлежали все, от простого служащего до президента включительно (ст. 5) [29].

Этические и религиозные убеждения Брауна, отвечавшие буржуазно-демократическим идеям, получили широкое отражение в конституции. Она требовала строгого соблюдения моральных устоев: поощряла браки, соединение разбитых семей и т. д. В условиях того времени эти пункты имели огромное значение. Тогда не существовало формальных браков между рабами. При продаже невольников плантаторы разбивали тысячи семей, разлучали родителей и детей.

Поскольку конституция была рассчитана на государство, находившееся в состоянии войны с рабством, это наложило на нее свой отпечаток. Ряд ее статей посвящался чисто военным мероприятиям. Всех граждан она делила на членов общества, добровольных, нейтральных и пленных. Членами общества имели право быть «все лица совершеннолетнего возраста без различия того, будут ли они угнетенными и порабощенными гражданами, или будут происходить из угнетенных и порабощенных племен Соединенных Штатов» (ст. 1) [30]. Они обязаны были защищать государство от нападения врагов. Добровольными считались «все лица, которые добровольно освободят своих рабов... и с ними должно обращаться как с друзьями» (ст. 33) [31]. Нейтральные «должны быть уважаемы насколько возможно, хотя общество не обязано защищать их» (ст. 34) [32]. Конституция обязывала «всегда и при всяких обстоятельствах обращаться с пленными, соблюдая возможную уважительность и кроткость, и внушать такое уважение всем другим» (ст. 32) [33].

Даже военную организацию Браун старался построить на демократических началах. Если по американской конституции президент является одновременно главнокомандующим и через военное министерство осуществляет управление армией, то по конституции Брауна главнокомандующий избирался всеми органами власти. Главнокомандующий назначал офицеров, но не имел права смещать их — это была уже область военного суда. В конституции Брауна получила детальную разработку юрисдикция офицерских и солдатских судов. Осуждая воровство и пьянство, закон строго карал дезертиров, мародеров, насильников (ст. 37) [34]. Эти статьи представляют дальнейшее развитие идей, изло-

---

[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же, стр. 160.
[33] Там же, стр. 159.
[34] Там же, стр. 160.

женных Брауном еще в период войны в Канзасе (1854—1856 гг.) в уставе для членов своего отряда[35].

Следует отметить, что во «Временной конституции» имелось крупное противоречие. Статья 46-я гласила: «Предыдущие статьи не должны быть истолкованы в смысле, возбуждающем к низвержению правительства какого-нибудь отдельного штата или общего правительства Соединенных Штатов, и клонятся не к разрушению Союза, а только к его исправлению, и нашим знаменем будет знамя, под которым наши отцы сражались за независимость»[36]. Протокольная запись заседаний в г. Чэтеме, где происходило утверждение конституции, скупо передает, что ученик военной школы Брауна Рейнольдс предложил вычеркнуть эту статью как противоречащую содержанию всей конституции. Большинство участников, однако, с ним не согласилось[37].

Появление данной статьи, утверждавшей, что повстанцы не собираются посягать на власть правительства США и власть рабовладельцев в южных штатах, не случайно. Оно свидетельствует о том, что Браун еще не полностью отрешился от веры в «моральное увещевание», свойственной большинству аболиционистов. Он полагал, что само существование в Аллеганских горах свободного государства, способного вооруженной рукой отразить все атаки, дезорганизует рабовладельческую собственность, сделает ее ненадежной. После падения рабства Браун считал возможным упразднение государства в горах. Именно поэтому конституция и называлась «временной».

Таковы основные черты конституции. Анализ ее показывает, что Браун занимал наиболее решительные позиции в аболиционистском движении. Выдающийся аболиционист У. Гаррисон страстно агитировал против рабства, но он выдвигал просветительскую пропаганду и «моральное увещевание» как единственные средства борьбы с рабовладением. Лидер негритянского народа Ф. Дуглас многое сделал для объединения антирабовладельческих сил, принял активное участие в борьбе за свержение политического господства рабовладельцев в Союзе. Однако оставалась нерешенной важнейшая задача — соединение борьбы аболиционистских сил на Севере с движением миллионов рабов на Юге. Конституция Брауна, предусматривавшая вооруженную борьбу свободного государства против рабства, была крупным шагом вперед в решении этой исторической задачи.

Браун находился на левом крыле пестрого по своему социальному составу аболиционистского движения. Это позволило ему сформулировать революционно-демократические взгляды на задачи, которые стояли перед назревавшей буржуазной революцией 1861—1865 годов. Если У. Гаррисон и его многочисленные последователи, называя американскую конституцию «прорабовладельческим документом», провозгласили ошибочный лозунг расторжения Союза, а Ф. Дуглас призывал очистить конституцию от прорабовладельческих статей, то Браун пошел дальше своих современников: он был единственным американцем-аболиционистом, создавшим новую конституцию. Конституция Брауна предусматривала осуществление последовательных буржуазно-демократических принципов.

Впитав в себя лучшие демократические традиции американского народа, Браун воплотил их в конкретную борьбу против рабства в США. С этими демократическими идеалами героя американского народа и познакомил русскую общественность великий революционер Н. Г. Чернышевский.

---

[35] F. Sanborn. The Life and Letters of John Brown. Boston. 1885, p. 287—290.
[36] «Современник», 1859, № 11, стр. 160.
[37] W. E. Du Bois. Указ. соч., стр. 260

Рецензии

История СССР

В. М. ХАЙЦМАН. *СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами).* Академия наук СССР. Институт мировой экономики и международных отношений. Изд-во АН СССР. М. 1959. 452 стр. Тираж 4 000. Цена 18 руб. 80 коп.

Одной из самых острых международных проблем современности является проблема разоружения, затрагивающая интересы всех народов земного шара. Имеется огромная литература, прямо или косвенно относящаяся к вопросам разоружения в разные периоды.

За последние годы в капиталистических странах вышло из печати большое количество книг буржуазных авторов, посвященных проблеме разоружения (в своем подавляющем большинстве они касаются послевоенного периода). Зачастую авторы этих книг, фальсифицируя действительность, стремятся доказать либо то, что разоружение вообще неосуществимо, либо что за разоружение якобы стоит только та капиталистическая страна, которую представляет данный автор. При этом, как правило, в искаженном свете изображается внешняя политика Советского Союза. Излюбленным приемом реакционеров является голословное обвинение СССР в нежелании сотрудничать с западными державами и разрешить проблему разоружения. Некоторые авторы договариваются до утверждения, будто Советский Союз выступает за разоружение и время от времени вносит соответствующие предложения исключительно по каким-то конъюнктурным соображениям.

Что касается публикаций документов по вопросам разоружения, издаваемых различными учреждениями в капиталистических странах и некоторыми международными организациями, то они подбираются, как правило, тенденциозно, а иногда и просто фальсифицируются.

Одним из важных источников для исследователей истории проблемы разоружения, несомненно, являются документы Лиги Наций. Однако далеко не все они напечатаны. До сих пор еще не опубликованы, например, протоколы заседаний президиума Подготовительной комиссии, а также Всеобщей конференции по разоружению. Но и использование уже опубликованных документов в значительной мере затруднено так как по ним нет сводных указателей.

Чтобы восстановить истину и объективно осветить события, которые происходили в период между двумя мировыми войнами и имеют не только научно-историческое, но и актуальное политическое значение, Министерство иностранных дел СССР в последнее время осуществило ряд важных публикаций [1].

Однако до сих пор в нашей исторической литературе не было специальной работы, в которой последовательно освещалась бы история переговоров по разоружению и анализировались позиции сторон [2]. Поэтому весьма отрадным является

[1] См. наиболее крупные из них: «Документы внешней политики СССР». Тт. I, II, III. М. 1959; «Локарнская конференция 1925 г.». Госполитиздат. 1959.

[2] Следует, однако, отметить, что в некоторых работах по истории международных отношений и внешней политики СССР эта проблема частично была освещена (см. Л. Григорьев, С. Оленев. Борьба СССР за мир и безопасность в Европе (1925—1933 гг.) М 1956; И. М. Лемин. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М. 1947; Л. В. Поздеева Англия и ремилитаризация Германии. 1933—1936. М. 1956; Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М. 1953; В. М. Турок. Локарно. М. 1949, и др.). В довоенное время в СССР вышел ряд интересных книг по вопросам разору-

выход в свет книги В. М. Хайцмана «СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами)».

У нас это первая и в целом удачная попытка исследовать указанную проблему. При написании книги автор использовал обширный материал: документы советской внешней политики, протоколы заседаний Лиги Наций и ее комиссий, воспоминания, исследования, периодическую печать многих стран.

Книга состоит из одиннадцати глав, в которых в хронологическом порядке изложены история дипломатических переговоров по проблеме разоружения с момента окончания первой и до кануна второй мировой войны, показана последовательная борьба Советского государства за разрешение этой задачи. В конце книги дается довольно обширный (30 страниц) обзор источников и литературы, приложены библиография и указатель имен.

В. М. Хайцман показывает, что в период между двумя мировыми войнами лишь СССР последовательно боролся за разоружение, за укрепление международной безопасности.

На основе данных, приведенных в книге, можно легко убедиться в том, что на протяжении всего рассматриваемого времени правительства капиталистических стран, открыто не выступая против разоружения, на деле препятствовали разрешению этой проблемы. Всякий раз, когда переговоры по данному вопросу заходили в очередной тупик, империалистические круги лживо пытались объяснить народам своих стран и мировой общественности отсутствие договоренности якобы несговорчивостью СССР.

В. М. Хайцман документально разоблачает лживость и лицемерие подобных «объяснений». Кроме того, он показывает, что уже в тех условиях, когда СССР являлся единственной социалистической страной, голос Советского Союза в защиту разоружения не был одиноким. Советские предложения по этому вопросу доходили до слуха и разума не только трудящихся масс, но и наиболее дальновидных деятелей буржуазного мира. Так, американская газета «Baltimore sun» писала по поводу предложений СССР от 30 ноября 1927 г. о полном и всеобщем разоружении: «Советские предложения разделяются простым народом всюду». Тогда же некоторые американские сенаторы (Бора, Норрис, Брукхорт) заявили, что считают советские предложения искренними и осуждают подозрительность, мешающую серьезно рассмотреть их (стр. 184).

Идеи всеобщего и полного разоружения, которые отстаивало Советское правительство, были одобрены рядом международных и национальных общественных организаций. Например, «Международная женская лига борьбы за мир и свободу» выразила благодарность советской делегации за то, что она выдвинула на заседаниях Всеобщей конференции по разоружению «проект полного разоружения, единственно только и способный обеспечить безопасность». В письме, адресованном советской делегации, Лига отмечала, что, «когда люди пойдут по этому пути, они отдадут должное СССР, указавшему этот путь» (стр. 308).

Поддержку со стороны прогрессивной общественности капиталистического мира встретило предложение Советского Союза от 29 мая 1934 г. о превращении Конференции по разоружению в постоянный орган, который должен был бы заботиться о безопасности всех государств, об охране всеобщего мира. Известный государственный и общественный деятель Франции Эдуард Эррио, говоря о данном предложении, отметил, что «всякий объективный политик должен признать благородство и разумность этой мысли» (стр. 374).

История переговоров по разоружению, изложенная в книге, еще раз свидетельствует о том, что реакционные правящие круги капиталистических стран никогда не желали предпринимать мер к достижению положительных результатов в этом деле. С самого начала создания Лиги Наций и до последних дней ее существования реакционно настроенные представители капиталистических стран готовы были заниматься чем угодно, лишь бы не допустить реального разоружения. Почти все проекты соглашений, вносившиеся в 3-й и 6-й комиссиях Лиги Наций, многочисленные речи «за» либо «против» того или иного проекта фактически были направлены на то, чтобы затормозить решение вопроса. Автор показал, как противники разоружения ловко пользовались статьей 8-й статута Лиги Наций, согласно которой Совет Лиги должен был подготовить планы ограни-

---

жения (см. библиографию к книге В. М. Хайцмана «СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами)», стр. 439—442). Но они были посвящены отдельным этапам переговоров. Весь же период переговоров о разоружении не был предметом исследования.

чения вооружений, «учитывая географическое положение и особые условия каждого государства».

В дальнейшем, вплоть до конца существования Комиссии по разоружению, представители империалистических кругов многих государств не раз пользовались ими же придуманными «географическими факторами» или «особыми условиями», чтобы провалить проекты разоружения, которые вносились для обсуждения.

У противников разоружения были, как есть и сейчас, и свои «теоретики», утверждавшие, будто всеобщее и полное разоружение приведет к всеобщему хаосу. Подобные рассуждения не только грубо фальсифицируют действительность, но и ведут на деле к защите милитаризма и пропаганде войны. Всеобщее и полное разоружение приведет лишь к прочному миру во всем мире. Гонка же вооружений, наоборот, может иметь своим конечным результатом третью мировую войну, гибель гигантского числа людей и колоссальные разрушения материальных ценностей на всем земном шаре.

Бывший испанский дипломат Сальвадор де Мадариага, ставший затем в США профессором, «аргументировал» невозможность разоружения тем, что в случае положительного решения данной проблемы «малые страны были бы еще в большей зависимости от великих держав», так как, по его, Мадариаги, мнению, великие державы сумеют быстрее провести ремилитаризацию и напасть на малые страны (стр. 425).

Такой надуманный пессимистический вывод мало вяжется с действительностью. Наоборот, как показывает исторический опыт, демилитаризация малых стран, основанная на их нейтралитете, ничего, кроме добра, не принесла этим странам.

Противники разоружения использовали в своих целях (и это в книге показано удачно) как международную, так и внутреннюю политическую и экономическую обстановку. Когда в 1929 г. разразился экономический кризис, немедленно был выдвинут новый «аргумент» против разоружения — безработица. По мнению сторонников гонки вооружений, сокращать вооруженные силы и особенно военные заказы было будто бы нельзя потому, что это привело бы к росту безработицы. Угрозой безработицы особенно часто жонглировали правые лидеры социалистов. В июле 1931 г. на Венском конгрессе II Интернационала известный французский правый социалист Леон Жуо заявил, что «в вопросе о разоружении имеется противоречие между интересами и убеждениями пролетариата, так как сокращение вооружений приводит к сокращению военной промышленности и тем самым увеличивает безработицу» (стр. 289). Империалисты лучшей услуги в деле пропаганды гонки вооружений не могли и ожидать!

Переговоры по разоружению империалистические круги стремились использовать для достижения своего военного преимущества над другими державами. Поэтому почти всегда французские предложения, например, оказывались невыгодными, а поэтому и неприемлемыми для Англии. И, наоборот, английские предложения, в частности «план Макдональда», были выгодны лишь Великобритании и совершенно неприемлемы для других государств, и прежде всего для Франции (стр. 349—358).

В чем действительно сходились империалистические державы — это в общей борьбе против советских предложений по разоружению. Как отмечал английский историк Уилер-Беннет, при обсуждении проекта «Конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении», внесенного СССР в феврале 1928 г., капиталистические державы на время забыли свои разногласия и, стремясь не допустить практических шагов к разоружению, выступили единым фронтом против этого предложения (стр. 205).

Реакционные правящие круги западных государств, не желавшие прогресса в деле разоружения, делали все возможное, чтобы помешать соглашению между отдельными группами стран. Лорд Сессиль, в течение ряда лет представлявший Англию в различных комиссиях по разоружению, вынужден был признать, что, согласно инструкциям, он поддерживал лишь такие предложения, которые не могли привести к успеху (стр. 173). Известно также, например, что западные страны прилагали большие усилия для срыва Московской конференции по разоружению, которая была созвана в 1922 г. по инициативе Советского правительства.

Интересно сопоставить приемы и методы, которыми пользовались до второй мировой войны и пользуются сейчас противники разоружения для срыва миролюбивых предложений Советского Союза, ибо очень многие «старые» приемы и методы и поныне служат тем, кто не хочет укрепления мира и международной безопасности. (Допуская подобные сопоставления, мы ни на минуту не должны забывать о коренных

изменениях, которые произошли с тех пор в международной обстановке.)

Прежде всего необходимо указать на стремление реакционных кругов США, Англии и Франции связать проблему разоружения с другими международными проблемами, чтобы воздвигнуть новые препятствия на пути к достижению разоружения — этого важнейшего вопроса современных международных отношений. В довоенный период французская дипломатия выдвинула тезис: «Сначала безопасность, затем разоружение». Интересно отметить, что тогдашние правители Франции, больше всего кричавшие о своем стремлении обеспечить безопасность страны, фактически, как показали последующие события, ничего не сделали для подготовки к отражению агрессии со стороны фашистской Германии.

Теперь реакционные империалистические круги пытаются ставить решение проблемы разоружения в зависимость от других нерешенных вопросов, таких, как германская проблема, проблемы Дальнего, Ближнего и Среднего Востока и др. Но это только усложняет дело.

В качестве одного из доводов против советских предложений о всеобщем и полном разоружении буржуазные деятели выдвигали до второй мировой войны тезис: прежде, чем разоружаться, надо укрепить доверие между государствами. Представитель Советского Союза М. М. Литвинов 25 февраля 1932 г., отвечая на подобные утверждения на Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений, говорил: «...если государства разоружатся — доверие от этого значительно возрастет. Будет легче разрешить все разногласия и урегулировать мирным путем все ссоры» (стр. 307). С тех пор утекло много воды. И хотя жизнь неоднократно подтверждала правоту этих слов, советским делегатам вновь и вновь приходится после второй мировой войны и сейчас повторять ту истину, что разоружение, запрещение атомного оружия и прекращение его испытаний укрепят доверие между государствами, а следовательно, и улучшат всю международную обстановку, обеспечат безопасность народов.

Реакционные круги западных держав как в довоенные годы, так и после второй мировой войны вносили свои предложения по вопросам разоружения ради пропагандистских целей.

В качестве примера можно сослаться на так называемый «план Гувера», внесенный США в Генеральную комиссию в 1932 году. Этот план среди прочих мер предусматривал сокращение на ⅓ численности всех сухопутных армий. Мы не станем разбирать существо этого плана, так как нас в данном случае интересует другой вопрос, а именно то, почему американские монополисты выдвинули «план Гувера». Они сделали это лишь потому, что были абсолютно убеждены в отклонении плана другими империалистическими державами. Так оно и случилось. Против плана выступили английские и французские представители, а также представители других капиталистических стран (стр. 314—319).

Чисто тактическим маневром было и предложение министра иностранных дел Италии Гранди, сделанное на 12-й Ассамблее Лиги Наций, о «перемирии в вооружениях» на время работы конференции по разоружению. С подобными предложениями выступили и правительства других государств, в том числе Германии и Франции.

Та же картина наблюдается и в послевоенное время. Представители Запада внесли проект о «предельных уровнях вооруженных сил» для пяти великих держав: СССР, США и Китая — от 1 до 1,5 млн. человек, Англии и Франции — по 650 тысяч. Они усиленно рекламировали его. Однако, как только СССР согласился принять этот проект, сначала США, а затем Англия и Франция отреклись от своих собственных предложений.

Для борьбы против разоружения реакционеры применяют также метод затяжек и проволочек переговоров. Таким приемом широко пользовались представители империалистических держав как в Лиге Наций, так и в ООН. При этом прежде всего необходимо отметить, что для срыва решений проблемы разоружения путем затяжки переговоров западная дипломатия прибегает к излюбленному приему — созданию всевозможных комиссий, подкомиссий, комитетов, подкомитетов, и т. д., и т. п. С этой же целью много труда тратят противники разоружения и на то, чтобы как можно дольше затянуть обсуждение выдвинутых предложений. Не случайно даже первая Ассамблея Лиги Наций вынуждена была отметить медленные темпы работы Постоянной совещательной комиссии. То же самое происходит и теперь. Иногда для того, чтобы задержать обсуждение в ООН вопросов разоружения, делегации западных

стран добиваются рассмотрения в первую очередь второстепенных вопросов.

Нередко бывало так, что не успевал представитель СССР внести то или иное предложение, как противники разоружения уже спешили объявить его неприемлемым. В связи с этим приведем два высказывания, сделанные одно в 1930 г. английским историком профессором Тойнби, другое — двадцать пять лет спустя представителем Сирии в Организации Объединенных Наций Шукейри. Первый по поводу отклонения Подготовительной комиссией советских проектов разоружения писал в международном обзоре за 1929 год: «Может быть русский проект вызвал бы к себе большее внимание со стороны Подготовительной комиссии, если бы исходил из другого источника» (стр. 227). Второй, касаясь советских поправок к проекту об атомной радиации, в выступлении на 10-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 ноября 1955 г. иронически заметил, что эти поправки «страдают большим недостатком: они исходят от Советского Союза». Сирийский делегат не без сарказма заявил: когда-нибудь, вероятно, правила будут изменены в том смысле, что можно будет вносить предложения тайным образом, с тем чтобы их рассматривали по существу, независимо от того, кто является их автором.

Совершенно по-другому всегда подходило и подходит к проблеме разоружения правительство нашей страны. Начиная с первого декрета Советской власти — Декрета о мире — и до сегодняшнего дня Советское государство выступало и выступает за укрепление мира во всем мире, в том числе и за немедленное разрешение проблемы разоружения. В книге В. М. Хайцмана подробно разбираются предложения СССР по вопросу о разоружении, анализируется позиция Советского правительства на различных этапах переговоров, излагается упорная и последовательная борьба советских представителей в соответствующих комиссиях.

Еще в 1922 г. на Генуэзской конференции, первой международной конференции с участием советских представителей, делегация СССР заявила о намерении своего правительства «предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной вооруженной борьбы и других, в особенности же,— применения средств разрушения, направленных против мирного населения» (стр. 41).

Несмотря на отклонение в Генуе советских предложений, наше правительство продолжало искать пути для достижения соглашения о разоружении. В том же 1922 г. оно рекомендовало соседним государствам провести конференцию и обсудить на ней вопрос о пропорциональном сокращении вооруженных сил. Это предложение свидетельствовало о стремлении СССР установить добрососедские, миролюбивые отношения с другими государствами.

Как и всегда, Советский Союз, внося свои предложения, не только предлагал, но и действовал. По окончании гражданской войны и иностранной интервенции, с декабря 1920 до середины 1922 г., наша страна сократила вооруженные силы с 5 300 тыс. чел. до 800 тыс., то есть почти в 7 раз. И ныне Советский Союз показывает пример, как должны поступать государства, не на словах, а на деле стремящиеся к миру. Только за три года (1955—1958) СССР сократил свои вооруженные силы на 2 140 тыс. человек.

В 1927 г. на IV сессии Подготовительной комиссии Советское правительство выступило с декларацией о всеобщем, полном и немедленном разоружении. В числе других мер СССР предлагал распустить весь личный состав сухопутных и морских вооруженных сил; уничтожить все находившиеся как в войсках, так и на складах оружие, боевые запасы и прочие средства вооружения и истребления; ликвидировать все военно-морские и военно-воздушные корабли; издать законы об отмене военной службы; прекратить сборы для обучения мужского населения военному делу и другие мероприятия. Вполне понятно, что если бы эта программа была принята, то давно имелись бы надежные гарантии обеспечения безопасности для всех государств и народов.

Через 28 лет, уже в новых исторических условиях, 10 мая 1955 г. Советское правительство внесло на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН предложения, которые представляли собой радикальную программу сокращения вооружений, запрещения атомного оружия и устранения угрозы новой войны. Вопрос о разоружении в советских предложениях рассматривался в тесной связи со всем развитием международных отношений. Этот проект, реализация которого предусматривалась по периодам,

учитывал также предложения, внесенные ранее западными державами.

Н. С. Хрущев от имени Советского правительства 18 сентября 1959 г. внес в Организацию Объединенных Наций новый проект всеобщего и полного разоружения. Суть последних советских предложений состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили полное разоружение и не имели больше средств ведения войны.

31 октября 1959 г. Верховный Совет СССР обратился к парламентам всех стран мира с призывом выступить в защиту идеи всеобщего и полного разоружения. Верховный Совет выразил надежду, что «парламенты и парламентарии всех стран сделают со своей стороны все возможное для того, чтобы избавить народы от страшного бича — гонки вооружений, добиться разоружения и открыть перед всем человечеством путь к вечному миру» [3].

Выдвигая свои предложения, Советское правительство всегда самым внимательным образом относилось и относится к предложениям и замечаниям своих партнеров по переговорам. Так, когда в 1927 г. Декларация о всеобщем, полном и немедленном разоружении встретила решительный отказ зарубежных представителей, СССР, продолжая настаивать на необходимости разоружения, предложил производить его постепенно. На пресс-конференции 22 ноября 1927 г. глава советской делегации М. М. Литвинов заявил: «Если капиталистические страны считают неприемлемым осуществление плана полного разоружения в один прием или в продолжение кратчайшего срока, советская делегация согласна на постепенное проведение этого плана по срокам, установленным на конференции» (стр. 179).

Предложения западных держав, как уже отмечалось выше, были полностью учтены в советских предложениях, внесенных 10 мая 1955 года. На следующий день в своей речи в Уорике А. Иден, тогдашний премьер-министр Англии, признавал, что «новые советские предложения, как кажется, учитывают предложения, которые сами мы защищали». Представители нашей страны принимают самое активное участие в обсуждении предложений, вносимых западными державами как в ООН, так и в ее комиссиях. СССР всегда готов подписать любое соглашение, если только оно способствует делу мира и международной безопасности. Весьма примечательно, что наша страна, не принимавшая участия в выработке «Протокола о запрещении удушливых газов и бактериологических средств войны», была одним из первых трех государств, ратифицировавших его (стр. 196).

Достоинством книги В. М. Хайцмана является то, что в ней разоружение рассматривается в неразрывной связи с конкретно-исторической обстановкой. Разговоры о разоружении велись еще до рождения первого в мире пролетарского государства — Страны Советов. Этими разговорами занимались в то время правые лидеры II Интернационала. Их проекты «разоружения» были самой обычной демагогией, рассчитанной на обман народных масс. В условиях, когда на всем земном шаре безраздельно господствовала капиталистическая система, не было еще общественных сил, которые могли бы заставить империалистов пойти на действительное разоружение.

Однако с победой Великой Октябрьской социалистической революции положение коренным образом изменилось. На одной шестой части света возникла мощная социалистическая держава, которая с первого дня своего существования повела решительную борьбу за мир. Советские предложения о всеобщем разоружении, внесенные на Генуэзской конференции, дальнейшая последовательная борьба СССР за разоружение встретили сочувствие и горячую поддержку народных масс капиталистических стран. С этим были вынуждены считаться определенные круги буржуазии, о чем свидетельствовало, в частности, движение пацифистов, выступавших против войны как средства разрешения международных споров.

После второй мировой войны произошло резкое изменение в соотношении сил на международной арене в пользу социализма. Укрепление СССР и всей социалистической системы и ослабление капитализма еще больше повысили шансы на победу дела мира и на разрешение проблемы разоружения.

Империалисты не могут не понимать, что гонка вооружений в нынешних условиях — палка о двух концах. Некоторые из них все отчетливее осознают, что при современном уровне развития техники война против стран социалистического лагеря может привести лишь к одному результату — полному разгрому агрессора. Кроме того, многие

[3] «Правда», 1 ноября 1959 года.

капиталисты учитывают выгоду и необходимость экономического сотрудничества со странами социализма. Вот почему среди наиболее здравомыслящих буржуазных деятелей все чаще раздаются голоса в пользу разоружения, в пользу мирного сосуществования двух систем.

Ныне могучей антивоенной силой является международное движение сторонников мира, насчитывающее в своих рядах многие миллионы людей, народы, завоевавшие национальную независимость. Решающее значение для дела мира и безопасности народов имеет упрочение лагеря социализма. Социалистические страны во главе с Советским Союзом ведут последовательную борьбу за мир, за дружбу между народами.

Советское правительство в лице Н. С. Хрущева, внося в Организацию Объединенных Наций 18 сентября 1959 г. предложения о полном и всеобщем разоружении, справедливо подчеркивало их реальность. В докладе на III сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1959 г. «О международном положении и внешней политике Советского Союза» Н. С. Хрущев заявил: «Надо надеяться, что здравый смысл людей победит, рано или поздно будут приняты разумные решения, которые дадут возможность народам жить в дружбе, доверять друг другу и не вмешиваться в дела других государств» [4].

Вопреки попыткам реакционеров исказить смысл новых советских предложений народы всего земного шара расценили их как яркое свидетельство миролюбивой внешней политики СССР, как реальную возможность избавить человечество от бремени чудовищных расходов на гонку вооружений, на подготовку новой войны.

Давая в целом положительную оценку рецензируемой книге, необходимо вместе с тем отметить и ее недостатки.

Как нам кажется, автору следовало больше внимания уделить раскрытию борьбы СССР за разоружение вне конференций и совещаний. В первой главе — «Проблема разоружения после окончания первой мировой войны» — лишь в последнем абзаце, и то в общих выражениях, говорится о мирной политике Советского Союза, хотя общеизвестно, что уже само рождение первого в мире социалистического государства внесло коренные изменения во все сферы международной жизни, в том числе и в вопросы разоружения. Непропорционально мало места отведено данному вопросу и в последующих главах.

В книге почти полностью отсутствуют материалы, характеризующие борьбу рабочего класса и всех демократических сил за мир в тот период.

Указывая на осложнение международной обстановки накануне открытия XI Ассамблеи Лиги Наций и на усиление антисоветских провокаций (стр. 239), автор в то же время ничего не говорит о народном движении в ряде стран за нормализацию отношений с Советским Союзом, за разрядку международной напряженности. В конце концов именно под влиянием широкого общественного мнения Ассамблея Лиги Наций вынуждена была принять резолюцию, в которой указывалось на необходимость созыва в кратчайший срок конференции по сокращению и ограничению вооружений.

Не везде одинаково удачно показана международная обстановка. На наш взгляд, освещение данного вопроса, особенно в период 20-х годов, нуждается в значительном углублении. Во введении автор оговаривает, что «общих вопросов истории международных отношений» он касается в той мере, в какой «считал это необходимым». Разумеется, это право автора. Но охарактеризовать в главных чертах тот фон, на котором развертывалась борьба Советского Союза за разоружение, представляется крайне важным. Между тем в ряде мест, особенно при освещении отдельных сессий Подготовительной комиссии, полемики при обсуждении вопросов разоружения, автор не уделяет внимания международной обстановке, в которой происходила та или иная из освещаемых им дискуссий. В то же время в других местах, как, например, на стр. 235—236, где дается характеристика международного положения, автор не анализирует обстановки в отдельных странах, которая, как известно, весьма существенно влияла на поведение их представителей в различных комиссиях. Некоторые разделы, например, посвященные работе I и II сессий Подготовительной комиссии (стр. 149—162), перегружены фактами.

Отмеченные частные недостатки не меняют общей положительной оценки книги.

А. С. Протопопов

[4] Там же.

«Вопросы истории религии и атеизма». Сборник статей. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1958. № 5. 440 стр. Тираж 4 000. Цена 17 руб. 70 коп.; № 6. 424 стр. Тираж 3 500. Цена 17 руб. 40 коп.

Повышение культурного уровня трудящихся СССР в эпоху развернутого строительства коммунизма требует, в частности, усиления борьбы со всякими пережитками прошлого в сознании людей. К числу таких пережитков относятся религиозные верования, сохранившиеся у незначительной части нашего населения. Поэтому научная разработка вопросов истории религии и атеизма представляет одну из актуальных задач советской исторической науки.

Пятый и шестой выпуски рецензируемого сборника содержат разнообразные по своему содержанию статьи. Их примерно можно разбить на следующие группы: статьи общетеоретического характера; работы, посвященные проблемам происхождения религии и ее истории в древнем мире; исследования по истории религии и атеизма в эпоху феодализма и капитализма; материалы по истории законодательства о свободе совести в СССР и других странах социалистического лагеря; публикации. Наиболее обширна группа статей, посвященных изучению ряда вопросов истории религии и атеизма в эпоху феодализма и капитализма. Положительным является то, что среди этих статей имеются такие, в которых рассматриваются и жгучие вопросы современности. Подавляющая часть указанных работ затрагивает конкретные темы по истории религии и атеизма в России.

В разделе публикаций напечатаны: произведение французского философа-атеиста из кружка Гольбаха Дюмарсе «Философ» со вступительной статьей Ю. Я. Когана (№ 5), сочинение «Джордано Бруно перед судом инквизиции» в переводе и с комментариями А. Х. Горфункеля (№ 6), а также «Хиви Габалки и его возражения против божественного происхождения Ветхого завета» в переводе М. С. Беленького (там же).

Говоря о тематике статей, необходимо прежде всего отметить отсутствие работ по истории сектантства, ислама и другим актуальным темам. Каждому, кто занимается научно-атеистической пропагандой, понятно, насколько нужны серьезные исследования, раскрывающие, например, корни и реакционный характер баптизма, его связи с крупнейшими империалистическими монополиями, сущность секты адвентистов или историю возникновения такой антисоветской секты, как иеговисты. Серьезным пробелом сборников является полное отсутствие работ по истории христианского сектантства. Нельзя также согласиться с тем, что рецензируемое издание проходит мимо вопросов, связанных с историей ислама на территории СССР. В сборниках почти не отражена история религии народов Советского Союза, если не считать небольшой статьи Г. Ф. Турчанинова «Из истории религиозного синкретизма у черкесов» (№ 6), разбирающей частный вопрос.

В вышедших томах привлекают внимание читателей теоретические статьи Ю. Я. Когана «Мысли Маркса и Энгельса о религии» (№ 6) и И А. Крывелева «Гносеологические корни религии» (там же). Первая работа представляет собой, по существу, опыт систематического изложения основных положений классиков научного социализма по вопросам религии. Автор показывает, какое исключительное значение сыграло в критике религиозного мировоззрения создание марксистского диалектического метода. Ю. Я. Коган раскрывает марксистское определение религии как фантастического отражения в сознании людей господствующих над ними внешних сил. Вскрыв социальные корни религии, К. Маркс и Ф. Энгельс выяснили вместе с тем и ее гносеологические корни, которые кроются в отрыве познания от материального мира. Ю. Я. Коган подчеркивает, что классики марксизма в своей критике религии всегда исходили из задач, стоящих перед пролетариатом и всем прогрессивным человечеством. Положительной стороной статьи является то, что в ней раскрыто огромное значение высказываний основоположников научного социализма о христианстве. К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли социальную сущность христианства, причины его видоизменений на протяжении веков, разоблачили реакционную деятельность христианских церквей. Ю. Я. Коган подчеркивает, что положения марксизма о возникновении и развитии религиозных верований блестяще подтверждаются всей совокупностью собранных наукой археологических, этнографических,

лингвистических и исторических данных. Автор отмечает, что высказывания классиков марксизма-ленинизма о религии и путях ее преодоления были развиты в решениях Коммунистической партии Советского Союза, под руководством которой ведется широкое научно-атеистическое просвещение трудящихся нашей страны. Недостатком статьи является то, что автор, к сожалению, мало внимания уделил вопросу о развитии основных положений марксизма о религии в трудах В. И. Ленина.

В рамках рецензии нельзя дать полный анализ интересной статьи И. А. Крывелева «Гносеологические корни религии». Следует, однако, обратить на нее внимание советских историков. И. А. Крывелев показывает, что, поскольку в коммунистическом обществе не будет социальных условий, порождающих религиозные верования, сама гносеологическая возможность религии и идеализма останется абстрактной возможностью, не только не претворяющейся в действительность, но и не имеющей никаких шансов на это. В условиях коммунистического общества исчезновение религии неизбежно прежде всего потому, что полностью уничтожаются социальные корни религии, а безграничное по своим перспективам развитие наук ликвидирует самое главное гносеологическое условие возникновения и существования религиозных предрассудков.

Статья М. М. Шейнмана «Пропагандист атеизма — Ем. М. Ярославский» (№ 6) содержит характеристику деятельности этого замечательного большевика-ленинца в области пропаганды научно-атеистических знаний. Автор анализирует важнейшие работы Е. М. Ярославского («Мысли Ленина о религии», «Коммунисты и религия», «Карл Маркс о религии», «Коммунизм и религия»). В статье В. Ф. Зыбковца «Проблема происхождения религии в советской науке» (там же) рассматриваются работы И. И. Степанова-Скворцова и А. В. Луначарского по вопросам атеизма.

Положительной стороной рецензируемых сборников является наличие в них исследований по истории советского законодательства о свободе совести. Так, в статье М. М. Персица «Законодательство Октябрьской революции о свободе совести» (№ 5) подробно освещена разработка декретов о свободе совести. Автор показал активное участие В. И. Ленина в подготовке декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Третий пункт декрета гласил: «Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». Этот текст почти точно воспроизводил соответствующее место из ленинской работы «Социализм и религия» [1]. Кроме того, В. И. Ленин внес следующее примечание к декрету: «Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется». 6-й пункт декрета первоначально был дан в такой формулировке: «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения, либо замена одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются, по решению народного суда». В. И. Ленин заменил слово «либо» словами «под условием». Эта поправка имела громадное значение, так как в 1918 г. подавляющая часть духовенства была враждебно настроена к Советской власти и саботировала свои гражданские обязанности. Поправка, внесенная В. И. Лениным, была направлена против подобных злоупотреблений.

В. И. Ленин заменил также заключительную часть декрета новым текстом: «...здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ». Эта поправка исключала всякую возможность злоупотреблений при использовании зданий и предметов культа.

В конце статьи М. М. Персиц показывает, как проводился в жизнь декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Благодаря большой разъяснительной работе, которую развернули партия и советские органы, трудящиеся нашей страны поняли истинное значение декрета, и осуществление его нигде не вызвало серьезных осложнений.

Статье М. М. Персица предшествует публикация документов и материалов «К истории отделения церкви от государства и школы от церкви», имеющая важное значение для атеистической пропаганды.

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 66.

Небольшая работа Л. И. Емеляха «Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г.» (№ 5) проливает свет на интересный вопрос об усилении отхода от церкви трудящихся под влиянием империалистической войны и Февральской революции. Особенно сильным это движение было среди рабочих и ремесленников, которые отказывались от соблюдения религиозных обрядов, демонстративно выносили из домов предметы культа и порывали всякую связь с духовенством. В ряде мест население требовало удаления священников-черносотенцев и их ареста. Таким образом, накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции начался коренной перелом в отношении народа к религии и церкви, являвшийся результатом революционного движения и роста политической сознательности трудящихся масс. К статье приложены документы об отношении солдат и крестьян к духовенству в 1917 году.

Актуальная тема затронута в работе М. Е. Добрускина «Свобода совести в европейских странах народной демократии» (№ 5). Автор рассматривает законодательство о религии в странах социалистического лагеря, где все вероучения объявлены равноправными, церковь отделена от государства, а школа от церкви, и религия стала частным делом граждан. В конституциях стран народной демократии законодательно определено правовое и имущественное положение церкви. Одной из особенностей этого законодательства является государственное субсидирование церкви, которое было установлено в связи с ущербом, нанесенным церковным зданиям во время войны, переходом церковных земель в собственность государства и тяжелым экономическим положением низшего духовенства. Автору удалось убедительно показать клеветнический характер измышлений реакционной буржуазной печати о положении церкви в социалистических странах.

М. Е. Добрускин привел многочисленные данные о борьбе церковной реакции против революционных преобразований, в частности, против отделения школы от церкви, и вместе с тем показал, что все эти попытки не были поддержаны народными массами и провалились. Переход низшего духовенства на лояльные позиции заставил и церковное руководство пойти на нормализацию своих отношений с государством. В Венгрии, Польше и Чехословакии этот процесс протекал в более сложной обстановке, в значительной степени по вине Ватикана, враждебно относившегося к новому общественному строю. Однако контрреволюционная деятельность церковной верхушки вызвала протесты верующих, усилила расслоение среди духовенства и ослабила политическое влияние Ватикана.

Контрреволюционный мятеж в Венгрии показал, что часть духовенства выступала за свержение социалистического строя. В дни мятежа фашистские группы действовали под религиозными вывесками «католической народной партии», «христианского фронта», «союза сердца Иисуса», «христианской молодежной партии» и т. п.

От служителей культа в странах народной демократии не требуется согласия с господствующей идеологией, они должны лишь соблюдать лояльность по отношению к народному государству, не вести никаких враждебных действий. Поэтому поддержку политики социалистического государства в этих странах частью духовенства следует рассматривать как результат настроений верующих, с одной стороны, и выполнения своего гражданского долга священниками — с другой.

В заключение автор останавливается на вопросе о научно-атеистической пропаганде в европейских странах народной демократии. Однако делает он это крайне бегло, что, несомненно, является недостатком статьи.

Одной из наиболее привлекающих к себе внимание проблем является исследование вопроса о распространении религиозных взглядов среди трудящихся капиталистических стран. Л. Н. Великович в статье «О состоянии религиозности среди трудящихся в капиталистических странах» (№ 6) попытался ответить на этот интересный вопрос. Источники по такой теме не только ограничены, но и не отличаются достоверностью, так как правящим классам капиталистических стран выгодно скрывать истинное положение дела.

Изучением состояния религиозности на Западе занимается так называемая «религиозная социология», особенно развитая в тех странах, где преобладает католицизм. Объектом изучения буржуазных социологов является так называемая «практическая религиозность», то есть посещение церквей и исполнение религиозных обрядов. Особенно сильный спад посещаемости церквей и выполнения религиозных обрядов наблюдает-

ся во Франции. Ассамблея высшего духовенства Франции (апрель 1957 г.) констатировала, что только 15—30% городских жителей посещают церковь и соблюдают обряды, а в сотнях сельских кантонов и в рабочих предместьях религиозность резко упала. Такая же картина наблюдается и в других капиталистических странах: ФРГ, Италии, Испании, США, Латинской Америке. Американский социолог Джером Натансон в статье, опубликованной в справочнике по вопросам религии, пишет, что в США 64 млн. американцев не посещают церкви. Нью-йоркский проповедник Билли Грэхем признавал, что из 2 млн. людей, слушавших в 1957 г. его проповеди по телевидению во время «крестового похода», только 50 тыс. заявили о своем присоединении к христианской церкви.

Л. Н. Великович на основании изученного им материала пришел к выводу, что «церковь теряет свое влияние главным образом среди людей в возрасте от 30 до 50 лет» (№ 6, стр. 140). Следовательно, самая активная часть населения все более освобождается из-под влияния религии. «Углубляющийся процесс упадка религии,— пишет Л. Н. Великович,— связан с усилением классовой борьбы трудящихся, с успехами рабочего движения. При этом не последней причиной упадка влияния религии в народных массах является связь ведущих религиозных организаций в главнейших буржуазных странах с империализмом» (там же, стр. 148).

И. Р. Лаврецкий в статье «Католическая церковь и государство в Латинской Америке» (№ 5) знакомит читателя с той пагубной, реакционной ролью, которую играла в прошлом и продолжает играть в настоящее время католическая церковь в Латинской Америке. В годы борьбы латиноамериканских стран за независимость она оказалась в лагере злейших врагов национально-освободительного движения.

На протяжении XIX в., в обстановке непрекращавшейся острой политической борьбы между либералами и консерваторами, католическая церковь неизменно стояла на стороне последних.

И. Р. Лаврецкий убедительно показывает, что в Латинской Америке церковь всегда поддерживала наиболее реакционные правительства. Она активно участвовала в свержении демократического правительства Арбенса в 1954 г. в Гватемале, рьяно защищала и защищает интересы «Юнайтед фрут компани». В Эквадоре, где иезуиты господствовали на протяжении почти всего XIX в., только в 1929 г. церковь была отделена от государства, а земельные имущества монашеских орденов стоимостью в 20 млн. долл. национализированы. В Перу до сих пор католицизм является государственной религией и отправление обрядов других вероисповеданий разрешено только в закрытых помещениях. В Мексике до сих пор не применяются антиклерикальные статьи прогрессивной в целом конституции 1917 г. ввиду сопротивления церкви, поддерживаемой всеми реакционными силами страны. Здесь активно действуют иезуиты и другие монашеские ордена.

Католическая церковь—держатель акций могущественных монополий. Одним из главнейших проводников ее политики в Латинской Америке является международная клерикальная организация «Католическое действие». Но рост общественного сознания трудящихся, постепенно уясняющих себе связь церкви с классовыми угнетателями, увеличивает пропасть между значительной частью населения и христианством.

И. Р. Лаврецкому принадлежит и другая содержательная статья, «Некоторые вопросы политики Ватикана в Африке» (№ 6), в которой разоблачается деятельность католической церкви на африканском континенте после второй мировой войны. Автор показывает, как относятся представители различных религиозных культов к борьбе африканских народов против колониализма. В статье приводится ряд фактов о попытках Ватикана сблизиться с правыми мусульманскими кругами для совместных действий против национально-освободительного движения африканских народов.

В инструкциях католическому духовенству в Африке Ватикан постоянно подчеркивает, что главным врагом местного населения является якобы не империализм, а «атеистический материализм». Местные католические епископы призывают верующих не сотрудничать с коммунистами и придерживаться «братской и социальной доктрины евангелия». Представители католической церкви высказываются за независимость африканских народов с такими оговорками, которые, по существу, приводят к отказу от всяких идей независимости. Такая позиция церкви вызывает резкое недовольство не только среди местного

населения: она приводит в замешательство даже выучеников миссионеров.

М. М. Шейнман в статье «Ватикан и Россия в период между февралем и октябрем 1917 г.» (№ 5) рассматривает попытки католической реакции развернуть свою экспансию в нашей стране после свержения самодержавия. Уже в мае 1917 г. Ватикан создал новую конгрегацию по делам восточной церкви, которая начиная с октября стала одним из антисоветских центров. За короткое время он развил активную деятельность при помощи главы униатской церкви митрополита графа Андрея Шептицкого, который получил разрешение от Временного правительства на проживание в Петербурге. Будучи прямым агентом австро-венгерского генерального штаба, Шептицкий еще в августе 1914 г. выступил с планом создания автокефальной украинской церкви для распространения в Восточной Европе католицизма в форме униатства. Дипломатическая переписка, изученная М. М. Шейнманом, показывает, что Ватикан только делал вид, будто он не одобряет действия Шептицкого. В книге М. Джаста «Рим и Россия», вышедшей с разрешения архиепископа Балтиморы, ясно сказано, что Шептицкий действовал на основании директив, полученных от Пия X [2]. И в дальнейшем, после победы пролетарской революции в России, католическая иерархия была активной участницей антисоветских заговоров.

Статья М. Я. Домнича «Католическая церковь в первые годы французской буржуазной революции XVIII в.» (№ 5) направлена против антинаучной клерикальной историографии и помогает понять классовые корни сопротивления, которое оказывала революции католическая церковь.

Польский историк Я. Сташевский в небольшой статье «Еще о генезисе энциклики «Rerum novarum» (№ 6) сообщил ряд заслуживающих внимания фактов, которые значительно дополняют работу М. М. Шейнмана «Предыстория послания Льва XIII «Rerum novarum» [3]. Автор доказал, что появление этой энциклики, которая была опубликована 15 мая 1891 г. и определила политику католической церкви, рассчитанную на приспособление к условиям развития общества по пути капитализма, было связано прежде всего с деятельностью немецкого католического епископата, начавшего создавать свои «рабочие» организации для борьбы против распространения идей социализма в рабочем классе.

Е. Винтер (ГДР) в своей статье «Россия в политике Римской курии в XIV в.» (№ 6) показывает агрессивный характер политики Ватикана в отношении русских земель.

Очень актуальной теме — изучению элементов стихийного народного атеизма — посвящена статья Л. Н. Пушкарева «Русские пословицы XVII в. о церкви и ее служителях» (№ 6). Автор тщательно анализирует содержание трех сборников XVII в., содержащих свыше 5 тыс. пословиц. Подавляющая их часть, несмотря на многовековое влияние религиозного мировоззрения на народное творчество, убедительно свидетельствует об остро критическом отношении широких масс к церкви. В связи со статьей Л. Н. Пушкарева нельзя не высказать самого настоятельного пожелания, чтобы материалы по истории народного атеистического мировоззрения как можно шире пропагандировались в научно-популярной литературе.

В. И. Корецкий в статье «Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в.» (№ 6), введя в научный оборот новые данные, сумел нарисовать убедительную картину того, как столкновения крестьян с монастырями во второй половине XVI в. стали носить уже массовый характер, были предвестниками назревавшей крестьянской войны. В ходе классовой борьбы против феодалов-монастырей крестьяне переставали слепо верить в учение православной церкви, брали под сомнение не только институт монашества, но и всю феодальную церковь с ее обрядами, догматикой и иерархией.

А. А. Зимин в содержательной работе «Дело «еретика» Артемия» (№ 5) разбирает религиозные воззрения одного из активных представителей нестяжательства в XVI веке. Выступления Артемия против монастырского землевладения, его требования нравственного преобразования человека и призывы к «заповедям» отражали и развивали взгляды ранних нестяжателей, в частности Нила Сорского. По мнению автора, религиозные воззрения Артемия в известной мере подготовили почву для появления более радикальных учений

[2] M. Juste. Rome and Russia. Westminster—Maryland. 1954, p. 152.

[3] См. «Вопросы истории религии и атеизма», 1956, № 4.

(например, Феодосия Косого). Представляют интерес также политические воззрения Артемия, который в своих проповедях и посланиях требовал «правды» и кротости от Ивана IV.

А. И. Клибанов в двух интересных работах, «К истории русской реформационной мысли (Тверская «распря о рае» в середине XIV века)» и «Свободомыслие в Твери в XIV—XV вв.» (№№ 5 и 6), исследует противоцерковные выступления и проявления религиозного критицизма в Твери. Изучение послания новгородского архиепископа Василия Калики (приводимого в летописи под 1347 г.), которое было написано в результате разбора церковным собором спора Калики и тверского епископа Федора Доброго, привело А. И. Клибанова к выводу, что Федор в своих рационалистических воззрениях, носивших явно антицерковный характер, отрицал земной рай и, видимо, сомневался в существовании рая небесного. К сожалению, недостаток источников не позволил автору установить связь тверского свободомыслия со взглядами стригольников в Пскове и Новгороде второй половины XIV века.

А. И. Клибанов рассмотрел все тверские споры о рае в сопоставлении с варлаамо-паламитскими спорами, имевшими место почти в то же время в Византии, и показал, что послание Василия в Тверь по своему содержанию было одним из вариантов варлаамо-паламитского спора.

Во второй статье автор останавливается на послании монаха Акиндина тверскому князю Михаилу Ярославичу, в котором содержался протест против корыстолюбия и продажности духовенства, и на деле о «мятеже и раздоре церковном» Евфимия Висленя, имевшем место в конце 80-х годов XIV века. А. И. Клибанов сделал вывод, что в этом послании нашло отражение недовольство народных масс «мздоимством» церковников. Критика же богатства и независимости церковной иерархии прокладывала пути к критике всей феодальной иерархии.

Правильно связывая распространение антицерковных движений на Руси в XIV—XV вв. с жизнью крупных городов и нарастанием в них социально-экономических противоречий, А. И. Клибанов, однако, необоснованно пытается поставить вопрос о зарождении на Руси уже в то время буржуазных отношений. В действительности тогда протекал сложный процесс объединения русских земель, который вызывал обострение классовой борьбы, в том числе и в сфере идеологии.

А. Н. Казачкова («Зарождение и развитие антицерковной идеологии в древней Руси в XI веке», № 5) поставила вопрос о том, что первой массовой формой народной оппозиции феодальной церкви было двоеверие, на основе которого во второй половине XI в. в среде низшего духовенства сложилась ересь дуалистического типа, несомненно, имевшая отношение к богомильству в Болгарии. Но едва ли правильно определенно связывать указанное течение с антицерковным движением XIV—XVI вв., как это делает автор (стр. 314).

И. У. Будовниц («Первые русские нестяжатели», № 5) разрабатывает интересную тему о зарождении нестяжательских идей в древней Руси еще в XII веке. Он анализирует выступление против церковного стяжательства в послании митрополита Климента Смолятича к смоленскому пресвитеру Фоме и «Житии Авраамия Смоленского». Автор обоснованно видит наличие нестяжательских тенденций у Климента и Авраамия в резко отрицательном отношении к ним со стороны остальных церковников того времени и, наоборот, в сочувствии их идеям со стороны местной княжеской власти.

В известной связи с вопросами истории русского свободомыслия находится работа Я. С. Лурье «Известие о Варфоломеевской ночи в русских «Посольских делах» XVI в.» (№ 6).

Анализу возникновения кальвинизма и его социальной сущности посвящена статья Б. Ф. Поршнева «Кальвин и кальвинизм» (№ 6). Подробно охарактеризовав социальную историю Женевы в XVI в., Б. Ф. Поршнев показал процесс формирования кальвинизма как религиозной идеологии более смелой части буржуазии эпохи реформации. В связи с раскрытием социальной сущности кальвинизма в статье Б. Ф. Поршнева выяснен характер кальвинистского культа.

Статья М. С. Беленького «Спиноза и его критика библии» (№ 5) обстоятельно знакомит пропагандиста научного атеизма с одним из ранних этапов истории критики библии.

Работа А. А. Семенова «Маздакизм» (очерк истории учения Маздака) (№ 5) представляет собой очерк истории возникновения и анализ социальных идей рели-

гиозного движения в Иране конца V — начала VI века. Тщательно изучив имеющиеся источники, автор пришел к выводу, что истребление маздакистов в Иране не носило всеобщего характера. Последователи их сохранились в Средней Азии. Идеи маздакизма с их чертами примитивного коммунизма отразились в какой-то степени на учениях некоторых мусульманских сект. Однако никак нельзя согласиться с утверждением автора, будто «Кобад искренне принял учение Маздака, движимый пробуждением гуманности, и искренне желал облегчить, реализуя основные принципы этого учения, тяжелое положение широких народных масс» (№ 5, стр. 340—341). Правильнее было бы искать объяснение этого «сочувствия» маздакизму в самом существе социальной политики Сассанидов того периода. Кобад примкнул к маздакизму, стремясь использовать движение, охватившее широкие слои населения, против чрезвычайно усилившейся аристократии. Но, добившись значительного ослабления влияния знати, он стал искать сближения с нею и духовенством и отходить от маздакизма. Одновременно происходил процесс ослабления маздакизма, который опирался на персов и изолировал себя от возможных союзников — угнетенных масс неиранских народов. Такая точка зрения, развиваемая советскими историками, представляется более убедительной [4].

А. Ф. Анисимов в этнографическом очерке «Об истинном и иллюзорном в первобытных воззрениях на природу» (№ 5) на нескольких примерах демонстрирует борьбу двух начал в мировоззрении древних людей: положительного опыта и примитивно-идеалистического отношения к природе,— которые, по существу, составляли историческое содержание первобытного мировоззрения. Данная работа будет, безусловно, полезна для каждого, кто изучает вопрос об отношении мышления к бытию.

Для исследования истории религии представляет интерес статья М. Э. Матье «Древнеегипетский обряд отверзания уст и очей» (№ 5). Путем анализа одного из традиционных обрядов религии Древнего Египта автор доказал, что применение инкрустированных глаз при изготовлении статуй имело чисто ритуально-магическое значение и отнюдь не было приемом работы скульптора, как это принято считать в литературе по истории египетского искусства. Кроме того, М. Э. Матье еще раз показывает, какое значение имеет изучение древнеегипетской религии для выяснения истоков христианской обрядности.

Важному вопросу посвящена статья В. Ф. Зыбковца «К проблеме длительности дорелигиозного периода» (№ 5). Автор пытается выяснить, что представляло собой мышление человека до возникновения религиозных верований. Он критически разбирает советскую и зарубежную литературу и использует новые данные антропологии, археологии и этнографии. На протяжении примерно 980 тыс. лет, отмечает автор, периода, который по антропологической типизации охватывает питекантропа, синантропа, неандертальца и кроманьонца, а по археологической периодизации — шелль, ашелль, мустье, ориньяк и солютре,— человечество не знало религиозных верований. Этот вывод подтверждается и данными этнографии. Например, язык тасманийцев, которые по своим общественным отношениям очень близки к неандертальцам, не содержит слов, обозначающих «потусторонние» понятия. Лишь только в эпоху позднего палеолита появляются первые признаки религиозных представлений. Одним из решающих условий их возникновения было отделение умственного труда от физического и превращение первого в известную самостоятельную форму деятельности. Таким образом, В. Ф. Зыбковец обоснованно опровергает антинаучные домыслы английского историка религии Э. Джемса [5], который вопреки фактам пытается приписать религиозность синантропам и утверждает, будто у них существовал «культ черепов».

Практике научно-атеистической пропаганды посвящена статья М. И. Шахнович «Двадцатипятилетие Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР». Автор приводит ценный материал о работе музея, опыт которого не может не заинтересовать каждого музейного сотрудника и пропагандиста научного атеизма.

Обзор содержания пятого и шестого сборников «Вопросы истории религии и атеизма» показывает, что научная работа в области атеизма в Институте истории АН СССР, несомненно, оживилась. Это было отмечено и в специальном постановлении Президиума АН СССР в апреле 1959 года. Но анализ тематики статей, опубликованных в рецензируемых сборниках, вскрывает не-

[4] М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М. 1952, стр. 30.

[5] E. O. James Prehistoric religion. London. 1957.

которые слабые стороны деятельности сектора истории религии и атеизма.

Президиум АН СССР справедливо ставит вопрос о крайней необходимости, в частности для историков религии, создания фундаментальных трудов о сектантстве, об атеизме и состоянии религии в странах народной демократии. Советские исследователи должны заняться историей атеизма в рабочем движении, критикой «христианского социализма» и «христианской демократии», разоблачением ревизионизма в трактовке атеизма и религии и попыток реакционных кругов стран Востока использовать религиозные течения для ослабления национально-освободительного движения. Конечно, для такой работы должны быть созданы определенные условия, значительно укреплен состав сектора, разрабатывающего эту проблематику.

Работы, включенные в рецензируемые сборники, по существу, являются главным образом исследованиями в области истории религии и лишь в небольшой части касаются некоторых актуальнейших вопросов атеизма, хотя именно последние должны более основательно и широко освещаться советскими историками. Нельзя не приветствовать постановление Президиума АН СССР о научной работе в области атеизма и, в частности, ту его часть, где говорится о необходимости посылки комплексных экспедиций в различные районы СССР для изучения причин сохранения религиозных пережитков среди некоторой части населения, путей преодоления этих пережитков, равно как и изучения сектантства. Реализация этих указаний еще теснее свяжет советскую историческую науку с жизнью, окажет существенную помощь научно-атеистической пропаганде.

В целом рецензируемые сборники являются серьезным вкладом в научную разработку вопросов истории религии и атеизма.

Г. А. Новицкий

Всеобщая история

«Скандинавский сборник». Под общей редакцией В. В. Похлебкина и Л. К. Роотс. Эстонское государственное издательство. Таллин. Вып. I. 1956. 265 стр.; вып. II. 1957. 333 стр.; вып. III. 1958. 356 стр.; вып. IV. 1959. 288 стр. Резюме на эстонском языке и одном из скандинавских языков.

В советской исторической науке до последнего времени уделялось очень мало внимания изучению истории скандинавских стран. У нас нет еще ни одного обобщающего труда на эту тему, большая часть проблем скандинавской истории (в том числе и многие коренные вопросы) не освещалась с позиций марксистско-ленинской науки. Был сделан некоторый вклад лишь в изучение отношений Швеции и Норвегии с Россией (и то главным образом для периода до середины XVIII в). Внутренней же историей скандинавских государств наши исследователи почти не занимались.

Совершенно очевидно, что сейчас назрела необходимость восполнить данный пробел. В этой связи следует приветствовать инициативу Тартуского университета, организовавшего выпуск «Скандинавского сборника».

Редакции сборника удалось привлечь к участию в этом издании большую группу специалистов — историков, филологов, экономистов, искусствоведов — из Москвы, Ленинграда, Тарту, Риги, Петрозаводска, Калинина, Фрунзе. Среди авторов первых трех выпусков — сотрудники Института истории АН СССР, Карельского филиала академии, Московского, Ленинградского, Тартуского и Петрозаводского университетов, Академии наук Эстонской ССР и др. Был установлен контакт также со скандинавскими учеными.

Из вопросов, связанных со скандинавской тематикой, у нас до недавнего времени изучались преимущественно войны России со шведами. Составители сборника направили главное внимание на изучение «мирных периодов», что «дает возможность понять глубинные процессы развития общества и народа»; в области внешнеполитической истории также решено заняться иссле-

дованием «мирных этапов» как времени «наиболее естественных отношений между народами» (вып. I, стр. 5). Такая установка заслуживает одобрения. Разумеется, основное внимание советских скандинавистов должно быть приковано к разработке вопросов общественного и экономического развития Скандинавии. В первую очередь это относится к таким коренным проблемам, как возникновение классового общества и государства, развитие феодализма в Швеции и Норвегии, переход от феодализма к капиталистическому строю [1], крупнейшие народные движения, крестьянские войны эпохи феодализма, революционная борьба пролетариата в XIX и XX веках. Кое-что в этом направлении уже сделано.

Материалы сборника группируются по следующим разделам: социально-экономическая история; история русско-скандинавских отношений; внешнеполитическая история; история культуры; языкознание; источниковедение и историография; рецензии. В последующем было бы целесообразно ввести специальный отдел публикаций, чтобы печатать некоторые наиболее интересные и ценные источники по истории Скандинавии и русско-скандинавских отношений, имеющиеся в советских архивах. Следовало бы также ввести библиографический раздел и помещать там библиографию работ по скандинавской и русско-скандинавской тематике, как изданных в прошлом, так и выходящих теперь в СССР и за рубежом.

В первых четырех выпусках сборника прежде всего следует отметить статьи, посвященные проблемам внутренней социально-экономической истории скандинавских стран. Так, в работе А. Я. Гуревича исследуется один из главных вопросов проблемы генезиса феодализма в Норвегии [2]. В норвежской историографии на протяжении длительного времени предметом постоянной полемики были сведения источников о том, что основатель норвежского раннефеодального государства король Харальд Прекрасноволосый присвоил себе все общинные земли — «одаль» — на территории страны. В отличие от буржуазных ученых, подходивших к рассмотрению данной темы с формально-юридических позиций, автор обратил главное внимание на изучение социальных процессов, протекавших в среде норвежского крестьянства в IX—X веках. В ходе исследования А. Я. Гуревич во многом вышел за рамки своей темы и дал марксистское освещение ряда более общих вопросов проблемы формирования раннефеодального классового общества и государства в Норвегии. В результате ему удалось найти, с нашей точки зрения, вполне правильное объяснение одного из наиболее сложных вопросов норвежской истории раннего средневековья. В статье показано, что король Харальд действительно присвоил себе верховное право собственности на крестьянские земли в Норвегии. Так установилась ранняя форма феодальной земельной собственности.

В. Я. Евсеев впервые в нашей историографии специально исследовал крупнейшее крестьянское движение в Финляндии в феодальную эпоху — «Дубинную войну» 1596—1597 годов [3]. На материалах финского фольклора автор показал, какое отражение в сознании народа получила крестьянская война конца XVI века. Не менее важно и то, что в вводной части статьи приводится много ценного, неизвестного прежде русским исследователям конкретного исторического материала о самом ходе этого крупнейшего народного движения. Следует, однако, сказать, что автор, по нашему мнению, неверно объясняет причины «Дубинной войны», относя ее «к той серии крестьянских восстаний, которые возникали главным образом в связи с тяжелым налоговым бременем» (стр. 90).

В статье отмечаются и другие факторы, способствовавшие ухудшению положения финских крестьян в последние годы XVI в.: тяготы от длительной русско-шведской войны, необходимость содержания стоявших в Финляндии шведских войск, грабежи и насилия шведских солдат и т. п. Но все эти обстоятельства лишь ускорили выступление крестьян. «Дубинная война» была вызвана более глубокими причинами: значительным усилением феодального гнета, эксплуатации широких масс крестьянства Финляндии со стороны шведских феодалов. Автор и сам в ряде мест наглядно показывает, что своим основным острием крестьянская война была направлена против феодальной эксплуа-

[1] Достаточно сказать, что в нашей исторической литературе еще не вполне выяснены даже такие вопросы, как время установления классового общества в Скандинавии (называются IX, X и XI—XII вв.) или время перехода к капиталистической формации в каждой скандинавской стране.

[2] А. Я. Гуревич. Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (вып. II).

[3] В. Я. Евсеев. Крестьянское восстание «Дубинная война» и финское народное творчество (вып. III).

тации. Очень ценны приводимые им выдержки из народных песен, свидетельствующие о том, что в сознании финского народа долго сохранялась память об этом движении.

Изучение внутренней истории скандинавских стран XVIII—XIX вв. затрудняется тем, что основная масса архивных источников этого периода еще не опубликована и нашим ученым практически почти недоступна. Тем ценнее материалы, хранящиеся в советских архивах. В этой связи очень полезной оказалась находка Г. А. Некрасовым и В. В. Похлебкиным богатых материалов по внутренней истории Швеции и Норвегии XVIII и начала XX в. в наших архивохранилищах, в первую очередь в Архиве внешней политики России.

Г. А. Некрасов в своей статье[4] рассматривает важные проблемы развития феодальных отношений и положения крестьянства в Швеции в первой половине XVIII века. В работе исследуются состояние сельского хозяйства страны, развитие феодального землевладения и усиление политической роли дворянства, рост феодального гнета, земельные реформы 40-х — 50-х годов XVIII столетия, способствовавшие развитию капитализма в деревне. В противовес буржуазным историкам, всегда идеализировавшим положение шведских крестьян, автор показал, что в Швеции, так же как и в любой другой феодальной стране, существовала значительная эксплуатация широких масс и шведские крестьяне (как и крестьяне каждой страны того времени) были угнетенным классом феодального общества. Однако, пытаясь на шведском материале проследить общие для всех стран черты развития феодального строя, автор несколько увлекся и недостаточно оттенил особенности шведского феодализма.

Статья В. В. Похлебкина[5] также в значительной мере основана на материалах архивов. Автор показал, как международная обстановка, сложившаяся во время первой русской революции, создала благоприятные условия для разрыва шведско-норвежской унии, а подъем рабочего движения в Швеции, проходивший под влиянием революционной борьбы русского пролетариата, не позволил шведскому правительству прибегнуть к военным мерам для возвращения Норвегии под свою власть. В работе прослеживается и прямое воздействие первой русской революции на развитие рабочего движения в Норвегии, а также связи передовых деятелей страны с русскими революционерами (печатание в г. Варде листовок и брошюр РСДРП, транспортировка их в Россию и др.).

В статье С. Свердруп-Лунден (вып. IV) сообщается ряд ценных сведений по истории женского движения в Норвегии XIX—XX веков.

Значительная часть материалов четырех выпусков посвящена проблемам взаимоотношений России со скандинавскими странами. Эта тематика очень актуальна с научной и политической точек зрения и интересует не только специалистов по Скандинавии, но и более широкие круги историков.

Вместе с тем надо сказать, что авторы статей на внешнеполитические темы в большинстве случаев исследуют вопросы, которые имели второстепенное или даже третьестепенное значение в истории русско-скандинавских отношений. Пока не был затронут ни один из основных русско-шведских договоров (Ореховский, Тявзинский, Кардисский, Столбовский, Ништадтский и др.), определявших на длительное время отношения между двумя государствами. Авторы без каких-либо оснований ограничили свое внимание в основном XVII—XVIII вв., совершенно не касаясь длительного периода до XVI столетия и XIX—XX веков. В последующих выпусках нужно значительно расширить хронологические рамки этого очень важного раздела сборника.

Б. Ф. Поршнев в статье «Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг.» (вып. I) делает попытку пересмотреть традиционные представления, сложившиеся в русской и западноевропейской науке, и выдвигает новое объяснение ряда важных русских и общеевропейских событий. Данная работа завершает опубликованную автором в разных изданиях серию статей о роли России в 30-летней войне.

Сама по себе постановка такой темы — о роли России в крупнейшем событии общеевропейской истории XVII в.— безусловная заслуга Б. Ф. Поршнева (а вместе с ним и О. Л. Вайнштейна, опубликовавшего в 1947 г. исследование по этому вопросу). В этой работе, как и в более ранних, Б. Ф. Поршнев подробно исследовал тему, ввел в научный оборот много неопубликованных

[4] Г. А. Некрасов. Сельское хозяйство и положение крестьянства в Швеции в 20-х — 40-х гг. XVIII в. (вып. III).

[5] В. В. Похлебкин. Политическая обстановка в Норвегии в 1905/07 гг. и влияние на нее первой русской революции (вып. I).

материалов из ЦГАДА. В рассматриваемой статье впервые в нашей литературе используются богатые фактические данные из монографии шведского историка Д. Норрмана, основанной на документах шведских архивов[6]. Однако главная идея указанной статьи, как нам кажется, вызывает серьезные возражения.

Исследуя материалы о переговорах Швеции и России, ставивших целью установление военного союза обоих государств, автор придает вопросу о заключении этого союза чуть ли не решающее значение для всего хода 30-летней войны. Преувеличивая, с нашей точки зрения, значение Польши для развития военных действий в Германии (Польша в действительности в 30-летней войне не участвовала и стояла в стороне от событий), автор считает, что нападение Русского государства на Польшу и отвлечение польских сил от немецкой границы к восточным рубежам явилось решающим условием успеха военных действий шведского короля Густава-Адольфа в Германии[7]. Генеральное наступление в глубь Германии в 1631 г. Густав-Адольф, по мнению Б. Ф. Поршнева, решился начать только тогда, когда получил из Москвы «подтверждение договоренности о совместных действиях против Польши» (стр. 16; ср. стр. 23). «Стремительный темп» его наступательных операций в Германии в 1631 г., после битвы под Брейтенфельдом, был, по мнению автора, вызван желанием поскорее «покончить с императором и тогда вернуться к польской проблеме» (стр. 23). Во время известного похода в глубь Германии Густав-Адольф, как полагает Б. Ф. Поршнев, «просто считал, что в его распоряжении имеется ряд месяцев, немного менее года, прежде чем придет время действовать против Польши» (стр. 25), то есть будущая война с Польшей казалась, по мнению Б. Ф. Поршнева, шведскому королю более важной, чем его крупнейшие, имевшие общеевропейское значение операции 1631 г. в Средней и Южной Германии (ср. стр. 23 и 31).

Возвращение Густава-Адольфа с войсками из Баварии в Северо-Восточную Германию осенью 1632 г., по предположению Б. Ф. Поршнева, было движением в сторону Польши (стр. 69) для начала совместного с Россией наступления на Речь Посполитую. В этой связи автор, по нашему мнению, преувеличивает противоречия Густава-Адольфа и канцлера Оксеншерны; получается, что Оксеншерна настаивал на продолжении войны в Германии, а король будто бы хотел (отказавшись от плодов всех своих побед в Германии) двинуться на Польшу (стр. 66 и 69). И даже смерть Густава-Адольфа на поле битвы под Люценом автор предлагает связать все с той же будто бы захватившей короля идеей войны с Польшей; по словам Б. Ф. Поршнева, «вероятнее», что король погиб «от руки кого-либо из своих», то есть из шведов — сторонников продолжения войны в Германии, боявшихся, что король бросит эту войну и начнет поход на Польшу. Последовавшие спустя два года неудачи шведских войск в Германии были вызваны, по мнению Б. Ф. Поршнева, тем, что преемники Густава-Адольфа отказались от его плана совместного русско-шведского нападения на Польшу (стр. 70).

Критику подобной точки зрения дал более десяти лет назад сам же Б. Ф. Поршнев, говоря, что для объяснения действий шведского короля «следует учитывать всю сумму факторов и всю международную обстановку, в частности сложную политическую ситуацию в Германии. Свести все к одному польскому фактору — значило бы впасть в односторонность»[8]. В рассматриваемой же статье автор, придавая главное значение планам совместного русско-шведского нападения на Польшу, не учитывает «всю сумму факторов», оказавших решающее влияние на ход 30-летней войны, не принимает в расчет силы в самой Германии — германские княжества, города, Католическую лигу и т. д.,— а также участие других европейских государств. У Густава-Адольфа действительно была идея организации совместной швед-

---

[6] D. Norrman. Gustav-Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tyska kriget (1630—1632). Uppsala. 1943.

[7] Так, автор полагает, что если бы русско-польская война начала 30-х годов не состоялась и Польша с Россией заключили бы перемирие или постоянный мир, то это было бы гибельно для Швеции («Равновесие военных сил России и Речи Посполитой» могло привести «к заключению гибельного для Швеции перемирия или мира», стр. 14); но, как известно, в 1634 г. русско-польское перемирие было заключено, и Швеция не погибла, а продолжала еще 14 лет вести войну в Германии. Дело все в том, что Польша, вне зависимости от отношений с Россией, ни до русско-польской войны 1632—1634 гг., ни после нее, вопреки предположениям автора, не собиралась вмешиваться в войну в Германии.

[8] Б. Ф. Поршнев. Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны. «Вопросы истории», 1947, № 1, стр. 79.

ско-русской войны против Польши, но эта идея являлась для короля второстепенной, одним из многих «шахматных ходов» в затеянной им большой политической игре; отнюдь не данная идея, а все сложное переплетение политической борьбы внутри Германии определяло ход военных действий на фронтах 30-летней войны.

Как видно из помещенной в том же выпуске статьи А. Арзыматова, русско-шведские переговоры о заключении союза в 1630—1632 гг. занимали второстепенное место и в общем ходе русско-шведских отношений ближайших 30 лет (даже если не брать эти отношения за все XVII столетие).

За исключением работы Б. Ф. Поршнева, остальные статьи по русско-скандинавской тематике, помещенные в сборнике, не ставят проблемных вопросов и носят в значительной мере описательный характер. Так, в статье А. Арзыматова содержится интересный общий обзор русско-шведских отношений 1618—1648 гг. по материалам ЦГАДА. К сожалению, автор не уделил внимания одному из главных вопросов отношений России и Швеции того периода — вопросу о так называемых «перебежчиках», то есть о массовом уходе жителей захваченных шведами в начале XVII в. русских владений (Ижорской земли и Карельского уезда) в пределы Русского государства. Недостаточно освещен этот вопрос и в статье А. С. Кана, посвященной заключению в Стокгольме в 1649 г. русско-шведского договора о «перебежчиках» (вып. I). Здесь исследован, к сожалению, только ход дипломатических переговоров и не использованы разработанные в недавние годы советскими историками материалы, объясняющие, почему вопрос о «перебежчиках» стал к 1649 г. наиболее острым в политических сношениях Швеции и России [9].

Статья Ю. В. Курскова (вып. III) посвящена второстепенной теме — о «межевых съездах» 1642 и 1652 годов [10]. Русско-шведские отношения после Ништадтского мира и установление временного союза обоих государств по Стокгольмскому договору 1724 г. исследуются в статье Г. А. Некрасова (вып. I).

Несколько работ посвящено русско-шведским экономическим отношениям. В статье Г. А. Новицкого (вып. II) излагаются сведения о русско-шведской торговле XVI в., содержащиеся в опубликованных русских источниках. Русско-шведская торговля на Балтике середины XVII в. освещается Э. Д. Рухмановой (вып. II). Автор впервые вводит в научный оборот богатые по содержанию источники — так называемые «книги обидных дел», составленные в результате правительственных расследований жалоб русских торговых людей на различные «обиды», которые они терпели от властей и купцов в шведских владениях. В статье доказывается, что русская внешняя торговля на Балтике носила активный характер. Русские купцы сами возили свои товары в прибалтийские города и Швецию. Вопреки установившимся представлениям в работе выясняется, что среди товаров, вывозимых из России в шведские владения, значительное место (по номенклатуре более половины) занимала продукция русского ремесленного производства: холст, сермяжное сукно, одежда, выделанные меха, домашняя утварь, шорные товары, сани и др. В статье показаны русские купцы-оптовики, производившие торговые операции крупных размеров в городах Швеции. Особенно важно отметить, что автор нашел сведения, позволяющие установить приблизительный размер русского вывоза в Прибалтику в середине XVII века.

Совсем не изученный у нас вопрос о русско-шведской торговле в XVIII и первой половине XIX в. освещается в статье Л. А. Лооне (вып. I).

Своеобразными памятниками мирных

---

[9] См. Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск. 1947; «История Карелии» под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск. 1952 (изд. на правах рукописи), стр. 210—218, 246—252; А. С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск. 1956. В этих работах показано, что речь должна идти не просто о «перебежчиках», а о большом народном движении, о переселении основной части карельского народа и значительной части населения Ижорской земли с захваченной шведами территории в глубь России; это движение является одним из важных патриотических событий в истории нашей страны и ввиду своих крупных масштабов неизбежно должно было вызвать большие внешнеполитические осложнения между Швецией и Россией.

[10] В XVII в. большое политическое значение имели лишь «межевые съезды» 1618—1621 гг., состоявшиеся в связи с установлением новой русско-шведской границы по Столбовскому миру; в нашей литературе они еще в достаточной мере не изучены. Остальные «межевые съезды» были посвящены разрешению мелких пограничных вопросов и не играли серьезной роли в развитии отношений между Швецией и Россией.

дипломатических сношений между скандинавскими государствами и Россией XVI—XVII вв. являются дары (привозившиеся обычно посольствами) шведских и датских королей русским царям: ювелирные изделия из серебра, выдающиеся произведения скандинавского, немецкого, голландского прикладного искусства, хранящиеся на протяжении трех — четырех столетий в Оружейной палате Московского Кремля; им посвящена статья И. В. Лебедевой (вып. III).

В. В. Похлебкин подготовил публикацию очень важного, неизвестного до сих пор документа из истории русско-норвежских отношений — секретного письма премьер-министра Норвегии Х. Миккельсена русскому министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу (вып. III). В письме, написанном вскоре после отделения Норвегии от Швеции и образования самостоятельного норвежского государства (в октябре 1905 г.), впервые поднимается вопрос о признании Россией независимости Норвегии.

Проблемы внешнеполитической истории скандинавских стран, не связанные с историей России, представлены статьями Б. Ф. Поршнева «Швеция и Вестфальский мир» (вып. II), Г. А. Некрасова «Внешняя торговля Швеции в 20—30-х годах XVIII в.» (там же), Л. К. Роотс «К вопросу о позиции Швеции в 1863—64 гг.» (во время второй войны Пруссии против Дании из-за Шлезвига и Голштинии (вып. I).

Историко-культурная и филологическая тематика отражена в работах: М. И. Стеблин-Каменского — о происхождении поэзии исландских скальдов, Р. К. Кенкмаа и Л. К. Эрингсон — о шведском университете в Тарту в 1632—1656 гг., Э. Карху — о взглядах финского общественного и литературного деятеля И. В. Снельмана и др.

Большую научную ценность представляет статья чл.-корр. Академии наук СССР и члена Норвежской Академии наук В. И. Равдоникаса и К. Д. Лаушкина об открытии во время раскопок в Старой Ладоге рунической надписи начала IX в. (вып. IV). Ввиду крайней редкости находок рунических надписей за пределами Скандинавии это открытие вызвало большой интерес среди скандинавских ученых. На основании тщательного анализа всех обстоятельств, связанных с находкой, авторы пришли к выводу, что обнаружение деревянного стержня с рунической надписью в культурном слое Староладожского городища носит случайный характер и не может служить свидетельством существования в Старой Ладоге норманского поселения IX века.

Много места в рецензируемом издании занимают проблемы источниковедения и историографии. В этом разделе заслуживает быть отмеченной прежде всего очень полезная для исследователей серия сообщений об источниках по скандинавской истории, имеющихся в архивах и книгохранилищах Советского Союза. Так, в сообщении Ю. К. Мадиссона (вып. I) рассказывается о хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту и в библиотеке Тартуского университета шведских документах по истории Прибалтики, русско-шведских отношений и частично по истории самой Швеции; но автору нужно было, по нашему мнению, значительно подробнее остановиться на характеристике едва ли не наиболее ценного из архивных собраний Тарту — архива семьи Делагарди, содержащего много важных (в основном неопубликованных) материалов по истории войн и сношений России и Швеции XVI—XVII веков. В сообщении Г. Енша (вып. III) дается обстоятельный обзор архивных фондов периода шведского господства в Лифляндии (XVII — начало XVIII в.), хранящихся сейчас в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР в Риге.

Представляет интерес обзор материалов по истории Швеции, находящихся в Ленинграде, в фондах архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Хотя основная их часть касается не самой Швеции, а истории русско-шведских отношений, авторами выявлено (в фондах ГПБ) значительное количество источников и по внутренней шведской истории.

К сожалению, обзор документов, хранящихся в фондах архива ЛОИИ, имеет серьезные недостатки [11]; говоря о наиболее ценном (для данной темы) фонде — «Порубежные акты», авторы не осветили его происхождение и состав [12], а ограничились

---

[11] Недавно вышло подробное описание фондов этого архива — «Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории», под ред. А. И. Андреева. Л. 1958.

[12] Фонд представляет собой остатки архива Посольского стола Новгородской приказной палаты XVII в., то есть той части новгородского воеводского управления, которая ведала сношениями Новгорода с пограничными шведскими владениями.

лишь перечислением наиболее интересных материалов. Шифры фондов и документов во многих случаях даны неверно, и это значительно снижает полезность обзора. Есть также неточности в наименовании и в изложении содержания отдельных документов и целых коллекций. Так, хорошо известная в истории русской археографии коллекция С. В. Соловьева не целиком, а лишь в некоторой своей части содержит материалы по русско-шведским отношениям. Кроме того, многие подробно описанные составителями документы давно опубликованы. В обзоре пропущены некоторые важные материалы, прежде всего имеющаяся в архиве ЛОИИ коллекция подлинных шведских рукописей.

Нам представляется необходимым продолжить это начинание и дать обзоры материалов по истории Скандинавии и ее отношений с Россией, хранящихся в наиболее крупных архивохранилищах Советского Союза.

Из источниковедческих работ представляет интерес также статья исландского ученого Б. Торстейнссона [13], сообщающая много ценных сведений о развитии исландской исторической литературы XII—XIII вв., о знаменитых сагах и их создателях. Однако нельзя согласиться с исходным положением автора, что исландские саги не могут служить достоверным источником для описываемого ими времени — эпохи IX—XI вв. — и что их «следует прежде всего рассматривать как источники об исландском обществе лишь для периода написания самих саг» (стр. 205), то есть для XII—XIII столетий. Эта точка зрения противоречит прочно установившимся научным представлениям.

Среди исследований по историографии обращает на себя внимание статья В. В. Похлебкина, посвященная крупнейшему русскому историку-скандинависту, профессору Петербургского университета Г. В. Форстену (в связи со 100-летием со дня его рождения) (вып. II). Автор показал выдающееся значение работ Форстена для русской и европейской науки, для изучения истории Скандинавии и других стран, прилегающих к Балтийскому морю; в статье подчеркивается, что Г. В. Форстен положил начало изучению истории скандинавских стран в России.

Вместе с тем автору надо было более критически подойти к характеристике научного наследия Форстена, глубже раскрыть его слабые стороны, в частности, показать, что Форстен в большинстве случаев не мог справиться с задачами исторического синтеза: обобщающие разделы и выводы его сочинений обычно очень слабы.

Во II выпуске сборника помещен обзор научного наследия крупнейшего шведского историка Нильса Анлунда, скончавшегося в начале 1957 года. В статье А. С. Кана (вып. IV) анализируется научное наследие другого виднейшего современного шведского ученого, исследователя социально-экономической истории Э. Хекшера.

В статье финляндского историка О. Мустелина (вып. III) дается обзор развития исторической науки в Финляндии в 1809—1866 гг., в первый период после присоединения этой страны к России.

Данная работа весьма полезна для наших ученых, ибо по финляндской историографии XIX — начала XX в. на русском языке до сих пор не было специальных исследований. Однако обзору присущи недостатки. Так, рассказывая о подъеме финской исторической науки во второй четверти и середине XIX в., автор не связывает это явление с положительными последствиями присоединения Финляндии к России. В работе отразилась и другая типичная черта финляндских буржуазных работ по историографии — принижение или замалчивание роли Габриэля Рейна, крупнейшего финского историка первой половины и середины XIX в., создателя первого лекционного курса и первого фундаментального общего труда по истории Финляндии. Подобное отношение буржуазно-националистической историографии к Рейну было вызвано тем, что он менее других историков находился под воздействием реакционных националистических идей и, напротив, неоднократно высказывался в пользу сближения с Россией, с русской наукой и культурой.

В статье прогрессивного исландского историка Арнора Ханнибалссона (вып. II) освещается развитие исторической науки в Исландии в послевоенный период. Автор сообщает сведения о тематике и направлениях работ исландских историков, особо останавливаясь на сочинениях историков-марксистов.

Публикуемые в критическом отделе сборника рецензии носят пока случайный характер и далеко не охватывают выходящих в свет книг по скандинавской тематике. Всего в четырех выпусках «Скандинавского

[13] Б. Торстейнссон. Исландские саги и историческая действительность (вып. III).

сборника» опубликовано 6 рецензий на зарубежные издания и 1 — на советскую работу; этого, конечно, мало. Последняя из названных рецензий, написанная Ю. В. Курсковым, — о книге А. С. Жербина «Переселение карел в Россию в XVII в.» (Петрозаводск. 1956) — содержит необоснованную критику этого исследования. Не изучив достаточно серьевно материал, о котором идет речь в книге, рецензент весьма категорически заявляет, что автор «не сумел всесторонне рассмотреть» поставленную проблему (вып. II, стр. 275), не сделал необходимых выводов и т. д. Однако приводимые Ю. В. Курсковым доказательства неосновательны. Так, рецензент обвиняет автора в незнании двух архивных фондов, но эти фонды в действительности не содержат ничего или почти ничего сколько-нибудь полезного для темы исследования. Хочется пожелать, чтобы в будущем редакция более серьезно относилась к критическим статьям.

Наряду с рецензиями в сборнике было бы полезно публиковать тематические обзоры новых советских и зарубежных работ, шире знакомить читателей с научными открытиями и исследованиями.

Таким образом, в рецензируемом издании пока мало места занимает проблематика новейшей истории скандинавских стран; она лишь частично затрагивается в одной из исследовательских статей [14], в двух статьях информационного характера и в рецензиях. Явно недостаточное внимание уделяется и вопросам истории рабочего движения. Нет систематической и всесторонней критики реакционных тенденций и течений в современной буржуазной историографии, в частности, критики весьма распространенной в Скандинавии норманской теории происхождения Русского государства. Редакции сборника при планировании дальнейшей работы следовало бы учесть, что тематика должна быть более актуальной, и шире публиковать материалы по новейшей истории и историографии.

Отметим также ряд частных недочетов. Так, в вып. I на стр. 15 всерьез говорится, что антирусские настроения шведского канцлера Оксеншерны отражали «неспокойствие совести шведской аристократии, захватившей русские владения в Прибалтике». Примечание от редакции к статье А. Арзыматова (вып. I, стр. 90) написано в столь сложной форме, что трудно понять, о чем хотели сказать его составители. Имеются случаи небрежного цитирования, приводятся ссылки на название книги или архивного дела без указания страницы: I вып. — стр. 143; вып. II — стр. 18, 26, 39, 40, 42, 49, 108; вып. III — стр. 116, 148, 149, 221 и др. На стр. 156 в вып. III автор дает ссылку сразу на 120 документов (архива ЛОИИ, ф. 109, №№ 1—120), хотя из них лишь очень немногие относятся к вопросу, о котором идет речь в тексте.

Содержание двух статей не соответствует их заглавию: так, статья Б. Ф. Поршнева «Швеция и Вестфальский мир» не касается самого Вестфальского мира и его значения для Швеции; статья Ю. В. Курскова «Русско-шведские отношения в 40-х — 50-х гг. XVII в.» рассматривает лишь незначительную часть этой большой темы — два межевых съезда.

Устранение недостатков повысит значение «Скандинавского сборника» как органа советских историков-скандинавистов.

В целом первые выпуски «Скандинавского сборника» должны быть оценены положительно. Это полезное и нужное издание, которое способствует марксистско-ленинскому изучению истории скандинавских стран и укреплению связи советских и скандинавских ученых.

И. П. Шаскольский

[14] Ю. А. Егоров. Некоторые факты из истории нейтральной политики скандинавских стран (вып. IV).

Заметки о книгах

GEORGE RUDÉ. *The Crowd in the French Revolution.* Oxford. At the Clarendon Press. 1959. 267 p.

Джордж РЮДЕ. *Толпа во французской революции.* Оксфорд. Кларендон Пресс. 1959. 267 стр.

Зарубежная прогрессивная литература, посвященная истории Великой французской буржуазной революции, пополнилась новым ценным трудом. В Англии вышла книга известного английского историка коммуниста Рюде, являющаяся результатом многолетней работы автора, уже опубликовавшего ряд статей на исследуемую тему.

В книге использованы интересные неопубликованные материалы Национального архива (Париж), например, следственные дела арестованных во время революции, документация различных судебных органов того времени, а также материалы архива парижской полицейской префектуры (протоколы полицейских комиссаров, списки тюремных заключенных). Источники позволили Рюде установить социальное положение и профессиональную принадлежность людей, убитых и раненых во время массовых движений в Париже в 1789—1795 гг., а также лиц, подвергнутых впоследствии суду за участие в революционных выступлениях.

В 15-ти главах книги, разделенных на две части: «Революционная толпа [1] в действии» и «Анатомия революционной толпы»,— а также в 7-ми тематических таблицах автор рассматривает состав санкюлотов, причины и формы их действий и их взаимоотношения с политическими лидерами.

Все таблицы представляют большую научную ценность, но среди них имеется одна, которая, несомненно, станет отправным пунктом дальнейших изысканий для всякого исследователя, занимающегося изучением истории французского пролетариата. Речь идет о таблице «Парижские профессии и инсургенты 1787—1795», составленной по архивным документам. По горизонтали она разделена на 10 граф, каждая из которых содержит наименование революционного события: «Ревельонское восстание», «Взятие Бастилии» и т. д. По вертикали перечислены 108 конкретных профессий, и по каждой в отдельности на основании имеющихся у автора материалов сообщено количество участников указанных событий, а в скобках — предполагаемое число тех участников, которые жили на заработную плату. Таким образом, в таблице особо выделены наемные рабочие. Тем самым автор в известной мере решил важную задачу, поскольку в документах эпохи революции наемные рабочие не выделяются из всей массы трудящихся. Такая попытка осуществлена фактически впервые. В XVIII в. «рабочим часто называли и бедного мастера и независимого ремесленника» (стр. 18). В связи с этим Рюде, несомненно, пришлось проделать огромную работу по анализу документов.

Вопрос о выделении наемных рабочих, то есть предпролетариата, тесно связан с конкретизацией понятия революционной толпы. Возражая Тэну и его последователям, считавшим массы бессознательным орудием в руках политических вождей, а также Мишле и Луи Блану, обозначавшим участников революционных действий неопределенным термином «народ», автор множество раз на протяжении всей книги подчеркивает, что санкюлоты состояли из «мелких хозяев мастерских, самостоятельных ремесленников, мелких лавочников и людей, живущих на зарплату». Это определение не ново, но Рюде подчеркивает разнородный состав движущих сил революции, чтобы подтвердить правильное положение о том, что «революционная толпа» не абстракция и что она в каждый данный отрезок времени имеет свое социальное лицо, которое меняется в зависимости от объекта приложения сил (стр. 232). Так, автор указывает, что в ревельонском деле, поводом к которому послужил инцидент, касавшийся именно рабочих, их процент в числе участников события был исключительно высок. Значительно меньшим он был при взятии Бастилии, в котором участвовало «все население».

В подготовленной жирондистами демонстрации 20 июня 1792 г., как и следовало ожидать, «главную руководящую силу движения составляли активные граждане, организованные в виде национальной гвардии, из коей большинство рабочих и мелких собственников были в это время исключены» (стр. 101). И наоборот, тщательный анализ списков убитых и раненых во время осады Тюильрийского дворца 10 августа 1792 г. приводит Рюде к выводу, что восставшие

[1] Неудачное выражение «толпа» является для Рюде лишь формальным использованием привычного термина, которым автор в данном случае обозначает парижских санкюлотов.

были «типичными санкюлотами, но с прослойкой более или менее состоятельных граждан» (стр. 106).

Естественно, возникает вопрос: что объединяло социальные элементы, входившие в состав санкюлотов, какова основная причина, движущая «революционной толпой»? «Первейшей причиной волнений,— пишет автор,— как при старом порядке, так и во время революции явилась нехватка хлеба или чрезмерно высокая цена его» (стр. 44). Вместе с тем Рюде предупреждает против крайней точки зрения авторов, которые склонны все движения революции свести к «голодным бунтам». В этой связи он говорит «об активной поддержке санкюлотами таких чисто военно-политических действий, как штурм Бастилии и Тюильри и изгнание жирондистов из Конвента» (стр. 208). Одновременно — и это как раз подтверждает правильность его постановки вопроса — Рюде опровергает излюбленное утверждение буржуазной историографии, будто бы взятие Бастилии было подготовлено исключительно агитацией буржуазно-демократических ораторов из садов Пале-Рояля во главе с Камиллом Демуленом. В противоположность такому идеалистическому пониманию июльских дней 1789 г. Рюде подчеркивает огромное значение в их начальные моменты (12—13 июля) борьбы голодных масс Парижа за уничтожение городских таможен и выявление тайных складов продовольствия, созданных спекулянтами (стр. 48—50).

Опираясь на большой исторический материал, Рюде отмечает, что потребность в дешевом хлебе явилась «социальным ферментом», сближавшим все слои, из которых состояли санкюлоты. Продовольственный мятеж — вот господствующая форма городского движения в эпоху домашинного производства, когда существовал предпролетариат, то есть формировавшийся рабочий класс, который, естественно, еще не мог иметь зрелого классового сознания и играть руководящую роль в развертывавшихся событиях.

Однако из верного общего определения автор делает не совсем правильный частный вывод: «Рабочий был больше озабочен ценой продуктов питания, чем суммой своего заработка» (стр. 21).

Рюде здесь грешит против своего же положения о конкретизации революционной толпы. В общем балансе классовых столкновений рабочие еще, естественно, не могли играть самостоятельной роли, и этому соответствует правильная постановка автором вопроса о доминирующей роли продовольственных беспорядков. Но вместе с тем предпролетариат внутри массы плебейства был уже сформировавшейся социальной группой, выдвигавшей свои требования. Общим для санкюлотства было требование дешевого хлеба. Различным же для отдельных групп являлись формы борьбы, конкретные требования, которые отражали разное положение этих групп в производстве. У наемных рабочих были уже свои формы борьбы, и для них вопрос о дешевом хлебе являлся вопросом реальной заработной платы.

Именно поэтому лионские шелкоткачи, буквально вымиравшие от голода (ни один ткач, говорили современники, не является сыном и внуком ткача [2]), даже в 1786 г., когда они обращались к городским властям, не устраивали продовольственных беспорядков, а прежде всего бастовали [3]. Поэтому же в 1786 г. парижские gagne-deniers не стали громить продовольственных лавок, а пошли в Версаль [4] требовать у короля восстановления ранее существовавших условий труда. Во всех тех случаях, когда рабочие выступали самостоятельно, они хотя и переживали голод, но прибегали к стачке-восстанию, а не к продовольственным беспорядкам. В то же время во всех случаях, когда выступало плебейство в целом, рабочие были активными участниками событий.

Некоторой недооценкой роли экономических выступлений рабочих объясняется и односторонний подход Рюде к ревельонскому восстанию, а также то обстоятельство, что автор не пытается заняться исследованием возможных связей этого восстания с рабочими организациями, найти его настоящих вожаков. Это рабочее выступление за обеспечение минимума зарплаты [5] автор расценивает лишь как «отчасти бессознательный, но резкий протест против недостатка продовольствия и в особенности высокой цены на хлеб» (стр. 42—43).

Разобрав состав санкюлотства, причины его выступлений, Рюде, естественно, ставит вопрос о формировании и степени сознания

---

[2] Y. Godart. L'ouvrier en soie. Lyon-Paris. 1899, p. 417.

[3] См., например, «Revue d'Histoire de Lyon» T. VI. Lyon. 1907, pp. 427—458

[4] M. Rouff. Une grève de gagne-deniers en 1786 à Paris. «Revue historique», T. CV. 1910, pp. 344—345.

[5] См. С. Лотте. Дело Ревельона. «Французский ежегодник». М. 1958, стр. 73—104.

плебейства, об отношениях санкюлотского блока с буржуазными лидерами. Он указывает, что революционная толпа усваивала лозунги и политические идеи различных групп, боровшихся за власть, говорит о привнесении в массы буржуазно-республиканских и демократических идей (стр. 196, 197). Вместе с тем автор ошибочно утверждает, что массы в революции не требовали «нового», а добивались «традиционных прав».

Усвоение буржуазных лозунгов массами происходило не путем простого восприятия их, а путем переосмысления, приспособления их к своим нуждам и потребностям. В письме к К. Каутскому от 20 февраля 1889 г. Ф. Энгельс отмечает, что плебеи «вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было», доводили равенство и братство «до крайних пределов», «ставили эти лозунги на голову, заменяя буржуазный смысл этих лозунгов его противоположностью» [6]. Так, буржуазия провозглашала лозунг «Да здравствует Неккер!», имея в виду конституционную монархию, а мелкий люд кричал то же, надеясь на усиленную регламентацию хлебной торговли.

Заканчивая обзор нового труда Рюде, хочется еще раз подчеркнуть его основное достоинство: использование автором первоисточников, представляющих исключительный интерес. Полвека тому назад к ним плодотворно обратился Марсель Руфф в своем исследовании о контингентах первых мятежей 1789 г.[7], с тех пор никто ими для аналогичной цели не пользовался. Рюде с большим успехом продолжает эту важную линию исторических исследований.

Я. М. Захер, С. А. Лотте

Е. Б. ЧЕРНЯК. *Демократическое движение в Англии 1816—1820.* М. Изд-во Академии наук СССР. 1957. 297 стр. Тираж 2 500 экз. Цена 18 руб. 75 коп.

Внимание исследователей всегда привлекала история Англии — классической страны капитализма, где борьба классов на всех этапах новой истории выражалась наиболее отчетливо. Особенно ярко это проявилось в первой половине XIX в., когда английский пролетариат делал первые шаги в выработке самостоятельных целей, идеологии и тактики рабочего движения. Именно этому периоду посвящена рассматриваемая монография.

Е. Б. Черняк описывает историю борьбы за реформу парламента в годы после окончания войн с Францией. В исторической науке эта борьба получила название радикального движения. В центре исследования самое левое крыло этого демократического движения, представлявшее интересы широких низов трудящегося люда. Автор ставит своей задачей вскрыть роль отдельных классов, в особенности пролетариата, в движении за преобразование парламента. Изучение рабочего движения в Англии в эти годы необходимо для понимания социально-политического развития в десятилетия, предшествовавшие чартизму, для уяснения основных этапов, через которые прошло демократическое и революционное движение в стране в эпоху промышленного переворота.

Исследование Е. Б. Черняка построено на обширных материалах и источниках. Автор внимательно изучил периодическую печать тех лет и многочисленную современную литературу различных политических направлений; им использованы официальные свидетельства — протоколы парламента, документы различных его комиссий, организаций и т. д. Для характеристики международного резонанса на английские события автор привлек материалы из Архива внешней политики России.

Внимательное изучение всех этих источников позволило автору пересмотреть концепцию, сложившуюся в буржуазной историографии, о классовом составе и движущих силах радикального движения. Буржуазные историки в угоду политической тенденции стараются представить демократическое движение этих лет как чисто буржуазное и по его целям и по классовому составу. Одни из них (Джефсон, Дэрвалл, Мэккоби и многие другие [1]) игнорируют роль, которую играли на всех этапах этого движения народные массы, видя в трудящихся лишь пассивную силу, послушно следовавшую за буржуазным руководством, другие (супруги Уэбб, Коул, супруги Хэммонд и др. [2]) от-

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 81.

[7] См. «La Révolution française». T. LVII. 1909, pp. 213—238.

[1] Г. Джефсон. Платформа, ее возникновение и развитие. Тт. 1—2. СПб. 1901; F. Darvall. Popular Disturbances and Public Order in Regency England. London. 1934; S. Maccoby. English Radicalism, 1786—1832. London. 1955.

[2] S. and B. Webb. History of Trade-unionism. London. 1920; G. and B. Hammond. The Skilled Labourer, 1770—1832. London. 1919; их же. The Town Labourer,

рывают рабочее движение тех лет от политической борьбы, рисуя последнюю исключительно как движение буржуазии.

Е. Б. Черняк подверг коренному пересмотру эту традиционную концепцию буржуазной историографии. Изучив многочисленные источники и свидетельства, он пришел к выводу о том, что важнейшей и основной силой радикального движения были народные низы и в первую очередь пролетариат.

Значительная часть книги посвящена изложению фактов, рисующих участие пролетариата в этом движении, не оставляющих сомнения в широком распространении радикальной идеологии среди рабочих. Присоединение пролетариата к демократическому движению придало последнему особую силу и размах. Активное участие рабочих в демократическом движении не только определило характер последнего, но и явилось серьезной политической школой для пролетариата: оно способствовало развитию его классового сознания и идейно подготовило чартизм — массовое политическое движение английского рабочего класса в XIX столетии.

Прослеживая ход радикального движения и важнейшие экономические и политические выступления пролетариата, автор устанавливает между ними несомненную связь. Широкими массами реформа парламента «мыслилась как глубокое преобразование всего политического строя страны» (стр. 77), и в этом рабочий класс видел реальный путь к улучшению своего положения. Стачечная борьба являлась одной из форм участия пролетариата в радикальном движении. Способствуя пробуждению политического сознания рабочих, она готовила подъем радикального движения. Исследование Е. Б. Черняка восстанавливает подлинную картину рабочего движения тех лет, извращенную буржуазными историками.

Иначе обстояло дело с участием буржуазии. На основе детального анализа событий и фактов автор показал, что английская буржуазия в эти годы не только не возглавляла демократического движения, но и чуралась его. Эксплуататорская природа буржуазии сказывалась в ее политике. Уроки французской революции ее пугали. Е. Б. Черняк убедительно показал враждебность народу как промышленной буржуазии индустриальных графств Севера, так и буржуазии Лондона, теснейшими нитями связанной с олигархией (стр. 99).

Для своего исследования Е. Б. Черняк избрал сравнительно узкий период — всего пять лет. Однако это ограничение вполне оправдано: в рамках рассматриваемого времени ему удалось обнаружить картину роста и развития демократического движения, его подъема на более высокую ступень. В этом развитии автор отчетливо различает три этапа: годы непосредственно после окончания войны и заключения мира (конец 1816 г.—1818 г.), период нового кризиса 1819 г. и, наконец, 1820 год. Уже на первом этапе очевидно то значение, которое имела активность пролетариата для подъема демократического движения.

Крупнейшие центры радикального движения находились в эти годы в двух важнейших районах промышленного производства—Ланкашире и Шотландии (стр. 93). Однако тогда рабочий класс в целом еще не связывал свою экономическую борьбу с политическими лозунгами. Демократическое движение 1819 г. характеризовалось активным участием в нем пролетариата, в частности ручных ткачей, хотя в территориальном отношении движение 1819 г. носило более ограниченный характер. Наконец, в 1820 г. радикальное движение поднялось на высший этап: в Шотландии произошла первая в истории попытка организации массовой политической стачки, а в Йоркшире готовилось массовое выступление рабочих. Демократическое движение перерастало в пролетарское по средствам и методам борьбы.

Значительный интерес представляет выдвинутая автором новая гипотеза заговора Тистльвуда и его связи с массовыми выступлениями весной 1820 года. Как известно, Тистльвуд с товарищами пытался организовать казнь реакционных министров. Буржуазная историография трактует заговор как малозначительный эпизод, изображая его актом отчаяния, вызванным бесчинствами реакции. На основании ряда конкретных материалов и в результате их тщательного изучения Е. Б. Черняк высказывает предположение, что выступление Тистльвуда вовсе не являлось изолированным террористическим актом отчаявшихся революционеров, а было задумано как сигнал для революционного восстания по всей стране (стр. 255). Автор рисует весь эпизод в новом свете. Однако для окончательной проверки этой гипотезы необходимо провести дополнительные исследования и прежде

1770—1832. London. 1925; G. D. H. Cole. Short History of the Britich Working Class Movement, 1789—1940. London. 1947.

всего привлечь новые документы английских архивов.

Особый интерес вызывает третья глава, посвященная идеологии демократического движения. Этот вопрос до сих пор мало исследован. Автор подчеркивает своеобразие исторической обстановки того периода, наложившей печать на идеологию демократического движения: незавершённость промышленного переворота, сложность классовой структуры и классовых противоречий английского общества. Характеризуя политическую и социальную программу радикального лагеря, Е. Б. Черняк правильно отмечает, что «у английского пролетариата, едва начинавшего выделяться из общей массы мелкобуржуазного «народа», не было и еще не могло быть в тот период собственной идеологии» (стр. 132). Однако «отсутствие сознательной антибуржуазной идеологии еще не решает всего вопроса о характере программы демократического движения» (стр. 143). Автор подчеркивает большое влияние пролетариата на выработку радикальной программы и показывает, как, несмотря на незрелость тогдашнего рабочего класса, в программе радикального движения явственно звучали социальные мотивы и мечты об устранении капиталистической эксплуатации.

Картина идеологической борьбы, изображенная Е. Б. Черняком, несомненно, выиграла бы, если бы он уделил внимание таким идеологам, как Спенс, Годвин, и другим критикам капитализма и частной собственности. Взгляды этих идеологов, особенно Спенса, несомненно, оказали большое влияние на программу пролетарского крыла радикального движения.

Рисуя процесс классового размежевания внутри радикального лагеря, Е. Б. Черняк подчеркивает наличие в его составе двух крыльев, расходившихся, в частности, по вопросу о методах осуществления радикальной программы: сторонники «физической силы» отражали взгляды и чаяния народных низов, в том числе и пролетариата; сторонники «моральной силы» выражали стремление буржуазии идейно и организационно подчинить себе движение. В книге хорошо проиллюстрированы на примере истории Англии начала XIX в. глубокие мысли В. И. Ленина, высказанные им относительно французской буржуазии, о роли рабочего класса в «переобучении» французской буржуазии в республиканском духе [3].

Характеризуя классовый состав радикального движения, автор, к сожалению, рисует его лишь беглыми штрихами, не углубляясь в анализ, и ограничивается указанием на социальную пестроту участников (стр. 175).

Большое место в работе Е. Б. Черняка занимает исследование экономического развития Англии тех лет и его влияния на положение широких трудящихся масс (главы I и IV). Внимание к экономическим вопросам вполне оправдано: период кризисов совпадал с подъемами демократического движения, хотя, разумеется, кризисы не исчерпывали причин этого движения. Исследуя влияние экономических кризисов на положение пролетариата, автор привлек обширный материал по отдельным отраслям труда. Меньше внимания уделено влиянию на положение рабочего класса последствий промышленного переворота, в частности введения машин и вытеснения ими ручного труда. Все сказанное по этому вопросу ограничивается текстильной промышленностью (стр. 9—16). Хотя именно здесь быстрее всего развивались машинное производство и фабрики, характеристика положения рабочего класса была бы полнее, если бы автор привлек материал и о других отраслях, в частности о горной и металлообрабатывающей промышленности.

Оценивая труд Е. Б. Черняка в целом, следует признать его весьма положительным явлением в советской историографии. Опровергая буржуазную концепцию демократического движения, книга дает картину борьбы английских народных масс в 1816—1820 годах.

Н. А. Ерофеев

Г. В. ЕФИМОВ. *Внешняя политика Китая 1894—1899 гг.* М. Госполитиздат. 1958. 423 стр. Тираж 5 000 экз. Цена 11 руб.

Советская историография дала уже не одно капитальное исследование международных отношений на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX веков. Ряд работ освещает внешнюю политику отдельных держав в Китае, а также и вопросы их взаимоотношений на Дальнем Востоке в указанный период. Однако до сих пор еще не было специального труда, посвященного внешней политике самого Китая. Этот пробел восполняет рецензируемая монография Г. В. Ефимова.

Решение поставленной автором задачи требовало привлечь, кроме уже широко из-

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17. стр. 368.

вестной русской, западноевропейской и американской документации, обширный материал из китайских источников.

Автор сумел детально проследить действия цинской дипломатии за исследуемый период. Г. В. Ефимов показывает, что важнейшим приемом дипломатии феодальной китайской монархии в отношениях с иностранными державами был известный принцип «использование одних варваров против других» («яд против яда»), иначе говоря, игра на противоречиях между державами. Показ этого принципа в действии проходит через всю книгу.

Большое место в монографии занимает раздел, посвященный периоду японо-китайской войны 1894—1895 гг., послужившей тем рубежом, после которого усилился нажим империалистов на Китай. Анализируя действия цинской дипломатии накануне и в период военных действий, а также во время мирных переговоров, автор показывает ее тщетные попытки предотвратить угрозу со стороны империализма. В книге раскрывается вопрос, как цинское правительство настойчиво добивалось заключения мира, стремясь избежать полного разгрома и крушения монархии. Автору удалось наглядно показать и историческую обреченность самой феодальной династии Цинов и порочный характер тех методов, которыми она пыталась вывести страну из критического положения.

Г. В. Ефимов подробно останавливается на ходе японо-китайских мирных переговоров и показывает, как они, а главное, в целом исход войны, подготовили новое наступление империалистов на Китай. Он подчеркивает, что война «убедительно выявила экономическую и военную отсталость Китая, вскрыла гнилость и омертвение цинской династии» (стр. 144). Основную причину поражения Китая в войне автор видит именно в гнилости феодального режима цинской монархии, и в этом отношении необходимо согласиться с ним и поддержать его критику в адрес тех историков, которые возлагают главную ответственность за поражение в войне на Ли Хун-чжана (стр. 142—143) [1].

Г. В. Ефимов отмечает, что кризис маньчжурской династии породил «важные процессы в китайском обществе» (стр. 144). Автор показывает, как война вызвала к жизни рост прогрессивных народных сил. Активизировалось антиправительственное и антииностранное движение, усилились выступления «реформаторов» — сторонников преобразования Китая. Выражая интересы растущей национальной буржуазии, «реформаторы» отстаивали идеи легальной борьбы против абсолютизма Цинов. Но наряду с либеральным движением за реформы в Китае в этот период поднималось и революционно-демократическое движение. И хотя оно было еще слабо организованным и выступления носили разобщенный характер, в отдельных районах Китая это движение уже тогда начало показывать свою силу. «Антиправительственные и антииностранные восстания,— говорится в книге,— стали неотъемлемой частью политической обстановки в стране» (стр. 153). Г. В. Ефимов показывает, как в поисках союзников цинская династия бросалась в объятия царской России, или империалистической Англии, либо кайзеровской Германии. Анализируя действия цинской дипломатии, автор и здесь убедительно доказывает обреченность режима цинской монархии, вскрывает полную бесперспективность ее политики. В результате установленного иностранным капиталом контроля над портами, таможнями и внешней торговлей Китая, а затем путем проникновения в железнодорожное строительство, судоходство и промышленность страны, а также в результате организации иностранной банковской системы страна все более запутывалась в сетях экономической зависимости. Автор показывает социальную опору иностранного капитала в Китае — компрадорскую буржуазию, игравшую роль проводника политического влияния империалистической буржуазии и ставшую наряду с классом феодалов-помещиков верной служанкой международного империализма. В своих попытках колониального подчинения Китая иностранный капитал использовал весь арсенал доступных ему средств, в том числе и идеологическое порабощение китайского народа путем насаждения миссионерских станций, школ и различных «просветительских» институтов.

Подробно останавливаясь на политике империалистических держав, направленной на закабаление Китая, автор убедительно раскрывает сущность политики цинского правительства и доказывает, что, по существу, иностранный капитал и феодальная монархия Цинов составляли единый фронт

[1] См. также рецензию Г. В. Ефимова на книгу Фань Вэнь-ланя «Новая история Китая». М. 1955 (журнал «Советское востоковедение», 1956, № 3, стр. 163).

и представляли собой ту силу, которая препятствовала прогрессивному развитию Китая. В книге отмечено, что, несмотря на засилье иностранного капитала и свирепый феодальный режим, в Китае в конце XIX в. начала развиваться национальная буржуазия и появились первые капиталистические предприятия. Однако национальная буржуазия была крайне слабой в экономическом и политическом отношении. «В силу этого, — отмечает Г. В. Ефимов,— противоречия между нарождавшейся национальной буржуазией, с одной стороны, и феодальным цинским режимом и империализмом — с другой, в конце XIX в. не достигли еще такой степени развития, когда мог бы разразиться революционный взрыв» (стр. 386).

Автор подробно останавливается на взаимоотношениях пекинского правительства с империалистическими державами. Значительное место в монографии уделено политике американского империализма. Начиная с показа попыток США играть роль посредника-арбитра в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. и вплоть до провозглашения доктрины «открытых дверей» в 1899 г., Г. В. Ефимов раскрывает тактику американской дипломатии, имевшей целью добиться господствующего влияния на пекинское правительство.

Решение темы потребовало от автора тщательно исследовать вопрос об антиимпериалистических выступлениях китайского народа. Он показывает первые шаги революционно-демократической организации, созданной Сунь Ят-сеном. Автор подчеркивает, что Китай, попав в кабалу к иностранному капиталу, все же не стал колонией западных держав только потому, что наряду с острыми межимпериалистическими противоречиями этому помешали народные восстания.

Любой акт агрессии со стороны держав вызывал сопротивление народа. На протяжении всего рассматриваемого периода национально-освободительное движение в Китае ширилось и набирало силы. В книге показано, как постепенно из отдельных эпизодических «бунтов» и выступлений против «иностранцев» и «иностранной религии» выросло антиимпериалистическое движение, которое приобрело к началу XX в. общенациональный характер. Автор останавливается на наиболее крупных антииностранных восстаниях середины 90-х годов, во главе которых стояли тайные общества. Говоря о социальном составе и программе этих обществ, Г. В. Ефимов освещает их противоречивый характер и непоследовательность, но отмечает, что в конце XIX в. их деятельность носила патриотический характер, в результате чего тайные общества сыграли важную роль в борьбе против колониальной политики империалистов в Китае.

Анализируя национально-освободительное движение в стране на рубеже XIX—XX вв., Г. В. Ефимов обосновывает вывод о том, что движение сочетало в себе борьбу против иностранного засилья с борьбой против режима феодальной цинской монархии. Автор подчеркивает революционный характер этого движения, основной социальной силой которого было китайское крестьянство. Выступления народных масс, и в первую очередь крестьянское движение, оказались тем барьером, который спас Китай от полного закабаления иностранным капиталом. «Главным определяющим фактором в историческом развитии Китая являлась, таким образом,— отмечает автор,— борьба миллионных масс против сил внутренней и внешней реакции» (стр. 411).

Интересное исследование Г. В. Ефимова содержит, однако, и положения, которые не всегда до конца обоснованы.

Прежде всего не оправдано исключение из темы всего периода антиимпериалистического восстания 1900 года. Г. В. Ефимов коснулся в самой общей форме лишь начала восстания, между тем оно, как отмечает и сам автор, явилось рубежом в истории Китая и оказало влияние на ход международных отношений на Дальнем Востоке. Было бы логично завершить работу специальным разделом, посвященным антиимпериалистическому восстанию Ихэтуань. Претензия эта кажется тем более обоснованной, что начальному событию темы — японо-китайской войне — автор отвел, на наш взгляд, слишком большое место.

В монографии есть специальный раздел, посвященный борьбе народа Тайваня против японской оккупации острова и отторжения его от Китая. Читатель вправе предъявить Г. В. Ефимову претензию, что материал этого раздела охватывает лишь первые месяцы оккупации 1895 г. и только в общих словах говорит о событиях последующих лет. Между тем известные автору опубликованные материалы, а также документы ленинградских архивов позволяют пойти дальше, показать, как продолжалась борьба тайваньцев против Японии на протяжении всего рассматриваемого в книге периода, какое влияние оказала эта борьба на

антиправительственное и антииностранное движения в континентальном Китае и т. д.

Г. В. Ефимов правильно показывает, что политика Соединенных Штатов была тесно связана с планами империалистических захватов в Китае. Но в этой связи надо было бы упомянуть не только о предложениях американского посланника в Китае Конжера захватить какой-нибудь из китайских портов, а также сказать о ставших известными из опубликованных в 1944 г. материалов Морского министерства США[2] конкретных проектах Соединенных Штатов получить в те годы военно-морские базы на побережье Китая.

В заключение необходимо подчеркнуть, что отмеченные частные недостатки работы Г. В. Ефимова не снижают ее общей высокой оценки.

А. А. Фурсенко

[2] S. W. Livermore. American Naval Base Policy in the Far East (1850—1914). «Pacific Historical Review». June 1944.

«Русско-индийские отношения в XVII веке». Сборник документов. Главное архивное управление, Центральный государственный архив древних актов. АН СССР. Институт востоковедения. Ответственные редакторы: К. А. Антонова, Н. М. Гольдберг, Т. Д. Лаврентцова. Изд-во восточной литературы. М. 1958. 453 стр. Тираж 15 000 экз. Цена 26 руб.

История русско-индийских связей давно привлекала внимание русских ученых (А. Ф. Малиновский, В. А. Уляницкий, И. П. Минаев). Однако до последнего времени в научной литературе использовалось ограниченное количество документов[1] (главным образом из Московского главного архива иностранных дел).

Выход в свет сборника документов «Русско-индийские отношения в XVII веке» является важным событием в советской индологии. В научный оборот вовлечены новые, до сих пор неизвестные материалы советских архивов, которые могут послужить серьезной основой для изучения истории русско-индийских отношений и освещения целого ряда еще не решенных вопросов.

Составители сборника скрупулезно исследовали основные архивные хранилища СССР и среди многочисленных документов выявили ценнейшие материалы по истории русско-индийских отношений в XVII веке. Из 260 документов данного сборника 230 публикуются впервые. Они представляют собою почти все, что до настоящего времени обнаружено. Основная часть документов извлечена из Центрального государственного архива древних актов (фонд Посольского приказа, ведавшего внешними сношениями Русского государства в XVII в., и фонд Оружейной палаты); вторая большая группа документов—103 выписи Астраханской таможни, из фонда Астраханской приказной палаты архива Ленинградского отделения Института истории. Кроме того, составители изучили архивные фонды Сибирского приказа ЦГАДА, Центрального государственного военно-исторического архива и рукописного отделения Государственного исторического музея.

К сожалению, в рецензируемом издании не нашли отражения материалы, хранящиеся в архивах Средней Азии (Ташкент, Самарканд), и богатые коллекции персидских и таджикских рукописей из библиотек Москвы и Ленинграда. Изучение документов этих хранилищ дополнило бы наши представления о развитии русско-индийских отношений.

В хронологическом отношении документы в сборнике распределяются весьма неравномерно: совсем отсутствуют документы первого десятилетия, второе и третье — представлены всего тремя материалами, а четвертое — восемью. Поэтому опубликованные документы позволяют подробно проследить развитие русско-индийских отношений лишь с 40-х годов XVII века. Малочисленность источников первой четверти XVII столетия объясняется гибелью архивов вследствие неоднократных пожаров городов. Так, почти утрачен архив приказа Казанского дворца, занимавшегося непосредственно делами восточных купцов и ведавшего городами Нижнего Поволжья, где раньше всего появились и развернули свою деятельность индийские купцы.

Так же неравномерно распределены данные и по второй половине XVII столетия: 186 документов приходятся на 60—80-е годы, причем 92 из них относятся к 70-м, а 59 — к 80-м годам. Видимо, в этот период

[1] Содержание 22 индийских дел этого архива было изложено еще в 30-х годах прошлого столетия в работе А. Ф. Малиновского «Известия об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с договорами и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 год», а позднее подробно изучено В. А. Уляницким «Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв.».

происходило наибольшее оживление русско-индийских отношений. Можно надеяться, что дальнейшие архивные исследования помогут обнаружить новые факты более раннего проникновения индийцев в Россию или знакомства русских с Индией.

Из впервые обнаруженных документов наибольший интерес представляют царские грамоты, касающиеся статуса и жизни восточных купцов (в особенности индийцев) и их торговли в России, челобитные и «сказки» индийских и русских купцов, выписки из таможенных книг о приезде и отъезде индийцев или русских торговцев с индийскими товарами в русские города или «за море», а также статейные списки и донесения русских послов, ездивших в Персию, Среднюю Азию и Индию.

Ознакомление с этими материалами позволяет сделать вывод, что XVII век явился важной вехой в развитии русско-индийских отношений. Этот период открывается основанием астраханской колонии индийцев (1615—1616 гг.), о жизни и деятельности которой мы подробно узнаем из документов сборника.

Изданные источники ярко показывают настойчивые попытки русского правительства установить с Индией непосредственные торговые и дипломатические отношения. Стремление «быти в крепкой братской дружбе, и в любви, и в ссылках» (док. № 28) диктовалось экономическими потребностями русского купечества.

Одним из самых интересных материалов является фирман наместника могольского падишаха Аурангзеба (док. № 256), дававший право свободного проезда и беспошлинной продажи товаров русскому послу Семену Маленькому, прибывшему в Индию в 1696 году.

Много нового в наши знания вносят документы, рисующие деятельность индийских купцов в России. Они показывают, что русское правительство, заинтересованное в укреплении восточной торговли, на первых порах предоставляло индийцам особые привилегии, торговые льготы, защищало их интересы. В грамоте Алексея Михайловича 1647 г. особо подчеркивается требование соблюдать и по отношению к «индейцам торговым людям» «ласку и береженье сверх иных иноземцев, чтобы их и впредь к нашей государственной милости приучить, а не отогнать» (док. № 35).

Анализ опубликованных документов показывает, что к концу XVII в. индийские купцы заняли видное место в русской торговле с Востоком.

При ознакомлении со сборником у читателя могут возникнуть вопросы: почему именно XVII век знаменовал собой новый этап в развитии русско-индийских связей? Насколько реален кажущийся разрыв между путешествием Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. и установлением непосредственных отношений с Индией в конце XVII в., превращающий это путешествие в исключительное явление?

Ответ на первый вопрос можно найти в интересном и содержательном, но, к сожалению, кратком предисловии Н. М. Гольдберга к сборнику.

Почти полное отсутствие документов о непосредственных связях России и Индии в XVI в. не является окончательным аргументом для их отрицания. Усиленные поиски путей в Индию начались в самом начале XVI века. Еще в 1525 г. один из образованнейших русских людей того времени, видный дипломат и переводчик Дмитрий Герасимов высказал мысль о возможности прохода в Китай и Индию Северным Ледовитым океаном [2]. Пятью годами раньше генуэзец Паоло Центурионе прибыл в Москву, чтобы достичь Индии через Россию. Однако только присоединение Казанского и Астраханского княжеств (1552, 1556 гг.) и объединение всего волжского бассейна открыли реальную возможность для установления прямых торговых связей с Индией через Иран и Среднюю Азию.

Именно Средняя Азия была в тот период главным местом контактов русских и индийских купцов. В 1558 г. англичанин Антоний Дженкинсон, стремясь проникнуть из России в Индию через Среднюю Азию, впервые добрался до Хивы и Бухары. В своем единственном для XVI в. из дошедших до нас описаний путешествия в Среднюю Азию он отмечает: «В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран — Индии, Персии, Балха, России, разных других, а в прежние времена и из Китая...» [3].

Среднеазиатско-индийские отношения, завязавшиеся значительно раньше проникновения индийцев в Россию или русских в

---

[2] Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России в XV—XVI вв. М. 1950, стр. 126.

[3] «Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке». Пер. Ю. В. Готье, стр. 184.

Индию, несомненно, должны стать предметом специального исследования, которое поможет пролить свет на характер русско-индийских отношений в тот период.

Ознакомление с документами сборника не позволяет согласиться с положением, выдвинутым автором предисловия, о том, что индийским торговцам долго не удавалось проникнуть на внутренний рынок России. Не совсем последовательна и точка зрения автора о воздействии официальных ограничений на индийскую торговлю. В действительности материалы сборника свидетельствуют, что эти официальные ограничения не помешали индийцам занять в последней четверти XVII в. видное место в русской торговле с Востоком.

В заключение необходимо отметить высокий научный уровень публикации, передачи текстов документов, их переводов и определения. Заголовки к документам точно отражают их содержание. В подробно разработанном научно-справочном аппарате необходимо отметить терминологический словарь и особенно именной указатель.

Большое сожаление вызывает отсутствие комментариев к документам — важнейшей части каждой научной публикации, которые помогли бы широким кругам читателей не прибегать к другим справочным материалам. Была бы желательна более подробная археографическая оценка публикуемых источников с точки зрения их подлинности, анализа фондов, написания документов и т. д.

Полиграфическое оформление сборника — формат издания и шрифт — очень удачно. Правда, различные шрифты самого текста, примечаний, пометок и легенд делают отдельные страницы несколько неряшливыми.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают высокой научной ценности рецензируемой публикации.

М. А. Сидоров

Г. П. КУРОПЯТНИК. *Захват Гавайских островов США.* М. Соцэкгиз. 1958. 247 стр. Тираж 10 тыс. экз. Цена 9 руб. 25 коп.

Советскими исследователями немало уже сделано в области изучения экспансионистской политики американского империализма на рубеже XIX и XX вв., в новую эпоху мировой истории, когда капитализм достиг своей высшей, монополистической стадии развития. Однако до сих пор в полной мере и всесторонне не была освещена такая важная для изучения американской экспансии тема, как захват Соединенными Штатами Гавайских островов. Монография Г. П. Куропятника восполняет этот пробел.

Автор серьезно проанализировал внешнеполитический курс США в конце XIX в., уделил большое внимание формам и методам колониальной агрессивной политики американских правящих кругов. Книга разоблачает экономические, дипломатические и военные методы, использованные Соединенными Штатами при захвате Гавайских островов.

Г. П. Куропятник на основе достоверных фактов разоблачает концепции буржуазных историков, апологетов американского империализма, искажающих характер и цели агрессивной внешней политики США. Они намеренно запутали вопрос об аннексии Соединенными Штатами Гавайских островов, стремясь доказать, что это был не империалистический акт, а действие, направленное на обеспечение лишь «безопасности» США и установление «внутреннего спокойствия» на островах. Буржуазные историки часто выдвигают тезис о божественном «предопределении судьбы» Гавайев, то есть о неизбежной аннексии архипелага США и о «цивилизаторской миссии» американцев. Показ в рецензируемой монографии на документальных материалах безудержной экспансии американских империалистов на Гавайях развенчивает эти и подобные им фальсификаторские концепции буржуазных авторов.

Г. П. Куропятник использовал большое количество источников и литературы как на русском, так и на иностранных языках (архивные материалы, опубликованные сборники документов, мемуарная литература, периодическая печать, исторические исследования). Автор сумел отобрать наиболее интересные факты, поэтому книга не перегружена деталями и легко читается. Она значительно оживляется изложением прессы и неопубликованных документов, а также малоизвестных высказываний Марка Твена и Джека Лондона о Гавайях и гавайцах.

Первая глава носит вводный характер. В ней дается характеристика Гавайев в момент появления там первых иноземцев, приводятся выдержки из путевых записок русских моряков, побывавших на островах в первой половине XIX в., прослеживается

политика американской буржуазии и рабовладельцев в отношении архипелага до начала гражданской войны в США.

Последующие главы (2—5), охватывающие время от гражданской войны до 1898 г., носят исследовательский характер. Периодизация истории внешней политики США не вызывает сомнений. Период после гражданской войны, то есть последняя треть XIX в., был, по выражению В. И. Ленина, «переходом к новой империалистской эпохе» [1]. Поэтому, на наш взгляд, убедительно звучит важный вывод автора о характере и движущих силах внешнеполитической экспансии США до гражданской войны и после нее: «Если до гражданской войны как внешняя, так и внутренняя политика страны определялась интересами южных рабовладельцев и связанной с ними части буржуазии Северо-Востока, то в период перехода к империализму политическая линия Соединенных Штатов диктовалась крупным промышленным и банковским капиталом, постепенно превращавшимся в монополистический капитал» (стр. 24). В своем исследовании автору удалось на большом документальном материале проиллюстрировать положение о том, что после гражданской войны американская экспансия на Гавайях вступила в новый этап.

В главе «Американская экспансия на Гавайях после гражданской войны» кратко, но в достаточной степени обоснованно и четко рассматривается экономическое развитие США. Автор делает правильный вывод, что развитие американской экспансии в последней трети XIX в. определялось теми экономическими изменениями, которые происходили в США после гражданской войны, и в первую очередь перерастанием домонополистического капитализма в империализм, что неизбежно повлекло за собой усиление экспансионистских тенденций в американской внешней политике.

Г. П. Куропятник на основе интересных и свежих материалов показывает, какие попытки предпринимали правящие круги США в последней четверти XIX в. для аннексии Гавайских островов.

Автор подчеркивает, что наряду с активизацией экспансии США в последней четверти XIX в. усиливается сопротивление гавайского народа, растет на островах освободительное движение. Особенно удались страницы, где показаны борьба островитян против передачи Пирл-Харбора Соединенным Штатам, волнения, охватившие весь архипелаг в связи с попыткой установления над островами протектората США, и восстания гавайцев против американского гнета в 1889 и в 1895 годах.

Борьба за национальную независимость гавайского народа была длительной и упорной. В этой неравной схватке гавайцам не удалось отстоять свою независимость. Почти все коренное население островов было истреблено. Автор гневно разоблачает жестокую колониальную политику США, рисует картины бесчеловечного обращения американских плантаторов с трудящимся населением островов, вооруженной расправы с населением.

Стремление Соединенных Штатов установить свое господство над островами вызывало противодействие со стороны ряда держав, сначала Англии и Франции, затем Германии и Японии. Возникшие противоречия являлись также одним из серьезных факторов, сдерживавших США в захвате островов. Правящая верхушка США вынуждена была также считаться с настроениями прогрессивных элементов и трудящихся масс своей страны, и прежде всего американского рабочего класса, выступавших против захватнической политики своего правительства. Автор много внимания уделяет внутренней истории США. Он дает четкую характеристику различным правительствам, политическим партиям, показывая расстановку классовых сил в тот или иной период истории Соединенных Штатов.

Без правильного освещения и анализа этих вопросов нельзя было бы понять, почему США только в 1898 г. аннексировали Гавайские острова, хотя в течение многих десятилетий занимали там значительные экономические, политические и военные позиции. На основе всестороннего анализа международной обстановки, внутриполитического положения в Соединенных Штатах и на самих островах автор приходит к выводу, что усиление американской экспансии в связи с переходом к империализму и сложившееся к концу XIX в. новое соотношение сил на международной арене позволили США в 1898 г. осуществить аннексию Гавайского архипелага.

Захват Гавайских островов явился ярким проявлением тех экспансионистских тенденций во внешней политике Соединенных Штатов, которые резко усилились и приняли особенно империалистический характер в конце XIX в. (стр. 221).

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 104.

Автор убедительно показал, какое значение имел захват Гавайских островов для расширения экспансии американского империализма в странах Азии.

Необходимо высказать несколько критических замечаний и претензий к автору книги. Следовало бы, на наш взгляд, резче подчеркнуть разницу в методах и формах американской экспансии в домонополистический период и в период перехода к империализму.

К сожалению, в исследовании почти совершенно обойден вопрос об использовании Гавайских островов американскими капиталистами для незаконных промыслов у русского побережья Охотского и Берингова морей. Хищническая деятельность американских зверопромышленников у русских берегов в 80-е и 90-е годы вообще выпала из поля зрения автора. Это тем более досадно, что, судя по списку источников и литературы, Г. П. Куропятник располагал первоисточниками по исследуемому вопросу (перечислено более 20 дел из Архива Военно-морского флота, относящихся к данной теме и охватывающих 1885—1900 гг.,— стр. 227).

Некоторые моменты в книге остаются для читателя неясными. Так, на стр. 16 говорится о «большом переделе» земли в 1848 г. на островах. Это очень важный вопрос, но в чем его сущность, автор не объясняет. На протяжении всей монографии Г. П. Куропятник несколько раз заводит речь о землевладении на Гавайях, приводит статистические данные о землевладении накануне аннексии, что очень показательно (наряду с цифрами об американских инвестициях) для характеристики степени проникновения капитала США в гавайскую экономику. Поскольку все эти данные разбросаны по разным главам, у читателя не создается цельной картины состояния сельского хозяйства и положения гавайских крестьян на каждом из исследуемых этапов закабаления островов американскими капиталистами. Книга Г. П. Куропятника, несмотря на некоторые недочеты, представляет собой интересное исследование.

В. П. Кочетов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В НАЛЬЧИКЕ

В июне с. г. в столице Кабардино-Балкарской АССР — Нальчике проходила научная сессия по проблеме этногенеза балкарского и карачаевского народов, созванная Кабардино-балкарским научно-исследовательским институтом. В ее работе приняли участие представители научных учреждений многих национальных республик Северного Кавказа, а также Москвы и Ленинграда.

Сессия поставила своей задачей выяснить различные точки зрения о происхождении балкарцев и карачаевцев и наметить правильные пути к дальнейшему исследованию этого вопроса.

Директор Кабардино-балкарского научно-исследовательского института Х. Г. Берикетов отметил во вступительном слове, что решение проблемы этногенеза балкарцев и карачаевцев имеет важное значение для изучения истории этих народов. Правильное исследование этой проблемы, в свою очередь, способствует изучению истории адыгейского, черкесского, осетинского и других народов Северного Кавказа.

Заведующий сектором истории Кабардино-балкарского научно-исследовательского института Т. Х. Кумыков остановился на различных гипотезах, рассматривающих балкарцев и карачаевцев как потомков кипчаков, так называемых черных булгар, аланов и др. племен. К сожалению, он не высказал своего отношения к этим гипотезам, ограничившись их перечислением, что, бесспорно, явилось слабой стороной его в целом содержательного доклада.

С. К. Бабаев (Нальчик), используя различные, преимущественно языковые, источники, показал, что существующие гипотезы происхождения балкарцев и карачаевцев от татар, чехов, ногайцев лишены всякого основания и должны быть отвергнуты. Он привел многочисленные данные, которые, по его мнению, подтверждают происхождение балкарцев и карачаевцев от древних булгар. Одним из компонентов в процессе образования современных балкарцев и карачаевцев С. К. Бабаев считает аланов, живших на территории нынешней Балкарии и Карачая, а также булгар, которые в первой половине VII в. н. э. ассимилировались с аланами, придя из южных степей. Этническим ядром балкарцев и карачаевцев, по его мнению, являлись черные булгары и аланы.

С противоположной точкой зрения выступил кандидат исторических наук Л. И. Лавров. Он полагает, что до XIII в. на территории, которую ныне заселяют карачаевцы и балкарцы, проживали аланы. Что касается карачаево-балкарского и кумыкского языков, то они находятся в прямой связи с языком половцев, обитавших в степях Прикавказья. Наличие общих черт в духовной и материальной культуре, антропологии и т. п. у всех северокавказских народов (кабардинцев, осетин, балкарцев и др.) служит доказательством их длительного тесного общения. Л. И. Лавров допускает, что половцы, появившиеся в горах после нашествия татаро-монголов, смешались с проживавшими там аланами, образовав при этом народность, явившуюся предками современных карачаевцев и балкарцев. Наличие же финского и булгарского элементов в языке карачаевцев и балкарцев, по его мнению, не может являться аргументом, опровергающим тюркское происхождение предков этих народов.

Кандидат исторических наук Х. О. Лайпанов (Карачаевск) поддержал, в сущности, точку зрения Л. И. Лаврова, отметив, что основным компонентом при образовании балкарского и карачаевского народов являлись кипчаки, смешавшиеся с местным населением — аланами. Оратор привел данные археологии и этнографии, подтверждающие его положения.

С сообщением «Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка» выступил сотрудник Кабардино-балкарского научно-исследовательского института А. Х. Соттаев. Он привел убедительные примеры того, что балкарский язык сохранил многие черты древнего тюркского языка. Древний тюркский язык, как считает А. Х. Соттаев, являлся одним из компонентов

балкарского языка, вторым его компонентом был аланский язык, а третьим — язык половцев. А. Х. Соттаев отверг гипотезу о проникновении балкарцев и карачаевцев на Кавказ из Крыма и Турции, подкрепив свой вывод примерами из истории культуры крымских татар, с одной стороны, балкарцев и карачаевцев — с другой. В частности, балкарцы и карачаевцы длительное время не знали магометанства, в то время как крымские татары являлись магометанами.

С докладом «Некоторые замечания по вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев по данным археологии» выступила Е. П. Алексеева (Карачаево-черкесский научно-исследовательский институт). Кратко остановившись на анализе гипотез по вопросу этногенеза карачаевцев и балкарцев, Е. П. Алексеева, используя данные археологии, показала, что основным компонентом при образовании карачаевского и балкарского народов являлись кипчаки, которые в XI—XII вв. стали проникать в горы из южных степей. Помимо кипчаков в формировании балкарского и карачаевского народов участвовали и булгары. Опираясь на исследования советских археологов, Е. П. Алексеева попыталась раскрыть связь захоронений, обнаруженных на территории Карачая и Балкарии, с захоронениями, открытыми болгарским археологом Станчо Станчевым в Болгарии. Е. П. Алексеева пришла к выводу, что образование балкарского и карачаевского народов происходило при участии булгар, заселивших предгорья Кавказа на рубеже VII—VIII веков. Кипчаки, а также жившие издавна на данной территории аланы и другие обитавшие здесь племена (названия которых нам неизвестны) также участвовали в образовании балкарского и карачаевского народов.

Старший научный сотрудник Института истории АН Грузинской ССР З. В. Анчабадзе сделал сообщение «Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XII вв.». Редкие сведения о кипчаках, встречающиеся в грузинских летописях, представляют большую ценность для науки. Кипчаки фигурируют здесь как сильное, самостоятельное племя, заселившее к тому времени территорию Северного Кавказа (район нынешней Кабардино-Балкарии) и Дербента. Грузинский царь Давид Строитель пригласил многих кипчаков переселиться в Грузию, чтобы сформировать из них военные отряды, с которыми впоследствии он совершил ряд завоеваний Переселившиеся в Грузию кипчаки стали называться «новыми кипчаками». З. В. Анчабадзе привел данные о внешнем облике кипчаков — тюркоязычных европеоидов, а не монголоидов, их вероисповедании, социальном строе в XI—XIII столетиях. В эти века кипчаки находились на ранних ступенях развития феодальных отношений. Они имели царя, которого называли «главнейшим». З. В. Анчабадзе пришел к выводу, что кипчаки Северного Кавказа были одним из компонентов в формировании балкарского и карачаевского народов.

Известный языковед профессор В. И. Абаев в докладе «Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке» путем многочисленных сравнений выяснил, что у балкарцев, карачаевцев, осетин и других народов Северного Кавказа имеется множество сходных слов. По его мнению, в основе кабардинского, осетинского и других языков лежит какой-то древний язык (видимо, аланский).

Художник-архитектор Э. Б. Бернштейн посвятил свое выступление народной архитектуре балкарского жилища. Он показал, что при наличии ясно выраженных четырех типов построек, характерных для Балкарии, имеются некоторые черты, общие для всех четырех типов жилья, уходящие в глубину веков.

Профессор Х. А. Поркшеян в докладе «Происхождение балкарцев и карачаевцев в свете летописи Хачатура Кафаеци» попытался обосновать свою точку зрения о происхождении балкарцев и карачаевцев как выходцев из Крыма.

В сообщении доктора исторических наук Р. Л. Харадзе (Институт истории АН Грузинской ССР) «К вопросу о сванско-балкарских этно-культурных взаимоотношениях» были изложены итоги изучения материала балкарской этнографической экспедиции института (1958 г.). Р. Л. Харадзе раскрыла картину издавна существовавших тесных этно-культурных отношений балкарцев и сванов. По мнению Р. Л. Харадзе, балкарцы и карачаевцы являются органической частью древнего населения Кавказа, а не пришельцами. Изучение этно-культурных связей различных народов, указала она, имеет большое значение для правильного толкования их этногенеза.

К таким же выводам приводят и данные антропологии, изложенные на сессии научным сотрудником Института истории АН Грузинской ССР Джанберидзе. Он убедительно показал, что существует антропологическая близость балкарцев и ка-

рачаевцев с другими народами Кавказа: кабардинцами, абазинами, сванами, грузинами. Тщательное изучение антропологических данных дало возможность Джанберидзе сделать вывод, опровергающий гипотезу о монголоидном происхождении балкарцев и карачаевцев и подтверждающий точку зрения о глубокой генетической связи всех горских народов Северного Кавказа. Балкарцы и карачаевцы, заключил Джанберидзе, — это древние жители Кавказа.

На сессии были заслушаны также сообщение профессора Н. А. Баскакова (Институт языкознания АН СССР) о родстве балкарского и карачаевского языков с языком кипчаков и выступления У. Б. Алиева (Кабардино-балкарский университет), Х. Г. Гимади (Казанский филиал АН СССР), Абазатова (Чечено-Ингушская АССР), П. Г. Акритаса (Нальчик) и др., призвавших исследователей к всестороннему изучению данных антропологии, археологии, лингвистики и т. п. для решения вопроса об этногенезе балкарского и карачаевского народов.

На заключительном заседании выступил профессор А. В. Фадеев (Институт истории АН СССР), отметивший большое значение сессии для дальнейшего изучения этногенеза народов Северного Кавказа. Вместе с тем он указал на недостатки в работе сессии, главными из которых являлись узость источниковедческой базы некоторых докладов, отсутствие должного внимания к вопросу этно-культурных взаимоотношений кавказских народов. А. В. Фадеев призвал в дальнейшем следовать примеру Кабардино-балкарского научно-исследовательского института, который выдвинул актуальные, острые научные вопросы и привлек к обсуждению не только сотрудников исследовательских институтов соседних национальных республик и центральных научных учреждений страны, но и архитекторов, музыковедов, литераторов, а также широкие круги местной интеллигенции.

Работа сессии дала возможность обосновать вывод о том, что карачаево-балкарская народность образовалась в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами. Среди них наибольшее значение в процессе ее формирования имели кара-булгары, и в особенности одно из западнокипчакских племен. Таким образом, балкарцы и карачаевцы являются коренными обитателями Северного Кавказа и на протяжении многих столетий шли общим с другими горцами историческим путем.

Для расширения исследований в области археологии и этнографии, данные которых имеют решающее значение при изучении проблемы этногенеза народов, сессия постановила организовать комплексную экспедицию по изучению памятников материальной и духовной культуры балкарского и карачаевского народов. К этой работе предполагается привлечь крупнейших специалистов всех областей науки. Сессия рекомендовала Кабардино-балкарскому и Карачаево-черкесскому научно-исследовательским институтам подготовить монографические работы, в которых был бы дан анализ этногенеза балкарского и карачаевского народов. Сессия предложила научно-исследовательским институтам Северного Кавказа обратить также внимание на разработку проблемы этно-культурных связей кабардинцев, балкарцев, черкесов, карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей, сванов и абхазцев.

И. М. Некрасова

IV ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В Ленинграде в мае с. г. состоялось IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе, организованное сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

По вопросу о художественном методе древнерусской литературы на совещании были сформулированы две концепции — В. П. Адриановой-Перетц («Реалистические тенденции» в древнерусской литературе») и И. П. Еремина («К вопросу о художественном методе древнерусской литературы»).

В. П. Адрианова-Перетц рассмотрела вопрос о «реалистических тенденциях» в литературе XI—XVI вв., подготовивших, по ее

мнению, почву для выработки классического реализма XIX века. Применяя термин «реалистический», В. П. Адрианова-Перетц противопоставляет некоторые тенденции, наблюдаемые в литературе, идеалистическим в целом художественным системам средневековья и «документальному» отражению жизни. Эти тенденции не привели к складыванию цельного художественного метода прежде всего в силу ограниченности «познания объективных закономерностей» действительности.

И. П. Еремин полагает, что в рассматриваемых литературных явлениях не следует искать «реалистических тенденций». Древнерусская литература имела свое художественное содержание, не разложимое на элементы и тенденции других художественных систем, исходила из собственных эстетических принципов. Поэтому применительно к памятникам древнерусской литературы следует вообще отказаться от термина «реализм».

При обсуждении указанных докладов выступавшие отмечали принципиальную важность и плодотворность поставленных проблем.

Д. С. Лихачев сделал доклад на тему «Литературный этикет древней Руси». Возникший на основе обрядности общественной жизни — церковной и светской — литературный этикет проявлялся в подборе соответствующих словесных формул для изображения определенных событий и в этикете ситуаций; авторы изображали в своих произведениях поступки героев такими, какими они должны были быть по нормам феодального общества. Из этого следует важный источниковедческий вывод: то, что может восприниматься в произведении как исторический факт, на самом деле является вымыслом, обусловленным требованиями литературного этикета.

В докладе С. Н. Азбелева «К определению художественного метода древнерусской литературы» рассматривался вопрос о специфике художественного метода древнерусской литературы. С. Н. Азбелев считает, что древнерусская литература «в отличие от художественной литературы нового времени является одновременно литературой политической, церковной, исторической и т. д.». Синкретическое состояние древнерусской литературы объясняется нерасчлененностью идеологии в эпоху средневековья. Поставив вопрос о соотношении практических функций древнерусской литературы с ее художественностью, С. Н. Азбелев пришел к выводу, что метод древнерусской литературы в целом «можно было бы назвать синкретическим методом познания», а ее «художественный метод следует, очевидно, понимать как образное в синкретическом». Большая часть выступавших указала на неясность и спорность термина «синкретизм» применительно к литературе древней Руси, на ошибочность позиции С. Н. Азбелева, отрицающего чисто художественную природу произведений древнерусской литературы.

С докладом «Проблема основных идеологических направлений в русской литературе конца XV — первой половины XVI в.» выступил Я. С. Лурье. В дореволюционной историографии установилось мнение, что в русской общественной мысли конца XV — первой половины XVI в. господствовало два направления: «консервативно-формальное» Иосифа Волоцкого, признававшее «полную неограниченность царской власти», и «критическое» Нила Сорского, проникнутое «идеей свободы». Эта схема была усвоена и западной буржуазной историографией.

Большим достижением советского литературоведения является новое, более глубокое понимание сущности идеологической борьбы в конце XV — первой половине XVI века. Она рассматривается, во-первых, как отражение классовой борьбы и изучается в тесной связи с историей данного периода; во-вторых, важное значение придается городским ересям XV—XVI вв., которые трактуются как раннегуманистическое движение, форма революционной оппозиции феодализму.

Однако роль еретических движений в развитии русской публицистики XV—XVI вв., по мнению Я. С. Лурье, далеко еще не раскрыта в литературоведении. Исследователи продолжают по-прежнему держаться традиционной схемы основных направлений идеологической борьбы (Иосиф Волоцкий — Иван Грозный и Нил Сорский — Курбский); между тем из нее выпадают элементы идеологии тех, кто не входил в класс феодалов и противостоял ему — идеологии горожан, народных масс в целом, взгляды которых иногда находили отражение в письменных памятниках того времени.

Я. С. Лурье, опираясь на выводы работ, написанных в последние годы советскими историками и литературоведами, пересмотрел проблему идеологических направлений. В результате исследования литературных памятников конца XV в. он пришел к выво-

ду, что никакой борьбы между направлениями Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в то время не было. Более того, источники говорят о существовании определенной близости между ними. Борьба, которую отражает иосифлянская публицистика конца XV в., велась не против нестяжателей, а против еретиков. Ереси, по мнению Я. С. Лурье, затрагивали основы социального строя Русского государства; они являлись отражением классовой борьбы, а не только борьбы внутри господствующего класса.

Начало XVI в. представляет собой новый этап в развитии идеологической борьбы. Иван III после серьезных колебаний порвал с еретиками и согласился на расправу с ними. Это способствовало выявлению некоторых идеологических течений, отражавших противоречия внутри господствующего класса. Однако нельзя, как указал докладчик, разделять всех литературных деятелей XVI в. только на два лагеря — сторонников самодержавия (иосифлян) и его противников (нестяжателей). Нестяжатель Вассиан Патрикеев (это показала Н. А. Казакова) не был противником самодержавия. Неверно также относить к боярскому нестяжательству «Беседу валаамских чудотворцев» (вывод Г. Н. Моисеевой). Столь же спорной оказывается схема «нестяжатели—иосифляне» в применении к Сильвестру и Ермолаю-Еразму. Иван Пересветов, которого традиционная схема причисляла к направлению Иосифа Волоцкого — Ивана Грозного, был связан, как показал А. А. Зимин, не с иосифлянами и нестяжателями, а с реформационным движением середины XVI века. Таким образом, если ставить вопрос о размежевании в публицистике XV—XVI вв. и, в частности, о «критическом направлении» в ней, то последним следует признать именно реформационное движение.

Проблемы, выдвинутые Я. С. Лурье, подверглись оживленному обсуждению. Несогласие с докладом Я. С. Лурье высказал Ю. К. Бегунов. Не в борьбе с ересью и еретической публицистикой, по его мнению, выросла публицистика XVI в., так как удельный вес еретической публицистики был очень мал. Основным в XV—XVI вв. был вопрос о месте церкви в государстве. Все остальные вопросы являлись как бы производными от этого главного. Почти все публицисты того времени были сторонниками централизованного государства. Их расхождения — это расхождения по вопросам организации церкви в государстве. Не классовая, а внутриклассовая борьба определяла развитие публицистики того времени.

По мнению Ю. К. Бегунова, было бы целесообразно созвать специальное совещание по вопросам гуманистического движения XV—XVI вв. на Руси, ибо до сих пор не ясно, что такое гуманизм, реформация, Возрождение применительно к русским условиям и что следует понимать под антифеодальным характером еретического движения того времени.

А. А. Зимин (Институт истории АН СССР) охарактеризовал выступление Ю. К. Бегунова как фактическое отрицание тесной связи общественно-исторической мысли с классовой борьбой. Он сказал, что Ю. К. Бегунов предлагает модифицированную старую схему (основная линия публицистики — борьба вокруг проблемы централизации) и, по существу, отрицает активную роль народа как создателя новой идеологии. А. А. Зимин отметил плодотворность постановки вопроса об изучении русской публицистики конца XV — первой половины XVI в. как отражения классовой борьбы, столкновения реформационных тенденций и взглядов с официальной церковной идеологией. Он считает имеющим важное значение вывод Я. С. Лурье об отсутствии в конце XV в. принципиальных различий во взглядах иосифлян и нестяжателей, представлявших собой лишь различные попытки господствующей церкви ослабить растущее недовольство широких народных масс.

А. А. Зимин охарактеризовал также публицистику конца XV — начала XVI в. как источник для исследования взглядов еретиков и их противников. Одним из важнейших методов изучения этой публицистики является метод критического исследования противоеретической литературы на основе выделения из этой литературы наиболее ранних памятников полемики с еще не разгромленным еретическим движением. Именно этот подход применен Я. С. Лурье. Весьма плодотворен также предложенный А. И. Клибановым метод исследования идеологических взглядов на основании изучения характера использования текстов и цитат из священного писания и святоотеческой литературы в сочинениях вольнодумцев. Для определения степени достоверности полемических источников, по мнению А. А. Зимина, необходимо учитывать, как передавались взгляды оппонента в публицистических произведениях, каковы были

правила построения полемических сочинений.

А. И. Клибанов (Институт истории АН СССР) поддержал вывод Я. С. Лурье о том, что основной водораздел в идеологической борьбе XV—XVI вв. шел по линии борьбы реформации и контрреформации. А. И. Клибанов охарактеризовал культурную роль русского реформационного движения. Изучение списков библии XV в. показало, что примерно в трети рукописей наблюдается тенденция замены церковнославянизмов русскими словами, причем в ряде случаев производилась не только замена книжных слов разговорными, но имела место и идейная переработка содержания.

А. И. Клибанов отметил, что было бы односторонне рассматривать историю русской литературы конца XV — первой половины XVI в. только как историю публицистики. В этот период поднимались вопросы большого философского значения, и вряд ли все богатое содержание литературы того времени укладывается в понятие публицистики.

А. Х. Горфункель (Ленинградский областной исторический архив) в своем выступлении указал, что попытка Я. С. Лурье связать известные нам факты идеологической борьбы с классовой борьбой вполне правомерна. В то же время, с точки зрения А. Х. Горфункеля, подход Ю. К. Бегунова к изучению идеологического движения принципиально ошибочен. Нельзя давать оценку объективного содержания движения только на основании социального состава его участников. Г. Н. Моисеева выразила свое согласие с выводами Я. С. Лурье и высказываниями А. А. Зимина, А. И. Клибанова и А. Х. Горфункеля.

Я. С. Лурье в своем заключительном слове решительно отверг точку зрения Ю. К. Бегунова. Считать, что основной стержень идеологической борьбы не классовая борьба, а столкновение между сторонниками и противниками союза церкви с государством, неверно, так как отношение к государству и к церкви определяется в конечном счете социальной природой того или иного деятеля. По мнению Я. С. Лурье, исследование источников позволит более полно и точно представить идеологическую борьбу в конце XV — первой половине XVI века.

Участники совещания заслушали также доклады Г. Н. Моисеевой («Вопрос о жанре повестей петровского времени») и О. А. Державиной (Институт мировой литературы АН СССР) («Сюжеты переводной новеллы XVII в. в русской литературе нового времени и в народной сказке»).

В докладе «Древнерусская литература как историко-литературный источник» Б. Н. Путилов поставил вопрос о значении отражения народной поэзии в древнерусских литературных памятниках для изучения ранних этапов развития народного творчества.

На специальном заседании были обсуждены проблемы археографии. Были прочтены доклады В. И. Малышева о собрании древнерусских рукописей Института русской литературы АН СССР, И. Н. Ларионова о методике хранения, систематизации фондов старых библиотек и описании древлехранилища Псковского историко-художественного музея, А. И. Семенова о работе по описанию древнерусских рукописей Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника. И. Ф. Голубев охарактеризовал состояние дел по описанию и выявлению древнерусских рукописей в Калининской, а В. В. Лукьянов — в Ярославской областях.

Оживленное обсуждение вызвал вопрос о поисках древнерусских рукописей. В выступлениях Н. Н. Розова (Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), писателя И. Л. Андроникова, А. И. Андреева (Институт истории АН СССР) отмечалась большая работа, проделанная в этом направлении сектором древнерусской литературы и сотрудниками местных архивов. Выступавшие указали на необходимость перехода от единичных экспедиций к планомерному собиранию древнерусских рукописей. Действенным средством должно явиться широкое освещение значения этих поисков в печати, кино, по радио и телевидению. Ряд критических замечаний был высказан в адрес Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР, которая недостаточно руководит делом собирания рукописей.

Совещание показало, что достигнуты несомненные успехи в организации хранения и систематизации древнерусского рукописного наследия. Однако до сих пор не существует единого метода описания рукописей, не находится еще на должной высоте и их хранение. В Рязани и ее окрестностях (г. Михайлов) рукописи гибнут по вине работников местных архивов (из выступления В. Д. Кузьминой); то же самое происходит в архивохранилищах Риги из-за от-

сутствия там реставрационных мастерских (из выступления И. Н. Заволоко).

На совещании был принят ряд предложений по улучшению хранения и систематизации древнерусского рукописного наследия во всесоюзном масштабе. Решено было обратиться в Главное архивное управление СССР и Археографическую комиссию с просьбой о проведении совещания директоров районных музеев и библиотек, на котором они могли бы рассказать о хранящихся на местах рукописях, провести инструктивное совещание с работниками периферийных хранилищ, а также созвать в Москве всесоюзное методическое совещание, на котором представители центральных и местных архивов могли бы обменяться опытом археографической работы.

М. А. Салмина,
Н. С. Сарафанова

О РАБОТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ *

(К 25-летию ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) И СОВНАРКОМА СССР «О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ СССР»)

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. М. КИРОВА

Несмотря на то, что Азербайджанский государственный университет был основан в 1919 г., только после установления в апреле 1920 г. в Азербайджане Советской власти он начал свое действительное существование. По декрету Азербайджанского Революционного комитета подготовка историков была сосредоточена в университете республики. Вначале был создан историко-филологический факультет, а в 1923 г. организован факультет общественных наук.

В создании кадров историков Азербайджана и постановке исторического образования в республике действенную помощь оказали русские ученые.

С 1920 г. начали издаваться серийные выпуски «Известий» Бакинского государственного университета, в которых публиковались научные статьи по истории СССР, всеобщей истории, истории философии и т. д. Было также обращено внимание и на создание учебников и учебных пособий по истории.

В 1923 г. был издан «Краткий курс истории Азербайджана», составленный Е. А. Пахомовым. К этому пособию был приложен курс о Ширваншахах Кесранидах. В 1925 г. вышел в свет «Краткий очерк истории Азербайджана», написанный В. М. Сысоевым.

Значительную помощь университету оказали такие крупные русские ученые, как академик В. В. Бартольд. В 1925 г. он читал в университете курс лекций по истории Азербайджана, изданный затем под названием «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира». Указанная книга до настоящего времени служит важным источником по многим вопросам истории Азербайджана.

В тот же период профессором Г. С. Губайдулиным были написаны работы: «К вопросу о происхождении хазар», «Азербайджанские беки и подвластные им крестьяне», «Феодализм в Азербайджане» и т. д.

В 1934 г. в составе университета был организован исторический факультет, на который вначале было принято 40 студентов. Для слушания спецкурсов студенты четвертого и пятого курсов приема 1934 г. направлялись в московские вузы. Первый выпуск исторического факультета в 1939 г. составил 17 человек. Многие из них в настоящее время являются крупными специалистами-историками. В 1934/35 учебном году на факультете был организован ряд кафедр, в том числе истории СССР, истории древнего мира и средних веков.

Исторический факультет в 1934 г. возглавил крупный ученый профессор Б. Н. Тихомиров, одновременно читавший курс истории СССР.

Для работы на факультете был приглашен ряд русских профессоров: Е. С. Николаев (история древнего мира), Е. И. Байбаков, П. П. Фридолин (история средних веков) и другие.

В этот же период на факультете работала большая группа национальных специа-

* Начало см. в №№ 7, 10, 11.

листов: М.-К. А. Алекперли, М. М. Эриванский, Гусейн-Кули Беляндарли (история СССР) и другие.

В довоенный период внимание кафедры истории СССР было обращено на разработку ряда проблем истории Азербайджана. Рост национальных кадров позволил в 1940 г. впервые создать на факультете кафедру истории Азербайджана. Важным событием в жизни кафедры было введение в 1942 г. преподавания истории Азербайджана на всех факультетах университета.

В годы Великой Отечественной войны членами кафедры был выпущен в свет ряд ценных работ, имевших большое научное и политико-воспитательное значение.

В 1947/48 учебном году наметился перелом в работе исторического факультета. Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы явились направляющими документами во всей учебно-методической и идейно-теоретической работе факультета. Решения партии помогли резкому улучшению постановки учебно-воспитательной работы со студентами, были приняты меры по укреплению кафедр факультета высококвалифицированными кадрами. С 1947 г. резко увеличилось количество студентов исторического факультета. С 1948 г. были получены новые учебные планы. Только за последние 10 лет (1948—1958) число выпускников составило свыше 900 человек.

В 1948 г. на факультете работали 13 профессоров — докторов наук, 23 доцента — кандидатов наук, 21 старший преподаватель. Эти научно-преподавательские кадры распределялись по 6 кафедрам.

В свете исторических решений XX съезда КПСС факультет в 1956 г. коренным образом перестроил свою деятельность. Вся учебно-методическая, научно-исследовательская, политико-воспитательная работа коллектива факультета была направлена на выполнение задач, поставленных XX съездом КПСС перед учеными и вузами. Перестройке подверглась также постановка научно-исследовательской работы на факультете.

После 1956 г. в составе факультета имелись 3 кафедры: истории СССР, всеобщей истории, истории народов Ближнего Востока. В сентябре 1958 г. на факультете была восстановлена кафедра истории Азербайджана.

С 1956 г. научно-исследовательская работа на факультете была сосредоточена на кафедрах всеобщей истории и истории народов Ближнего Востока и велась в основном в двух направлениях: разработка ряда важных вопросов истории Азербайджана нового периода (XIX—XX вв.); создание учебных пособий на азербайджанском языке по курсам истории древнего мира, новой истории и новой истории стран зарубежного Востока.

Сотрудники кафедры истории СССР занимались изучением ряда вопросов местной истории. Так, по проблеме «Аграрные отношения в Азербайджане в 1870—1917 гг.» доцент М. М. Эфендиев собрал большой материал и завершает написание монографии.

Доцент Н. Г. Саркисов заканчивает работу по теме «Положение бакинского пролетариата в период 1907—1917 годов». Доцентом М. А. Казиевым написано исследование «Революционная деятельность Н. Нариманова». Доцент М. М. Миргадиев занимается изучением материалов по проблеме «Образование Азербайджанской ССР и ее развитие в 1920—1922 гг.», доцент С. Н. Иман-заде работает над темой «Развитие текстильной промышленности советского Азербайджана», А. М. Атакишиев — «Рабочий класс Азербайджана в период восстановления народного хозяйства», Л. Г. Аскеров — «Развитие нефтяной промышленности Азербайджана в 1920—1930 гг.».

О. М. Османлы написал книгу «Развитие горнорудной промышленности северо-восточного склона М. Кавказа за годы четвертой пятилетки».

Действительный член АН Азербайджанской ССР профессор А. А. Али-заде в 1958 г. подготовил монографию «Об употреблении тюрко-монгольских терминов в персидских источниках в XIII—XIV вв.». Доцент М. М. Эриванский в том же году завершил составление учебного пособия по истории Римской империи. Над созданием учебного пособия по истории Римской республики работает кандидат исторических наук Ю. А. Гасанов. Им же написано учебно-методическое указание по курсу истории первобытного общества и основ этнографии. М. Г. Оруджев перевел с русского на азербайджанский язык учебник по новой истории.

Кафедра истории СССР работала над созданием учебного пособия по историографии СССР. Доцент Ю. Г. Сафаров осветил исторические взгляды Карамзина, декабристов, Пушкина, Белинского, Герцена и других.

Коллектив историков университета принимал активное участие в подготовке к печати трехтомной «Истории Азербайджана». В 1958 г. был опубликован первый том этого издания, явившийся первым обобщающим трудом по истории Азербайджана с древнейших времен до начала XIX века. В настоящее время подготовлен к печати второй том; продолжается работа над третьим томом.

Заведующий кафедрой всеобщей истории действительный член АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбат-заде издал в 1958 г. книгу «Сельское хозяйство Азербайджана в XIX веке». Заведующий кафедрой истории Азербайджана профессор З. И. Ибрагимов выпустил монографию «Борьба трудящихся Азербайджана за социалистическую революцию».

Благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства подготовка историков и развитие исторической науки в Азербайджане стоят на прочном и правильном пути.

В свете исторических решений XXI съезда КПСС и задач, вытекающих из доклада Н. С. Хрущева и закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», начата серьезная работа по перестройке учебного процесса и научно-исследовательской деятельности исторического факультета. На лекциях и семинарских занятиях студенты с огромным интересом изучают новые теоретические положения, выдвинутые на съезде. Пересмотрены научно-исследовательские планы факультета, усилено внимание к разработке вопросов эпохи социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Значительное внимание ученые уделяют разработке истории Коммунистической партии Азербайджана, изучению экономической истории республики, ведущих отраслей промышленности (нефтяной, горнорудной) и сельского хозяйства (хлопководства и др.).

Студенты исторического факультета проходят производственную практику на тех объектах, где они будут в дальнейшем трудиться. Они знакомятся с работой Музея истории Азербайджана, Государственного архива республики, с отдельными археологическими и культурными памятниками; предусматривается выезд студентов в районы археологических раскопок. Много внимания уделяется также педагогической практике. В связи с принятым сессией Верховного Совета республики законом «Об охране природы Азербайджанской ССР» студенты-историки будут участвовать в работах по реставрации исторических памятников.

За годы семилетки университет выпустит большой отряд молодых специалистов-историков (около 1 000 человек), в основном за счет расширяющегося с каждым годом вечернего и заочного образования. С 1959/60 учебного года начинается подготовка специалистов по этнографии, археологии, нумизматике, новой и новейшей истории, истории стран Востока и др.

Ученые Азербайджана, как и весь наш народ, отдадут все свои силы и знания великой цели — построению коммунизма в нашей стране.

Ш. Ф. Мехтиев

БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ 40-летия ОКТЯБРЯ

В 1934 г. в Башкирском государственном педагогическом институте имени К. А. Тимирязева, затем преобразованном в университет, на основе постановления партии и правительства был создан исторический факультет.

За прошедшие годы исторический (теперь историко-филологический) факультет подготовил большое количество специалистов-историков. Только за последние 6 лет дневное и заочное отделения факультета окончили 790 человек (вместе с выпускниками Учительского института — 1 040), которые сыграли немалую роль в развитии культуры и науки Башкирии.

На историко-филологическом факультете университета в настоящее время работают две кафедры: истории СССР и всеобщей истории. Первая разрабатывает главным образом вопросы истории Башкирии. Доцент З. А. Аминев занимается историей Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии; доцент З. И. Сираев изучает материалы об участии башкирского народа в Великой Отечественной войне; доцент С. Н. Нигматуллин работает по исто-

рии колониальной политики царизма в Башкирии в XIX веке. Старший преподаватель Д. М. Шнейдер в этом году защитил кандидатскую диссертацию об аграрных преобразованиях в Башкирии в первые годы Советской власти. Работники общеуниверситетской кафедры истории КПСС приступили к исследованию истории башкирской партийной организации.

Ведут научную работу и сотрудники кафедры всеобщей истории. Старшие преподаватели кандидаты наук: Р. А. Маслов занимается историей образования централизованной монархии во Франции; А. Ш. Савельева — революционно-демократической историографией революции 1848 г. в Европе; Н. И. Киселев — историей рабочего и социалистического движения во Франции в конце XIX в.; Т. Ф. Новикова — вопросами социальной борьбы в древнегреческом обществе; доцент И. С. Киссельгоф — историей Франции в период второй мировой войны.

Силами работников факультета издано несколько сборников «Ученых записок». Недавно вышла в свет книга З. А. Аминева «Октябрь в Башкирии» (на башкирском языке), готовится к опубликованию сборник «Из истории Франции», в который войдут статьи И. С. Киссельгофа по истории Франции в период второй мировой войны, Р. А. Маслова о присоединении Бретани и Прованса к Франции и другие.

В настоящее время выходит из печати сборник статей «Из истории Башкирской АССР». В него вошли статьи Ф. Л. Саяхова «Октябрьская революция и разрешение национального вопроса в СССР», З. А. Аминева «Из истории борьбы за создание Башкирской Автономной Советской Социалистической республики», З. И. Сираева «Продовольственная помощь трудящихся Башкирии фронту и пролетарским центрам России в 1918—1920 гг.», Д. М. Шнейдера «Аграрные преобразования в Башкирии в 1919—1922 гг.», А. Я. Стрельцова «Борьба КПСС во второй пятилетке за дальнейшее укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства по линии торговли», Х. Б. Кинзебулатова «Патриотический вклад колхозного крестьянства Башкирии в годы Великой Отечественной войны», С. Н. Нигматуллина «О политике царизма по переводу башкир и мишарей из военного сословия в податное в 20—30-х годах XIX в.», П. Ф. Байчикова и З. П. Тютевой «Обзор фондов партийного архива Башкирского обкома КПСС».

В связи с 40-летием Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики состоялось юбилейное заседание ученого совета университета, на котором были заслушаны доклады: об образовании БАССР (доцент З. А. Аминев), об успехах и перспективах развития экономики и культуры Башкирии в предстоящем семилетии (доцент М. Д. Маслов), о развитии башкирской литературы за 40 лет (доцент Х. Ш. Зинатуллина).

На историко-филологическом факультете ведется работа по пересмотру учебных планов в соответствии с решениями XXI съезда КПСС и законом о дальнейшем совершенствовании системы народного образования. Переход на новые учебные планы позволит кафедрам истории университета значительно улучшить подготовку квалифицированных кадров. Наряду с подготовкой учителей университет стремится широко осуществить специализацию по истории Башкирии, археологии, краеведению, архивному и музейному делу. Укреплены связи кафедры истории СССР с Башкирским филиалом Академии наук, с его Институтом истории, языка и литературы. На ученом совете факультета в апреле 1959 г. был утвержден план координации научной работы на 1959—1965 гг., который предусматривает организацию объединенных научных сессий, конференций и дискуссий, совместное составление «Очерков по истории Башкирской АССР» (т. II, советский период) и сборников документов, а также написание статей на тему «Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

В 1960 г. будут обсуждены итоги исследований в области истории Башкирии 1917—1925 гг. и характера башкирских восстаний второй половины XVII — первой половины XVIII века. Факультет принимает участие в организации и проведении совместных археологических и этнографических экспедиций.

В соответствии с решениями XXI съезда КПСС пересмотрены списки литературы, тематика курсовых и дипломных работ, лекционные курсы по советскому периоду, новейшей истории стран Запада и Востока.

Уже сказываются благотворные результаты приема на факультет студентов, пришедших в университет из армии, с заводов и колхозов. На I—III курсах исторического отделения свыше 80% таких студентов. Большое значение на факультете придается

не только практической подготовке студентов, но и изучению истории стран зарубежного Востока, расширению, углублению и улучшению преподавания иностранных языков. Факультативно изучается арабский язык. Знание восточных языков наряду с западными даст возможность студентам на более высоком научном уровне выполнять свои курсовые и дипломные работы.

Работники факультета считают, что следует в ближайшее время выделить историческое отделение в самостоятельный факультет. Университетские преподаватели принимают активное участие в пропаганде решений XXI съезда КПСС, стремятся внести свой вклад в дело осуществления грандиозных планов коммунистического строительства в нашей стране.

И. С. Киссельгоф

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Горьковский университет был учрежден по декрету Совета Народных Комиссаров РСФСР за подписью В. И. Ленина 25 июня 1918 г. в составе десяти факультетов. Историко-филологический факультет был открыт в 1919 году. В настоящее время на историческом отделении факультета обучается 125 студентов, работают 5 профессоров (четверо из них имеют степень доктора исторических наук) и 6 доцентов.

Историками университета выполнена значительная научная работа. Изучение истории средних веков в течение многих лет возглавлял член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский, который широко известен как автор фундаментальных исследований аграрного законодательства английской революции. Он изучал также крестьянские движения в Англии и дипломатические отношения этого государства с различными странами Западной Европы и Россией [1]. Первый том основного труда С. И. Архангельского («Аграрное законодательство великой английской революции») опубликован в 1935 г., второй — в 1940 году. Издательство Академии наук наметило в этом году опубликовать третий том его капитального исследования — «Крестьянские движения в Англии в эпоху революции в 40—50 гг. XIX века». Итоговые статьи по ряду вопросов, изучавшихся С. И. Архангельским, опубликованы в коллективном двухтомном труде «Английская буржуазная революция XVII века», изданном АН СССР и удостоенном премии Президиума АН СССР. С. И. Архангельский выступил в качестве автора шести глав «Всемирной истории». В марте 1959 г. в Институте истории АН СССР состоялось заседание, посвященное памяти С. И. Архангельского. На нем были подведены итоги его исследований по истории Англии и Горьковского Поволжья. На ученом совете факультета состоялась защита кандидатских диссертаций ряда учеников С. И. Архангельского: А. В. Барчуговой, А. А. Большухина, А. П. Геллертова, М. Г. Ивановой, Е. П. Новосельцевой, Н. Ф. Прончатова [2].

Заведующий кафедрой всеобщей истории проф. Н. П. Соколов в 1954 г. защитил докторскую диссертацию «Образование и первоначальная организация венецианской колониальной державы (XI—XIII вв.)». Ему же принадлежат публикации по истории Венеции.

Изучением истории средневековой Испании занимается кандидат исторических наук С. В. Фрязинов, который в настоящее время работает над монографией «Реконкиста в средневековой Кастилии». Он является автором ряда публикаций по истории средневековой Испании.

По античной истории Н. И. Голубцова подготовила в 1948/49 учебном году статью «Общественные идеи римской литературы накануне вторжения Алариха в Рим», которая была опубликована в «Ве-

[1] О публикациях С. И. Архангельского по Англии см. В. Т. Илларионов. Из истории русской медиевистики. «Ученые записки» Горьковского университета. Вып. 26. 1954, стр. 5—13.

[2] А. В. Барчугова. Политическая борьба в Англии в конце XVI в. (Горький. 1951); А. А. Большухин. Англо-русские отношения в период крестьянской войны и польско-шведской интервенции (Горький. 1954); А. П. Геллертов. Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII века (Горький. 1953); М. Г. Иванова. Борьба Франции с австрийскими и испанскими Габсбургами в период от Вестфальского до Пиренейского мира (1648—1659) (Горький. 1953); Е. П. Новосельцева. Англо-русские отношения в 30—40-е годы XVII в. (Горький. 1955); Н. Ф. Прончатов. Англо-русские отношения в конце XVI века (Горький. 1955).

стнике древней истории». В течение ряда лет по античной истории работает кандидат исторических наук доцент В. Г. Борухович, автор серии статей, напечатанных в «Вестнике древней истории» и других изданиях[3]. На научной конференции факультета в 1955 г. В. Г. Борухович сделал доклад «О некоторых специфических терминах греческих ораторов IV века до н. э.». Им было опубликовано учебное пособие по древнегреческой литературе.

Разработкой историографии древневосточных стран на кафедре всеобщей истории занимается В. Т. Илларионов. Им подготовлен к печати «Опыт по русской историографии древнего Китая». При работе над ним автор сделал попытку учесть источники, основанные на изучении памятников письменности, а также антропологии, археологии, этнографии, исторической географии и т. д.

В университете всегда придавалось большое значение историографии. Лекции по историографии читаются по всем основным курсам: древней, средневековой, новой истории, истории СССР. Ведется научная работа в этом направлении. В. Т. Илларионовым составлена библиография по теме «К историографии палеолита Египта и стран Восточного Средиземноморья». В 1947/48 учебном году С. И. Архангельский сделал доклады на ученом совете факультета «Об успехах изучения истории русского крестьянства» и на общеуниверситетской научной конференции — «Наука всеобщей истории в СССР за 30 лет (1917—1947)».

В 1950 г. по предложению С. И. Архангельского кафедра подготовила к изданию сборник документов «Переписка С. В. Ешевского», известного русского историка-нижегородца. Будут изданы лекции С. И. Архангельского по историографии средних веков. Н. П. Соколовым сдана в печать книга по истории изучения Византии в СССР за 40 лет. Частично опубликован «Опыт историографии палеолита СССР» В. Т. Илларионова и некоторые другие его книги и статьи по истории русской науки[4]. По историографии СССР работает также доцент А. И. Парусов.

Исследования по истории СССР ведут члены обеих кафедр. С. И. Архангельский изучал вопрос формирования рабочего класса[5].

Истории рабочих сормовских заводов посвящены публикации доцента кафедры истории СССР А. И. Парусова[6]. В настоящее время он работает над монографией «Административные реформы в России в первой четверти XIX века». Е. Ф. Селиванова на научной конференции факультета сделала доклад «Формирование Нижегородского ополчения 1812 года».

Г. М. Гендель, доцент кафедры всеобщей истории, опубликовал работу о М. И. Кутузове как дипломате[7].

Ряд статей по истории Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии написал А. И. Парусов. Кандидат исторических наук В. В. Сучков изучает историю создания советского государственного аппарата и его преобразований в ходе Октябрьской революции и опубликовал на эту тему ряд статей.

В 47-м томе «Ученых записок» Горьковского университета опубликована статья В. Т. Илларионова «Установление Советской власти у малых народов Сибири».

За истекшие годы на ученом совете факультета состоялась защита кандидатских диссертаций по истории СССР: А. С. Кожевником по истории крестьянского движения в Черниговской губернии в 1905—1907 гг. (1950) (часть его диссертации опубликована); П. П. Плетневым — по истории деревообделочных промыслов Керженского

---

[3] В. Г. Борухович. К истории эпикуреизма II века н. э. «Ученые записки» Ленинградского университета. Серия исторических наук. Вып. 17. Л. 1950, стр. 185—194 и др.

[4] См. неполный перечень в издании «История СССР. Указатель советской литературы». 1917—1952. Т. I. М. 1957; т. II. М. 1958.

[5] С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Н. Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX веков. Горький. 1950.

[6] А. И. Парусов. К истории рабочего движения в Нижегородской губернии в период нового революционного подъема перед первой мировой империалистической войной. «Научные труды» исторического факультета Горьковского педагогического института. Вып. 13. 1950; его же. Рабочие Сормова в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема (1908—1914). «Ученые записки» Горьковского университета. Вып. 18. 1950; его же. Из истории Сормова 50—90-х годов XIX века. Там же. Вып. 26. 1954; его же. Первые шаги рабочего движения Нижегородской губернии. Там же. Вып. 43. 1957; А. И. Парусов, П. И. Шульпин. 100 лет завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова. Горький. 1949.

[7] Г. М. Гендель. М. И. Кутузов и Бухарестский мир. «Ученые записки» Горьковского университета. Вып. 26. 1954.

края до конца XIX в. (1952); А. В. Седовым — об удельных крестьянах Нижегородской губернии (1953); Л. Ф. Захаровой — о помещичьих крестьянах Нижегородской губернии и их классовой борьбе во второй половине XVIII в. (1954); В. Д. Зеленцовым — о рабочих Ижевского завода в дореформенный период, 1760—1867 гг. (1954); Л. В. Шапошниковой — о начале массового колхозного движения по материалам Нижегородской губернии (1954).

В свете решений XXI съезда КПСС перед историко-филологическим факультетом Горьковского университета открываются новые перспективы. Значительно расширяется объем учебной работы факультета, в частности его исторического отделения. С осени текущего года на факультете открыто вечернее отделение. В связи с задачами, поставленными XX и XXI съездами КПСС, историки Горьковского университета разрабатывают историю рабочего класса. Кафедрой истории КПСС начата подготовка двухтомного издания по истории Сормовского завода. На кафедре истории СССР разрабатывается история заводов Приокского горного округа, Сормовского завода, Молитовской льнопрядильной фабрики, завода «Красная Этна», бывшего Курбатовского завода, ныне завода имени В. И. Ульянова. Изучается материал об установлении Советской власти в различных районах страны: Центральной России (Нижегородская, Костромская губернии и др.), Сибири и Средней Азии. Научные работники университета изучают историю Великой Октябрьской социалистической революции.

В. Т. Илларионов

КИШИНЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

До восстановления Советской власти в 1940 г. в Бессарабии не было ни одного высшего учебного заведения. В 1940 г. только в Кишиневе было открыто четыре вуза. Но особенно быстро стало развиваться высшее образование в молодой Советской республике в послевоенный период. В 1945 г. в столице Молдавской Советской Социалистической Республики впервые в истории молдавского народа был открыт Кишиневский государственный университет, в состав которого вошел и исторический факультет. Ныне Кишиневский университет стал крупнейшим вузом Молдавии, играющим важную роль в подготовке для народного хозяйства и культуры республики специалистов высшей квалификации.

На историческом отделении работают две кафедры: истории СССР и всеобщей истории. В их составе 1 профессор, 5 доцентов, 2 кандидата наук и 2 старших преподавателя. При кафедрах работает кабинет истории, положено начало созданию археологического музея (главным образом усилиями студентов, участвующих в археологических и этнографических экспедициях).

Большое место в учебном плане отводится изучению истории Молдавии. Члены студенческого научного общества выступают с докладами по истории республики на научных студенческих конференциях как в Кишиневском, так и в Московском, Киевском, Львовском, Одесском и других университетах. Ежегодно студенты V курса выезжают на производственную практику в Ленинград. При кафедре истории СССР есть аспирантура по специальности «История Молдавии».

Историческому отделению Кишиневского университета принадлежит ведущая в республике роль в подготовке национальных кадров специалистов, хорошо знающих историю своего родного края. За 10 выпусков (с 1950 г.) подготовлено 353 историка. Почти все они работают в пределах республики. Свыше 50 наших питомцев трудится в вузах и научных учреждениях Молдавии. Только в Институте истории Молдавского филиала АН СССР работают старшими и младшими научными сотрудниками, лаборантами или учатся в аспирантуре 29 наших воспитанников, из них 19 молдаван, болгар и гагаузов.

На кафедрах интенсивно ведется научно-исследовательская работа. Все члены кафедры истории СССР принимают участие в разработке важнейших проблем истории Молдавии.

Заведующий кафедрой истории СССР доктор исторических наук профессор Я. С. Гросул в 1956 г. опубликовал монографию «Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.)»; им же в соавторстве с доцентом республиканской партийной школы И. Г. Будаком написана работа «Крестьянская реформа 60—70-х годов XIX в. в Бессара-

бии». Три члена кафедры (Я. С. Гросул, В. М. Сенкевич и Н. А. Мохов) приняли участие в создании двухтомной «Истории Молдавии» (том I вышел в 1951 г.; том II— в 1955 г.). Доцент И. И. Мещерюк в 1957 г. издал монографию «Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг.». В 1950 г. Кишиневский университет приступил к изданию исторических выпусков «Ученых записок». Всего за эти годы издано 6 томов общим объемом в 72 печатных листа, в них опубликовано 45 статей, главным образом по истории Молдавии; подготовлен к печати VII том. Члены кафедр выступают со статьями в научных изданиях Молдавского филиала АН СССР, в центральной исторической печати, в журналах «Коммунист Молдавии» и «Днестр», в республиканской печати. Кафедры принимают участие в традиционных научных конференциях профессорско-преподавательского состава университета, а также в научных сессиях Института истории Молдавского филиала АН СССР.

Значительное место в деятельности обеих кафедр исторического отделения занимает научно-методическая работа и помощь учительству республики. Ежегодно работники кафедр читают лекции и ведут семинары на курсах усовершенствования учителей-историков. Я. С. Гросул и Н. А. Мохов участвовали в написании учебника для средней школы по истории Молдавии, первая часть которого издана в 1958 году. Сейчас они работают над второй частью этого учебника. Доценты Н. А. Мохов и М. П. Мунтян разработали и опубликовали программу по истории Молдавии для исторических факультетов университетов. В настоящее время они готовят к изданию учебное пособие по истории Молдавии. Доцент С. К. Брысякин работает над созданием учебного пособия для студентов «Очерки истории колхозного движения в СССР». Ряд разделов «Очерков» уже опубликован в «Ученых записках» университета.

Научные сотрудники отделения работают над монографиями. Доцент И. И. Мещерюк готовит к изданию исследование «Социально-экономическое положение и антикрепостническая борьба бессарабских болгар и гагаузов»; декан историко-филологического факультета доцент М. П. Мунтян трудится над «Библиографией истории Молдавии», а также над сборником документов и материалов «Гайдучество в Бессарабии»; старший преподаватель Б. И. Васин пишет книгу «Из истории социалистического Кишинева».

Заведующий кафедрой всеобщей истории доцент Р. Ю. Энгельгардт готовит к опубликованию монографию «Упадок французского абсолютизма в конце XVII века»; кандидаты исторических наук работают над темами: Б. Л. Модель — «Колониальная политика Франции во второй половине XVII века», Н. Б. Бреговская — «Беотийский союз в Древней Греции»; лаборант М. И. Володарский готовит к печати исследование «История англо-иранской нефтяной компании».

На кафедрах ведется работа по повышению научной квалификации: И. И. Мещерюк завершает работу над докторской диссертацией; В. П. Старожук защитил кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии и влияние на него первой русской революции».

Историки университета крепят братские связи с учеными стран народной демократии. Я. С. Гросул, Н. А. Мохов и В. П. Старожук побывали в Румынской Народной Республике. Гостями нашего факультета были заведующий кафедрой истории Румынии Ясского университета профессор В. Попеску и старший научный сотрудник Института истории АН РНР Ш. Штефанеску. И. И. Мещерюк поддерживает творческий контакт с учеными-гагаузоведами Болгарии, Польши, Румынии и Германской Демократической Республики.

За 14 лет существования историческое отделение Кишиневского университета окрепло и превратилось в один из важных в республике центров по подготовке национальных кадров историков и научной разработке истории Молдавии.

В соответствии с решениями XXI съезда КПСС кафедры перестраивают свою работу. Так, подготовка студентов будет вестись по двум учебным планам: историков-учителей и историков для работы в вузах и научных учреждениях. В целях приближения обучения к жизни производственная практика увеличивается с 10 до 36 недель. Кроме того, будет увеличен прием на отделение абитуриентов, уже имеющих опыт работы по специальности. С 1959/60 учебного года будет обеспечено органическое сочетание обучения с производительным трудом. В перспективе широкое развертывание в университете заочного исторического образования.

С. К. Брысякин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ СОЦЭКГИЗА

Издательство социально-экономической литературы провело совещание своих сотрудников с учеными, работниками книжной торговли, представителями Главиздата и центральной печати, на котором были подведены некоторые итоги работы Соцэкгиза. С докладом по этому вопросу выступила заместитель главного редактора В. Д. Скаржинская.

Издательство социально-экономической литературы было создано по решению ЦК КПСС два года назад. Перед ним были поставлены большие и ответственные задачи издания монографической и научно-популярной литературы по истории СССР, всеобщей истории, философии, экономике социализма, экономике капитализма, истории народного хозяйства и экономических учений, истории международных отношений и истории дипломатии.

За короткое время Соцэкгиз выпустил более 100 книг. Среди них следует назвать «Политическую экономию» П. И. Никитина, книгу академика С. Г. Струмилина «На путях построения коммунизма». В этой работе читатель найдет интересные данные о советской действительности и ответы на ряд вопросов, возникающих в связи с решениями XXI съезда КПСС о задачах и путях развернутого строительства коммунизма в СССР. Заслуживают внимания мемуары Ю. Я. Соловьева «Воспоминания дипломата», охватывающие период с 1893 по 1922 г., научно-популярное исследование И. Крывелева «Книга о библии». Вышел труд Д. Лаппо и А. Мельчина «Страницы великой дружбы». Это книга об исторических дружеских связях русского и китайского народов, об участии китайских добровольцев в защите молодой Российской Советской республики на фронтах гражданской войны. Опубликованы работы академика Е. В. Тарле «Северная война» и В. Е. Шутого «Борьба народных масс против нашествия Карла XII».

Продолжают выходить брошюры серии «Страницы революционной борьбы». Из их числа за последнее время вышли в свет «Группа Благоева» С. Овсянниковой, «Ипполит Мышкин» В. Антонова, «Сигизмунд Сераковский» В. Дьякова и «Кастусь Калиновский» А. Смирнова. Они содержат много сведений о борцах за счастье русского, белорусского, литовского, болгарского и польского народов. Их авторы сумели показать связь белорусских и польских революционеров 60—80-х годов XIX в. с русскими революционными демократами.

Большой интерес представляют книги Б. Д. Грекова «Краткий очерк истории русского крестьянства»; П. А. Зайончковского «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.»; И. А. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.»; А. Г. Рашина «Формирование рабочего класса России»; Ш. М. Левина «Общественное движение в России в 60-е — 70-е годы XIX в.».

Продолжается издание «Всемирной истории», получившей признание и высокую оценку среди самых различных кругов читателей как в СССР, так и за границей. Кроме того, издательство выпустило в свет сборник статей «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», работы В. Г. Трухановского «Новейшая история Англии», Я. С. Драбкина «Революция 1918—1919 гг. в Германии», Л. П. Кожевниковой «Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг.», Ю. М. Гарушянца «Движение 4 мая 1919 г. в Китае», М. Ф. Лебова «Венгерская Советская Республика 1919 г.», М. А. Полтавского «Баварская Советская Республика». В этих книгах на основании широкого круга источников показано нарастание революционного движения в упомянутых странах под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Вышли в свет работы П. М. Керженцева «История Парижской Коммуны» и сборник статей «Против фальсификации истории», в котором разоблачаются ложные, антинаучные концепции буржуазных фальсификаторов по основным проблемам всемирной истории.

В производстве сейчас находится 90 книг. Среди них т. VIII сочинений В. О. Ключевского, вторая книга (III и IV тома) «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, VI и VII тома «Всемирной истории», «Хрестоматия по всеобщей истории новейшего времени» (т. 10). Находятся также в печати сборники статей «Антифашистское национально-освободительное движение в странах Европы в годы второй мировой войны» и «Очерки по истории арабских стран», «Новейшая история стран Европы и Америки в период от Великой Октябрьской социалистической революции до начала второй мировой войны».

Выходит из печати «История СССР», том II (учебник для студентов исторических, историко-филологических факультетов университетов и педагогических институтов, охватывающий период с 1861 г. до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.). К декабрьскому Пленуму ЦК КПСС в продажу поступит книга Л. Ульянова «Борьба за освоение целины», посвященная работе партийных организаций Западной Сибири.

Постановление ЦК КПСС о создании Соцэкгиза исходило из необходимости поднять научный уровень социально-экономической литературы и сделать ее достоянием широких масс читателей. Поэтому издательство работает над улучшением тематики книг, стремится полнее отразить новейший период истории и проблемы современности, создать популярную научную литературу для массового читателя, расширяет круг периферийных авторов и рецензентов. Об этом свидетельствует проект перспективного плана работы на 1959—1965 гг., которым, в частности, предусмотрено осуществить издание истории СССР в десяти томах, истории Великой Октябрьской социалистической революции в трех томах, нескольких книг о В. И. Ленине, серии книг о КПСС, строительстве коммунизма в СССР, книг о гражданской войне и социалистическом строительстве в национальных республиках нашей страны, по истории рабочего класса и колхозного крестьянства, по истории Великой Отечественной войны Советского Союза. План намечает издание библиотечки для массового чтения по истории народов СССР с древнейших времен до наших дней.

Будет издана литература по истории стран социалистического лагеря, среди которой важное место займут книги о великом китайском народе, о рабочем и коммунистическом движении, о национально-освободительной борьбе колониальных народов Азии, Ближнего Востока, Африки и Америки и т. д.

Свои планы издательство выносит на обсуждение научных коллективов Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, доводит до сведения библиотек, книготоргующих и общественных организаций.

Серьезно затрудняют работу издательства заниженные тиражи, которые удорожают книги, делают их малодоступными для массового читателя, а иногда вынуждают отказываться от опубликования отдельных работ. При существующей системе тиражи определяются заявками работников магазинов. От них зависит в значительной степени судьба книги. Между тем эти заявки составляются не всегда продуманно. Работники магазинов без всяких оснований совсем не заказывают многие книги, не знают, когда, в каком количестве и какая литература к ним поступит, мало популяризируют среди покупателей научную литературу.

Серьезно тормозит распространение научной литературы ее недостаточно широкая пропаганда. Мало помогают в пропаганде научной книги радио и телевидение. Поучителен такой пример. Всесоюзное объединение книги не приняло проспекта, подготовленного издательством, и ограничило тираж сочинения Ю. Я. Соловьева «Воспоминания дипломата» 75 тыс. экземпляров. Когда же вопреки «Союзкниге» проспект был распространен через почту, издательство получило дополнительный заказ более чем на 70 тыс. экземпляров. «Союзкнига» часто держит рекламные материалы на складах, причиняя ущерб читателям, издательству и магазинам. Очень редко помещают сообщения о выходящих книгах и рецензии на них центральные газеты и журналы.

Стремясь преодолеть трудности в распространении книг, издательство установило широкие связи с областными и республиканскими газетами, изучает запросы читателей. С этой целью многие редакторы взяли шефство над московскими книжными магазинами, изучают их торговлю. Эти наблюдения приводят к выводу о том, что книжная торговля может и должна быть улучшена.

Обсуждение итогов деятельности Соцэкгиза на совещании вызвало оживленные прения. Директор магазина № 84 Е. И. Старушкина подчеркнула, что издательство зачастую выпускает в свет литературу с большим опозданием. Заведующий отделом критики и библиографии журнала «Коммунист» С. П. Мезенцев, профессора А. Н. Рубакин и Т. И. Ойзерман говорили о недостатках книжной торговли. Заведующий отделом истории Института музееведения Я. И. Линков высказал пожелание издательству привлекать более широкий круг специалистов для обсуждения своих планов и готовящихся к изданию произведений. Старший научный сотрудник Института философии АН СССР Е. Д. Морджинская отметила как положительный факт, что редакции Соцэкгиза вынесли свои планы на обсуждение не только институтов, но и заводских коллективов.

Главный редактор издательства С. П. Первушин обратился к представителям центральных газет и журналов с просьбой чаще помещать рецензии и объявления, к работникам радио и телевидения — организовать передачи о выпускаемой литературе, к работникам торговли — усовершенствовать систему заказов и улучшить стиль торговли. С. П. Первушин заявил, что издательство выполнит возложенные на него задачи по созданию высококачественной научной социально-экономической литературы, которая привлечет внимание массового читателя.

П. И. Бычков

Хроникальные заметки

В 1959 г. Московская областная историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея занималась сбором материалов, посвященных теме «Развитие текстильной промышленности, формирование, положение и революционная борьба рабочих текстильной промышленности Московской губернии в период империализма». Собрано свыше тысячи предметов (тканей, изделий из металла, дерева, керамики), свидетельствующих о высоком мастерстве русских фабричных художников и мастеров по крашению тканей, о замечательном искусстве мастеров-граверов, передававшемся из поколения в поколение. Представляют интерес комплекты одежды крестьян Московской, Тульской, Калужской, Смоленской, Рязанской и других губерний, а также праздничные городские костюмы, которые носили рабочие.

Эти бытовые материалы, а также «книги найма», обнаруженные на бывшей фабрике Лыжина в Ивантеевке, расчетные книжки и паспорта, рабочих, документы о несчастных случаях и сборах больничных налогов, фотографии и др. показывают процесс формирования рабочего класса из крестьян преимущественно Московской и смежных с нею губерний.

Участники экспедиции встречались со многими старыми рабочими-революционерами. От них получены материалы, рассказывающие о героической борьбе текстильщиков Московской губернии с капиталистами и самодержавием. На фабрике «Красный текстильщик» в Серпухове сохранились три объявления товарищества мануфактуры Н. Н. Коншина, написанные в период Всероссийской политической стачки 1905 года. В них говорится об увольнении рабочих ввиду их отказа прекратить забастовку.

Старейший рабочий Н. М. Смирнов, член партии с 1893 г., член «Московского рабочего союза», один из основателей Серпуховской партийной организации, передал экспедиции еще дореволюционный снимок, на котором он изображен со своей покойной женой М. И. Комовой — участницей декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, один из номеров «Правды» за 1913 г. и листовки. Участник революционного движения в Серпухове К. Д. Игнатов подарил музею редкую фотографию делегатов X Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в конце мая 1921 года. Они сняты с В. И. Лениным в зале заседаний. Член КПСС с 1904 г. П. М. Шабанов вручил музею фотографию членов первого фабричного комитета на Ивантеевской суконной фабрике (март 1917 г.). Получено фото членов первого комитета рабочего контроля на фабрике Рабенека в Щелкове. На снимке виден плакат «Да здравствует контроль рабочих над производством и распределением продуктов!» Обнаружены фотография и ряд личных вещей известной деятельницы международного рабочего движения И. Арманд.

На историческом факультете Ужгородского государственного университета 21—23 октября 1959 г. состоялся научный межвузовский семинар, посвященный генезису капитализма в Закарпатской Украине. Участники семинара заслушали доклады Н. М. Лелекача «Помещичьи хозяйства Закарпатья в XVII — начале XVIII века», И. М. Мешко «Мануфактура в Закарпатье и ее особенности (вторая половина XVIII—первая половина XIX века)»; В. И. Неточаева «Из истории формирования рабочего класса в Закарпатье» и др.

Всего было прочитано 11 докладов. В работе семинара приняли участие научные сотрудники Львовского института общественных наук АН УССР, Станиславского педагогического института, Закарпатского краеведческого музея, а также учителя истории средних школ Ужгорода и Закарпатской области.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУМЫНСКИХ ИСТОРИКОВ в 1958 году

В 1958 г. румынские историки под руководством Отделения исторических наук Академии РНР основное внимание уделяли созданию трехтомной «Истории Румынии». Эта ответственная задача была выдвинута перед нашими историками II съездом Румынской рабочей партии.

Научная разработка «Истории Румынии» основывается на марксистско-ленинской методологии и принципах исторического материализма. Румынская буржуазная историография игнорировала эти принципы или даже вовсе отвергала их. Некоторые прогрессивные тенденции имелись у отдельных историков в революционный период середины XIX в. (например, у Н. Бэлческу); традиции эти, однако, были скоро забыты. Они возродились и получили дальнейшее развитие лишь в историографии народно-демократической Румынии — после 23 августа 1944 года. Ныне румынские историки развивают свою исследовательскую деятельность на основе материалистического мировоззрения, используя опыт советской исторической науки, равно как и прогрессивный вклад старой румынской историографии.

В отчетном докладе Центрального Комитета партии II съезду РРП, сделанном Г. Георгиу-Деж, были сформулированы основные задачи румынских историков в области разработки истории своей страны.

В этом докладе говорится: «Большая, ответственная задача стоит перед нашими историками — силами широкого коллектива научных работников составить учебник по истории Румынии, который синтезировал бы с позиций марксистско-ленинского учения все, что осуществлено у нас в области исторической науки. Это означало бы шаг вперед в развитии этой науки, особенно в решении ряда основных вопросов нашей истории — процесса образования румынского народа, вопросов современной истории, периодизации истории» [1].

Отделение исторических наук Академии РНР развернуло подготовительную деятельность для выполнения этой рассчитанной на продолжительное время ответственной задачи. В течение 1956 г. как на заседаниях отделения, так и на заседаниях Главного редакционного комитета были установлены общие рамки работы, а также основные принципы составления учебника.

Распределение материала по томам в «Истории Румынии» следующее: I том. Древняя история Румынии (начиная с палеолита до X в. н. э.); II том. Средневековая история (начиная с X в. до кануна 1848 г., в двух выпусках); III том. Новая и новейшая история до наших дней (в трех частях). Для разработки каждого из этих трех томов организованы коллективы специалистов во главе с соответствующими редакционными комитетами.

В течение 1957 г. был отредактирован проспект, потребовавший исключительного внимания и напряжения, поскольку многие важные проблемы истории Румынии до сих пор оставались неизученными или ошибочно трактовались старой историографией. Новая тематика, утвержденная высшими научными и политическими органами, была передана редакционным коллективам намеченных трех томов, после чего начались работы по исследованию, восполнению «пробелов» в изучении истории Румынии, по подбору необходимого материала.

Положенная в основу «Истории Румынии» марксистско-ленинская методология определяет принципиальные отличия этого труда от работ буржуазных историков в решении ряда конкретных исторических проблем. Я приведу несколько примеров.

Так, впервые изложение истории нашей страны открывается более пространным описанием самого отдаленного из исторических периодов — палеолита. В «Истории Румынии» К. К. Джуреску первой эпохе каменного века отведен всего лишь один параграф, а Н. Иорга в своем десятитомном труде посвящает ей не более трех страниц. В «Истории Румынии» найдут отражение

[1] Г. Георгиу-Деж. Отчетный доклад Центрального Комитета Румынской рабочей партии II съезду партии. Бухарест. 1956, стр. 196.

результаты археологических раскопок и исследований, проведенных под руководством Отделения исторических наук Академии РНР за последние годы.

Истории гето-дакийского населения в доримской Дакии буржуазные историки уделяли меньше внимания, чем истории Дакии после ее завоевания римлянами. В противоположность буржуазным концепциям в современной румынской историографии, руководствующейся материалистическим пониманием исторического процесса, должное место отводится роли народных масс — действительных творцов истории.

Положение населения Дакии исследуется также и в период после завоевания страны римлянами. При этом должный отпор получит фальшивое утверждение о том, что даки были якобы уничтожены, и будет доказано, что местное коренное население составляло большинство эксплуатируемого народа. Нашим историкам предстоит также дать глубокий анализ классовой борьбы, которая в тот период сочеталась с движением против римского владычества.

Проблема проникновения славян и их связей с населением Дакии недостаточно освещена и лишена обоснованной научной документации в старой, буржуазной историографии. Между тем это одна из самых важных проблем нашей истории периода перехода к феодализму (IV—X вв. н. э.). На основании новых значительных археологических открытий, сделанных за последние 7—8 лет, «История Румынии» подчеркнет значение славянского населения, осветит его экономическую жизнь и социальную структуру, материальную и духовную культуру.

Образование румынского языка и складывание румынского народа также еще не вполне изучены. В прошлом эти проблемы часто освещались в шовинистическом духе. «История Румынии» решает их на основе марксистско-ленинской концепции.

Тема раннего феодализма рассматривается с учетом процессов развития южноевропейского общества в X—XIII веках. Исследуются также социально-экономические отношения в румынских феодальных образованиях, княжествах и воеводствах.

В новом издании наши ученые опровергнут тезисы буржуазной историографии относительно образования румынских феодальных государств Валахии (Цара Ромыняскэ) и Молдавии, показав, что образование этих двух государств явилось результатом векового исторического развития феодальных отношений в румынском обществе.

В отличие от прежних трудов по истории Румынии новое учебное пособие делает упор на изучение экономического строя и общественных классов феодальной эпохи. В нем будет уделено серьезное внимание разработке вопросов, связанных со вторым изданием крепостничества, которое наблюдалось в румынских княжествах к концу XVIII века.

В прошлом в исторической литературе недостаточно освещались происхождение и развитие городов и движений городского населения. В новом труде румынских историков этот вопрос займет значительное место. Основным при этом явится доказательство определенной связи между происхождением городов и экономическим развитием всех трех румынских государств.

Совершенно игнорировались буржуазной историографией румыно-русские связи, влияние русской культуры на румынскую, взаимодействие этих двух культур. Этим вопросам в «Истории Румынии» будет уделено значительное место.

Новая история Румынии начинается с революционного 1848 года. В учебном пособии показаны начало, развитие, ход и поражение революции в свете марксистско-ленинского учения о революциях и их характере. В событиях 1848 г. главная роль принадлежала народным массам. Руководство, однако, находилось в руках буржуазии, ставшей на путь соглашательства с помещиками. Революция 1848 г. носила буржуазно-демократический характер.

На основе марксистского учения рассматриваются и два других знаменательных события новой истории Румынии: объединение румынских земель (1859 г.) и провозглашение независимости (1877 г.).

В «Истории Румынии» уделяется должное внимание развитию рабочего движения, которое замалчивалось старой, буржуазной историографией. Много места отводится также вопросу о возникновении пролетариата и социалистического движения, на которое оказали огромное влияние революционные события в России в конце XIX в., в 1905—1907 гг. и в особенности в октябре 1917 г., когда под руководством Коммунистической партии русский рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством одержал всемирно-историческую победу, свергнув власть помещиков и капиталистов в своей стране.

При изложении новейшей истории Румынии, которая в буржуазной историографии представлена в извращенном виде, будет восстановлена историческая правда.

Все эти проблемы, которые найдут отражение в «Истории Румынии», явились предметом изучения групп историков, организованных в течение 1958 года. Работа проводилась под руководством коллектива ответственных редакторов (академик П. Константинеску-Яшь — главный редактор; академики К. Дайковичу, А. Оцетя, Е. Кондураки — ответственные редакторы; доценты Б. Кымпина и В. Мачиу — заместители ответственных редакторов по каждому тому).

В течение 1958 г. редакторский коллектив первого тома окончательно установил задания редакторам, а также сроки для написания отдельных глав. В апреле 1958 г. были определены для обсуждения спорные проблемы в области древней истории («Материальная культура Сынтана де Мурешь-Черняхов», «Славянские поселения на территории РНР» и «Славянская культура на территории РНР»).

На румыно-советском археологическом семинаре в конце декабря были представлены рефераты: «Истрия в классическую эпоху», «К изучению древней эпохи в Истрии», «Истрия во II веке нашей эры», «Результаты археологических раскопок в Букове» (IX и X вв. н. э.), «Открытия в местности Басарабь». Рефераты по спорным проблемам вызвали оживленные прения и способствовали выяснению ряда вопросов. Необходимо отметить исключительно ценный вклад, внесенный в выяснение спорных вопросов советскими специалистами, участвовавшими в этом семинаре.

По второму тому, посвященному средневековой истории Румынии, работы велись в основном в тех же формах. По этому тому также определено несколько спорных вопросов. В марте 1958 г. уже обсуждалась проблема: «Эволюция феодальной ренты в Валахии и Молдавии в XIV—XVII вв.».

Отдельные разделы тома уже закончены. Ответственные редакторы провели первые рабочие заседания для рассмотрения представленных текстов.

При подготовке третьего тома выявились серьезные трудности. Следует прежде всего отметить, что отдельные разделы новой и в особенности новейшей истории еще недостаточно исследованы румынской историографией с того момента, как она вступила на путь марксистско-ленинского мировоззрения. Ныне у нас установлена более тесная связь редакционных комитетов с Институтом истории партии при Центральном Комитете Румынской рабочей партии в целях сотрудничества по ряду глав, посвященных новейшей истории.

Выявилась необходимость пересмотра тематики и размеров глав и параграфов по новейшей истории, которым первоначально не было уделено должного внимания. Это относится прежде всего к таким очень важным вопросам, как история рабочего движения и роль Коммунистической партии. На заседании редакционного комитета были внесены соответствующие поправки.

В конце июля специалистам были даны точные задания по третьему тому, а в ноябре состоялось пленарное заседание почти всех 50 сотрудников, участвующих в подготовке этого тома. Кроме общих редакционных задач, на этом собрании обсуждались сроки сдачи разработанных текстов и количество страниц по главам. Следует отметить, что третий том по объему будет почти вдвое больше двух предыдущих.

В течение 1958 г. были собраны библиографические и документальные материалы из библиотек и музеев, определены спорные проблемы, подлежащие публичному обсуждению, заключены договоры для выполнения ряда работ вспомогательного характера.

Самым существенным достижением является то, что по третьему тому (разработка которого планируется до конца 1960 г.) были представлены в первоначальной редакции тексты следующих глав: «Социально-экономическое положение Трансильвании во время абсолютизма 1849—1867 гг.», «Политическое положение Трансильвании во время абсолютизма 1849—1867 гг.», «Развитие рабочего движения в Трансильвании в конце XIX в.», «Экономический кризис 1900—1903 гг.», «Начало возникновения монополистического капитализма в Румынии».

Была осуществлена также подготовительная работа по темам: «Экономическое и социальное развитие Валахии (Цара Ромыняскэ) в период революции 1848 г.», «Крестьянские брожения накануне Объединения», «Рост зернового производства в Молдавии в период между 1848—1857 гг.», «Попытки французов проникнуть в экономику Молдавии в эпоху Крымской войны и Объединения», «13 декабря 1918 года», «Объединение Трансильвании с Румынией», «Борьба нефтяников».

Для пополнения отдельных данных, необходимых в целях уточнения ряда проблем, были предприняты краткосрочные научные поездки за границу. В течение 1958 г. наши историки побывали в Будапеште, Праге, Софии, Вене и Москве.

★

Деятельность историков в РНР развертывается в основном под руководством Отделения исторических наук Академии РНР в шести входящих в его состав научных учреждениях: в Институте истории (Бухарест), в Институте археологии (Бухарест), в Институте истории (Клуж), в Институте истории и историческом музее (Яссы) и в Отделении исторических наук при базе Академии РНР в Тыргу-Муреше.

В течение 1958 г. деятельность Отделения исторических наук академии и его институтов выразилась в проверке выполнения плана за 1958 г. и изданий, связанных с разработкой «Истории Румынии»; в участии через своих представителей в международных исторических конгрессах и конференциях; в обсуждении различных трудов, представленных издательством Академии РНР и другими учреждениями; в организации научных сессий в стране; в содействии различным мероприятиям по распространению и популяризации исторической науки (путем сотрудничества в первую очередь с Обществом по распространению научных знаний и культуры, а также с другими учреждениями в рамках и вне рамок академии); в контроле за деятельностью ученых советов институтов; в анализе периодических изданий по истории и археологии и т. д.

Приведем некоторые данные за 1958 год.

В области археологии и древней истории коллективы археологов Института археологии, Клужского института истории и Ясского института истории произвели археологические раскопки в 58 пунктах. Эти научные коллективы добились значительных результатов. Раскопки Траян (Молдова), начатые в предыдущие годы, дали интересные сведения о древнейших поселениях. В Трушешть (Молдова) обнаружено 23 неолитических жилища. В Сэрата-Монтеору раскопан славянский могильник VII века. Немало археологического материала по гето-дакийской эпохе добыто в Гредыштя Мунчелулуй (Трансильвания) и в Попешть. В Истрии (Констанцская обл.) найдена интересная греческая надпись с декретом, датируемым около 200 г. до н. э. Коллектив археологов Молдовского музея истории исследовал интересное кладбище, принадлежащее культуре Городск-Ушатово, в местности Вишень (Ясская обл.), а поблизости села Ульмь-Литень (Ясская обл.) — склад предметов из бронзы.

Комиссия по изучению складывания румынского языка и румынского народа установила в Молдове 208 поселений периода III—XIV вв. н. э.

Для изучения развития общества феодальной эпохи много дали успешные исследования в Тыргушоре, Сучаве и Бухаресте. В Сучаве на поляне перед стенами крепости открыта крупная постройка, относящаяся, вероятно, к XV веку.

Значительные результаты были достигнуты в области новой и новейшей истории. Следует отметить сдачу в печать пяти томов документов о восстании 1821 г. под руководством Тудора Владимиреску и первого тома сборника «Австрийские консульские донесения», представляющего исключительный интерес для изучающих историю Румынии; были подготовлены также сборники документов в связи с отмечавшимся в январе 1959 г. столетием со дня объединения румынских земель.

В октябре 1958 г. состоялась научная сессия по случаю десятилетия со дня учреждения Академии РНР. Автор этих строк выступил на ней с докладом «Значение советской исторической науки и ее влияние на румынскую историографию».

Из специальных сессий, посвященных вопросам истории Румынии, самой значительной следует считать сессию румынских и советских историков, организованную по инициативе Румыно-Советского научного института. Подробный отчет об этом совещании опубликован в журнале «Studii» (1958, № 3).

В сессии, состоявшейся в июне 1958 г. в Бухаресте, приняли участие румынские и советские специалисты по средневековой истории и по истории экономических и культурных связей между румынским народом и народами СССР.

В сообщении П. Константинеску-Яшь был изложен краткий исторический и историографический обзор вопроса о румыно-русских связях. Большой интерес вызвало сообщение профессора Л. В. Черепнина «Соборное Уложение» 1649 г. и «Правила Василия Лупу» 1646 г. как источники по истории закрепощения крестьян в России и Молдавии». Используя метод сравнительного исследования, Л. В. Черепнин глубоко проанализировал два момента гражданского феодального права — русского и молдавского, которые отражают процесс закрепощения крестьянства.

Академик А. Оцетя в сообщении «Проблема публикации древних актов» осветил

вопросы методики унификации публикаций документов. Член-корреспондент Академии РНР М. Манеску выступил с сообщением об экономических и культурных румыно-советских связях в период со дня освобождения нашей страны до настоящего времени, а также о перспективах развития этих связей.

Н. А. Мохов (СССР) прочитал сообщение «Политические взаимоотношения России и Молдовы во второй четверти XVIII в.». Д. Богдан сделал сообщение «Связь между личными собственными именами в молдавских и украинских документах до середины XV века». Доцент В. Костакел выступила с докладом на тему «К толкованию термина «прощенники» на основании славяно-румынских памятников».

Торговые румыно-русские связи до XIX в. мало исследованы из-за недостатка источников. Понятен поэтому интерес, с которым было выслушано сообщение Ал. Виану «Румыно-украинские и румыно-русские торговые связи в конце XVIII века».

Профессор Н. Кориван из Ясс в сообщении «Русско-французские взаимоотношения в 1859 г. в связи с объединением румынских княжеств», опираясь на ряд документов, часть которых не издана, проанализировал характер дипломатической борьбы, развернувшейся накануне 1859 г. между великими державами в вопросе об объединении княжеств. Из содержания документов ясно видно последовательно положительное отношение России к объединению.

На сессии достаточно широко освещались и вопросы новейшей истории. Исключительный интерес вызвало сообщение Ф. П. Шевченко «Об участии румын в партизанском движении на Украине в годы Великой Отечественной войны», в котором приведено много совершенно неизвестных ранее фактов.

Т. Джеорджеску посвятил свое сообщение борьбе массовых румынских организаций за мир и дружбу с Советским Союзом (1932—1935).

Б. Бэлтяну в сообщении «Из истории румыно-советских отношений (23 августа 1944 — декабрь 1945 г.)» осветил ряд проблем первых полутора лет со дня освобождения нашей страны, и в частности экономическую и дипломатическую помощь, оказанную СССР Румынии в борьбе против внутренней и международной реакции.

Советский историк М. Г. Сазина в сообщении «Борьба советской делегации за демократический мирный договор с Румынией на Парижской мирной конференции 1946 года», подготовленном на основании материалов из архивов СССР и Румынии, дала анализ борьбы советской делегации в ходе подготовки мирного договора с Румынией против попыток англо-американского блока навязать нашей стране кабальные политические и экономические условия.

Интерес, вызванный этими 12 сообщениями, сказался на характере оживленных прений, в которых участвовало свыше 25 человек.

25—30 декабря 1958 г. состоялся советско-румынский археологический и этнографический семинар. Он был организован Бухарестским институтом археологии в целях изучения ряда общих проблем археологии и древней истории. Большую помощь при этом нам оказали советские археологи, хорошо изучившие области между Прутом и Днестром, Северное Причерноморье, включая и Крым, где имеются памятники древней культуры, сходной с той, которая была на территории Румынии.

На семинаре были представлены следующие рефераты: «Славянская проблема в РНР в свете археологических документов» (профессор И. Нестор); «Славянская культура на территории РНР» (М. Комша); «Проблема материальной культуры Сынтана де Муреш-Черняхов» (профессор И. Нестор и Б. Митря); «Основные результаты и проблемы работ в области археологии юго-запада СССР» (С. В. Федоров); «Из древнейшей истории болгарских племен» (Н. Я. Мерперт); «Некоторые результаты этнографических исследований на территории Молдавской ССР» (М. И. Салманович) и другие. Всего было представлено 6 рефератов на пленарном заседании и 21 реферат на заседаниях трех отделений семинара, из которых отметим: «Некоторые вопросы архаической эпохи Истрии» (акад. Е. Кондураки, директор Института археологии) и «К вопросу о первоначальном периоде раннефеодального поселения в Гарвэне» (член-корреспондент Академии РНР Г. Штефан).

Сотрудничество между румынскими и советскими археологами способствовало выяснению ряда проблем и принесло действенную пользу исторической науке обеих социалистических стран.

★

В 1958 г. румынские историки участвовали на различных конгрессах, конферен-

циях и т. д. Ученые выступали с докладами, сообщениями и публичными лекциями по истории Румынии и на темы по всемирной истории.

26—30 мая 1958 г. в Кишиневе состоялся румыно-советский семинар по археологии, посвященный вопросам первобытного общества на территории Молдавской ССР, в соседних районах Украинской ССР и РНР. Семинар был организован Институтом истории Молдавского филиала Академии наук СССР, Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Институтом археологии Академии РНР. В его работе приняли участие 28 советских археологов из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и Кишинева; Румыния была представлена тремя делегатами Института археологии и Отделения истории Академии РНР: Раду Вульпе и Еужен Комша (Бухарест) и М. Петреску-Дымбовица (Яссы).

Румынские археологи выступили со следующими рефератами, получившими положительную оценку советских археологов: «Культура Криш на территории РНР» (Е. Комша); «Конец бронзового века и начало гальштата в Молдавии в свете последних открытий» (М. Петреску-Дымбовица); «Происхождение дакийских построек с абсидой» (Раду Вульпе). При изучении раскопок в городищах Бутучень наши археологи отметили сходство этих городищ с такими же стоянками на севере Молдовы, что доказывает древнюю распространенность и преемственность культуры.

Академик К. Дайковичу, директор Клужского института истории, в июне 1958 г. побывал в Венском университете (по приглашению философского факультета). Он прочитал в Вене лекции на темы: «Завоевание Дакии», «Некоторые стороны процесса колонизации и романизации Дакии» и «Результаты исследований, предпринятых на местах дакийских стоянок в горах Орэштие (Трансильвания)». К. Дайковичу отметил в своих выступлениях, какое большое развитие получили в нашей стране древняя история и археология.

Академик Д. Продан и профессор В. Керестешиу (Клуж) находились летом в течение 6 недель в Будапеште с целью исследования местных архивов, богатых ценными документами по истории Румынии и в особенности по истории Трансильвании. Их работа оказалась весьма плодотворной. Румынские ученые отобрали для микрофильмирования свыше 20 тыс. страниц документов о жизни трансильванского крестьянства, о событиях 1848 г. и 1917—1918 гг. в Трансильвании.

Академик Е. Кондураки совершил в конце июля — начале августа поездку в Италию по приглашению Римского и Миланского университетов. В Риме он выступил с тремя публичными лекциями перед профессорами и студентами университета: «Развитие археологических исследований в Румынии за последние 10 лет», «Археологические раскопки в Истрии» и «Древняя история нижнедунайской области в свете археологических раскопок». Е. Кондураки ознакомил, таким образом, итальянскую научную общественность с достижениями историографии РНР. В журнале университета города Павии «Атенеум» он опубликовал статью «Денежная реформа Поликрата».

К. Дайковичу и Е. Кондураки участвовали в качестве представителей Отделения исторических наук Академии РНР в работах Международного конгресса классической археологии, состоявшегося в Риме 6—13 сентября. Здесь они сделали два сообщения, которые будут опубликованы в печатном издании о работе конгресса: «Система техники военных и гражданских построек даков в Трансильвании» (К. Дайковичу), «Происхождение охотничьих тем на арке Константина Великого» (Е. Кондураки).

23—24 сентября прошлого года состоялась конференция, посвященная сорокалетию со дня образования Чехословацкой Республики. Румынская делегация в составе академика П. Константинеску-Яшь и доцента исторического факультета Бухарестского университета В. Хурмуза представила сообщение «Из истории борьбы народных масс Румынии за расчленение габсбургской империи». В нем показаны массовые движения рабочих, солдат и крестьян Трансильвании и Буковины — областей, входивших в начале XX в. в Австро-Венгерскую империю.

В работе международной научной сессии в связи с двадцатилетием мюнхенского сговора приняли участие делегации историков 12 стран. Автор этих строк выступил с сообщением, в котором охарактеризовал две различные позиции — господствующих классов и трудящихся масс Румынии — по отношению к мюнхенским событиям.

В сентябре 1958 г. представитель Отделения исторических наук Академии РНР профессор М. Петреску-Дымбовица посетил Чехословакию с целью выяснения ряда вопросов в области археологии, что являлось

необходимым для правильной разработки отдельных глав «Истории Румынии». Румынский археолог сделал сообщение на тему «Конец эпохи бронзы и начало гальштата в Молдове в свете новейших раскопок», в котором попытался синхронизировать этапы бронзовых кладов в Молдове с фазами, установленными здесь в результате исследований стоянок и могильников.

На конгрессе специалистов по античной классике из социалистических стран в Эрфурте (в декабре) профессор Д. Пиппиди представил два своих реферата: «Аграрный вопрос о городах Добруджи», «Территория государства Истрии в римскую эпоху»; академик Е. Кондураки зачитал сообщение «Архаический период Истрии в свете новых раскопок». Следующая конференция состоится в Бухаресте в 1960 году.

Профессор Д. Берчу находился в командировке в Болгарии, где провел исследования в музеях и выступил с несколькими сообщениями: «О недавних археологических открытиях в Добрудже, в частности, о культуре Хаманджия и фракийских открытиях в Меджидии»; «Общие проблемы истории первобытного общества на территории Румынии и Болгарии». Б. Бэлтяну в октябре совершил поездку в Москву в целях исследований по новейшей истории Румынии, необходимых для составления трактата.

В октябре 1958 г. в Берлине состоялась IV конференция институтов марксизма-ленинизма, институтов и комиссий по истории КПСС и братских коммунистических и рабочих партий стран народной демократии. В румынскую делегацию входили Г. Василики (директор Института истории партии при ЦК РРП), Н. Гольдбергер (заместитель директора) и Т. Джеорджеску (заведующий сектором). В числе выступавших по первому пункту повестки дня — «К. Маркс и Ф. Энгельс — организаторы и вожди международного рабочего движения» — был Г. Василики; по второму пункту — «О разработке учебников по истории коммунистического и рабочего движения» — Н. Гольдбергер, по третьему — «Об изучении истории международного коммунистического и рабочего движения» — Т. Джеорджеску.

В октябре прошлого года доцент Е. Станеску по командировке Отделения исторических наук Академии РНР проводил исследования в Чехословакии — в Пражском архиве и Институте истории. В этой же братской республике по приглашению Института археологии работал осенью Д. Попеску, заместитель директора Бухарестского института археологии.

В соответствии с культурным соглашением с Болгарской Академией наук в ноябре — декабре Бухарестский институт археологии командировал И. Барня в Болгарию. И. Барня занимался, в частности, вопросами истории начального периода феодализма и феодальной эпохи. Во время своего посещения И. Барня сделал доклад в Софийском институте археологии на тему «Археологические открытия в Басарабь-Добруджа».

Румынский турковед М. Губоглу совершил научную поездку в Болгарию. Здесь он ознакомился с богатой коллекцией документов в Восточном отделении Государственной библиотеки имени В. Коларова в Софии. Этот фонд содержит свыше 600 тыс. турецких документов XV—XIX вв.; многие из них представляют интерес также и для истории румынского народа, который находился под турецким игом более четырех веков.

В конце декабря доценты Клужского университета М. Макря и И. Ковач изучали в Будапеште материалы архивов и библиотек, представляющих определенный интерес для исследования древней и новейшей истории Румынии. М. Макря прочитал лекцию «Культ Сабазиуса в Дакии», которая вызвала живейший интерес среди венгерских специалистов. И. Ковач принял участие в конгрессе по изучению истории капиталистического развития ряда стран Европы, выступив с сообщением «Проблема освобождения крепостных в Трансильвании и капиталистическое развитие сельского хозяйства, последовавшее за этим освобождением».

27—29 ноября в Кишиневе состоялась научная сессия, организованная Институтом истории Молдавского филиала Академии наук СССР в целях изучения румыно-русско-украинских связей. В работах сессии участвовала и делегация румынских историков от Академии РНР. Ш. Штефанеску представил сообщение «Общие элементы феодальной эксплуатации в Румынских землях и в России. Процесс прикрепления крестьян к земле в конце XVI века»; В. Попович ознакомил присутствовавших с рефератом «Роль России в освобождении румынского народа во второй половине XVIII и в первой половине XIX в.». Академик П. Константинеску-Яшь сделал сообщение «Румыно-советские связи и совет-

ская помощь в период с 23 августа 1944 г. и до настоящего времени», в котором освещены политические, экономические, научные и культурные связи между Румынией и СССР новейшего периода.

16—18 декабря 1958 г. в Институте истории Академии наук СССР состоялось совещание, посвященное изучению Великой Октябрьской социалистической революции и советского общества. В совещании приняли участие представители Китая, Польши, Чехословакии, Румынии, Германии и Болгарии. От Румынии в совещании участвовали профессор Н. Петрович от Института истории партии и доцент В. Хурмуз, заместитель декана Бухарестского исторического факультета. Н. Петрович выступил от имени делегации с рефератом «Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции в РНР», в котором дал обзорное изложение написанных в нашей стране работ о Великом Октябре, и в частности книг, изданных в связи с сорокалетием революции.

В конце декабря в Москве было проведено совещание археологов-славистов, на котором М. Петреску-Дымбовица прочитал реферат на тему «Исследования румынских археологов относительно славянских поселений на территории РНР».

Активное сотрудничество и связи румынских историков с коллегами из других стран в течение 1958 г. были весьма плодотворными. За рубеж выезжала 21 делегация в составе 31 участника. Отрадно, что эти связи становятся все более прочными и многосторонними.

★

В течение 1958 г. румынские историки опубликовали ряд больших трудов, исследований и статей.

Издательство научной литературы выпустило книгу профессора Д. Пиппиди «К древней истории Румынии», представляющую собой сборник из 13 исследований. Автор осветил вопросы истории крепостей Истрия и Каллатис в III—II вв. до н. э., аграрные отношения в понтийских городах доримской эпохи, привел литературные источники дако-римского христианства и отдельные данные относительно рабовладельчества у даков. Работа содержит новые сведения о понтийской крепости Истрия, наиболее значительной греческой колонии на румынском побережье Черного моря.

То же издательство выпустило обобщающий труд проф. Д. Тудора «Римская Олтения». В нем показано, что римская колонизация породила новые общественные отношения, основанные на рабовладении, новую административную организацию, налоговую и таможенную системы, при помощи которых завоеватели эксплуатировали подвластную им область.

Из числа монографий, явившихся результатом продолжительных археологических исследований, отметим прежде всего работу коллектива научных сотрудников под руководством Гр. Флореску, опубликованную в издательстве Академии РНР под названием «Капидава». Она посвящена проблеме древнего римского поселения в Добрудже. Имеется в виду римский лимес на Нижнем Дунае. Наименование поселения гетское, сохраненное римлянами; оно напоминает о пути, который вел от Карпат к Томи и Истрии, пересекая Добруджу. Во времена Траяна здесь был построен военный лагерь, существовавший вплоть до VI в. н. э., когда здесь появились следы раннего феодального поселения.

В двух номерах журнала «Studii şi cercetari de istorie veche» за 1958 г. напечатаны краткое сообщение об «Археологических раскопках в РНР в 1957 г.» Д. Попеску и «Указатель недавних открытий древних монет на территории РНР», составленный Букура Митри.

Раскопки в Истрии также привели к появлению новых трудов. В исследовании «Об истрийском населении во II веке н. э.» И. И. Руссу на основании ряда надписей приходит к выводу, что происхождение истрийцев греческое, с большим влиянием фракийско-гетского элемента. Статья «Два эпиграфических документа в связи с квазимуниципальной организацией римских сельских местностей» Гр. Флореску рассказывает об обнаруженных на территории Добруджи документах, подтверждающих наличие самобытных административных форм в III в. н. э., но повторяющих в некоторых своих элементах римский образец.

Большой интерес для сравнительного исследования культуры в РНР и на юге СССР во времена появления фрако-скифов представляют две статьи И. И. Руссу: «Фрако-гетские элементы в Скифии и киммерийском Босфоре» и «Две фрако-скифских статуи в Добрудже»,— в которых исследуются два памятника-рельефа с изображением человеческой фигуры, весь-

ма похожим на статуи, найденные на Украине, в нижнем течении Днепра.

По эпохе раннего феодализма отметим результаты раскопок в Гарван-Добрудже, отраженные в работе Г. Бикир «К изучению ткацкого мастерства поселения Гарван». Автор устанавливает по найденным кускам текстильной материи и нескольким частям ткацких станков, что в X—XII вв. применялся горизонтальный ткацкий станок.

Монографический труд М. Кишваши Комша «Восточные славяне на территории Румынии и проникновение романского элемента в Молдавию (на основе археологических данных)» говорит о том, что славянские племена, проникавшие на территорию Румынии, приходили сюда в разное время и из разных областей. Первые славяне (VI—VII вв.) принесли пражскую культуру; восточные славяне (VIII—X вв.) — культуру Глинча I (стоянка вблизи Ясс); затем следуют западные славяне, пришедшие в Трансильванию, и южные славяне, прибывшие на север Дуная во время экспансии Болгарского государства (IX в.). Культура восточных славян Глинча I, весьма распространенная на севере и в центральной части Молдавии, а также в некоторых районах Валахии (и в г. Бухаресте), перешла и за Дунай, в Болгарию. Она была связана с более обширной культурой, которая развивалась на Украине, на правом берегу Днепра, по верхнему и среднему течению Днестра и по верхнему течению Прута до подкарпатской области. Автор предлагает следующее название этой культуры: Лука Райковецкая — Глинча времен от VII до IX века. Славянское население — носитель данной культуры — ассимилировалось в Трансильвании и Валахии, но в Молдавии эта культура сохранилась, ознаменовав собой переход к культуре восточных славян X—XII вв., характерной для эпохи Киевского государства.

Об эпохе, переходной к феодализму, новые сведения дает работа К. Хоредта «К истории Трансильвании в IV—XIII вв.». Она написана на основании археологических раскопок, произведенных в годы народно-демократического строя.

Внимание наших историков привлекала проблема экономической структуры румынского феодального общества, слабо изученная старой, буржуазной румынской историографией. Очень подробное исследование «К изучению общинных румынских сел» опубликовал Г. Стал в сборнике «Историческая библиотека» издательства Академии РНР. Он подчеркивает особенное значение сел с общинным владением как весьма отдаленной формы разложения некоторых «первобытных общин». Во введении автор определяет значимость этих социальных единиц. Отчетливо видный древний характер этих общин, предшествовавших основанию феодальных государств, помогает историку исследовать вопрос и при отсутствии документальных данных. Наличие сельских общин вплоть до возникновения капитализма указывает также и на существование в то время какого-то права крестьянина на землю, осуществлявшегося общиной. Г. Стал дает социологическую картину общинного села, разных областей Румынии на основе личных наблюдений и данных уже имеющихся работ и приходит к выводу о несостоятельности теории «эпонимного героя» относительно происхождения сел.

Средневековая история Румынии в течение 1958 г. освещена в ряде статей, опубликованных в журнале «Studii» — органе Отделения исторических наук Академии РНР.

В работе «Феодальная собственность в Цара Ромыняскэ до VII века» («Studii», 1958, № 1) Ш. Штефанеску исследовал вопрос о феодальной собственности, исходя из диалектического толкования документов в отличие от старой историографии, которая рассматривала средневековую собственность как отдельную юридическую категорию, а не как основу феодальных производственных отношений. Автор пришел к выводу, что к концу VI в. крестьяне были окончательно прикреплены к земле законами и это очень скоро стало препятствовать развитию производительных сил.

Другой период истории румынского крестьянства отражен в статье С. Колумбяну «Данные относительно положения оброчных крестьян в Цара Ромыняскэ в годы, предшествовавшие Органическому Регламенту 1829—1831 гг.» («Studii», 1958, № 6). В рассматриваемое автором время административный и налоговый гнет был до того тяжелым, что эксплуатация крестьянства со стороны государства была сильнее, чем даже эксплуатация его со стороны бояр. Следствием этого являлось массовое бегство крестьян, которые не могли уже выносить грабеж и поборы боярских приказчиков и чокоев, превратившихся в административных управителей.

Столь жестокая эксплуатация румынско-

го крестьянства вызвала такие мощные формы протеста, как восстания. О восстаниях в средние века рассказывается в обстоятельном исследовании профессора М. Берза («Studii», 1958, № 4). Статья того же автора «Различные формы эксплуатации Румынских земель Оттоманской Портой в XVI—XVIII вв.» («Studii», 1958, № 2) является введением к более обширному исследованию эволюции различных материальных обязательств (денежных, в натуре и трудовых) Румынских земель по отношению к Оттоманской империи. Изучение денежных цифровых данных показывает, что эксплуатация румынского населения со стороны Оттоманской империи имела два кульминационных момента: к концу XVI и в середине XVIII в., когда поборы достигали огромных сумм, истощая Румынские земли, ложась тяжелым бременем на производящие классы.

Жизнь рабочего класса освещает небольшая, но интересная статья И. Бозак «Эксплуатация детского труда в государственных рудных предприятиях Трансильвании во второй половине XVIII века» («Studii», 1958, № 3). Существовало мнение, что в сравнении с жизнью крестьянина жизнь рабочего в рудниках была лучше. Используя данные трансильванских архивов, автор вскрывает жестокую эксплуатацию детей, родители которых находились в бедственном положении, в рудниках или в подсобных рудниковых участках.

Надстройка феодальной эпохи в Румынских землях — предмет ряда исследований, часть которых была издана Академией РНР. Исследование П. П. Панаитеску «Димитрий Кантемир. Его жизнь и творчество» уточняет ряд данных о великом молдавском ученом начала XVIII века.

М. А. Музическу и М. Берза в монографии «Монастырь Сучевица» рассказывают о необычайно важном культурном и художественном центре средневековой Молдавии.

Коллектив специалистов Института истории искусств Академии РНР составил «Указатель памятников и предметов искусства времени Стефана Великого». Это первая попытка дать аналитический каталог с обобщающим изложением каждой из отраслей молдавского художественного творчества второй половины XV века.

Две статьи — «Молдавия в эпоху реформы» Ш. Папакостя («Studii», 1958, № 4) и «Византийское право в Румынских землях» Г. Кронца («Studii», 1958, № 5) — свидетельствуют об интересе румынских историков к различным формам древней румынской культуры, развивавшейся преимущественно под византийским и русским, а также под западным влиянием.

Новая история Румынии также нашла отражение в творчестве румынских историков в 1958 г. в первую очередь по социальным вопросам и в особенности по вопросу о крестьянских волнениях.

В работе И. Някшу «Участие жителей сел Олтении (Малой Валахии) в восстании 1821 года» («Studii», 1958, № 2) анализируется социальный состав жителей сел, участвовавших в восстании, возглавляемом Тудором Владимиреску. Автор констатирует особенно широкий размах восстания в северо-западной части Олтении, то есть на территории, где во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. набирались пандуры Тудора Владимиреску и где произошло восстание 1814—1815 гг., в котором пандуры являлись самой активной революционной силой.

Л. Тилковский в исследовании «Крестьянское движение в Трансильвании в 1831 г. и его связь с «холерным восстанием» в восточной Словакии» освещает малоизученную проблему единства антифеодальной борьбы народов различных национальностей, входивших в состав габсбургской империи.

События, происшедшие в Молдавии в революционном 1848 г., достаточно полно отображены румынской историографией. Статья Г. Унгуряну «Социально-политические волнения, предшествовавшие революционному движению 1848 г. в Молдавии» («Studii», 1958, № 5), является новым ценным вкладом в изучение данного вопроса. Описываемые волнения носили разносторонний характер и охватывали все социальные классы: крестьян, горожан, рабочих соляных копей в Тыргу-Окна и даже землевладельцев. Происходили они между 1821—1848 годами.

Д. Бериндей выступил со статьей «Классовые противоречия в ходе Валашской революции 1848 г.» («Studii», 1958, № 3). Д. Бериндей написал также хорошо документированную статью «Аграрная проблема в обсуждении специальных диванов и собраний Валахии (Цара Ромынескэ) в 1857—1861 гг.» («Studii», 1958, № 1).

Документально обоснованный труд «Восстание пограничных войсковых формирований в 1866 г.» опубликовал В. Михордя. Тема эта совершенно игнорировалась бур-

жуазной историографией. Исследовав материалы архива бывшего министерства внутренних дел, автор вскрыл причины восстания пограничных частей, состоявших из крестьян, недовольных ограниченным применением аграрной реформы 1864 г. во многих районах, расположенных вдоль течения Дуная.

Недовольство крестьян продолжалось в течение всего XIX столетия, приняв бурную форму в последние два десятилетия. Данные относительно аграрной проблемы в Румынии к концу XIX в. («Studii», 1958, № 5) привели Г. Матей и Д. Миок в исследовании, основанном на анализе ряда документов. Они показали, что эксплуатация крестьянства приняла жестокие формы. Крестьяне были лишены всякой возможности защитить себя, так как буржуазно-помещичье государство лишило их всех политических прав.

Недовольство возрастало в следующем столетии и вылилось в мощное восстание 1907 года. В работе «Формы борьбы крестьян в восстании 1907 года» («Studii», 1958, № 2) Н. Адэнилоаей и К. Фотино раскрыли характер этого движения, получившего размах более в ширину, нежели в глубину. В 1907 г. не наблюдались еще высшие формы борьбы. Крестьяне по-прежнему прибегали к погромам, поджогам, временному захвату земель, нападению на города и т. д.

В связи с сорокалетием со дня присоединения Трансильвании к Румынии в журнале «Studii» (1958, № 6) была напечатана большая статья академика К. Дайковичу, Л. Баниял, В. Керестешиу и В. Ливяну «Революционная борьба масс — решающий фактор в объединении Трансильвании с Румынией». В ней освещается роль национальных советов, созданных в Трансильвании под влиянием русской революции, а также значение деятельности левых элементов рабочего движения, которые стремились к объединению трудового народа всей страны. Коммунистическая партия Венгрии стояла на правильной позиции в вопросе о Трансильвании, в то время как правая румынская социал-демократия, перешедшая на сторону румынской буржуазии, предала интересы трудящихся.

Издательством Академии РНР выпущена книга «Краткая история изобразительных искусств РНР в XIX веке» (авторы — академик Г. Опреску, И. Фрунзетти и М. Попеску). В этом же издательстве вышли «Очерки о возвращенных из СССР сокровищах», в которых дается описание коллекций румынских монет средневековья и нового времени и других ценных экспонатов.

В области новейшей истории Румынии особое внимание уделяется рабочему движению и партии рабочего класса. В издательстве политической литературы, в журнале «Studii» и в «Записках Института истории партии при ЦК РРП» [2] было опубликовано несколько работ. В двух статьях («Analele», 1958, №№ 2—3) Н. Н. Константинеску продолжает большое исследование на тему «К истории образования и развития рабочего класса в Румынии». Автор показывает возникновение «финансовой олигархии», импорт капитала, экспансионистские тенденции румынской буржуазии и румынского помещичьего класса, численный рост рабочего класса за первые 15 лет XX в., количество и положение сельскохозяйственных рабочих, условия труда и жизни рабочих этого периода.

О политической жизни рабочего класса в этот же период рассказывают статьи «О связях рабочего движения в Румынии с I и II Интернационалом в годы деятельности Маркса и Энгельса» А. Дьяка и «О рабочем движении в Румынии в период, предшествовавший учредительному конгрессу румынской социал-демократической рабочей партии в 1893 г.» В. Рацы («Analele», 1958, №№ 5—6). В первой из них использована переписка Энгельса с некоторыми руководителями рабочего движения, приведены сведения из старых румынских изданий о Марксе и I и II Интернационалах.

В статье «Румынская социал-демократическая партия накануне первой мировой войны» («Studii», 1958, № 4) Н. Копойю пишет, что создание социалистической партии в 1910 г. означало крах «пораженческой» теории некоторых румынских социал-демократов. Последние утверждали, что в отсталых в экономическом отношении странах якобы невозможно развитие революционного рабочего движения. Автор отмечает: накануне первой мировой войны партия настолько выросла, что перешла к организации массовых действий против войны; это навлекло на нее репрессии со стороны правящих кругов. Трагический эпизод борьбы румынского рабочего класса отражен в статье Г. Тудорана «Выступление

[2] «Analele Institutului de Istorie a partidului de pe lingă C. C. al PMR» (далее: «Analele»).

галацких рабочих 13 июня 1916 года и проявления солидарности в стране» («Analele», 1958, № 3).

Одновременно с социалистической партией возникли и развивались организации молодежи. Данной проблеме посвящены статьи С. Костина «К истории молодежных рабочих организаций в Румынии 1907—1912 гг.» («Studii», 1958, № 3), В. Штефанеску «Данные относительно движения рабочей молодежи в Румынии между 1917—1921 гг.» («Analele», 1958, №№ 5—6), Г. Моца и В. Штефанеску «О борьбе революционной молодежи под руководством Коммунистической партии Румынии в период относительной стабилизации капитализма в 1923—1928 гг.» («Studii», 1958, № 6), Г. Моца и К. Мокану «Данные относительно революционного движения молодежи в период с конца XIX в. по 1917 г.» («Analele», 1958, № 4).

Мало исследовано до сих пор революционное движение в румынской армии. Тем более интересным представляются нам такие исследования, выявляющие новые данные, как «О революционных выступлениях солдат буржуазно-помещичьей армии в 1917—1921 гг.» И. Тоаке («Studii», 1958, № 6) и «Попытка восстания румынских моряков в 1919 году» Н. Бэрдяну («Studii», 1958, № 5).

В ряде статей и очерков говорится о выступлениях рабочих в период между двумя мировыми войнами. Выступлению 13 декабря 1918 г. (которое было жестоко подавлено) посвящен специальный сборник, подготовленный к печати Институтом истории партии. В этот сборник вошли материалы, опубликованные в разное время в периодической печати (например, очерк Василеску-Вася от 2 марта 1919 г. в газете «Socialismul», статья П. Константинеску-Яшь в газете «Scînteia» от 14 декабря 1944 г. и др.). К. Кушнир-Михайлович написала статью «События 13 декабря 1918 года» («Studii», 1958, № 6). События, имевшие место в феврале 1933 г., освещались по случаю двадцатипятилетней годовщины в работах, напечатанных в первом номере «Записок Института истории партии» за прошлый год: «25 лет со дня героического выступления рабочих—железнодорожников и нефтяников в 1933 году» (вступительная статья); «Волнения железнодорожных рабочих в Клуже в 1933 году» (Э. Попа, П. Божан и Л. Фодор. «Analele», 1958, № 1); «К забастовке ясских железнодорожников» (Д. Боцеску, И. Бендитер, П. Чилибиу). Историческому V съезду Коммунистической партии (декабрь 1932 г.) посвятили статью «Международное положение накануне V съезда Коммунистической партии Румынии» Г. Матей и В. Варга («Analele», 1958, № 2).

Коммунистическая партия создала и руководила в этот период рядом легальных массовых организаций. Опираясь на данные, имеющиеся в архиве Института истории, и оригинальные документы, П. Константинеску-Яшь написал статью «Комитет по борьбе за амнистию 1928—1929 гг.» («Studii», 1958, № 4); Т. Джеорджеску опубликовал работу «Антивоенный комитет 1932—1933 гг.» («Analele», 1958, №№ 5—6).

Одной из самых значительных работ по новейшей истории, вышедших в 1958 г., является книга «Вклад Румынии в антигитлеровскую войну» (И. Купша, Г. Матей, И. Фокшеняну, Б. Бэлтяну, И. Ион, В. Захареску). В ней изложены события начиная от вооруженного восстания 23 августа 1944 г. до освобождения Чехословакии; на основе документальных материалов показан вклад румынских войск, боровшихся плечом к плечу с победоносной Советской Армией. Следует также отметить статью мемуарного характера генерала армии В. Атанасиу «Действия первой румынской армии в антигитлеровской войне (24 августа 1944 — 18 января 1945 г.)» («Studii», 1958, № 2).

Вопросы новейшей истории отражены в «Очерках борьбы Коммунистической партии Румынии по созданию союза рабочего класса с трудовым крестьянством в период аграрных реформ 1944—1945 гг.», изданных Институтом истории партии, а также в статье Б. Бэлтяну «Начало деятельности демократического правительства (6 марта 1945—9 мая 1945 г.)» («Studii», 1958, № 3).

В Румынии имеется 17 журналов и периодических сборников по истории (16 на румынском языке); некоторые статьи в них сопровождаются резюме на русском и французском языках. Один журнал выходит на французском языке.

Под наблюдением Отделения исторических наук и его подведомственных учреждений выходят следующие издания: «Studii» (директор редакционной коллегии академик П. Константинеску-Яшь); «Studii şi cercetări de istorie veche» («Очерки и исследования по древней истории») Института археологии (отв. ред. академик Е. Кондураки); «Materiale şi cercetări arheologice»

(«Археологические материалы и исследования») Института археологии (отв. ред Е. Кондураки); «Studii şi cercetări de istorie medie» («Очерки и исследования по истории средних веков») Бухарестского института истории (отв. ред. Е. Кымпина); «Studii şi cercetări de istorie contemporană» («Очерки и исследования по новейшей истории») Бухарестского института истории; «Dacia, revue d'archeologie et d'histoire ancienne» («Дакия, журнал по археологии и древней истории») (отв. ред. акад. К. Дайковичу и акад. Е. Кондураки); «Studii şi cercetări ştiinţifice. Istorie» («Научные статьи и исследования История») Ясского филиала Академии РНР (отв ред. академик О. Майер и Вал. Попович); «Studii şi cercetări de istorie» («Статьи и исследования по истории») Клужского филиала Академии РНР (отв. ред. акад. К. Дайковичу).

В рамках Академии наук РНР выходят также «Analele Romîno-Sovietice, seria istorie» («Румыно-советские записки, серия истории») Румыно-Советского научного института (отв. ред. акад. П. Константинеску-Яшь); «Studii şi cercetări de numismatică» («Статьи и исследования по нумизматике») (отв. ред. акад. Е. Кондураки); «Monumente şi muzee» («Памятники и музеи»), бюллетень научной комиссии музеев и памятников истории (отв. ред. акад. П. Константинеску-Яшь); «Studii şi cercetări de istoria artei» («Очерки и исследования по истории искусства») Института истории искусства (отв. ред. акад. Г. Опреску); «Studii şi cercetări de bibliografie» («Библиографические очерки и исследования») (отв. ред. акад. Т. Виану).

Вне рамок академии выходят периодические издания «Analele Institutului de Istorie a partidului de pe lîngă Comitetul Central al PMR» («Записки Института истории партии при ЦК РРП») (отв. ред. проф. Н. Петрович); «Revista arhivelor» («Архивный журнал»), орган Главного управления государственных архивов; «Романославия» Румынского общества славистов (отв. ред. акад. Е. Петрович) и «Studii şi articole de istorie» («Очерки и статьи по истории») (Общества исторических и филологических наук).

Академик П. Константинеску-Яшь,
председатель Отделения исторических наук Академии РНР

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ БОЛГАРСКОЙ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПЕЧАТИ)

В июньском и июльском номерах (1959 г.) журнала «Ново време», органа ЦК Болгарской коммунистической партии, опубликованы материалы совещания при ЦК БКП по вопросам идеологической работы. В 6-м номере напечатаны доклады: секретаря ЦК БКП М. Григорова — «Задачи идеологической работы партии», директора Института изобразительных искусств при Болгарской АН Ал. Обретенова — «Изобразительное искусство социалистических стран» и ответственного редактора журнала «Ново време» Н. Ирибаджакова — «Некоторые проблемы борьбы против современного антимарксизма».

В докладе М. Григорова отмечается, что Народная Республика Болгария вступила в новый, более высокий этап своего экономического, культурного и государственно-политического развития, своего движения к коммунизму. Этот этап является закономерным результатом развития всей мировой социалистической системы. Докладчик подчеркнул, что начало этого этапа для Советского Союза и мировой системы социализма как целого положил XXI съезд КПСС (стр. 13). Для Болгарии начало современного этапа — период от VII съезда БКП до январского (1959 г.) Пленума ЦК БКП (стр. 14).

Охарактеризовав грандиозные задачи строительства коммунизма в СССР, начертанные XXI съездом КПСС, перспективы строительства социализма в КНР и других странах народной демократии, М. Григоров подробно остановился на планах дальней-

шего социалистического развития Болгарии.

В докладе Тодора Живкова на 3-й сессии Народного собрания, сделанном на основе решений январского Пленума ЦК БКП, была поставлена задача за 5—7 лет, то есть к 1962—1965 гг., сделать огромный скачок в экономическом развитии страны, равный по своим результатам 10—15-летнему периоду строительства прежними темпами. Главная задача современного периода — завершить строительство социализма в Болгарии.

М. Григоров подчеркнул, что идеологическая работа призвана в максимальной степени содействовать борьбе партии и масс за социализм.

Болгарские ученые призваны разработать и обосновать положения о скачкообразном развитии болгарского общества, о возможности и необходимости смелых действий партии, имеющих своей целью ускорить это развитие, о преодолении существенного различия между городом и деревней, о совершенствовании государственного и хозяйственного руководства в соответствии с потребностями общественно-экономической жизни страны и т. п.

Работники идеологического фронта, подчеркнул М. Григоров, должны активно участвовать в решении поставленных партией задач, разрабатывать и конкретизировать их, помогать партии в теоретическом обобщении и освещении процессов, которые происходят во всех сферах нашей общественной жизни. Необходимо, отметил докладчик, поставить проблемы современного развития в центр внимания ученых, работающих в области общественных наук.

М. Григоров наметил три главных направления в идеологической работе: поднять идеологическую работу на уровень новых теоретических проблем коммунистического движения; поставить ее на службу всенародной борьбы за сокращение сроков выполнения хозяйственных планов, усилить освещение международного положения и борьбу против буржуазного влияния, пережитков прошлого.

Пропаганда и агитация, отмечается в докладе, должны носить боевой, разоблачительный, наступательный характер, последовательно, на основе марксистско-ленинской аргументации разоблачать все проявления буржуазного влияния, буржуазные предрассудки, мораль, индивидуализм и эгоизм, недобросовестное отношение к общественному труду и социалистической собственности, ревизионистские взгляды и «теории» (стр. 29—30).

М. Григоров подчеркнул, что борьба между коммунистической и буржуазной идеологиями ведется в самых острых формах и в мировом масштабе. БКП никогда не стояла в стороне от этой борьбы. Д. Благоев и Г. Димитров дали блестящие образцы пламенных выступлений против идеологии империализма, против ренегатов в международном коммунистическом движении. «И ныне БКП должна исполнить свой долг в этом отношении... Участие наших работников идеологического фронта в борьбе мирового коммунистического движения против современных буржуазных течений, как и против новейших проявлений ревизионизма, должно принять еще более активный, углубленный и боевой характер» (стр. 30).

В 7-м номере журнала «Ново време» опубликована статья заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК БКП Р. Авраамова «Решения XXI съезда КПСС и январского Пленума ЦК БКП и задачи теоретического фронта в Болгарии».

В статье указывается, что в период после XX съезда КПСС и апрельского (1956 г.) Пленума ЦК БКП было достигнуто известное оживление в области общественных наук, разработан ряд вопросов марксистско-ленинской теории, усилилась борьба против буржуазной идеологии и ревизионизма. Автор перечисляет труды, в которых исследуются некоторые вопросы социалистического строительства в Болгарии, а также проблемы экономики капитализма. К ним относятся работы Е. Матеева «Производительность труда при социализме и планирование народного хозяйства», К. Лазарова «Социалистическое накопление в течение первой и второй пятилеток в Народной Республике Болгарии», Ж. Натана «Экономическая история Болгарии» и другие.

Создан ряд новых трудов и в области философии: опубликован первый том капитального исследования Т. Павлова «Основные вопросы эстетики»; вышла в свет книга А. Киселинчева «Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности». В работе Н. Ирибаджакова «Роль народных масс в истории» разработаны вопросы об участии трудящихся в социалистической революции и строительстве социализма, о роли личности в историческом развитии.

В журнале «Ново време» был опублико-

ван ряд статей о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму, о формах этого перехода в различных странах, о характере скачков при социализме, а также материалы, разоблачающие буржуазную идеологию и ревизионизм. Журнал «Философска мисъл» поместил работы о характере народно-демократической революции в Болгарии, развитии социалистических производственных отношений в стране и др.

В области истории были изданы монография Х. Христова «Революционный кризис в Болгарии в 1919—1920 годах», сборники документов по истории партии и т. д. Журнал «Исторически преглед» опубликовал материалы, освещающие некоторые вопросы новой истории Болгарии.

Вместе с тем в статье Р. Аврамова отмечаются серьезные недостатки теоретической работы болгарских ученых. Издано очень мало произведений, углубленно исследующих изменения в базисе и надстройке, характер противоречий при социализме, пути и формы их преодоления и пр. (стр. 14). Экономисты уделяют недостаточно внимания общетеоретическим вопросам, связанным со строительством социализма в Болгарии. В области истории БКП слабо изучаются проблемы современности. До сих пор не подготовлен краткий курс истории БКП.

В статье Р. Аврамова отмечается, что болгарские ученые все еще недостаточно ведут борьбу против буржуазной идеологии и современного ревизионизма. На страницах болгарских исторических журналов не дается должного отпора буржуазным фальсификациям и клевете на социалистический строй. Несистематически рецензируются труды буржуазных ученых (стр. 15).

Р. Аврамов пишет о необходимости ликвидировать эти недостатки, подняв всю идеологическую работу на уровень новых больших задач, выдвинутых в докладах Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС и Т. Живкова на 3-й сессии Народного собрания.

Проблемы, получившие разработку на XXI съезде КПСС, должны не только широко пропагандироваться и разъясняться, но и конкретизироваться применительно к болгарским условиям. Это относится к вопросам о полной и окончательной победе социализма в Болгарии в условиях существования могучей социалистической системы во главе с СССР, более или менее одновременном переходе социалистических стран к коммунизму (стр. 18), об общих закономерностях перехода от социализма к коммунизму, в частности о постепенном сближении и полном слиянии колхозно-кооперативной собственности на средства производства с государственной собственностью (стр. 19).

Р. Аврамов подробно остановился на вопросе о взаимосвязи между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой на современном этапе развития социализма в Болгарии, охарактеризовал неантагонистические противоречия в болгарском обществе, пути и формы их преодоления.

В заключение Р. Аврамов рассказал о практических мероприятиях, направленных на дальнейший подъем идеологической работы в Болгарии. Он подчеркнул необходимость организации дискуссий и развертывания деловой, высокопринципиальной критики, самой решительной борьбы с беспринципностью, групповщиной, тормозящими развитие творческой мысли и подготовку научных кадров.

★

В июльском номере (1959 г.) журнала «Nová mysl» — теоретическом и политическом органе ЦК Коммунистической партии Чехословакии — опубликован отчет о проведенном Отделом пропаганды и агитации ЦК партии общечехословацком семинаре на тему «Значение XXI съезда КПСС для решения задач завершения строительства социализма в Чехословацкой Республике и дальнейшего развития идеологической работы».

После вводного слова секретаря Центрального Комитета В. Коуцкого с докладом выступил заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПЧ В. Славик. Он отметил выдающуюся роль XXI съезда КПСС для деятельности Компартии Чехословакии. Советский Союз вступил в эпоху развернутого строительства коммунизма, оказав тем самым могучее воздействие на весь мир.

XXI съезд в своих решениях отметил, что основной проблемой предстоящих семи лет является максимальный выигрыш времени в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом. «Эта задача,— заявил докладчик,— стоит и перед нашей наукой, техникой, перед всеми областями деятельности, где решается вопрос о том,

чтобы превзойти капитализм в экономическом развитии» (стр. 740).

Огромное международное значение, как отметил В. Славик, имеет выдвинутая на XXI съезде идея о том, что социалистические страны, успешно используя заложенные в социалистическом строе возможности, будут более или менее одновременно переходить к коммунизму. Данный процесс означает не только ускоренное развитие прежде отсталых государств, но и дальнейший быстрый рост экономики и культуры более развитых стран. В ходе этого двустороннего процесса будут расти силы всего социалистического лагеря в целом.

Новые факты и явления, говорилось в докладе, подтверждают правильность выводов XXI съезда о том, что международное коммунистическое движение вступило в новый период своего развития, отразив все атаки современного ревизионизма и идейно разгромив его. «КПСС и другие братские партии социалистических стран сумели на практике защитить революционное учение марксизма-ленинизма и развить его, что принесло новые успехи социалистическим странам и вновь улучшило жизнь их народов» (стр. 740—741). Однако, подчеркнул докладчик, надо помнить, что ревизионизм еще продолжает быть главной опасностью для международного коммунистического движения.

В докладе отмечалось, что завершение социалистического строительства в Чехословакии нельзя отделять от перехода ее к коммунизму. Причем процесс завершения строительства социализма должен проходить быстрым темпом (стр. 742). Осуществление этих задач приведет к важным социально-экономическим переменам в чехословацком обществе, явится большим вкладом в дело соревнования социализма с капитализмом. Докладчик остановился на имеющих огромное значение вопросах, поставленных XXI съездом КПСС,— задаче создания материально-технической базы коммунизма и развития производительных сил. В этой связи в Чехословакии одной из главных проблем является обеспечение пропорционального развития народного хозяйства с тем, чтобы на основе укрепившихся в сельском хозяйстве социалистических производственных отношений полностью развить его производительные силы, поскольку сельскохозяйственное производство сильно отстает от промышленного (стр. 742). Следует также уделять больше внимания таким отраслям индустрии, как химическая и строительная.

Творческое решение XXI съездом вопросов коммунистического строительства помогает чехословацким коммунистам, заявил В. Славик, найти правильные пути завершения социалистического строительства в своей стране.

Как отметил докладчик, сейчас для Чехословакии преждевременно выдвигать на первый план вопрос о слиянии кооперативной и государственной собственности в единую, коммунистическую. В области сельскохозяйственного производства коренной задачей остается преодоление противоречий, возникающих под влиянием мелкого производства и отрицательно сказывающихся на работе производственных кооперативов (ЕСК). «Главным противоречием является противоречие между социализмом и мелким производством, которое, как известно, имеет большую способность долго сохраняться и тормозить развитие» (стр. 744). Это противоречие разрешается путем всесторонней и последовательной поддержки формирующихся в сельском хозяйстве социалистических производственных отношений.

Последние решения ЦК КПЧ[1] предусматривают ряд мероприятий, способствующих усилению действия экономических законов социализма в деревне, укреплению кооперативной собственности и завершению процесса превращения коллективов бывших мелких производителей в социалистические крупные хозяйства, использующие современную науку и технику.

Одной из главных задач пропаганды и воспитательной работы, вытекающих из решений XXI съезда КПСС, говорилось в докладе, является воспитание творческого отношения к труду, особенно у молодежи, объяснение великого значения физического труда, в котором молодежь должна видеть не неприятную повинность, а источник благополучия общества и личного счастья. В связи с этим возникает необходимость глубокой теоретической разработки данного вопроса.

Здесь призваны сыграть большую роль история, философия и другие обществен-

[1] Имеются в виду постановления мартовского и июньского Пленумов ЦК КПЧ (1959 г.), в которых было признано необходимым изменить планирование сельскохозяйственного производства и руководство им, а также ввести новую систему закупок и единые закупочные цены на сельскохозяйственные продукты.

ные науки. Чехословацкие ученые располагают богатейшим материалом, относящимся к истории Чехословакии и других стран социалистического лагеря. Героические дела строителей коммунизма в СССР, борцов за построение социалистического общества в Чехословакии и других странах народной демократии требуют освещения в конкретных и обобщающих исследованиях. На примерах героев труда, самоотверженных тружеников заводов и полей работники общественных наук призваны воспитывать широкие массы. Особого внимания заслуживает обобщение первого опыта деятельности бригад коммунистического и социалистического труда, их влияния на воспитание людей.

В свете теоретических выводов XXI съезда по вопросам государственного устройства и управления чехословацкие коммунисты проверяют правильность решения этих вопросов в своей стране. При этом они учитывают, что Чехословакия находится на этапе завершения социалистического строительства и ей необходимо решить задачу полной ликвидации антагонистических классов и перевода мелких производителей на позиции социализма.

В. Славик остановился также на борьбе с бюрократизмом. КПЧ недавно решительно разоблачила клеветнические теории, взятые из арсенала ревизионизма, о том, что бюрократизм — это якобы явление, присущее социалистической системе управления. Борьба с подобными лживыми теориями и домыслами должна продолжаться с полной решимостью. Но вместе с тем необходимо разъяснять, что КПЧ борется против всевозможных проявлений бюрократизма в государственном аппарате, особенно таких, как отрыв от жизни, от масс, равнодушное отношение к исполнению решений ЦК КПЧ, направленных на дальнейшее развитие чехословацкого социалистического общества (стр. 745).

Исходя из положений XXI съезда КПСС — изучать объективные закономерности исторического развития и определять направления этого развития в условиях планомерного социалистического строительства,— В. Славик остановился на трех типах явлений и противоречий, имеющих место в общественной жизни Чехословакии.

Во-первых, это явления и противоречия, связанные с пережитками капитализма и не вытекающие из существа социализма. Они чужды социалистическому строю и неизбежно исчезнут в ходе классовой борьбы. Необходимо помнить об этих пережитках, видеть причины их появления, но вместе с тем не следует преувеличивать их роль и недооценивать преобразующую силу идей марксизма-ленинизма.

Во-вторых, это явления и противоречия, связанные с социализмом; с переходом к коммунизму они исчезнут. Но их устранение произойдет не вследствие ограничения, как в первом случае, а путем всемерного развития. Иллюстрируя это положение, докладчик указал, что, например, социалистическое государство отомрет в результате дальнейшего развития социалистической государственности и т. д. (стр. 746).

В-третьих, явления, которые существуют в современном обществе в зародышевой форме. В. И. Ленин часто называл их «ростками коммунизма». Общественные науки должны уделять им внимание, теоретически разрабатывая вопросы их дальнейшего упрочения.

Докладчик подчеркнул, что эти три типа явлений имеют место в жизни как различные стороны определенного процесса. Они взаимно дополняют друг друга, переплетаются между собой, и порой их трудно отделить одно от другого. В связи с этим перед общественными науками встает первоочередная задача: при изучении какого-либо явления всегда необходимо определять те стороны, которые надо ограничивать и подавлять, и те, которые следует развивать (стр. 747).

После доклада В. Славика работа семинара продолжалась в четырех группах, на заседаниях которых выступили 80 человек.

В группе политической экономии и экономики промышленности и сельского хозяйства доклад о значении решений XXI съезда КПСС для экономических наук сделал заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПЧ М. Фремер. Он затронул такие вопросы, как планомерное, пропорциональное развитие социалистической экономики, распределение, экономическая роль социалистического государства.

В группе диалектического и исторического материализма и научного коммунизма с докладом выступил директор Института усовершенствования преподавателей марксизма-ленинизма М. Калаб, подвергший анализу две фазы коммунистического общества — социализм и коммунизм. Он подчеркнул, что решения XXI съезда КПСС и

XI съезда КПЧ являются развернутой программой теоретической работы в области общественных наук. Центр тяжести исследований должен быть перенесен на разработку актуальных проблем перехода от социализма к коммунизму. Научное решение этих проблем неразрывно связано с борьбой против современного ревизионизма и буржуазной идеологии.

В группе партийного строительства, государства и права доклад о ведущей роли партии в жизни социалистического общества прочитал заместитель заведующего Отделом партийных органов ЦК КПЧ М. Вацулик. Опираясь на решения XXI съезда КПСС и XI съезда КПЧ, он показал объективную необходимость постоянного повышения ведущей роли партии не только на этапе завершения строительства социализма, но и в период развернутого строительства коммунизма.

Проанализировав состав партии, М. Вацулик подчеркнул, что ЦК КПЧ особое внимание уделяет улучшению партийных рядов и усилению влияния партии на решающих участках народного хозяйства, например, в строительстве, в ЕСК и т. д. Докладчик отметил, что сектантская позиция некоторых сельских организаций превратилась в серьезный тормоз на пути укрепления руководящей роли партии в деревне (стр. 751).

М. Вацулик указал, что главным методом укрепления единства партии и народа является в настоящее время повышение участия рабочего класса в управлении экономикой страны и государством. Большое практическое значение имеет теоретическое обобщение имеющегося в этой области опыта. Идеологическое и организационное единство партии, единство ее теории и практики, слова и действия — основное условие успешной деятельности КПЧ.

Заместитель заведующего кафедрой государства и права СССР на юридическом факультете ВПШ О. Пруша остановился в своем выступлении на значении решений XXI съезда КПСС о дальнейшем развитии социалистического государства для решения задач завершения строительства социализма в Чехословакии.

О. Пруша отметил, что чехословацким коммунистам, используя опыт Коммунистической партии Советского Союза, необходимо учитывать ряд особенностей Чехословакии в области социально-экономических и классовых отношений. Сейчас в Чехословакии первоочередной задачей является завершение строительства социализма на основе выполнения директив XI съезда КПЧ. При этом следует постоянно видеть перспективы дальнейшего перехода к коммунизму.

Докладчик указал на необходимость преодоления некоторых неправильных взглядов, в частности мнения о том, будто для Чехословакии опыт Советского Союза не подходит, поскольку СССР находится на более высокой ступени развития. Следует также правильно понимать выводы XXI съезда КПСС о дальнейшем развитии социалистической государственности и передаче некоторых функций государственных органов общественным организациям. Нельзя забывать, что речь идет о диалектическом процессе развития, в ходе которого расширяются права как народных представительных органов власти, так и общественных организаций, благодаря чему увеличивается массовая база социалистического государства, усиливается, укрепляется политический фундамент общества.

Дискуссия на семинаре показала, что необходимы теоретические обобщения как по вопросам внутренней жизни, так и партийного строительства. Участники семинара одобрили предложение создать под руководством Высшей партийной школы теоретическую группу, в состав которой войдут ученые, работающие в области философии, истории, государства и права, а также партийные работники. На эту группу будет возложена подготовка теоретического сборника «Учение о партии» (стр. 752—753).

В группе международных отношений с докладом выступил директор Института международной экономики и политики В. Сояк. Он подчеркнул, что международные отношения во все большей степени начинают определяться успехами лагеря социализма (стр. 754). Докладчик подробно остановился на проблемах борьбы за мир, на современном национально-освободительном движении.

В докладе отмечалось, что весьма важно исследовать характер послевоенного экономического цикла и кризисных явлений, прежде всего в США, неравномерность развития отдельных капиталистических государств, проблемы так называемой второй промышленной революции и т. д. Докладчик отметил то обстоятельство, что неуклонный упадок капитализма вызывает у буржуазии стремление сопротивляться законо-

мерному ходу событий всеми возможными средствами. Она выдвигает социально-демагогические лозунги и в то же время ведет наступление на основные демократические свободы и права трудящихся.

Буржуазия, однако, уже не может вернуться к скомпрометировавшим себя старым формам управления государством. Она тщетно ищет новые. Наряду с фашистскими методами управления в империалистических странах все более усиливаются клерикально-авторитарные режимы. Перед коммунистическими партиями встают важные задачи борьбы за единство действий рабочего класса и всех прогрессивных сил (стр. 755).

В докладе было уделено внимание анализу развития Западной Германии, важнейшая черта которого состоит в том, что боннский империализм уже не является только орудием США, но все очевиднее преследует свои собственные цели (стр. 755).

В докладах В. Славика, В. Сояка и выступлениях участников семинара отмечалось, что вопросы стратегии и тактики коммунистических партий в их отношении к национально-освободительному движению заслуживают пристального внимания научных работников. Национально-освободительная борьба вступила в новый этап, характеризующийся тем, что после завоевания политической самостоятельности угнетенные в прошлом страны приступили к ликвидации экономической зависимости от империалистических держав, к решению ряда социальных проблем. На современном этапе еще более повышается роль коммунистических партий, еще необходимее становится единство антиимпериалистических сил.

Секретарь ЦК КПЧ В. Коуцкий, подводя итоги работы семинара, оценил ее в целом положительно. «Все выступления подтвердили необходимость еще более последовательной ориентации нашего теоретического и всего идеологического фронта на более тесную связь с практикой, с жизнью»,— заявил В. Коуцкий. Он обратил внимание работников общественных наук на то, что следует заняться изучением и обобщением опыта бригад социалистического труда.

В. Коуцкий отметил, что семинар еще раз показал недостатки в области изучения деятельности национальных комитетов. Представители всех общественных наук должны тщательно собирать, изучать и оценивать конкретный материал из практики национальных комитетов и тем помогать партии решать важные политические задачи. Докладчик указал на необходимость уделять более пристальное внимание вопросам партийного строительства. Он подчеркнул, что односторонняя ориентация некоторых чехословацких научных учреждений в области общественных наук не отвечает возросшим требованиям. Нельзя ограничиваться исследованием только общих методологических вопросов. Недостаточно, например, заниматься изучением империализма или государственного монополистического капитализма вообще. Следует конкретно анализировать американский государственно-монополистический капитализм, германский империализм и т. д. (стр. 757).

Касаясь вопросов организации работы в области общественных наук, В. Коуцкий сказал, что очень важно улучшить координацию научно-исследовательской деятельности путем развития творческих идеологических дискуссий.

В заключение В. Коуцкий указал на огромную ответственность каждого работника общественных наук, призванного на своем участке содействовать победе социализма и коммунизма. Он пожелал ученым лучше использовать ту поддержку, которую оказывают им КПЧ и ее Центральный Комитет, неустанно призывающий к еще большей активности, к тесной связи с жизнью, с практикой.

Работа семинара, как отмечает «Nová mysl», дала возможность развернуть творческую дискуссию среди работников общественных наук о том, как лучше использовать решения XXI съезда КПСС для успешного выполнения директив XI съезда КПЧ о завершении строительства социализма в Чехословакии.

Н. Н. Новиков

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ БОРОЗДИН

13 октября 1959 г. на 76-м году жизни скончался профессор Илья Николаевич Бороздин, крупный специалист в области всеобщей истории.

И. Н. Бороздин окончил Московский университет, где занимался под руководством выдающихся русских историков П. Г. Виноградова, В. И. Герье и других. Долгие годы Илья Николаевич посвятил работе в средней школе в качестве преподавателя. Он уделял большое внимание разработке вопросов методики преподавания истории. После Октябрьской революции развернулась педагогическая деятельность И. Н. Бороздина в высших учебных заведениях. Он работал в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина, в Туркменском педагогическом институте. С 1949 г. Илья Николаевич заведовал кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета. Рано началась научная деятельность И. Н. Бороздина. Уже в 1906 г. вышла его книга «Очерки по истории социального движения во Франции XIX века».

Характерной особенностью Ильи Николаевича как исследователя являлась широта научных интересов. Список его печатных трудов, насчитывающий свыше четырехсот названий, включает исследования и научно-популярные работы по всеобщей и отечественной истории, по истории литературы и искусства. Много времени посвящал И. Н. Бороздин археологическим изысканиям на территории нашей Родины, обобщению данных археологических открытий. Он участвовал в работе съездов русских археологов, а также III Международного археологического конгресса в Риме, где выступил с сообщением о развитии советской археологии. Илья Николаевич оставил значительное количество трудов по вопросам историографии, востоковедения и славяноведения. Он плодотворно работал в Комиссии по истории исторической науки, участвовал в заседаниях IV Международного съезда славистов. Следует отметить большую редакторскую деятельность И. Н. Бороздина, который являлся постоянным сотрудником журналов «Гермес» и «Новый Восток». С предисловием и под редакцией Ильи Николаевича вышли многочисленные научные, научно-популярные и художественные произведения. И. Н. Бороздин неоднократно выступал со статьями на страницах журнала «Вопросы истории».

Большое внимание И. Н. Бороздин уделял подготовке научных кадров. Десятки его учеников работают в научно-исследовательских и высших учебных заведениях нашей страны. До последних дней жизни Илья Николаевич проявлял большой интерес к их работе, передавая им свой энтузиазм и любовь к исторической науке.

Образ замечательного ученого и педагога навсегда останется в памяти его друзей и учеников.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ в ЖУРНАЛЕ в 1959 году

ПЕРЕДОВЫЕ

Великие итоги и великие перспективы. . . . . № 1
Великие преимущества социализма в действии . . . . . № 2
XXI съезд и дальнейшее укрепление мировой социалистической системы . . . . . № 5
XXI съезд КПСС — историческое событие в жизни партии и народа № 3

СТАТЬИ

История СССР

Аброскин П. И., председатель совнархоза (Ростов-на-Дону) — Из истории Ростовского совнархоза . . . . . № 10
Алексеева Н. В. — Идея союза рабочего класса и крестьянства в ранних произведениях В. И. Ленина . . . . . № 2
Баевский Д. А., Гершберг С. Р., Митрофанова А. В. — Об изучении истории советского рабочего класса . . . . . № 12
Белимов И. Т. (Новосибирск), Соскин В. Л. (Новосибирск) — Некоторые итоги и перспективы изучения истории Сибири и Дальнего Востока . . . . . № 10
Бескровный Л. Г. — Полтавская победа . . . . . № 12
Боголюбов Л Н. — О коммунистическом воспитании в процессе преподавания истории . . . № 7
Волобуев П. В. — О государственно-монополистическом капитализме в России в 1917 г. (март — октябрь) . . . . . № 9
Гапоненко Л. С., Полетаев В. Е. — К истории рабочего движения в России в период мирного развития революции март—июнь 1917 г.) . . . . № 2
Гиндин И. Ф. — К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX века . . . . . № 5
Дадыкин Р. П. — О полной и окончательной победе социализма в нашей стране . . . № 8
Данилюк М. З. (Киев) — Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны . . № 6
Дыков И. Г. — О некоторых вопросах истории установления Советской власти в Молдавии. № 7
Киряев Н. М., Ставицкий И. В. — Рост и укрепление рядов КПСС в период Великой Отечественной войны . . № 9
Крастынь Я. П. (Рига) — Борьба за Советскую власть в Латвии в годы военной интервенции и гражданской войны (1918—1919 гг.) . . . . . № 1
Лаврентьев В. Н. — К вопросу о роли совхозов в развитии колхозно-кооперативной собственности . . . . . № 9
Линков Я. И. — Идейные и тактические разногласия в рядах революционной демократии в эпоху падения крепостного права. № 6
Лихолат А. В. (Киев) — Из истории борьбы трудящихся Украины против буржуазно-националистической контрреволюции в 1919 году . . . . . № 2
Минц И. И., академик — Революционная борьба пролетариата России в 1914—1916 годах . . № 11
Минц И. И., академик — Революционная борьба пролетариата России в 1914—1916 годах. . . № 12
Найда С. Ф., Мутовкин Н. С. — Важная веха в истории КПСС № 4
Обичкин Г. Д. — Возрастание руководящей роли партии в период развернутого строительства коммунизма . . . . . № 11
Олекас П. И. (Вильнюс) — Борьба Коммунистической партии Литвы за социалистическое преобразование сельского хозяйства . . . . . № 5
Полякова Н. В. — Борьба рабочих-текстильщиков за повышение производительности труда в 1921—1925 гг. . . . . № 6
Почанин С. З. (Минск), Шкляр М. Е. (Минск) — Образование Белорусской ССР и Коммунистической партии Белоруссии . № 1
Пясковский А. В. — К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России . . . . . № 8
Синицин А. М. — Из истории патриотического движения советского народа за создание фонда обороны в первый период Великой Отечественной войны . . № 1
Смирнова А. П. — Из истории борьбы В. И. Ленина за сплоче-

ние левых социал-демократов в годы первой мировой войны . № 4
Стражас А. Ш. (Вильнюс) — Борьба литовского народа против германских колонизаторов и их пособников в 1915—1917 гг. № 10
Тельпуховский Б. С.— Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны . . . . № 4
Шатхина С. Л.— Участие московских рабочих в крутом подъеме сельского хозяйства (1953—1957 гг.) . . . . . № 11
Шебанов А. Ф.— О перестройке исторического образования в университетах . . . . . № 9
Широкова В. В. (Луцк) — К вопросу об оценке деятельности «Народной воли» . . . . . № 8

Всеобщая история

Авдиев В. И.— Возникновение торговых и культурных связей между странами Ближнего Востока в IV—III тысячелетиях до н. э. . . . . № 9
Амендола Джорджо, член секретариата ЦК Итальянской коммунистической партии — Борьба Итальянской коммунистической партии за единство рабочего класса. . . . . № 5
Бобинская Целина (Польша) — К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе . . . . . № 10
Бродский Е. А.— Об антифашистской борьбе в Германии в годы второй мировой войны . . . . № 7
Во Нгуен Зиап, генерал армии, министр обороны ДРВ — Освободительная война вьетнамского народа против французских империалистов и американских интервентов (1945—1954 гг.). . . . . № 4
Гароди Роже, кандидат в члены Политбюро ЦК Французской коммунистической партии— О политическом положении во Франции . . . . . № 6
Гротеволь Отто, Председатель Совета Министров ГДР — 10 лет Германской Демократической Республики . . . . . № 10
Гротеволь Отто, Председатель Совета Министров ГДР — 10 лет Германской Демократической Республики . . . . . № 11
Деборин Г. А., Заставенко Г. Ф., Тельпуховский Б. С.— О причинах поражения германского империализма в двух мировых войнах . . . № 5
Ермолаев В. И.— Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки (1870—1900 гг) . . . . . № 1
Кисляков В. С.— Борьба Коммунистической партии Германии за создание единого антифашистского фронта в первые годы фашистской диктатуры . . . . № 12
Костман Ене, член ЦК Компартии Австрии — Некоторые уроки борьбы австрийских рабочих против фашизма (февраль 1934 г.) . . . . . № 4
Красильников А. Н.— Политика правящих кругов Англии в вопросе разоружения (1928—1933 гг.) . . . . . № 5
Кропилак Мирослав (Чехословакия) — Восстание 1944 г.— важнейшее событие в истории национально - освободительной борьбы словацкого народа . . № 9
Кюзаджян Л. С.— Борьба Коммунистической партии Китая против буржуазной идеологии (1949—1959) . . . . . № 10
Матей Георге (Румыния) — 15-я годовщина освобождения Румынии от фашистского ига . . . . . № 9
Мельников Ю. М.— Роль американо-германских противоречий в возникновении второй мировой войны . . . . . № 3
Митрофанов Н. М.— Германская Демократическая Республика в борьбе за мир и построение социализма . . . . . № 6
Мюнних Ференц, Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства — Октябрьская революция и венгерская Красная Армия . . . . . № 3
Пашуто В. Т.— Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма . . . . . № 3
Поллит Гарри, Председатель Исполкома Коммунистической партии Великобритании — Сорокалетие Коммунистического Интернационала . . . № 3
Самойлов С. И.— Освобождение Румынии от турецкой зависимости в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов № 2
Сказкин С. Д., академик. Чистозвонов А. Н.— Задачи изучения проблемы генезиса капитализма . . . . . № 6
Славин Г. М.— Из истории советско-польских отношений (январь — май 1945 г.) . . . № 8
Стойка Киву, Председатель Совета Министров Румынской Народной Республики — Международное значение XXI съезда КПСС . . . . . № 7
То Хыу, член Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама — Непоколебимая дружба между вьетнамским и китайским народами . . . . . № 10
Турчан Павел (Чехословакия) — Социалистическая индустриализация Словакии . . . № 5

Тюменев А. И., академик — (Ленинград). Восток и Микены № 12
Хренов И. А.— Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши (1918—1923 гг.) . . . . . № 6
Цеденбал Ю., Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР — Из истории развития и укрепления нерушимой дружбы монгольского и китайского народов . . . № 9
Чан Синь-минь (КНР) — Успехи КНР в области разрешения национального вопроса № 11
Чан Хьюи Льеу, директор Института истории ДРВ, вице-президент Ассоциации вьетнамо-китайской дружбы — Из истории вьетнамо-китайских отношений . . . . . № 10
Шевяков А. А.— Борьба Компартии Румынии против политики фашизации страны (1939—1941 гг.) . . . . . № 8

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Голобуцкий В. А. (Киев) — О начале «нисходящей» стадии феодальной формации . . . № 9
Корецкий В. И.— Из истории Крестьянской войны в России начала XVII века . . . . . № 3
Кузнецов И. В.— О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма в России . . . . № 11
Лавровский В. М.— Некоторые спорные вопросы первоначального накопления . . . . . № 8
Овчинников Р. В.—Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России . . № 7
Сахаров А. М.— К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России . . . № 1
Сюзюмов М. Я. (Свердловск) — Некоторые проблемы истории Византии . . . . . № 3

ИСТОРИОГРАФИЯ

Аптекер Г. (США) — К вопросу о современных течениях в буржуазной историографии США № 11
Валев Л. Б. — Новые книги болгарских историков о борьбе народа Болгарии за освобождение от фашистского ига . . . . № 1
Верховень Б. Г., Найда С. Ф. — Об украинском историческом журнале . . . . . № 2
Волков Ф. Д.— Документы внешней политики СССР . . . . № 2
Воронков И. А.— Инвентари имений — важный источник по истории польской феодальной деревни . . . . . № 4
Голиков С. З. (Харьков) — О некоторых буржуазных фальсификаторах истории второй мировой войны . . . . . № 1
Дробижев В. З., Игнатенко Т. А.— Некоторые итоги изучения истории совнархозов 1917—1932 годов . . . . . № 11
Иллерицкий В. Е.— О государственной школе в русской историографии . . . . . № 5
Кабин И. Г.— Борьба СЕПГ против ревизионизма, за укрепление единства своих рядов . № 3
Королюк В. Д.— Тысячелетие Польского государства . . . № 7
Круус Х. Х., член-корреспондент АН СССР (Таллин) — «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе № 6
Лаврецкий И. Р. — Обзор «Испано-американского исторического журнала» за 1956—1958 годы . . . . . № 12
Михешин Н. П.— Из истории деятельности Коммунистической партии в период подготовки и проведения Октябрьской революции (К выходу в свет «Переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями») . . . № 1
Николаев Н. В.— Коммунистическая партия Советского Союза и вопросы хозяйственного строительства . . . . . № 8
Пашуто В. Т.— Труды польского академика Г. Ловмяньского по истории Литвы, Руси и славянства . . . . . № 10
Салов В. И.— О фальсификации тактики большевиков в марте—апреле 1917 года западногерманской буржуазной историографией . . . . . № 8
Семенов В. Ф.— Проблемы политической истории Англии XVI в. в освещении современных английских буржуазных историков № 4
Сороко О. С.— Фальсификация современной истории Кореи реакционными американскими историками . . . . . № 7
Сумбат-Заде А. С.(Баку)—Историческая наука Азербайджана между XX и XXI съездами КПСС и перспективы ее развития № 10
Тихомиров М. Н., академик — Начало славянской письменности в свете новейших открытий . . . . . № 4
Чеканов Н. К.— Восстание няньцзюней 1853—1868 годов . . № 11
Черняк Е. Б.— Фальсификация истории промышленного капитализма в буржуазной историографии США и Англии . . . № 8
Шарапов Г. В.— Против извращений истории аграрных преобразований в первые годы Советской власти в современной буржуазной историографии . . . № 7

СООБЩЕНИЯ

История СССР

Александров В. А., Чистякова Е. В.— К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) . . . . . № 2
Буганов В. И.— К вопросу о Московском восстании 1662 года № 5
Васильев А. Ф.— Борьба партийных организаций Урала за укрепление энергетической базы в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) . . . . . № 12
Земсков А. А., Митрофанов И. Г.— О некоторых вопросах изучения истории КПСС в высшей школе . . . . . № 10
Зимин А. А.— Из истории поместного землевладения на Руси . № 11
Киуру М. Х. (Петрозаводск) — Первая областная конференция организаций РСДРП(б) в Финляндии . . . . . № 7
Сергеев В. И.— К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака . . . . . № 1
Соколов Ю. А. (Ташкент) — Первое русское посольство в Ташкенте . . . . . № 3
Шепухова Н. М.— Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII — первая половина XIX в.) . . . . . № 12

Всеобщая история

Бродский Р. М. (Львов) — К вопросу о позиции США в русско-японской войне и портсмутских переговорах . . . . № 2
Граус Франтишек (Чехословакия) — К вопросу о происхождении княжеской (королевской) власти в Чехии . . . . № 4
Гуревич А. Я.— Некоторые спорные вопросы социально-экономического развития средневековой Норвегии . . . . № 2
Далин В. М.— Новые документы об отношении Бабефа к Дантону . . . . . № 4
Дементьев И. П.— Н. Г. Чернышевский и конституция Джона Брауна . . . . . № 12
Кольбе Г. (ГДР), Цельт И. (ГДР) — Немецкие коммунисты и Венгерская Советская Республика . . . . . № 3
Митев Йоно (Болгария) — К вопросу о роли Стояна Заимова в болгарском освободительном движении . . . . . № 9
Нежинский Л. Н.— Отклики в Советской России на пролетарскую революцию 1919 года в Венгрии . . . . . № 2
Цельт Иоганнес (ГДР) — О деятельности Русской секции Коммунистической партии Германии (1920 г.) . . . . . № 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История СССР

Алексашенко А. П., Василенко В. С., Костенко А. Я.— Новый труд по истории Украинской ССР . . . . . № 4
Борисов Ю. С., Булыгин И. А., Залесский С. А.— «История Минска» . . . . . № 2
Голуб П. А.— Об ошибках в книге о роли солдатских масс в революции . . . . . № 8
Гольденберг Л. А.— Краткий обзор картографических источников XVIII в. по истории Северной войны (1700—1721 гг.) № 11
Грунт А. Я., Поляков Ю. А., Коваленко Д. А.— Сборники статей, изданные к 40-летию Октябрьской социалистической революции Московским государственным университетом . № 4
Гусев Д. И.— С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры . . . . . № 1
Жарихин Л. С.— П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции . . . . . № 3
Зильберман А. О.— «Библиография русской библиографии по истории СССР» . . . . . № 3
Иванов Л. М., Гиндин И. Ф.— «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» . . . . . № 10
Николаева А. Т.— «История советского общества в воспоминаниях современников. 1917—1957. Аннотированный указатель мемуарной литературы» . № 10
Новицкий Г. А.— «Вопросы истории религии и атеизма». Сборник статей . . . . . № 12
Протопопов А. С.— В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами) . . . . № 12
Пушкарев Л. Н.— А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники . . . . . № 4
Рожкова М. К.— Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. II № 9
Семенов Н., Чикин Н.— С. Ф. Найда. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР . . . . . № 3
Сивков К. В.— П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. . . № 1
Сидоренко С. А. (Челябинск) — Сборники документов по исто-

рии борьбы за власть Советов в Сибири . . . . . № 5
Сладкевич Н. Г. (Ленинград) — И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки) . . . № 7
Совокин А. М.— Хроника Великого Октября . . . . . № 7
Соловьев О. Ф.— П. М. Кемп. Индия—Русь . . . . . № 9
Стишов М. И., Шелестов Д. К.— О некоторых вопросах изучения истории борьбы за власть Советов в Сибири в 1917—1920 гг. . . . . № 6
Титов Ю. П.— Из истории борьбы Военно-революционного комитета и Всероссийской чрезвычайной комиссии с контрреволюцией . . . . . № 9
Троицкий С. М. — П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века . . . . . № 7
Чернявский У. Г.— Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде (1941 год) . . . . . № 4

Всеобщая история

Ананова Е. В. — П. П. Севостьянов. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 гг.) . . . . . № 9
Виноградов К. Б. (Ленинград), Корнеев А. С. (Ленинград), Кузьмин М. Н. (Ленинград), Стецкевич С. М. (Ленинград) — «Новая история». Том второй. 1789—1870 . . . . . № 11
Волков Ф. Д. — В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии . . . . . № 9
Галкин И. С. — В. В. Готлиб. Очерки секретной дипломатии в период первой мировой войны № 8
Гандев Х. (Болгария) — «Всемирная история». Т. IV . . № 8
Гуревич Б. П., Степанов Е. Д — Ценные документы о развитии международных связей Китайской Народной Республики . . . . . № 4
Гутнова Е. В. — А. И. Данилов Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. . . . . № 5
Ерофеев Н. А. — Е. Б. Черняк. Демократическое движение в Англии. 1816—1820 . . . . . № 12
Ефимов Г. В. (Ленинград), Люблинская А. Д. (Ленинград), Мавродин В. В. (Ленинград), Миклуха-Маклай Н. Д. (Ленинград), Новичев А. Д. (Ленинград), Разумовская Л. В. (Ленинград) — «Всемирная история». Т. III . . . . . № 6
Захер Я. М. (Ленинград), Лотте С. А. (Ленинград)—Джордж Рюде. Толпа во французской революции . . . . . № 12
Калениченко П. М. (Киев), Кундюба И. Д. (Киев) — «История Польши». В трех томах. Т. III . . . . . № 11
Калюжная Н. М.— Новая книга о борьбе китайского народа против империалистов . . . № 2
Кишкин Л. С.— Зденек Урбан Из истории чешско-болгарских культурных связей . . . . . № 1
Кочетов В. П.— Г. П. Куропятник. Захват Гавайских островов США . . . . . № 12
Мюллер А. А. — «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции» . . . . . № 7
Попов В. К.— Грубые ошибки в книге об американской интервенции в Советской России (Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией) . . . . . № 1
Сергеев В. Н.— Новый журнал по истории немецкого рабочего движения . . . . . № 7
Сидоров М. А.— «Русско-индийские отношения в XVII веке» № 12
Степанов А. И.— Книги об антифашистском движении Сопротивления в Германии в годы второй мировой войны . . . № 10
Тихвинский С. Л. — Мэри Клэбоу Райт. Последнее сопротивление китайского консерватизма. Реставрация Тунчжи. 1862—1874 . . . . . № 3
Фурсенко А. А. (Ленинград) — Г. В. Ефимов. Внешняя политика Китая 1894—1899 гг. . . № 12
Шаскольский И. П. (Ленинград) — «Скандинавский сборник» . . . . . № 12
Яковлев Н. Н.— Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор . . . . № 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Альтман В В.— В группе по изучению революционной ситуации в России в 1850—1860-х годах . . . . . № 10
Анашкин И. Д.— Рукописные собрания Государственного архива Калининской области № 11
Антонов Ю. П., Николаев Г. Н.— Научная сессия, посвященная Н. К. Крупской . . № 9
Ассатурова М. И.— Общее собрание Отделения исторических наук . . . . . № 6
Бажова А. П.— Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы . . . . . № 4
Бажова А. П.— Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению при-

соединения Средней Азии к России . . . . . № 8
Байков В. С., Вадеев О. В.— Новые книги Госполитиздата по вопросам внешней политики СССР и международных отношений . . . . . № 11
Бем Ю. О.— План научно-исследовательских работ Отделения исторических наук АН СССР на 1959 год . . . . . № 2
Бем Ю. О.— Работа историков, археологов и этнографов в филиалах Академии наук СССР в 1958 году . . . . . № 6
Березин В. Т.— Читательская конференция в Московской высшей партийной школе . . № 9
Бирон А. К. (Рига) — Конференция читателей журнала «Вопросы истории» . . . № 2
Борисов Л. П.— Обсуждение перспективного плана работы редакции журнала «Вопросы истории» на 1959—1965 годы . № 11
Бровцинов П. А.— План научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1959—1965 годы . . № 11
Бычков П. И.— Некоторые итоги и перспективы работы Соцэкгиза № 12
В филиалах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС . . № 7
Гаврилов Ф. А., Тимофеев К. А.— Всероссийское совещание по вопросу об историческом образовании в восьмилетней и средней школе . . . . № 6
Григорьев Ф. Г.— Конференция читателей журнала «Вопросы истории» в Военно-политической академии имени В. И. Ленина . . . . . № 8
Долдобанова Н. А.— Общее собрание археографической комиссии . . . . . № 6
Иванов В. Б.— «Советская историческая энциклопедия» . № 11
Игнатошвили Т. В.— В Институте истории партии МК и МГК КПСС . . . . . № 3
Иоффе А. Е.— Конференция историков в Баку . . . . . № 6
Иткин М. Л., Вайсборд Э. А., Инглези Р. М., Соленникова А. А.— О состоянии и задачах советской исторической библиографии . . . . № 6
К восьмидесятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина № 9
Копылов А. Н.— Заседание археографической комиссии при Отделении исторических наук Академии наук СССР . . № 1
Королева Н. А.— В комиссии по истории исторической науки при Институте истории АН СССР . . . . . № 9
Курылев Ю. И.— Историческая наука в Марийской республике между XX и XXI съездами КПСС и перспективы ее развития в 1959—1965 годах . . № 10
Лаверычев В. Я.— О плане научной работы исторического факультета Московского государственного университета на 1959—1965 годы . . . . № 10
Майоров С. М.— Литература Госполитиздата, посвященная XXI съезду КПСС . . . . . № 5
Мерперт Н. Я.— Семилетний план работы Института археологии АН СССР . . . . . № 11
Некрасова И. М.— Научная сессия в Нальчике . . . . № 12
Николаев Н. А.— О постановке исторического образования в средней школе . . . . . № 5
Ознобишин Д. В.— Некоторые новые документы о взаимоотношениях Временного правительства России с правящими кругами США . . . . . № 1
О работе исторических факультетов государственных университетов . . . . . № 7
О работе исторических факультетов государственных университетов . . . . . № 10
О работе исторических факультетов государственных университетов . . . . . № 11
О работе исторических факультетов государственных университетов . . . . . № 12
Павлов Н. С.— Обсуждение итогов работы институтов востоковедения и китаеведения Академии наук СССР за 1958 год . . . . . № 4
Пенчковская С. М.— О работе журнала «Исторический архив» . . . . . № 10
Салмина М. А. (Ленинград), Сарафанова Н. С. (Ленинград) — IV всесоюзное совещание по древнерусской литературе № 12
Седов К. И.— Коллоквиум о состоянии изучения в странах народной демократии истории Октябрьской революции . . . № 4
Семенов И. И.— Конференции читателей журнала «Вопросы истории» . . . . . № 7
Сергеев С. М.— Научная сессия, посвященная 40-летию Коминтерна . . . . . № 6
Сидоров Н. К.— Конференция читателей журнала «Вопросы истории» в Ленинграде . . . № 8
Синицин А. М.— О работе Института истории Академии наук СССР в 1958 году . . . . № 5
Синицин А. М.— О структуре и содержании исторического образования в средней школе № 8
Синицин А. М.— Семилетний план научно-исследовательской работы Института истории Академии наук СССР на 1959—1965 годы . . . . . № 10
Смирнова Л. И.— Против бур-

жуазной фальсификации истории СССР . . . . . № 7
Соколов О. Д.— Новые материалы о распространении идей I Интернационала в России . № 1
Федосеев И. А.— Семилетний план исследований Института истории естествознания и техники АН СССР . . . . № 9
Хайченко Г. А.— Институт истории искусств в предстоящем семилетии . . . . . № 10
Шептунов И. М.— Семилетний план научно-исследовательских работ Института славяноведения АН СССР (1959—1965 гг.) . . . . . № 8
Шурбованый Г. П.— Общее собрание Отделения исторических наук АН СССР . . . . № 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Богуцкая М. (Польша), Жерновский Я. (Польша) — Исторические научные учреждения в Польше . . . . . № 6
Занегин Б. Н., Константинов Н. К.— XII Международная конференция по проблемам китаеведения . . . . . № 11
Зарубежные историки приветствуют программу развернутого коммунистического строительства в СССР . . . . . № 2
Иванов Ю. Ф. (Тамбов) — Некоторые вопросы аграрных отношений в Чехии XVI—XVIII вв. на страницах журнала «Československý časopis historický» (1957—1958 гг.) . № 7
Константинеску-Яшь П., академик, председатель Отделения исторических наук Академии РНР — Деятельность румынских историков в 1958 году . . . . . № 12
Косев Д., член-корреспондент Болгарской АН, директор Института истории БАН — Обзор работ болгарских историков за 1958 год . . . . . № 9
Крылов Н. Н.— Новый труд по истории Соединенных Штатов Америки . . . . . № 10
Мацек Йозеф, член-корреспондент Чехословацкой Академии наук, директор Института истории Чехословацкой АН—Обзор работ чехословацких историков за 1958 год . . . . . № 11
Нежинский Л. Н.— Юбилейная научная сессия в Будапеште . . . . . № 7
Новиков Н. Н.— О некоторых вопросах идеологической работы в странах народной демократии . . . . . № 12
О пятилетних планах крутого подъема научной работы институтов истории Академии наук Китая № 1
Оцетя А., академик, директор Института истории Академии наук РНР — Обзор работ румынских историков за 1956—1958 годы . . . . . № 10
Петров Н. Н.— Издания по истории в Чехословакии в 1959 году . . . . . № 1
Пигулевская Н. В., член-корреспондент АН СССР (Ленинград) — XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене . . . . . № 8
Редакция журнала «Лиши яньцзю»— Современное состояние исторической науки в Китае . № 1
Ротштейн А. (Англия) — К 150-й годовщине со дня смерти Томаса Пэйна . . . . . № 10
Созин И. В.— Сорокалетие Коммунистической партии Польши . . . . . № 3
Тихвинский С. Л.— Навстречу XII международной конференции синологов в Кембридже № 6
Фасс Йозеф (Чехословакия) — Изучение истории Китая в Чехословакии . . . . . № 11
Шевяков А. А.— Празднование 100-летия Румынского национального государства . . . . № 6
Шильферт Г. (ГДР) — 24-я конференция Общества историков Германии в Трире . . № 3

Проект плана работы журнала «Вопросы истории» на 1959—1965 годы . . . . . № 8

Горев Л. А.— Письмо в редакцию . . . . . № 7
Открытое письмо советским историкам . . . . . № 8
От редакции . . . . . № 7
Письма в редакцию . . . . . № 8
О конкурсе на соискание премии Академии наук СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая в 1960 году . . . . . № 11

НЕКРОЛОГИ

Глеб Максимилианович Кржижановский . . . . . № 4
Александр Игнатьевич Андреев . № 8
Владимир Николаевич Дьяков . № 8
Евгений Алексеевич Косминский . № 9
Александр Ильич Тюменев . . № 9
Илья Николаевич Бороздин . . № 12

内 容

論 文

談苏联工人階級史的研究…达·阿·巴耶夫斯基，謝·拉·盖尔什别格，阿·瓦·米特罗法諾娃
俄国无产阶級在1914—1916年的革命斗爭……伊·伊·明茨院士
波尔塔瓦的胜利……柳·格·别斯克罗夫內
东方与米凱內……亚·伊·秋麦涅夫院士（列宁格勒）
德国共产党在法西斯专政初期創立反法西斯統一战綫的斗爭……沃·謝·基斯里亚科夫

編 史 学

1956—1958年"西美历史杂志"概論……約·罗·拉弗里茨基

情 报

烏拉尔党組織在伟大卫国战爭初期巩固动力基地的斗爭（1941—1942年）…亚·菲·瓦西里耶夫
农民私有主在欧俄人口中比重的改变（十八世紀到十九世紀前半叶）……尼·米·什普科夫
契尔內舍夫斯基和約翰·布拉翁的宪法……伊·彼·德明齐耶夫

書 評

历史科学在苏联

納尔奇克的科学会議……伊·瑪·涅克拉索娃
第四次全苏古代俄罗斯文学会議……瑪·亚·薩尔密娜（列宁格勒），尼·謝·薩拉法諾娃（列宁格勒）
論国立大学历史系的工作
国立社会經济学出版局的工作的若干总結和前景……彼·伊·貝契科夫

历史科学在海外

1958年罗馬尼亚历史学家的活动…罗馬尼亚科学院历史学部主席 彼·康士坦丁涅斯庫—雅什院士
談人民民主国家思想工作上的若干問題……尼·尼·諾維科夫

伊里雅·尼古拉耶維奇·沃罗兹丁

[1959年"历史問題"杂志上发表的論文和書評索引]

CONTENTS

Articles: **D. A. Bayevsky, S. R. Gershberg** and **A. V. Mitrofanova.** The Study of the History of the Soviet Working Class; **Academician I. I. Mints.** The Russian Proletariat's Revolutionary Struggle in 1914-16; **L. G. Beskrovny.** The Poltava Victory; **Academician A. I. Tyumenev** (Leningrad). The East and the Mycenaeans; **V. S. Kislyakov.** The German Communist Party's Struggle for a United Anti-Fascist Front in the Early Years of Fascist Dictatorship. Historiography: **I. R. Lavretsky.** A Review of "The Hispanic-American Historical Review" for 1956-58. Reports: **A. F Vasilyev.** The Ural Party Organizations' Struggle for Development of Energetics in the Early Phase of the Great Patriotic War (1941-42); **N. M. Shepukova.** The Change in the Proportion of Peasant Serfs to the Population of European Russia (1700-1850); **I. P. Dementyev.** N. G. Chernyshevsky and John Brown's Constitution. Historical Science in the USSR: **I. M. Nekrasova.** The Scientific Session in Nalchik; **M. A. Salmina and N. S. Sarafanova** (Leningrad). The Fourth All-Union Conference on Ancient Russian Literature; On the Work Done by the History Departments of State Universities; **P. I. Bychkov.** Some Results and Prospects of the Work Done by the State Publishers of Social Economic Literature. Historical Science Abroad: **Academician P. Constantinescu-Jaşi, Chairman of the History Department of the Rumanian Academy of Sciences.** The Activity of Rumanian Historians in 1958; **N. N. Novikov.** A Propos of Ideological Work in the People's Democracies. Obituary: **I. N. Borozdin.** Alphabetical Index of Articles and Reviews Published in 1959.

SOMMAIRE

Articles: **D. A. Baevski, S. R. Guerchberg, A. V. Mitrophanova.** A propos des études de l'histoire de la classe ouvrière soviétique; **I. I. Mints, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Lutte révolutionnaire du prolétariat de la Russie en 1914-1916; **L. G. Beskrovny.** Victoire de Poltave; **A. I. Tuménev, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** (Léningrad). Orient et Mycène; **V. S. Kislyakov.** Lutte du Parti Communiste de l'Allemagne pour la création du front antifasciste uni pendant les premières années de la dictature fasciste. Historiographie: **I. R. Lavretsky.** Aperçu de la revue « The Hispanic-American Historical Review » pour 1956-1958. Communications: **A. F. Vassiliev.** Lutte des organisations du Parti de la région de l'Oural pour l'affermissement de la base énergétique pendant la première période de la Grande Guerre Nationale (1941-1942); **N. M. Chépoukova.** Changement de la place de la paysannerie privée au sein de la population de la Russie Européenne (XVIII — première moitié du XIX); **I. P. Démentiev.** N. G. Tchernichewsky et la constitution de John Brown. Science historique en U.R.S.S.: **I. M. Nekrassova.** Une séssion scientifique à Naltchik; **M. A. Salmina** (Léningrad), **N. S. Saraphanova** (Léningrad). La IVe conférence de l'union relative à la littérature de l'ancienne Russie; Sur le travail des facultés historiques des Universités de l'Etat; **P. I. Bytchkov.** Quelques bilans et perspectives du travail des Editions de l'Etat sociales économiques. Science historique à l'étranger: **P. Constantinescu-Iasi, de l'Académie, Président de la Section des sciences historiques de l'Académie de la R.P.R.** Activité des historiens roumains en 1958; **N. N. Novikov.** Quelques questions du travail idéologique aux pays de la démocratie populaire. Nécrologie: Ilya Nikolaévitch Borozdin. Index alphabétique de la revue pour l'année 1956.

INHALT

Beiträge: **D. A. Bajewski, S. R. Gerschberg, A. W. Mitrofanowa.** Zum Studium der Geschichte der sowjetischen Arbeiterklasse; **Mitglied der Akademie I. I. Minz.** Der revolutionäre Kampf des Proletariats in Rußland 1914—1916; **L. G. Beskrowny.** Der Sieg bei Poltawa; **Mitglied der Akademie A. I. Tjumenew** (Leningrad). Osten und Mykene; **W. S. Kisljakow.** Der Kampf der Kommunistischen Partei Deutschlands um die antifaschistische Einheitsfront in der ersten Zeit der faschistischen Diktatur. Historiographie: **I. R. Lawrezki.** Die Übersicht der „The Hispanic-American Historical Review" (1956—1958). Mitteilungen: **A. F. Wassiljew.** Die Parteiorganisationen des Urals im Kampf für die Festigung der energetischen Basis in der ersten Periode des Großen Vaterländischen Krieges (1941—1942); **N. M. Schepukowa.** Die Veränderung des Anteils der bäuerlichen Eigentümer an der Bevölkerungsziffer des Europäischen Rußlands (18. Jahrhundert bis 19. Jahrhundert); **I. P. Dementjew.** N. G. Tschernyschewski und die Verfassung von John Brown. Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **I. M. Nekrassowa.** Wissenschaftliche Tagung in Naltschik; **M. A. Salmina** (Leningrad), **N. S. Sarafanowa** (Leningrad). Die IV. Unionstagung über die altrussische Literatur; Die Tätigkeit der historischen Fakultäten der Staatsuniversitäten; **P. I. Bytschkow.** Einige Ergebnisse und Perspektiven der Tätigkeit des Staatsverlags für sozial-ökonomische Literatur. Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **Mitglied der Akademie P. Constantinescu-Iaşi, Vorsitzender der Abteilung für Geschichtswissenschaften der Akademie der Rumänischen Volksrepublik.** Die Tätigkeit der rumänischen Historiker 1958; **N. N. Nowikow.** Einige Fragen der ideologischen Arbeit in den volksdemokratischen Ländern. Nachruf für Ilja Nikolajewitsch Borosdin. Alphabetisches Verzeichnis des Jahrganges 1959.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.
А 08854. Подписано к печати 18/XI 1959 г. Тираж 28 200 экз.
Изд. № 1722. Заказ № 2636. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журнал

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Орган Института истории Академии наук СССР

Журнал освещает вопросы истории зарубежных стран нового и новейшего времени. В нем публикуются научные статьи и сообщения советских историков, а также прогрессивных ученых зарубежных стран.

На страницах журнала разрабатываются проблемы истории стран Европы и Америки, а также стран Центральной и Юго-Восточной Европы, освещаются вопросы истории международного рабочего движения, общественных идей, международных отношений и др.

Журнал систематически публикует материалы в помощь преподавателям новой и новейшей истории. В журнале печатаются документы и архивные материалы, а также критические обзоры и рецензии на работы советских и зарубежных авторов, информация о научной жизни в СССР и за рубежом.

Журнал рассчитан на научных работников, преподавателей высших и средних учебных заведений, аспирантов, студентов исторических факультетов, лекторов и пропагандистов и на широкие круги советской интеллигенции.

Подписка принимается для СССР — местными отделениями Союзпечати, для заграницы — Всесоюзным объединением «Международная книга», Москва, 200.

Журнал выходит один раз в два месяца.

Подписная цена: на шесть месяцев — 30 руб.,
на год — 60 руб.

Цена 7 руб.

НОВЫЕ КНИГИ СОЦЭКГИЗА

Литература по истории СССР

САЙРАНОВ Х. **Дружба рождалась в борьбе.** 1959 г. 168 стр. Цена 2 руб.

Эта книга посвящена выдающимся событиям в жизни башкирского народа. В ней рассказывается о создании в 1919 году Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, о мероприятиях Коммунистической партии и Советского правительства по политическому и экономическому укреплению Советской Башкирии в течение первых лет ее существования и в восстановительный период.

На конкретном материале автор показывает, как в тяжелых условиях гражданской войны и в совместной борьбе против Колчака рождалась дружба башкирского и русского народов. В книге уделяется большое внимание братской помощи трудящимся Башкирской республики со стороны народов нашей страны, и прежде всего русского народа. В заключение работы автор говорит о достижениях башкирского народа за сорок лет Советской власти.

Изучение богатого опыта установления социалистических взаимоотношений между народами Советского Союза будет служить воодушевляющим примером для трудящихся колониальных и зависимых стран. Книга хорошо иллюстрирована.

Литература по истории международных отношений

Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. Коллектив авторов. 1959 г. 312 стр. Цена 7 р. 80 к.

В сборнике подробно рассматриваются империалистические противоречия между Германией, США, Англией и Японией в период между двумя мировыми войнами и особенно накануне второй мировой войны. Авторы сборника — научные сотрудники Института мировой экономики и международных отношений — на основе архивных материалов, а также материалов зарубежных и советских исследований и публикаций приводят интересные данные о японо-германских отношениях, о провале попыток франко-германского экономического сближения во второй половине 20-х годов, об англо-германском экономическом соперничестве на внешних рынках, об американо-английских империалистических противоречиях.

В вводной статье сборника в сжатой форме изложены основные направления империалистических противоречий на первом этапе общего кризиса капитализма.

БАГИНЯН К. **Борьба Советского Союза против агрессии.** 1959 г. 288 стр. Цена 7 р. 85 к.

Книга посвящена наиболее актуальному вопросу современности — борьбе народов за всеобщий мир и международную безопасность.

В работе дан обзор исторических фактов и документов, отражающих стремление Советского правительства и народов СССР к миру. Среди международно-правовых проблем, исследуемых в работе, особый интерес представляют такие вопросы, как определение понятия вооруженной агрессии и различных видов насилия, не связанных с применением вооруженной силы, международные санкции против агрессора, военные действия государств в порядке самообороны, понятие нейтралитета и др.

При написании книги автор широко использовал произведения русских и советских авторов, труды ученых зарубежных стран, тексты международных договоров и соглашений, а также материалы международных конференций, официальные документы Лиги наций и Организации Объединенных Наций.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. **Статьи и речи по вопросам международной политики.** 1959 г. 432 стр. Цена 6 р. 90 к.

А. В. Луначарский — блестящий оратор и публицист, литературный критик и искусствовед, ученый и государственный деятель, поставивший весь свой многогранный талант на службу русскому и международному пролетариату. В последние годы своей жизни Луначарский был на дипломатической работе. На Женевской конференции по разоружению он являлся заместителем главы советской делегации.

Статьи, речи, письма и другие материалы Луначарского по вопросам внешней политики мало известны советским читателям. Данный сборник восполняет этот пробел в нашей литературе.

Большой интерес представляют материалы о Женевской конференции по разоружению. В своих ярких речах Луначарский разоблачал преступные замыслы империалистов, старавшихся разговорами о разоружении замаскировать гонку вооружений. Много внимания Луначарский уделяет рассмотрению деятельности Лиги наций.

Материалы книги представляют интерес для широкого круга читателей и особенно для лиц, интересующихся вопросами внешней политики.

СОЛОВЬЕВ Ю. **Воспоминания дипломата.** 1959 г. 416 стр. Цена 8 р. 05 к. (Второе издание).

Мемуары Ю. Я. Соловьева (1872—1934) состоят из двух частей. Первая — «Двадцать пять лет моей дипломатической службы (1893—1918 гг.)», вторая часть — «Мадрид — Москва (1918—1922 гг.)» — извлечена из личного архива автора и публикуется впервые. Ю. Я. Соловьев работал в шести странах, служил при десяти министрах иностранных дел. Октябрьская революция застала автора на посту поверенного в делах России в Мадриде. Мужественно и открыто он встал на службу советскому народу. Автор приводит чрезвычайно интересные факты об открытой и закулисной деятельности правящих кругов России, министерства иностранных дел и русских послов за границей.

Книга написана хорошим литературным языком.

Перечисленные книги можно купить в магазинах книготорга.

«СОЮЗКНИГА»